

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2022 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 17

№ 1–2

Главный редактор журнала

Елена Семёновна Узёнова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Кирилл Алексеевич Попов
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Научная редакция

Светлана Ивановна Данченко
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ольга Сергеевна Каштанова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Андреевна Леонтьева
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Наталья Александровна Лунькова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ксения Валерьевна Мельчакова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Пётр Владимирович Мошечков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Татьяна Ивановна Чепелевская
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Оксана Анатольевна Запека
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Елена Николаевна Ковтун
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Андреевич Колосков
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Константин Владимирович Никифоров
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Владимир Яковлевич Петрухин
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Аркадьевна Плотнокова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Андрей Николаевич Соболев
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Ольга Александровна Туфанова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
Артём Акопович Улуняч
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ольга Владимировна Хаванова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционный совет

Дёрдь Бебешти
Печский университет, Печ, Венгрия
Алеш Заржицкий
Остравский университет, Острава, Чехия
Наталия Корина
Венский университет, Вена, Австрия
Христина Марку
Фракийский университет имени Демокрита,
Комотини, Греция
Пенка Пейковска
Институт истории Болгарской академии наук,
София, Болгария
Сузана Раич
Белградский университет, Белград, Сербия
Витторิโอ Томеллери
Туринский университет, Турин, Италия
Штефан Трёбст
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия
Сандра Хаджихалилович
Задарский университет, Задар, Хорватия

Редакторы (русский язык)

Ирина Семёновна Пекунова
Валерия Станиславовна Кучко

Редактор-корректор (английский язык)

Кристофер Уолш

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

SLAVIC WORLD

2022 IN THE THIRD
MILLENNIUM

Volume 17

Issue 1–2

Editor-in-Chief

Elena S. Uzeneva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Executive Editor

Kirill A. Popov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant Editors

Tatyana I. Chepelevskaya
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Svetlana I. Danchenko
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga S. Kashtanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anna A. Leontyeva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Natalia A. Lunkova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ksenia V. Melchakova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Petr V. Moshechkov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial Board

Olga V. Khavanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Evgenii A. Koloskov
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Elena N. Kovtun
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Konstantin V. Nikofofov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir Ya. Petrukhin
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anna A. Plotnikova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey N. Sobolev
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg

Olga A. Tufanova
A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Artyom A. Ulunyan
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Oksana A. Zapeka
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Advisory Board

György Bebesi
University of Pécs, Pécs, Hungary

Sandra Hadžihalilović
University of Zadar, Zadar, Croatia

Natalia Korina
University of Vienna, Vienna, Austria

Christina Markou
University of Thrace, Komotini, Greece

Penka Peykovska
Institute for Historical Studies,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Suzana Rajić
University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Vittorio S. Tomelleri
University of Turin, Turin, Italy

Stefan Troebst
Leipzig University, Leipzig, Germany

Aleš Zářický
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Russian Language Copy-Editors

Irina S. Pekunova
Valeria S. Kuchko

English Language Copy-Editor

Christopher Walsh

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Сергей Николаевич Мешеряков*
Воислав Илич: поэзия противоречий и синтеза 9
- Алексей Юрьевич Колянов*
Образ города в романах Иржи Карасека из Львовиц 24
- Дарья Александровна Завельская*
Тени и свет сказочного мира: романтический образ
и романтический топос в творчестве Е. Л. Шварца 37
- Милана Живанович*
Научный работник в области космического права
Михаил Сергеевич Смирнов 53
- Александр Викторович Гура*
Лужицко-восточнославянские параллели
из области народной демонологии 72
- Александр Александрович Пивоваренко,
Глеб Петрович Пилипенко*
Языковая ситуация в итальянской общине города Копер (Словения):
данные полевого исследования 94
- Максим Максимович Макарцев,
Наталья Игоревна Кикило*
Некоторые тенденции в морфосинтаксисе
переселенческих штокавских диалектов в Албании (Шияк и Мюзекея)
и славяно-албанский языковой контакт 120

Публикация исторических документов

- Андрей Владиславович Ганин*
Д. Н. Тихобразов.
«Ближайшей целью моей было избавиться от служения
украинскому сепаратизму». Воспоминания о событиях на Украине
в конце 1918 — начале 1919 г. 142

О времени и о себе

- «Я всегда работала с полной отдачей сил...».
Интервью с Татьяной Андреевной Покивайловой.
19.10.2021. Москва, Институт славяноведения 160

Дискуссионная платформа

- «Говоря о другом, описывая другого,
наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем».
Интервью Екатерины Михайловны Болтуновой
с Марией Войтговной Лескинен 195

Рецензии и обзоры*Владимир Яковлевич Петрухин*

Sources of Slavic Pre-Christian Religion / ed. J. A. Alvarez-Pedroza.

Leiden; Boston: Brill, 2021. 548 p.

ISBN 978-90-04-44061-6 213

Евгений Андреевич Колосков

Pettifer J., Vickers M. Lakes and Empires in Macedonian History:

Contesting the Waters. London: Bloomsbury Academic, 2021. 240 p.

ISBN 978-1-3502-2614-2 231

Хроника научной жизни*Ирина Александровна Седакова*

Болгарская конференция по этнологии социализма:

сенсорика будней и праздников 236

CONTENTS

Articles

<i>Sergey N. Mescheryakov</i> Vojislav Ilić: The Poetry of Contradictions and Synthesis	9
<i>Alexey Yu. Kolianov</i> The Image of the City in the Novels of Jiří Karásek ze Lvovic	24
<i>Darya A. Zavel'skaya</i> Shadows and Light of the Fairy-Tale World: Romantic Imagery and Romantic Topos in the Works of Evgeny Schwartz	37
<i>Milana Živanović</i> Space Law Researcher Mikhail Smirnov	53
<i>Aleksandr V. Gura</i> Sorbian-Eastern Slavic Parallels from the Field of Folk Demonology	72
<i>Alexander A. Pivovarenko,</i> <i>Gleb P. Pilipenko</i> The Language Situation among the Italian Community of Koper (Slovenia): Field Study Data	94
<i>Maxim M. Makartsev,</i> <i>Natalia I. Kikilo</i> Some Tendencies in the Morphosyntax of the Migrational Shtokavian Dialects in Albania (Shijak and Myzeqe) and Slavic-Albanian Language Contact	120

Publication of historical sources

<i>Andrey V. Ganin</i> Dmitry Tikhobrazov: “My Immediate Goal Was to Get out of Serving Ukrainian Separatism”. Reminiscences about the Events in Ukraine in Late 1918 – Early 1919	142
---	-----

Looking back on the past and the profession

Interview with Tatiana A. Pokivailova. 19 October 2021. Moscow, Institute of Slavic Studies	160
--	-----

Discussions

“SPEAKING OF THE OTHER, DESCRIBING THE OTHER, THE OBSERVER REPORTS MUCH MORE ABOUT HIMSELF”. Ekaterina Boltunova’s Interview with Maria Leskinen	195
--	-----

Reviews*Vladimir Ia. Petrukhin*Sources of Slavic Pre-Christian Religion / ed. J. A. Alvarez-Pedroza.
Leiden; Boston: Brill, 2021. 548 p. ISBN 978-90-04-44061-6 213*Evgenii A. Koloskov*Pettifer J., Vickers M. Lakes and Empires in Macedonian History:
Contesting the Waters. London: Bloomsbury Academic, 2021. 240 p.
ISBN 978-1-3502-2614-2 231**Chronicle of scientific life***Irina A. Sedakova*Bulgarian Conference on the Ethnology of Socialism:
The Senses in Everyday and Festive Life 236

ВОИСЛАВ ИЛИЧ: ПОЭЗИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ И СИНТЕЗА

Сергей Николаевич Мещеряков

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1, д. 1,
стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных
факультетов, Москва, 119991, Россия
Электронный адрес: pionerskaya@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5452-68-71

Аннотация

В статье рассматривается соотнесенность творчества Воислава Илича, крупнейшего сербского поэта конца XIX в., с различными литературными направлениями: классицизмом, романтизмом, реализмом, а также парнасско-символистской школой, так как по этому вопросу на протяжении ряда лет высказываются различные точки зрения. В. Илича признают преимущественно романтиком (Д. Живкович, Д. Витошевич), отмечают присущие ему черты классицизма, эстетизма и символизма, а также некоторую близость реализму и разрыв с романтизмом (И. Деретич) или признают и одновременно отрицают принадлежность Илича к любому из указанных направлений (М. Павич). Отмечается также синтетичность таланта Илича, хотя вопрос о ее природе не рассматривается (Р. Ф. Доронина). В данной статье точкой отсчета предстает романтическое начало в поэзии Илича и дальнейшее постепенное, обусловленное духом времени преодоление им романтических устремлений. Отказываясь от субъективности романтизма, поэт обращается к раннему опыту своего отца, известного поэта Йована Илича, то есть к опыту «объективной лирики» 20–40-х гг. XIX в., к опыту классицизма, понимаемого как проявление интереса к античной тематике, к антологической лирике. Обращение к античности, к культу осязаемой красоты, совершенство художественной формы сближало В. Илича с парнасцами, что закономерно вело в дальнейшем сербского поэта к символизму. В то же время В. Илич, в духе современного развития национальной литературы, обращается также к реализму, в том числе и к «фольклорному», к критике социальных основ окружающей действительности, к социальному пейзажу. Однако в целом пейзажная дескриптивная лирика В. Илича, часто воспринимаемая как проявление реалистических тенденций, означает в то же время возвращение к античной идиллии и тем самым сближается с поэзией парнасцев, которым был близок статичный идиллический пейзаж. В пейзажной поэзии В. Илича, его высшем творческом достижении, проявляется синтез субъективного и объективного начал, современности и античности, национальных традиций и опыта современной западноевропейской литературы.

Ключевые слова

Классицизм, романтизм, реализм, «Парнас», символизм, пейзажная лирика, античная идиллия

Статья поступила в редакцию 1 марта 2022 г.

Цитирование: Мещеряков С. Н. Воислав Илич: поэзия противоречий и синтеза // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 9–23. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.01>

VOJISLAV ILIĆ: THE POETRY OF CONTRADICTIONS AND SYNTHESIS

Sergey N. Mescheryakov

Ph. D., Associate Professor,
Department of Slavic Philology,
Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Leninskie Gory, GSP-1, 1-51,
1 Humanities Building, Moscow, 119991, Russia
E-mail: pionerskaya@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5452-6871

Abstract

This article deals with the correlation of the work of Vojislav Ilić, the most significant Serbian poet of the late nineteenth century, with various literary trends: classicism, romanticism, realism, and the Parnassian-Symbolist school. Various points of view have been expressed on this issue for a number of years. V. Ilić is recognised mainly as a romantic with some authors noting inherent features of classicism, aestheticism, and symbolism in his work (Dragiša Živković and Dragiša Vitošević), some noting a closeness to realism and a break with romanticism (Jovan Deretić), and others recognising and at the same time denying Ilić's belonging to any of these trends (Milorad Pavić). The syntheticity of Ilić's talent is also noted, although the question of its nature is not considered (Regina Friedrikhovna Doronina). In this article, the starting point is the romantic principle in Ilić's poetry and, owing to the spirit of the times, the further gradual overcoming of his romantic aspirations. Rejecting the subjectivity of romanticism, the poet turns to the early experience of his father, the famous poet Jovan Ilić, that is, to the experience of "objective lyrics" of the 1820s–40s. The appeal to antiquity, to the cult of tangible beauty, the perfection of the art form brought V. Ilić closer to the Parnassians, which naturally led the Serbian poet to symbolism. At the same time, V. Ilić, in the spirit of the modern development of national literature, also turns to realism, including "folkloric", to a critique of the social foundations of the surrounding reality, to the social landscape. However, in general, the landscape descriptive lyrics of V. Ilić, often perceived as a manifestation of realistic tendencies, mean at the same time a return to the ancient idyll, and thus the approach to poetry of the Parnassians, who were close to the static idyllic landscape. In the landscape poetry of V. Ilić, his highest creative achievement, a synthesis of subjective and objective principles, modernity and antiquity, national traditions and experience of modern Western European literature, is manifested.

Keywords

Classicism, romanticism, realism, "Parnassus", symbolism, landscape lyrics, ancient idyll

Received 1 March 2022

How to cite: Mescheryakov, S.N., 2022. Vojislav Ilić: poezija protivorechii i sinteza [Vojislav Ilić: The Poetry of Contradictions and Synthesis]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 9–23. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.01>

Воислав Илич (*Војислав Илић*) (1860–1894) — крупнейший сербский поэт конца XIX в., предтеча национального «модерна» (парнасско-символистской школы), породивший целое течение в сербской лирике («воиславизм»)¹. Его имя столь широко известно, что часто упоминается без фамилии. Такой чести в истории сербской литературы и культуры удостоились совсем немногие: Досифей Обрадович, Вук Стефанович Караджич, Десанка Максимович*.

В сербском литературоведении начиная с 1880-х гг. поэзии В. Илича посвящено множество работ², в нашей стране об Иличе в основном писала Регина Фридриховна Доронина³. При этом в сербском литературоведении принадлежность творчества В. Илича тому или иному литературному направлению до конца не выяснена. По мнению Йована Деретича, поэзия Илича в определенной мере близка реализму, но в первую очередь тяготеет к классицизму и эстетизму. Проявляются в ней также черты символизма. Помимо того, она представляется исследователю «реакцией на выродившийся романтизм»⁴.

С другой стороны, Драгиша Живкович убежден, что поэзия В. Илича была «в основе своей романтической»⁵. Драгиша Витошевич также полагает, что «Воислав Илич в душе был романтиком»⁶.

¹ См.: *Скерлић Ј. Војислав Илић // Скерлић Ј. Писци и књиге. Београд: Просвета, 1964. Т. III. С. 175; Витошевић Д. Српско песништво. 1901–1914. Београд: Вук Караџић, 1975. Т. I. (Глава «Војислав и војиславизам», с. 123–132); Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд: Нолит, 1983. (Глава «Војислав и војиславизам», с. 406–413).*

* Д. Обрадович (1739–1811) — крупнейший сербский просветитель, придавший национальной литературе светский характер; В. Ст. Караджич (1787–1864) — реформатор сербского языка, фольклорист, историк; Д. Максимович (1898–1993) — крупнейшая сербская поэтесса XX в.

² Йован Скерлич в работе «Воислав Илич» приводит более десятка исследований, посвященных Иличу только в 80–90-е гг. XIX в. См. также: *Павић М. Војислав Илић и европско песништво. Нови сад: Матица Српска, 1971; Idem. Војислав Илић, његово време и дело. Нови Сад: Матица Српска, 1972.*

³ *Доронина Р. Ф. Творчество Войслава Илича в жанрово-стилистической структуре сербской поэзии // Поэзия западных и южных славян и их соседей / под ред. Л. Н. Будаговой. М.: Индрик, 1996. С. 126–138; Она же. Сербская литература // История литератур западных и южных славян / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997. Т. II. С. 529–533; Она же. Русско-сербские литературные связи на рубеже XIX и XX веков. Воислав Илич и русская поэзия // Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А. В. Липатов. М.: Индрик, 2007. С. 113–127; Она же. Илич Воислав // Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. С. 146–148. См. также: *Станишич И. Воислав Илич и русская поэзия XIX в. // Восприятие русской культуры на Западе / отв. ред. Ю. Д. Левин, К. И. Ровда. Л.: Наука, 1975. С. 210–213; Карасева М. Л. Воислав Илич. Војислав Илић // Сербские поэты XX века / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Этерна, 2011. С. 50–53.**

⁴ *Деретић Ј. Историја српске књижевности. С. 408.*

⁵ *Živković D. Ilić Vojislav // Jugoslovenski književni leksikon / ured. Ž. Milisavac. Beograd: Matica Srpska, 1984. S. 257.*

⁶ *Витошевић Д. Српско песништво. Т. I. С. 123.*

И наконец, по мнению крупнейшего сербского писателя и литературоведа Милорада Павича, Илич «не был ни классицистом, ни романтиком, ни реалистом, ни парнасцем, ни символистом, потому что он был и тем, и другим, и третьим одновременно в течение неполных пятнадцати лет»⁷.

В работах Р. Ф. Дорониной также отражена неоднозначность и противоречивость творчества Воислава Илича. Так, с одной стороны, поэт предстает романтиком, о чем свидетельствовали «его гражданская лирика и сатира, к которым он обращался на протяжении всего своего недолгого творческого пути, и развитие которых шло в русле богатого в этом отношении опыта романтиков 60–70-х гг.»⁸. Романтические традиции проявлялись в устремленности Илича к легендам и героям. По словам Р. Ф. Дорониной, само мировосприятие поэта было романтическим.

С другой стороны, как отмечала Р. Ф. Доронина, Иличу было присуще «освобождение от канонов национального романтизма»⁹. При этом «антиромантические процессы в сербской поэзии, инспирированные творчеством Илича, затронули и патриотическую лирику»¹⁰.

Позже Р. Ф. Доронина обоснованно отмечала «синтетичность» таланта В. Илича, «соединившего в себе разные периоды в развитии сербской литературы (классицизм, реализм, «парнас») с выходом к символизму...»¹¹, что, впрочем, не отменяло вопроса о природе подобной «синтетичности», о специфике сочетания столь разнонаправленных тенденций.

Безусловно, сербский поэт, как отмечалось, был в душе романтиком, что не могло не найти отражения в его творчестве. Его жизнь также во многом напоминала жизнь крупнейшего сербского романтика Джуры Якшича (1832–1878). Как и Якшич, он рано потерял жену и детей. Как и Якшич, был «награжден» своей женой туберкулезом. Как и Якшич, вел беспорядочную, божественную жизнь. Как и Якшич, не признавая действительность, вступал в конфликты с властью. Как и Якшич, рано умер. Немаловажно и то, что В. Илич был женат на дочери Якшича.

При этом самое серьезное влияние на Воислава, как и на его братьев, также литераторов, Милутина, Драгутина и Жарко, оказал, по словам Драгутина, их отец, известный в свое время поэт Йован Илич (1823–1901). Вначале Й. Илич обращался к классицизму (Лукиан Мушицкий) и предромантизму (Сима Милутинович Сарайлия), однако впоследствии он пришел к так называемому «фольклорному» романтизму, сблизился с крупнейшим сербским поэтом-романтиком Бранко Радичевичем. При этом Й. Илич высоко ценил античную, европейскую литературу, восхищался Востоком и

⁷ Илић Војислав. Живи песници / приред. М. Павић. Београд: Нолит, 1964. С. 25.

⁸ Доронина Р. Ф. Творчество Войслава Илича... С. 126–127.

⁹ Там же. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Доронина Р. Ф. Сербско-русские литературные связи... С. 116.

воспел его лучше многих сербских поэтов-романтиков¹². Разносторонность интересов отца, очевидно, передалась сыну.

Наконец, общепризнано влияние на В. Илича его учителей В. А. Жуковского и особенно А. С. Пушкина, которого сербский поэт в юности воспринимал в романтическом ключе. В стихотворении «Барышне Н.» (1886) В. Илич писал, что ранее ему являлась «бледная Татьяна» и вслед за ней шел «романтический Ленский», что тогда он «боялся Онегина» и «хранил сердца жар». В дальнейшем, правда, романтическое мироощущение прошло как «сладкий сон», как «радостный возглас». «Плачевные» страсти (слово «плачевные» сам поэт берет в кавычки) давно исчезли, равно как и «бледный лик» пушкинской героини¹³.

Впрочем, отмечая недостижимость романтических идеалов, признавая их поражение в столкновении с суровой действительностью, Илич до конца от них не отказывался. Поэт и в последние годы своей жизни утверждает романтическое восприятие свободы, патриотизма, природы:

*Древнее войско утесов в небо вздымается гордо,
А над стремниной бьются в высях орлы с облаками,
Видя, как сплошь по ущельям Вардар терзают горы —
К морю Эгейскому рвется, в прах разбивая камни,
Сербской реки отвага!*

(«На Вардаре», 1889. Пер. Т. С. Шехановой)¹⁴

Романтический образ героического борца с османскими завоевателями возникает в стихотворении Илича «Вестник свободы» (1892), посвященном выдающемуся греческому поэту и патриоту Ригасу Ферсосу Валистинлису. Он был казнен турками, но победа врага была призрачна. Дух героя «реет на свободе», ибо в момент смерти «с тюремной башни сорвался орел могучий. // Опершись крылом о ветер, // Пробивался он сквозь тучи» (пер. Л. М. Длигача)¹⁵.

В романтическом, патриотическом духе в это время написаны стихотворения «На празднование Косовского пятисотлетия», «На могиле воеводы Дойчина в Солуни», «Разговор сербских детей с отчизной».

Конечно, романтические произведения подобного плана В. Илича вряд ли можно отнести к его высшим творческим достижениям. Хотя бы потому, что об этом в том же ключе уже писали сербские романтики: Джура Якшич, Йован Йованович Змай, Лаза Костич. Представляется, что романтическую

¹² См.: Деретић Ј. Историја српске књижевности. С. 328.

¹³ Подробнее об этом: Павић М. Војислав Илић и европско песништво. С. 224–226.

¹⁴ «На Вардаре» // Антология сербской поэзии / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Вахазар, 2008. С. 75.

¹⁵ Здесь и далее цит. по: Сербские поэты XX века. Комментированная антология / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Этерна, 2011.

поэзию Илича в большей мере выделяет интерес к Востоку, а также к теме времени и вечности — теме, в целом не близкой сербским романтикам.

Интерес к теме времени и вечности проявляется у Илича уже в молодости. В 1882 г. он пишет стихотворение «Дух прошлого» («Дух прошлости») о появлении в полночь «призрака умерших снов и яви».

*И тихой песней, и кротким небесным гласом
Он пробуждает давно прошедшие годы,
И звезды смиренно ему откликаются разом,
И песнь замирает на лоне природы...*

(Пер. мой. — С. М.)

Впоследствии, уже в конце своего творческого пути, В. Илич в стихотворении «Гимн веков» (1891) говорит о посещении лирическим героем «во сне или наяву» странного мира, где вдоль берега океана движутся торжественные похоронные процессии мужчин, женщин, детей...

*Молча они проходят, вечно во мраке блуждают,
Издавна — испокон —
Шумит океан ту песню угрюмую, что называют
Гимном темных веков.*

(Пер. А. Б. Базилевского)

Итак, романтические мотивы проявляются у Илича на протяжении всего его творческого пути. Однако точно так же выявляется и разочарование поэта в романтических идеалах. Они могут приземляться, снижаться, подвергаться насмешке. В стихотворении «Реалист» («Реалиста») (1891) бедный стихотворец ест черствый хлеб и живет с какой-то прачкой. Мечтает же он о своей соседке и о ней льет «безутешные слезы». Однако к его «ангелу» посватался какой-то «богослов», и теперь его «идеальная возлюбленная» (у Илича дословно: «идол») стала попадшей, чтобы «есть со своим попом просфоры и рожать поповичей». А «бедный стихотворец» будет вслух ругать любовь и тайно носить ее в сердце, пока смерть, подобная «ледяной сухой прозе», не достигнет его. И тогда глаза ему закроет «какая-нибудь Юльчи или Роза».

Разочарование, вызванное прозой жизни, дополнялось крахом исторических идеалов. В 1876 г. Сербия потерпела поражение в войне с Турцией, а потом приняла участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По условиям Сан-Стефанского мирного договора Сербское княжество обрело независимость и значительные территории. Берлинский конгресс (1878) принес Сербии дополнительные выгоды. В целом площадь Сербии увеличилась почти на 11 тыс. кв. км, а население — на 300 тыс. человек.

Казалось бы, налицо огромные достижения. Однако главные задачи — освобождение Косово и присоединение Боснии — решены не были. Более

того, Босния и Герцеговина были оккупированы Австро-Венгрией, что делало все сербские притязания на эти земли призрачными. Наконец, сербы очень болезненно восприняли успехи Болгарии, расценивая их как свое поражение, о чем писал еще Йован Скерлич. По словам критика, «патриоты после двадцати лет мечтаний ужаснулись мрачной действительности», тем более что вскоре наступил серьезный экономический кризис, в стране было подавлено Тимокское восстание (1883), и сербы потерпели поражение в войне с болгарями (1885)¹⁶.

Очевидно, что все это особенно негативно повлияло на молодое поколение. И Воислав Илич, оставаясь патриотом, уже не в силах был верить в счастливое близкое будущее, о чем так много писали романтики. И сама современная романтическая (или псевдоромантическая) поэзия, эмоционально необузданная, стилистически неприглядная, фактически компрометирующая национальные идеалы, уже вызывала насмешку. И неслучайно Илич в сатирическом стихотворении «Монолог молодого Слепчевича» (фамилия говорящая — «слепец», то есть человек, не желающий видеть истину) обличает стихоплета, пытающегося писать по заказу в соответствии, как он полагает, с «нужной» темой. При этом в ходе монолога происходит саморазоблачение героя. Он справедливо опасается, что его обвинят в плагиате («Раскритчатся люди, что краду у Якшича»), хочет найти что-то «страшное, ужасное и новое» (все романтические штампы), переживает, что «о грешных турках нет ни слова нынче» («турецкая» тема была крайне популярна у романтиков). В заключение автор уже от своего лица иронизирует над «старыми добрыми временами», «когда поэт сербский дар сгубить старался // И, напившись, часто под столом валялся».

Романтизм покоится на подчеркнуто субъективном видении мира, и при поиске новых путей художник закономерно должен был обратиться к «объективному» мировосприятию, а следовательно, к опыту сербской «объективной поэзии» 20–40-х гг. XIX в. от Лукиана Мушицкого до Йована Стерии Поповича, которая, впрочем, осталась всего лишь фактом литературной истории. И вряд ли можно вслед за Скерличем признать важнейшим достоинством Илича возвращение к подобной лирике.

Очевидно, что опыт «объективной поэзии» был знаком Воиславу Иличу: как отмечалось, его отец, Й. Илич, писал в свое время в подобном духе. Однако «объективность» В. Илича иного рода: она лишена присущих классицизму рационализма и дидактизма. Если исходить из того, что само непосредственное обращение к опыту античной литературы свидетельствует о принадлежности писателя к классицизму, тогда В. Илича можно назвать классицистом.

Вероятно, при взгляде на «классицизм» В. Илича следует прислушаться к высказыванию по этому вопросу Скерлича: «Особенно много у него анто-

¹⁶ Скерлић Ј. Писци и књиге. Т. III. С. 179.

логических стихотворений, вследствие чего Воислава Илича у нас считают в какой-то мере поэтом-классицистом»¹⁷. Сам критик, очевидно, от подобного утверждения несколько дистанцировался.

Гораздо ближе лирика В. Илича поэзии Парнаса. Важнейшим моментом здесь представляется обращение к античности, предполагающее и развернутое описание, основанное на ясности и объективности изображения, и поэтическое мастерство, позволяющее создать классическое по своей форме произведение, и утверждение Красоты как высшей ценности, порождающее принцип «искусства для искусства». Впрочем, многие эти моменты можно встретить и у Пушкина, а Илич Пушкина знал хорошо.

Обращение и парнасцев, и В. Илича к античности было вполне закономерным, ведь вся античная культура, по словам А. Ф. Лосева, «основана на принципе объективизма», «так как ничего кроме объективно существующего космоса нет»¹⁸.

При этом, продолжает А. Ф. Лосев, знакомый нам космос — «это уже не просто космос, а <...> произведение искусства <...> Сам термин “космос” указывает на лад, строй, порядок, красоту»¹⁹.

И далее: «Космос есть тело абсолютное и абсолютизированное. Оно само для себя определяет свои законы. А что такое человеческое тело, которое зависит лишь от себя, прекрасно только для себя и выражает только себя? Это — скульптура. Только в скульптуре дано такое человеческое тело, которое ни от чего не зависит. Так утверждается гармония человеческого тела»²⁰.

Любовь к прекрасной статуе, воплощению совершенства, присуща героям антологических произведений Илича. В стихотворении «Тибулл» (1881) «молодой квирит» замирает на ночь, пораженный прекрасным образом Венеры, и лишь к утру слышит голоса:

*Несчастный Тибулл наш, да хранят его боги!
Он камень целует студеной.*

(Пер. мой. — С. М.)

В стихотворении «Мраморный убийца» «бедный ваятель» Сильвио воплощает в мраморе вечный идеал прекрасной женщины, живущий с юности в его груди, и замирает потом перед своим произведением до самой ночи. А ночью статуя оживает и забирает себе душу героя. После этого «мраморный убийца» вновь возвращается на пьедестал, чтобы утром ожить и стать для римлян воплощением красоты и нравственного совершенства.

¹⁷ Скерлић Ј. Писци и књиге. Т. III. С. 211.

¹⁸ Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. С. 153.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Там же.

Величие, красота и трагизм античной цивилизации проявляются во многих стихотворениях Илича, таких, как «Нарцисс», «Пифия», «Нибоа», «Пред Троей», «Даная», «Смерть Перикла», «Смерть Катона». При этом античность противопоставляется христианству, и последнее может быть представлено крайне негативно. Й. Скерлич отмечает, что историко-философское восприятие христианства наиболее ярко раскрывается в стихотворении «Авгур», где описывается, как «вопящие дико орды» христиан вторгаются в Рим и подвергают его разграблению. Им противостоит авгур, воплощение мощи и нравственного величия:

*Тогда на пороге у храма великого бога
Явился авгур. Он огромен. Священная тога
Присобранным краем на левой руке возлегает;
Пророческим блеском глаза его ярко сверкают.
Он сам, как великий Сатурн, к королю подступает
И грудь встает, и десницу, грозя, поднимает...*

(Пер. В. В. Осипова)

Тенденциозность Илича здесь более чем очевидна и проявляется даже в отношении исторических фактов. Ворвавшиеся в 410 г. в Рим готы были арианами, а арианство уже на Никейском соборе (325 г.) было признано ересью и христианству не принадлежало. К тому же христианство уже официально было признано в Риме, и дикари-готы грабили не только языческие храмы, но и христианские базилики. Однако у поэта свое представление о христианстве и об античности, и историческая достоверность его не интересует. «Воислав Илич не ценил христианство...» — писал Скерлич²¹.

Вместе с тем в «антологической» поэзии Илича проявляются мотивы, напоминающие и о христианстве, и о романтизме. В стихотворении «Мраморный убийца» ожившая статуя говорит Сильвио, что предназначение его жизни исполнено в момент ее рождения «по воле самого Бога». Важно также, что в духе романтизма «небесный образ», «вечный идеал» всегда жил в душе Сильвио. И самое главное: ожившая статуя — воплощение не только вечной юности, но и «чистоты райской».

В духе романтизма написано и стихотворение «Коринфская гетера» (1889). Здесь, как и в случае с «Авгуром», В. Илич нарушает законы исторической достоверности. Трудно, а точнее, невозможно себе представить, чтобы в одном из храмов Августа, в присутствии императора, стремившегося ввести строгие нравственные законы, происходило нечто подобное оргии, когда «Толпы развратных женщин носятся с диким криком, // Их шелковые одежды на мраморный пол упали» (*пер. мой. — С. М.*).

У ног Августа, на золотых ступенях, сидит коринфская гетера и с любовью смотрит на него. В этот момент юноша по имени Ипоник, ранее лю-

²¹ Скерлич Й. Писци и књиге. Т. III. С. 211.

бивший свою гетеру Геллу, «страстно, безумно, дико ударил по струнам» лиры. Все, в том числе и Август, поражены «грозными» звуками, напоминающими пророчество. Женщины прикрываются руками и прячутся в темноте, ощущая присутствие Высшего Отца (серб. *najvišeg oca*) в «мрачном, развратном храме», а Гелла, увидев Ипонику, «безумно» летит к нему навстречу и умирает от потрясения.

Необходимо отметить, что это стихотворение было высоко оценено сербскими критиками. В начале XX в. Б. Попович включил его в свою «Антологию сербской лирики нового времени» (1911), которая считалась лучшей в сербской литературе, а Й. Деретич отмечал проявление в «Авгуре» «истинного чувства прекрасного» и «величия античного мира»²².

Очевидно, что и сюжет этого стихотворения у Илича в какой-то мере совпадает с сюжетом одного из самых известных романтических рассказов Дж. Якшича «Неверная Тияна». Там девушка из-за любви также предаёт свое отечество и счастливо живет в гареме турка, но впоследствии, столкнувшись со своим бывшим женихом и услышав слова обличения, кончает жизнь самоубийством.

Очевидно, что в стихотворениях Илича иногда соединяются два противоположных начала: субъективное — романтическое и объективное, напоминающее о традициях Парнаса. Представляется, что настоящий синтез романтических, патриотических, свободолюбивых настроений, с одной стороны, и устремлений эстетических — с другой, труднодостижим, и не случайно Пушкин в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» выделяет лишь гуманность и свободолюбие в качестве собственных заслуг перед народом. В первоначальном варианте было еще упоминание о «звуках новых».

Для Илича, как и для Пушкина, обе тенденции были важны и оправданы, и примирить их, насколько это возможно, он пытался при помощи иронии. В стихотворении «Два поэта» (1888) оба стихотворца пытаются проникнуть в рай, перечисляя при этом свои заслуги. Один утверждает, что он лучший, поскольку посвятил всю жизнь песням о свободе, другой же убежден в своем исключительном праве, поскольку дарил людям нежность и красоту. В конце концов Святой Петр пускает в рай обоих, так как они своим криком досадили даже Богу.

Переход от романтизма к парнасско-символистской школе был исключительно важен для сербской литературы, и в этом плане роль поэзии В. Илича трудно переоценить. Все историки литературы отмечают обращение В. Илича к модифицированному гекзаметру, предполагающему строгость, ясность стиля, требовательное отношение к слову. Р. Ф. Доронина справедливо отмечает, что Илич стремился к гармоническому, музыкальному стиху, избегал монотонности, однообразия. По ее словам, поэт

²² Деретич Ј. Историја српске књижевности. Зрењанин: Sezam book, 2011. С. 896.

во многом достигал этого благодаря чередованию строк удлиненных и укороченных, варьированию строф, обращению к дистиху²³. Большое влияние на совершенствование мастерства Илича оказали переводы «Илиады» Н. Гнедичем и «Одиссеи» В. Жуковским. «Тайна успеха Воислава Илича, главное достоинство его поэзии — это красота его стиха, мастерство его версификации», — писал Скерлич²⁴.

Однако гекзаметр в сербской литературе существовал и до Илича, и принципиальное новаторство сербского поэта, на наш взгляд, состояло в другом: в синтезе, а не в механическом соединении субъективного и объективного начал. В пейзажной лирике Илича («Зимнее утро», «Осень», «Первый снег» и др.), ставшей, по мнению всех исследователей от Й. Скерлича до Й. Деретича, высшим творческим достижением поэта, воплощением «очарования поэзии»²⁵, — обычный сельский пейзаж, картины обычной деревенской жизни, сохраняя свою неповторимость, в то же время напоминают читателю об античной идиллии. По мнению С. Леоваца, В. Илич, продолжая традиции Феокрита и Вергилия, а также ренессансной пасторали, подходит к поэзии парнасцев, которые виртуозно воспроизводили статичный идиллический пейзаж²⁶.

При этом у Илича нет традиционного сопоставления пейзажа и чувств героя: определенное настроение рождается при изображении самого пейзажа. Так, в стихотворении «Зимнее утро» (1884) описание природы и жизни села напоминает читателю о вечности и неизменности жизни, сближающей современность с античностью, а человека с окружающим миром:

*За ночь мороз прихватил ветки с листвою зеленой.
Мягкую шаль разостлал снег по полям и равнинам,
Выбелил кровли домов и отдаленные склоны
На горизонте пустынном.*

*Тихое дремлет село в утреннем сумраке дымном.
Будят его петухи яростным хлопаньем крыльев,
Зимнюю славу зорю звонким приветственным гимном.
Мрак поредел, обессилен.*

(Пер. В. А. Потаповой)

То же утверждение ценности обыденной, казалось бы, жизни звучит в стихотворении «Осень» (1883). Ощущение спокойствия, защищенности человека, собравшего богатый урожай и спокойно ожидающего наступления зимы, идиллическая картина жизни предстает и в этом стихотворении:

²³ Доронина Р. Ф. Творчество Войслава Илича... С. 130.

²⁴ Скерлић Ј. Писци и књиге. Књ. III. С. 222.

²⁵ Гавриловић З. Војислав Илић // Поезија от Војислава до Бојића / уред. Ј. Христић. Београд: Нолит, 1966. С. 45.

²⁶ Деретић Ј. Историја српске књижевности. С. 409.

*Как все манит вокруг! Этот старый очаг почерневший
И огонь, что вьется над ним. Вот туман покрывает равнины,
Насыщается влагою воздух. Просыпается древность сама,
Мир загадок и сказок старинных.*

(Пер. мой. — С. М.)

Очевидно, что быт здесь незаметно превращается в бытие, а лирика «антологическая» — в лирику «онтологическую», и в малом скрывается великое.

При этом подобная «описательная», «дескриптивная» пейзажная лирика сербского поэта, напоминающая о вечности, традиционно воспринималась критикой как «реалистическая», то есть объективно, «верно» воспроизводящая картину жизни.

Вместе с тем ряд пейзажных зарисовок у Илича, напоминающих о социальном пейзаже, действительно укладываются в рамки «реализма». В пользу реализма говорит и наличие социального пейзажа у Илича:

*Хмурится серое небо. Вьюнка иссохшие плети
Со старых оград оголенных к лужам сползают вяло.
Осень стелет на землю темное покрывало.
На сучьях остатки листьев угрюмый, промокший ветер
Изжевывает дотла.
И кажется, что природа сдалась, смертельно устала —
И тихо умерла...
Вот тащит гроб лошаденка. Ей трудно: сырая дорога
Засасывает колеса — тяжелые, как лемеха.
Бредут под дождем и люди, глядят смиренно и строго, —
И серая эта процессия так набожна, так убога,
Так скорбна, так тиха!..*

(«Хмурится серое небо...»). Пер. В. А. Кочагина)

Социальный пейзаж возникает и в стихотворениях «Хмурый день» (1886), «Поздней осенью» (1889). Здесь и «холодный дождь», и намокшая лошаденка, и старуха, скликающая куриц, и ее старый пес «с мохнатым седым хвостом». И при этом в вышине каркает ворон, а в небесах — «муть и мрак».

О реализме свидетельствует и обращение В. Илича к фольклору: «фольклорный реализм» господствует в 80-е гг. в сербской прозе. В «Зимней идиллии» после изображения умиротворенной природы и мирной, тихой жизни человека («весело горит огонь в избушке нашей») следует рассказ деда о потерявшемся однажды зимой мальчишке Павле. Бедная мать, вдова, непрестанно просит Бога указать ей, где погиб ее сын, чтобы увидеть его в последний раз. И тогда Бог, напоминающий в сербском фольклоре доброго и справедливого главу большого крестьянского семейства, отправляется на поиски мальчика:

*Накидывает Бог тогда тулуп свой теплый,
Мольбою утомлен. Зовет к себе Петра.
Откуда женский плач? И Петр объясняет.
Господь вину признал — идут его искать.*

Оказывается, что Павел в раю, который напоминает крестьянский рай на земле. Мальчик залез на дерево, грызет яблоко. Вокруг него блеют ягнята, порхают бабочки, кружатся райские птицы.

*Господь прикрикнул: «Павел, ты сластена!
Кто трескать яблоки в раю тебя учил?
Слезай-ка вниз. Обувшись, возвращайся!
Да слушай мать, когда домой придешь!*
(Пер. В. В. Осипова)

В дальнейшем Павел действительно возвращается домой: его, полумертвого, нашли на дороге извозчики и вернули к жизни. И после этого он уже прилежно слушается матери.

Обращение романтика Илича к реализму так же закономерно, как и его обращение к поэзии, напоминающей поэзию парнасцев. Субъективному началу противопоставлялось начало объективное, а устремленности к идеалу — изображение реальной действительности. Следует отметить, что и Дж. Якшич в конце своего творческого пути сближается с реализмом, и подобное сближение отнюдь не редкость для романтиков.

Наконец, по единодушному мнению критики, в конце своего творческого пути Илич делает шаг навстречу символизму. М. Павич выделяет четыре аспекта подобного сближения у сербского поэта. Илич, во-первых, обращается к самой проблеме символа. Во-вторых, изобразительное начало отступает перед началом музыкальным. В-третьих, Илич воспринимает субъективность на новом уровне, не означающим возвращения к романтизму. Наконец, в-четвертых, пейзаж у Илича обретает субъективную окраску, авторское «я» проявляется в полной мере²⁷.

В стихотворении «Клеон и его ученик» В. Илич пишет:

*Все лишь только символ, все, что видит око,
Все, что нашу грусть и радость вызывает.
Символ — твердь земная и небо высоко,
Символ тайну жизни взору открывает.*
(Пер. мой. — С. М.)

Субъективность пейзажа, особое проявление личности поэта, музыкальность М. Павич находит в поздних стихотворениях В. Илича: «Заброшенный источник» (1892), «Элегия на развалинах башни Севера» (1892),

²⁷ Гаврилович З. Војислав Илић... С. 53.

«Когда погаснет солнце» (1893). По мнению исследователя, от этих произведений до настоящего символизма всего один шаг. Илич не успел его совершить: он умер через несколько месяцев после появления этих стихотворений. Переход сербского поэта был бы вполне закономерен: французская литература также переходит от Парнаса к символизму. То же происходит и в сербской поэзии.

Будучи романтиком в душе, Илич, даже пародируя романтизм, сохранял верность этому направлению. При этом «дух времени» вел поэта новыми путями. С одной стороны, В. Илич тяготел к реализму, в том числе и «фольклорному», а с другой — приближался к Парнасу, а от Парнаса к символизму. Поэзия В. Илича свидетельствовала как о верности традициям, так и о постоянном движении литературы.

Литература

- Витошевић Д.* Српско песништво. 1901–1914. Београд: Вук Караџић, 1975. Т. I.
- Гавриловић З.* Војислав Илић // Поезија от Војислава до Бојића / уред. Ј. Христић. Београд: Нолит, 1966. С. 29–46.
- Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд: Нолит, 1983.
- Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Зрењанин: Sezam book, 2011.
- Доронина Р. Ф.* Сербская литература // История литератур западных и южных славян / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997. Т. II. С. 529–533.
- Доронина Р. Ф.* Творчество Войслава Илича в жанрово-стилистической структуре сербской поэзии // Поэзия западных и южных славян и их соседей / под ред. Л. Н. Будаговой. М.: Индрик, 1996. С. 126–138.
- Доронина Р. Ф.* Сербско-русские литературные связи на рубеже XIX и XX веков. Воислав Илич и русская поэзия // Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А. В. Липатов. М.: Индрик, 2007. С. 113–127.
- Доронина Р. Ф.* Илич Воислав // Лексикон јужнославјанских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. С. 146–148.
- Карасева М. Л.* Воислав Илич. Војислав Илић // Сербские поэты XX века / ред.-сост. А. Б. Базилевский. М.: Этерна, 2011. С. 50–53.
- Лосев А. Ф.* Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988.
- Павић М.* Воислав Илић и европско песништво. Нови Сад: Матица Српска, 1971.
- Павић М.* Војислав Илић, његово време и дело. Нови Сад: Матица Српска, 1972.
- Поезија от Војислава до Бојића / уред. Ј. Христић. Београд: Нолит, 1966.
- Скерлић Ј.* Писци и књиге. Београд: Просвета, 1964. Т. III.
- Станишич И.* Воислав Илич и русская поэзия XIX века // Восприятие русской литературы на Западе / отв. ред. Ю. Д. Левин, К. И. Ровда. Л.: Наука, 1975. С. 210–213.
- Živković D.* Ilić Vojslav // Jugoslovenski književni leksikon / ured. Ž. Milisavac. Novi Sad: Matica Srpska, 1984. S. 256–258.

References

- Deretić, J., 1983. *Istorija srpske književnosti* [The History of Serbian Literature]. Beograd: Nolit.
- Deretić, J., 2011. *Istorija srpske književnosti* [The History of Serbian Literature]. Zrenjanin: Sezam book.
- Doronina, R. F., 1997. Serbskaia literatura [Serbian literature]. In: S. V. Nikol'skii, ed., 1997. *Istoriia literatur zapadnykh i iuzhnykh slavian* [History of Literatures of Western and Southern Slavs]. Moscow: Indrik. Vol. II, pp. 529–533.
- Doronina, R. F., 1996. Tvorchestvo Voislava Ilicha v zhanrovo-stilisticheskoj strukture serbskoj poezii [The Creative Work of Voislav Ilić in Genre-Stilistic Structure of the Serbian Poetry]. In: L. N. Budagova, ed., 1996. *Poeziia zapadnykh i iuzhnykh slavian i ikh sosedei* [The Poetry of Western and Southern Slavs and Their Neighbors]. Moscow: Indrik, pp. 126–138.
- Doronina, R. F., 2007. Serbsko-russkie literaturnye sviazi na rubezhe XIX i XX vekov. Voislav Ilich i russkaia poeziia [Serbo-Russian Literary Contacts at the turn of the XIX and XX centuries]. In: A. V. Lipatov, ed., 2007. *Rossia v glazakh slavianskogo mira* [Russia in the Opinion of the Slavic World]. Moscow: Indrik, pp. 113–127.
- Doronina, R. F., 2012. Ilich Voislav [Ilić Vojislav]. In: G. Ia. Il'ina, ed., 2012. *Leksikon iuzhnoslavianskikh literatur* [Lexicon of South Slavic literatures]. Moscow: Indrik, pp. 146–148.
- Hristić, J., ed., 1966. *Poezija ot Vojislava do Bojića* [Poetry from Vojislav to Bojić]. Beograd: Nolit, pp. 29–46.
- Karaseva, M. L., 2011. Voislav Ilich. Vojislav Ilić [Vojislav Ilić]. In: A. B. Bazilevskii, ed., 2011. *Serbskie poety XX veka* [Serbian Poets of the XX Century]. Moscow: Eterna, pp. 50–53.
- Losev, A. F., 1988. *Derzanie dukha* [Audacity of the Spirit]. Moscow: Politizdat.
- Pavić, M., 1971. *Voislav Ilić i evropsko pesništvo* [Vojislav Ilić and the European Poetry]. Novi Sad: Matica Srpska.
- Pavić, M., 1972. *Vojislav Ilić, njegovo vreme i delo* [Vojislav Ilić, His Time and His Work]. Novi Sad: Matica Srpska.
- Skerlić, J., 1964. *Pisci i knjige* [Writers and Books]. Belgrade: Prosveta. Vol. III.
- Stanishić, I., 1975. Voislav Ilich i russkaia poeziia XIX veka [Vojislav Ilić and the Russian Poetry of the XIX Century]. In: Iu. D. Levin, K. I. Rovda, eds, 1975. *Vospriiatie russkoj literatury na Zapade* [The Perception of the Russian Literature in the West]. Leningrad: Nauka, pp. 210–213.
- Vitošević, D., ed., 1975. *Srpsko pesništvo. 1901–1914* [Serbian Poetry. 1914–1920]. Beograd: Vuk Karadžić. Vol. I.
- Živković, D., 1984. Ilić Vojislav. In: Ž. Milisavac, ed., 1984. *Jugoslovenski književni leksikon*. Novi Sad: Matica Srpska, pp. 256–258.

ОБРАЗ ГОРОДА В РОМАНАХ ИРЖИ КАРАСЕКА ИЗ ЛЬВОВИЦ

Алексей Юрьевич Колянов

Кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
Почтовый адрес: ул. Профессора Попова, д. 5,
Санкт-Петербург, 197022, Россия
Электронный адрес: aikolianov@etu.ru
ORCID: 0000-0002-0851-7878

Аннотация

В прозе чешского писателя-модерниста Иржи Карасека из Львовиц (1871–1951) европейский город эпохи *fin de siècle* предстает как мистическое пространство, где сконцентрированы ощущения ностальгии и клаустрофобии, заставляющие персонажей переживать наследственную сопричастность истории. Так чувствует герой романа «Готическая душа» (чеш. *Gotická Duše*), в котором Прага рубежа веков — это место, где прошлое реальнее настоящего. В трилогии «Романы трех магов» (чеш. *Romány tří mágů*) легенды о европейских «колдунах» воскресают в пространстве Вены, Венеции и Праги, структурируя сюжет и поведение персонажей. Образ любого города в произведениях Карасека формируется в эстетике декаданса с характерными чертами и приемами, в числе которых особенно выделяются ночная эстетика, нарочитое акцентирование искусственности окружающей действительности, описание пространства действия с использованием символики упадка, тления, разложения и другие. Такой субъективный взгляд, приписываемый автором герою со специфическим мироощущением, позволяет увидеть город в уникальном ракурсе, благодаря чему появляется возможность различить прежде незаметные детали. Образ Праги в произведениях Карасека двойственен, амбивалентен. Эстетически искусственная декадентская Прага оборачивается мистическим городом, наполненным магическими легендами. В декадентской стилистике нарисована Карасеком и Венеция, представленная как город, где настоящее мертво, а живо только прошлое. Тексты Карасека позволяют взглянуть на европейские города сквозь призму довольно редких и оригинальных для национальной литературы жанров декадентского и «готического» романов, а также ощутить атмосферу, утраченную после войн XX века.

Ключевые слова

Чешская литература, декаданс, готический роман, Прага, богемистика, Иржи Карасек

Статья поступила в редакцию 1 марта 2022 г.

Цитирование: Колянов А. Ю. Образ города в романах Иржи Карасека из Львовиц // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 24–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.02>

THE IMAGE OF THE CITY IN THE NOVELS OF JIŘÍ KARÁSEK ZE LVOVIC

Alexey Yu. Kolianov

Ph. D., Deputy Professor,
Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”
Postal address: Professora Popova street, 5,
Saint Petersburg, 197022 Russia
E-mail: aikolianov@etu.ru
ORCID:0000-0002-0851-7878

Abstract

Fin-de-Siècle Europe appears in the prose of the Czech poet and writer Jiří Karasek from Lvovice (1871–1951) as a mystical space full of nostalgia and claustrophobia, which force the characters to experience the hereditary involvement of history. This is, for example, how the hero of the novel “Gothic Soul” (Czech: *Gotická Duše*) feels. The novel shows Prague at the turn of the century as a place where the past is more real than the present. The trilogy “Novels of the Three Magicians” (Czech: *Romány tři mágů*), inspired by the legends about European “sorcerers”, uses Vienna, Venice, and Prague as magic or decadent territories that affect the characters’ behaviour. Karasek creates urban images with decadent aesthetics by applying special features and techniques. Among them we can highlight the night atmosphere, intentional emphasis on the artificiality of the reality, and the description of the scene with the symbols of decline or decay. Such a subjective view from the eyes of a decadent character can open up a city from a unique perspective, making it possible to distinguish previously unseen details. The image of Prague in Karasek’s works is dual and ambivalent. On the one hand, it is an aesthetically artificial decadent Prague and on the other, a mystical, magical Prague. Venice by Karasek is also a decadent city where only the past is alive. With help of Karasek’s prose one can obtain the prism of decadent and “gothic” novels — rather rare and original for Czech literature genres. His works also give us the opportunity to experience the lost atmosphere of pre-war Europe.

Keywords

Czech literature, decadence, gothic novel, Prague, Czech studies

Received 1 March 2022

How to cite: Kolianov, A. Yu., 2022. Obraz goroda v romanakh Irzhi Karaseka iz L'vovits [The Image of the City in the Novels of Jiří Karásek ze Lvovic]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 24–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.02>

Творчество Иржи Карасека из Львовиц (1871–1951) относится к чешскому декадансу рубежа XIX–XX в., эпохи *fin de siècle*, когда в литературу пришло молодое поколение с представлениями о творчестве как о самовыражении, а не служении обществу. Активность и последовательность Карасека в отстаивании перспективности символизма и декаданса в критических статьях и публицистике на страницах журнала *Moderní Revue*, издаваемого им вместе с Арноштом Прохазкой, сделали Карасека чуть ли не главным идеологом направления. При всем противоречивом отношении к чешскому декадансу как на родине, так и за рубежом представляется все же, что это направление обогатило национальную литературную традицию. По словам литературоведа Радко Пытлика, декаданс привнес в национальную литературу чувство символического, развив приемы поэтической абстракции и художественного обобщения¹. Как способ отражения действительности декаданс привлек внимание к цветам, оттенкам и деталям прежних образов. В декадентской эстетике оказалось возможным и создание сложных образных систем. Таких, как, например, декадентский город.

Иржи Карасек был известен прежде всего как поэт, переводчик и литературный критик, но диапазон его литературных талантов был шире: он писал прозаические, драматургические произведения, публиковал литературоведческие работы. О нем вспоминают еще и как о библиофиле и коллекционере, оставившем после себя богатое собрание произведений чешского и европейского изобразительного искусства.

Интерес к литературному наследию Карасека возникает в 1990-е гг. с переизданием сборника стихов, книги воспоминаний, романа «Готическая душа» (чеш. *Gotická duše*) (переведен также на английский язык) и трилогии «Романы трех магов» (чеш. *Romány tři magů*). Примерно в это же время появляется и литературоведческий интерес к творчеству Карасека, что во многом связано с деятельностью Отто Урбана и Любоша Мерхаута по подготовке изданий произведений чешских декадентов, а также трудами этих исследователей по символизму и декадансу в искусстве Чехии рубежа XIX–XX вв.²

С 2000-х гг. в чешских университетах было защищено около двадцати дипломных работ, посвященных различным аспектам творчества Иржи Карасека. Среди них можно отметить работы, подготовленные в Карловом

¹ Pytlík R. Jiří Karásek a problém decadence // Česká literatura. 1974. Roč. 22. Č. 6. S. 557.

² См. например: *Merhaut L. Cesty stylizace. Stylizace, "okraj" a mystifikace v české literatuře přelomu devatenáctého a dvacátého století*. Praha: ÚČL AV ČR, 1994; *Moderní revue 1894–1925* / eds O. M. Urban, L. Merhaut. Praha: TORSI, 1995; *Merhaut L., Urban O. M., Vojtěch D. Dekadence: V barvách chorobných: Idea dekadence a umění v českých zemích 1880–1914*. Brno: Arbor Vitae, 2006.

университете под руководством Любоша Мерхаута³, а также магистерские диссертации выпускников университетов Брно и Остравы⁴. Кроме того, внимания, на наш взгляд, заслуживает опубликованная в 2012 г. докторская диссертация Карела Коларжика под названием «Вечное отрочество Иржи Карасека из Львовиц» (чеш. *Věčné jinošství Jiřího Karáska ze Lvovic*), где приводится подробная библиография трудов Карасека⁵.

И, наконец, необходимо подчеркнуть интерес к творчеству Карасека европейских богемистов, в частности, англичанина Роберта Пинсента⁶ и норвежца Роара Лисхогена⁷.

В отечественной богемистике Иржи Карасек известен как поэт и критик, лидер декадентского движения⁸. В последние годы были опубликованы русскоязычные работы, посвященные прозе Карасека и поэтике его произведений⁹.

Иржи Карасек, несомненно, следует европейской традиции романтизма и, в частности, декаданса как своего рода «темной» ветви символизма,

³ Nagy P. Česká dekadence a okultismus. Projevy okultismu v díle Jiřího Karáska ze Lvovic. Bakalářská práce. Univerzita Karlova. Praha, 2012; Fremrová A. Motivy, obrazy a (auto)stylizace českého dekadentního symbolismu. Diplomová práce. Univerzita Karlova. Praha, 2020.

⁴ Kadlecová M. Recepční estetika tvorby Jiřího Karáska ze Lvovic. Diplomová práce. Masarykova univerzita. Brno, 2017; Uhrinová Š. Obrazy měst ve vybraných prózách Jiřího Karáska ze Lvovic. Diplomová práce. Ostravská univerzita. Ostrava, 2021.

⁵ Kolařík K. Věčné jinošství Jiřího Karáska ze Lvovic. Disertační práce. Karlova Univerzita. Praha, 2012.

⁶ Pynsent R. B. The Decadent Nation: The Politics of Arnošt Procházka and Jiří Karásek ze Lvovic // *Intellectuals and the future in the Habsburg monarchy, 1890–1914* / ed. by L. Peter and R. B. Pynsent. London: Macmillan Press, 1988. P. 63–91; Pynsent R. B. K morfologii české decadence // *Česká literatura*. 1988. Roč. 36. Č. 2. S. 168–181.

⁷ Lishaugen R. Speaking with a forked tongue: Double reading strategies in Romány tři mágů by Jiří Karásek ze Lvovic. Göteborg: Department of Slavic Languages, University of Gothenburg, 2008.

⁸ История литератур западных и южных славян / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2001. Т. 3: Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год). С. 93.

⁹ Колянов А. Ю. Поэтика чешского готического романа 1920–30-х гг.: выпускная квалификационная работа (диссертация магистра филологии). СПб., 2017; *Он же*. Декадентская проза И. Карасека из Львовиц // *Одиннадцатые и Двенадцатые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи: сборник статей по материалам XLVIII и XLIX Международных филологических конференций, 18–27 марта 2019 г., 16–24 ноября 2020 г., г. Санкт-Петербург* / отв. редактор О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2021. С. 53–60; *Он же*. Ранние прозаические произведения Иржи Карасека из Львовиц // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва, 25–26 мая 2021 года* / отв. ред. Е. С. Узенева, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 322–326. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2021.3.09>; *Он же*. Поэтические образы чешского декаданса // *Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года* / науч. ред. В. П. Казаков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2022. С. 563.

которая представляет буржуазный европейский город символом упадка человеческой культуры и воплощением всего искусственного, рационального и условного. Карасек вслед за западноевропейскими символистами и декадентами сознательно участвует в разработке «мифа о большом городе», возникающего в литературе XIX в. К образу человека, существующего в пространстве большого города, обращался еще Шарль Бодлер в статье «Поэт современной жизни», разбирающей городской тип фланера — человека, гуляющего по улицам и наблюдающего за городской жизнью¹⁰. В более поздних произведениях герой декадентской литературы, напротив, отдаляется от городской среды, болезненно переживая, с одной стороны, чувства одиночества и отвергнутости, а с другой — наслаждаясь этими страданиями. Так, герой известного декадентского романа «Наоборот» Жюриса-Карла Гюисманса герцог дез Эссент поселился недалеко от Парижа и, «мечтая об одинокой жизни, которую устроит себе, он радовался вдвойне еще и потому, что его одиночество вне опасности: Париж достаточно далеко, значит, не помешает, и достаточно близко, значит, к себе не потянет»¹¹. Другой знаковый текст декаданса — роман «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда — привнес в отношения героя и городского пространства эстетику ночи. Именно в ночное время, когда безобразия жизни становится единственной реальностью, одержимого забвением Дориана Грея тянет в самые мрачные районы Лондона. Там, в тусклом жутко мертвенном свете фонарей, под низко висящей в небе луной, похожей на желтый череп, Дориан наблюдает «отвратительную изнанку жизни большого города»¹² сквозь боковые стекла кеба, плотно укрытые снаружи серой фланелью тумана.

В своем раннем творчестве Иржи Карасек разрабатывает декадентские образы применительно к чешской действительности. Большим городом становится, конечно, Прага, где Йиржи Йозеф Антонин Карасек родился 24 января 1871 г. Детство и юность писателя прошли в Смихове и на Малой Стране, ставшей местом действия его ранних рассказов в духе Яна Неруды, а также изображенной в поздних произведениях, в частности в романе «Потерянный рай».

Первые прозаические опыты Карасека — это рассказы в духе реализма, однако, обратившись к жанру романа, он скоро начинает интересоваться психологией персонажей и влиянием среды на поведение своих героев. Так, например, второй роман Карасека «Беспутье» (чеш. *Bezcestí*) первоначально публикуется в 1893 г. под названием «Разбитая жизнь» (чеш. *Zmařené žití*) и, что примечательно, с подзаголовком «Пражский роман». Сюжетом произведения является история о преображении провинциального юноши, приехавшего в большой город. В этой книге Карасек начинает изучать па-

¹⁰ Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986. С. 283–315.

¹¹ Гюисманс Ж.-К. Наоборот. М.: FreeFly, 2005. С. 16.

¹² Уайлд О. Портрет Дориана Грея. М.: Азбука, 2015. С. 89.

губное воздействие городской среды на личность. В 1894 г. в журнале *Vesna* и в 1895 г. в издательстве *Moderní revue* печатается роман «Стоячие воды» (чеш. *Stojaté vody*) с подзаголовком «Этюд о душе» (чеш. *Studie vnitra*). Действие этого бессюжетного произведения сводится к тому, что безымянный меланхоличный художник, чьи внутренние слабость и безволие как раз и описывает метафора «стоячих вод», бродит, словно «бодлеровский» фланер, по увядающей, как и его душа, Праге¹³.

В середине 1890-х гг. Карасек начинает интересоваться символизмом и довольно быстро переходит к использованию элементов декадентской стилистики. Его главный декадентский роман — «Готическая душа» — выходит в 1900 г. Это история о юноше, пытающемся осмыслить свое предназначение, но в результате сильных религиозных переживаний теряющем рассудок. В тексте присутствуют очевидные заимствования из ключевых декадентских романов: дегенеративность главного героя отсылает к герцогу дез Эссенту, тяга к католичеству и желание бродить по городу в ночное время — к Дориану Грею. Но при более внимательном сравнении романа Карасека и других примеров декадентской прозы видно, что это все же истории разных судеб. В частности, герой Карасека пассивен: он не бежит от города как дез Эссент, не ищет забвения во мраке лондонских трущоб как Дориан Грей. Он просто растворяется в городском пространстве. Вечерами он забредает на Градчаны, заходит в монастырь Варнавиток (известный также как монастырь Ордена босых кармелиток) и наблюдает, как по стенам, потолку, скамьям ползут тени мертвых, а где-то внутри слышен голос последней похороненной в монастыре женщины¹⁴.

Для создания образа городского пространства автором осознанно используются черты декадентской эстетики. Прага, увиденная с холма Петршин главным героем, — это «город в сгущающихся сумерках», чье прошлое застывает в звоне вечерних колоколов, от которого воздух мертвеет. В нем не движутся даже крылья птиц. Вокруг царит угнетающая атмосфера, и кажется, что детали домов начинают издавать звуки и рассказывать истории; все звучит прошлым: тени, дремлющие над черепичными крышами, покосившиеся дымоходы, обветшавшие рамы окон и их мутные стекла, почерневшие вывески. Впечатленный юноша размышляет о прошлом и настоящем Чехии и осознает, что в Праге живут лишь готика и средневековье. Прага — это фантазмагория из прошлого. Все, что персонаж видит сейчас, — фикция и имитация. Столкновение с современной Прагой вызывает у героя тревогу, но стоит ему покинуть город — спокойствие возвращается. Приезжая в столицу, герой ощущает, как беспокоят его шум железнодорожного вокзала, беготня служащих, торопящиеся пассажиры, он спотыкается на ступеньке экипажа, сжимается внутри салона,

¹³ Более подробно о ранней прозе И. Карасека см.: *Колянов А. Ю. Ранние прозаические произведения Иржи Карасека из Львовиц*, С. 322–326.

¹⁴ *Karásek ze Lvovic J. Gotická duše*. Praha: K. Neumannová, 1905. S. 13.

чтобы не видеть город и живых людей, поскольку для него рациональный мир — туманный шум, бесцветное и бесцельное пространство. Этот эпизод интересно противопоставить описанному выше путешествию Дориана Грея в лондонские трущобы.

Таким образом, Прага в романе «Готическая душа» — это город, где живет только прошлое, а настоящее мертво. Вероятно, это и есть модель декадентского города, которую пытается использовать Карасек и в других произведениях. Роман заканчивается тем, что герой теряет рассудок, и здесь вырисовывается мотив всех пражских текстов Карасека — мотив потери, исчезновения. В конце каждого романа Карасека о Праге герои что-то или кого-то теряют. Вспомним и название последнего романа Карасека о Праге «Потерянный рай».

Романом «Готическая душа» заканчивается собственно декадентский период творчества Иржи Карасека, хотя в его последующих произведениях, по большей части исторических и приключенческих, сохраняются некоторые черты декаданта. Отдельного рассмотрения заслуживает трилогия «Романы трех магов», которую составляют книги «Роман Манфреда Макмиллена», «Скарабей» и «Ганимед». Каждый роман или, скорее, романetto (им свойственен дух произведений Якуба Арбеса) — это история однополрой любви (всегда трагическая) на фоне остросюжетной авантюры. Сюжеты книг навеяны европейскими легендами о графе Калиостро, маркизе де Бренвилле и пражском големе.

В 1907 г. публикуется первый текст трилогии «Роман Манфреда Макмиллена», герои которого сталкиваются в Праге с легендарным графом Калиостро. Декадентский образ города, искажающего психику героев, дополняется картинами мистической Праги, полной тайн и легенд, открывающихся только тому, кто способен понять ее язык. Таким героем оказывается Манфред Макмиллен — венский аристократ, живущий двойной жизнью: в Вене — денди, привлекающий внимание светского общества, в Праге — мечтатель, фланер. Он бродит в одиночестве по улицам, иногда заходя в храмы.

Образ магической Праги основательно изучен в литературоведении. Уместно будет вспомнить книгу Анджело Мария Рипеллино «Магическая Прага», где упоминаются романы Карасека «Готическая душа», «Роман Манфреда Макмиллена» и «Ганимед». Рипеллино, правда, выделяет только магические и мистические элементы образа Праги, но общая идея сохраняется. Прага — город, где живет прошлое. А открывается оно в особенных местах: костелах, храмах, кладбищах, замках, дворцах. Однако, как пишет Рипеллино, взгляд декадента подчеркивает не столько «архитектурную монументальность этих мест, сколько мрачность атмосферы, промозглую темень и заплесневелую дряхлость»¹⁵. По мнению итальянского литера-

¹⁵ Рипеллино А. М. Магическая Прага. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2015. С. 74.

туроведа, Карасек превращает каждую церковь в печальный паноптикум, особо отмечая «загнившие цветы у алтарей, унылую роскошь восковых статуй, облаченных в одеяния из помятой блестящей тафты, связь между нездоровым полумраком пражских святилищ и трауром по Белой горе»¹⁶.

По словам российского исследователя А. Бобракова-Тимошкина, в произведениях Карасека город представлен «как таинственное, мистическое пространство, в котором прошлое более реально, чем настоящее, а миражи и видения героев — чем здания и улицы. <...> Этот образ Праги стал для Карасека символом “мертвого города” и одновременно воплощением трагедии Чехии, уникальным пространством, открытым для связей с потусторонним миром, осуществления фантастических и мистических событий, или кулисами, в которых разворачивается личная трагедия человека. Карасек укрепляет традицию изображения “магической” Праги в чешской литературе, пришедшую на смену представлению о Праге как о “сердце нации” и лежащую в основу современного культурного мифа о чешской столице»¹⁷.

В «Романе Манфреда Макмиллена» Карасек утверждает, что в Праге все «пропитано прошлым. Оно окружает вас повсюду. Оно веет из зеленоватой тени густолиственных садов. Оно поджидает вас в темноте портиков, в глубине парадных. Вы находитесь в древнем городе, сохранившем душу своих прежних обитателей, удушающую могильную близость тех, кто жил здесь в прошлые века»¹⁸.

Карасек как будто намеренно связывает персонажей с исторически значимыми местами Праги. Пражский барочный дворец Манфреда располагается рядом с костелом святого Индржиха, а летний замок — у Белой горы. Манфреда притягивает храм св. Якуба с его скульптурой Мадонны и висящей на стене отрубленной рукой вора, который по легенде пытался украсть статую Пресвятой Девы, но был пойман Богоматерью за руку так крепко, что ее пришлось отсечь. Другим местом притяжения является Тынский собор, где похоронены останки легендарного астронома, астролога и алхимика Тихо Браге, одной из ключевых фигур в структуре образа мистической Праги. Впрочем, в связи с этим будет уместно вспомнить цитату Войтеха Йирата о том, что пражская литература — это лишь придаток архитектуры¹⁹.

Влияние мистической Праги раскрывается ночью. Манфред бродит по ночным улицам и прикасается к стенам старинных домов, отмеченным разными символами (семиугольником, треугольником, ложкой, компасом, глобусом), для того, чтобы услышать и увидеть все, чему когда-то внимали

¹⁶ Рипеллино А. М. Магическая Прага. С. 419.

¹⁷ Бобраков-Тимошкин А. Е. «Пражский текст» в чешской литературе конца XIX — начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 14–15.

¹⁸ Karásek ze Lvovic J. Romány tří mágů. Praha: Volvox Globator, 2012. S. 20–21.

¹⁹ Jirátek V. Hlas Prahy v českém písemnictví // Kritický měsíčník. 1941. Č. 2. S. 49.

эти стены. Более того, Прага влияет на персонажа, заставляя его пережить состояния прошлого, дающие уникальные способности. Так, в Праге Манфред начинает видеть в ночном небе знаки, с помощью звезд возвещающие о необычных событиях, и осознает, что видит глазами Браге и Кеплера. В романе почти целиком повторяется сцена из «Готической души», когда герой приходит на Градчаны, смотрит на небо и в облачной пелене над городом видит сцены прошлого и кружащих вокруг стонущих и плачущих призраков. Как пишет в романе Карасек, в этот момент Манфред чувствовал, что есть «более глубокая тьма, чем темнота ночи, и более глубокая горе, нежели печаль человеческого сердца»²⁰. В конце романа мы вновь встречаем мотив пропажи. Бесследное исчезновение Манфреда оказывается результатом столкновения с мистической силой в парке у замка на Белой горе, что является аллюзией на события из истории Чехии.

В трилогии «Романы трех магов» роман «Скарабей», опубликованный в 1908 г., особенно выделяется местом действия. События происходят в Венеции, и это второй город после Праги, образ которого Карасек создает в декадентской эстетике. Как известно, важнейшим венецианским текстом европейского декаданса считается роман Габриеле Д'Аннуцио «Пламя», опубликованный в 1900 г. Нельзя не упомянуть и о повести Томаса Манна «Смерть в Венеции», однако она была опубликована в 1912 г., через четыре года после романа «Скарабей». Примечательно, что уже в 1899 г. отрывок из книги д'Аннуцио публиковался в чешском журнале «Люмир». Роман был впервые опубликован на чешском языке в 1905 г. в переводе Йозефа Снашала, а в 1912 г. вышел перевод Антонина Прохазки под названием «Гранатовый роман. Пламя».

Обстоятельства создания «Скарабея» Карасек описывает в книге воспоминаний: «Воодушевленный приемом “Манфреда Макмиллена”, я спешно принялся писать вторую часть трилогии, роман “Скарабей”. Я посетил место его действия, Венецию, нашел там дворец, в котором жил Марсель, и блуждал по городу подобно своему герою, не имея представления, о чем буду рассказывать. Затем я уехал в Верону и случайно стал свидетелем ареста одного молодого русского, застрелившего мужа своей возлюбленной — демонической графини Тарновской. В мужчину четыре раза выстрелил из пистолета Николай Наумов, любовник Тарновской, сын пермского губернатора. Красота молодого человека так запала мне в душу, что я следил за процессом по его делу до самого конца. А графиня Тарновская напомнила мне легендарную отравительницу графиню де Бренвилье, и я принялся изучать литературу о ней. Так у “Скарабея” появилась концепция»²¹.

Образ декадентской Венеции у Карасека не сильно отличается от образа Праги. Это все то же место, где прошлое сильнее настоящего. Венеция —

²⁰ *Karásek ze Lvovic J. Romány tří mágů. S. 105.*

²¹ *Karásek ze Lvovic J. Vzpomínky. Praha: Thyrsus, 1994. S. 208.*

вымерший город в зеленых водах, город дворцов без фундаментов, домов, собранных из надгробных плит. Примечательно, что в описании венецианских дворцов, например дворца Марсея, встречается важный для творчества Карасека образ замурованных окон. Именно так, *Zazděná okna*, назывался его первый опубликованный поэтический сборник.

Тем не менее Венеция пробуждает в героях тягу к жизни. Еще недавно меланхолично фланирующий по Триесту юноша по имени Гастон в Венеции быстро меняется. Устами персонажа Карасек впервые проговаривает отношение к городу как к живому существу, способному пробудить что-то внутри персонажа, тогда как в других его произведениях мы лишь с помощью намеков догадываемся, что город — не место действия, а значимый персонаж. Сравнение Венеции с кладбищем, возможно, не случайно, поскольку по ходу развития событий действие переносится в фамильный склеп, словно погружаясь все глубже и глубже в недра легендарного города. Здесь, пишет Карасек, «смерть ползет по лестницам старых дворцов и стучит в ворота, словно желая увидеть, не зовет ли еще кто-нибудь из живых. Но все молчит. Волны безмолвствуют, огни Лидо медленно гаснут»²².

Итак, в романах Иржи Карасека образ любого города создается в декадентской эстетике. Действие разворачивается в ночное время, пространство наполнено символами упадка и разложения, настоящее вызывает ощущение искусственности и так далее. Это субъективный взгляд героя со специфическим мироощущением, но все же он позволяет увидеть город в особом ракурсе, обратить внимание на прежде незаметные детали.

Образ Праги в произведениях Карасека двойственен. С одной стороны, это эстетически искусственная декадентская Прага, а с другой — мистическая, магическая Прага. Декадентским городом предстает и Венеция, нарисованная Карасеком как город, где настоящее мертво, а живо только прошлое.

Литература

Бобраков-Тимошкин А. Е. «Пражский текст» в чешской литературе конца XIX — начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986.

История литератур западных и южных славян / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2001. Т. 3: Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год).

Колянов А. Ю. Декадентская проза И. Карасека из Львовиц // Одиннадцатые и Двенадцатые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи: сборник статей по материалам XLVIII и XLIX Международных филологических конференций, 18–27 марта 2019 г., 16–24 ноября 2020 г., г. Санкт-Петербург / отв. редактор О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2021. С. 53–60.

²² *Karásek ze Lvovic J.* Romány tří mágů. S. 185

- Колянов А. Ю. Поэтика чешского готического романа 1920–30-х гг.: выпускная квалификационная работа (диссертация магистра филологии). СПб.: СПбГУ, 2017.
- Колянов А. Ю. Поэтические образы чешского декаданта // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года / науч. ред. В. П. Казаков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2022. С. 563.
- Колянов А. Ю. Ранние прозаические произведения Иржи Карасека из Львовиц // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. Москва, 25–26 мая 2021 года / отв. ред. Е. С. Узенева, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 322–326. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2021.3.09>
- Pupelino A. M. Magická Praha. M.: Izdatelství Olgy Morozovoy, 2015.
- Fremrová A. Motivy, obrazy a (auto)stylizace českého dekadentního symbolismu. Diplomová práce. Univerzita Karlova. Praha, 2020.
- Jirát V. Hlas Prahy v českém písemnictví // Kritický měsíčník. 1941. Č. 2. S. 49–57.
- Kadlecová M. Recepční estetika tvorby Jiřího Karáska ze Lvovic. Diplomová práce. Masarykova univerzita. Brno, 2017.
- Kolařík K. Věčné jinošství Jiřího Karáska ze Lvovic. Disertační práce. Karlova Univerzita. Praha, 2012.
- Lishaugen R. Speaking with a forked tongue: Double reading strategies in Romány tří mágů by Jiří Karásek ze Lvovic. Göteborg: Department of Slavic Languages, University of Gothenburg, 2008.
- Merhaut L. Cesty stylizace. Stylizace, “okraj” a mystifikace v české literatuře přelomu devatenáctého a dvacátého století. Praha: ÚČL AV ČR, 1994.
- Merhaut L., Urban O. M., Vojtěch D. Dekadence: V barvách chorobných: Idea dekadence a umění v českých zemích 1880–1914. Brno: Arbor Vitae, 2006.
- Moderní revue 1894–1925 / eds O. M. Urban, L. Merhaut. Praha: TORSI, 1995.
- Nagy P. Česká dekadence a okultismus. Projevy okultismu v díle Jiřího Karáska ze Lvovic. Bakalářská práce. Univerzita Karlova. Praha, 2012.
- Pynsent R. B. K morfológii české decadenace // Česká literatura. 1988. Roč. 36. Č. 2. S. 168–181.
- Pynsent R. B. The Decadent Nation: The Politics of Arnošt Procházka and Jiří Karásek ze Lvovic // Intellectuals and the future in the Habsburg monarchy, 1890–1914 / ed. by L. Peter and R. B. Pynsent. London: Macmillan Press, 1988. P. 63–91.
- Pytlík R. Jiří Karásek a problém decadenace // Česká literatura. 1974. Roč. 22. Č. 6. S. 556–557.
- Uhrinová Š. Obrazy měst ve vybraných prózách Jiřího Karáska ze Lvovic. Diplomová práce. Ostravská univerzita. Ostrava, 2021.

References

- Baudelaire, Ch., 1986. *Ob iskusstve* [About the Art]. Moscow: Iskusstvo, 1986.
- Bobrákov-Timoshkin, A. E., 2004. “Pražskii tekst” v cheshskoi literature kontsa XIX — nachala XX veka: [“The Prague Text” in the Czech Literature of the End

- of the XIX — Beginning of the XX century]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Lomonosov Moscow State University.
- Budagova, L. N., ed., 2001. *Istoriia literatur zapadnykh i iuzhnykh slavian* [History of Literatures of Western and Southern Slavs]. Moscow: Indrik. Vol. 3: *Literatura kontsa XIX — pervoi poloviny XX veka (1890-e gody — 1945 god)* [Literature of the End of the XIX — Beginning of the XX century (1890s–1945)].
- Fremrová, A., 2020. *Motivy, obrazy a (auto)stylizace českého dekadentního symbolismu*. Diplomová práce. Charles University.
- Jirát, V., 1941. Hlas Prahy v českém písemnictví. *Kritický měsíčník*, 2, pp. 49–57.
- Kadlecová, M., 2017. *Recepční estetika tvorby Jiřího Karáska ze Lvovic*. Diplomová práce. Masaryk University.
- Kolařík, K., 2012. *Věčné jinošství Jiřího Karáska ze Lvovic*. Disertační práce. Charles University.
- Kolianov, A. Yu., 2021. Dekadentskaia proza I. Karaseka iz L'vovits [The Decadent Prose of Jiří Karásek ze Lvovic]. In: O. V. Guseva, ed., 2021. *Odinnadtsatye i Dve-nadtsatye Andreevskie chteniia. Slavianskie literatury i literaturnye vzaimosvazi: sbornik statei po materialam XLVIII i XLIX Mezhdunarodnykh filologicheskikh konferentsii, 18–27 marta 2019 g., 16–24 noiabria 2020 g., g. Sankt-Peterburg* [Eleventh and Twelfth Readings in Memory of V. D. Andreev. Slavic Literature and Literary Relationships: The Collection of Articles Based on Materials from the XLVIII and XLIX International Philological Conferences, March 18–27, 2019, November 16–24, 2020, Saint Petersburg]. Saint Petersburg: VVM, pp. 53–60.
- Kolianov, A. Yu., 2022. Poeticheskie obrazy cheshskogo dekadansa [Poetical Images of the Czech Decadence]. In: V. P. Kazakov, ed., 2022. *Tezisy dokladov 50-i Mezhdunarodnoi nauchnoi filologicheskoi konferentsii imeni Liudmily Alekseevny Verbitskoi. Sankt-Peterburg, 15–23 marta 2022 goda* [Theses of Reports of the 50th International Scientific Philological Conference named by Liudmila Alekseevna Verbitskaia]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, p. 563.
- Kolianov, A. Yu., 2017. *Poetika cheshskogo goticheskogo romana 1920–30-kh gg.* [The Poetry of the Czech Gothic Novel of 1920s — 1930s]. Vypusknaiia kvalifikatsionnaia rabota (dissertatsiia magistra filologii). Saint Petersburg University.
- Kolianov, A. Yu., 2021. Rannie prozaicheskie proizvedeniia Irzhi Karaseka iz L'vovits [Early Prose by Jiří Karásek from Lvovice]. In: E. S. Uzeněva, O. V. Khavanova, eds, 2021. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchennykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. Moskva, 25–26 maia 2021 goda* [Slavic World: Commonality and Diversity. Theses of the Conference of Young Scientists Within the Framework of the Days of Slavic Written Language and Culture. Moscow, 25–26 May 2021]. Moscow: Institut slaviano-vedeniia RAN, pp. 322–326. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2021.3.09>
- Lishaugen, R., 2008. *Speaking with a forked tongue: Double reading strategies in Romány tři mágů by Jiří Karásek ze Lvovic*. Göteborg: Department of Slavic Languages, University of Gothenburg.
- Merhaut, L., 1994. *Cesty stylizace. Stylizace, “okraj” a mystifikace v české literatuře přelomu devatenáctého a dvacátého století*. Prague: ÚČL AV ČR.

- Merhaut, L., Urban, O. M., Vojtěch, D., 2006. *Dekadence: V barvách chorobných: Idea dekadence a umění v českých zemích 1880–1914*. Brno: Arbor Vitae.
- Nagy, P., 2012. *Česká dekadence a okultismus. Projevy okultismu v díle Jiřího Karáska ze Lvovic*. Bakalářská práce. Charles University.
- Pynsent, R. B., 1988. K morfologii české decadenace. *Česká literatura*, 36 (2), pp. 168–181.
- Pynsent, R. B., 1988. The Decadent Nation: The Politics of Arnošt Procházka and Jiří Karásek ze Lvovic. In: L. Peter, R. B. Pynsent, eds, 1988. *Intellectuals and the future in the Habsburg monarchy, 1890–1914*. London: Macmillan Press, pp. 63–91.
- Pytlík, R., 1974. Jiří Karásek a problém decadenace. *Česká literatura*, 22 (6), pp. 556–557.
- Ripellino, A. M., 1973. *Magicheskaja Praga* [Magic Prague]. Moscow: Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoi, 2015.
- Uhrinová, Š., 2021. *Obrazy měst ve vybraných prózách Jiřího Karáska ze Lvovic*. Diplomová práce. University of Ostrava.
- Urban, O. M., Merhaut, L., eds, 1995. *Moderní revue 1894–1925*. Prague: TORSI.

ТЕНИ И СВЕТ СКАЗОЧНОГО МИРА: РОМАНТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И РОМАНТИЧЕСКИЙ ТОПОС В ТВОРЧЕСТВЕ Е. Л. ШВАРЦА

Дарья Александровна Завельская

Кандидат филологических наук, доцент,
Институт славянской культуры,
ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина
(Технологии, дизайн, искусство)»
Почтовый адрес: Хибинский проезд, д. 6,
Москва, 129337, Россия
Электронный адрес: daralzav@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1783-7080

Аннотация

В статье рассматривается художественная специфика образов и мотивов произведений Е. Л. Шварца, в драматургических и прозаических сказках которого прослеживается влияние романтической литературной традиции. Обращаясь в том числе к произведениям Андерсена и Перро, Шварц трансформировал не только исходные сюжеты, но и саму образную поэтику их произведений. Выдвигается гипотеза о влиянии на эту поэтику мотивов и образов Э.-Т.-А. Гофмана и немецкого романтизма в целом. Отчасти такое влияние стало возможным, поскольку сама литературная авторская сказка формировалась во многом благодаря немецкому романтизму. Но также следует учитывать тесное творческое взаимодействие Шварца с художественным объединением «Серапионовы братья». Особое внимание в исследовании уделяется поэтике городского топоса в сказках «Кукольный город», «Приключения Гогенштауфена» и «Тень», где прослеживается романтическая традиция, присущая таким авторам, как Андерсен, Гофман, Одоевский. При помощи метода исторической поэтики, сравнительно-исторического метода и сравнительного анализа в произведениях Шварца выявляется принцип романтического двоемирия; образное воплощение тени и света, мотив иллюзорности и стилистика фантазмагии. Также отдельно затронут мотив вампиризма в буквальном и иносказательном смысле с отсылкой к особенностям данного мотива в поэтике романтизма.

Ключевые слова

Шварц, Гофман, Андерсен, Гете, романтизм, сказка, топос, двоемирие

Статья поступила в редакцию 1 марта 2022 г.

Цитирование: Завельская Д. А. Тени и свет сказочного мира: романтический образ и романтический топос в творчестве Е. Л. Шварца // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 37–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.03>

SHADOWS AND LIGHT OF THE FAIRY-TALE WORLD: ROMANTIC IMAGERY AND ROMANTIC TOPOS IN THE WORKS OF EVGENY SCHWARTZ

Darya A. Zavel'skaya

Ph. D., Associate Professor,
Institute of Slavic Culture,
RSU named after A.N. Kosygin
Postal address: Khibinsky passage, 6,
Moscow, 129337, Russia
E-mail: daralzav@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1783-7080

Abstract

This article examines the artistic specificity of the images and motifs of the works of Evgeny Lvovich Schwartz (1896–1958), in whose dramaturgical and prose fairy tales the influence of the romantic literary tradition is traced. Turning to the works of Andersen and Perrault, amongst others, Schwartz transformed not only the original plots, but also the very figurative poetics of their works. A hypothesis is advanced on the influence on these poetics of the motifs and images of E. T. A. Hoffmann and German Romanticism in general. In part, such an influence became possible since the literary author's fairy tale itself was formed largely thanks to German romanticism. However, it is also necessary to take into account the close creative interaction of Schwartz with the artistic association of the "Serapion brothers." Special attention is paid to the poetics of urban topos in the fairy tales "Doll City", "Adventures of Gogenstaufen", and "Shadow", where the romantic tradition inherent in such authors as Andersen, Hoffman, and Odovskiy is traced. Using the historical poetics method, the comparative historical method, and comparative analysis in the works of Schwartz, the principle of romantic duality is revealed: the interaction of shadow and light, the motif of illusion, and the style of phantasmagoria. The motif of vampirism in the literal and allegorical sense is also separately touched upon, with reference to the peculiarities of this motif in the poetics of Romanticism.

Keywords

Schwartz, Hoffmann, Andersen, Goethe, romanticism, fairy tale, topos, two worlds

Received 1 March 2022

How to cite: Zavel'skaya, D. A., 2022. Teni i svet skazozhnogo mira: romanticheskii obraz i romanticheskii topos v tvorchestve E. L. Shvartsa [Shadows and Light of the Fairy-Tale World: Romantic Imagery and Romantic Topos in the Works of Evgeny Schwartz]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 37–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.03>

Специфика творчества Е. Л. Шварца интересна и сама по себе, и в общем контексте развития отечественной авторской сказки. В ключевых исторической поэтики и сравнительно-исторического метода могут отчетливо проявиться генетические связи произведений Шварца с предшествующими направлениями в литературе и культуре.

Прежде всего, мы можем уверенно судить о влиянии романтических традиций на драматургические и прозаические сказки Шварца. Очевидны, как минимум, два вполне объективных фактора: общее развитие литературной сказки под романтическим влиянием и, в частности, обращение Шварца к творчеству Г. Х. Андерсена.

При этом андерсеновские сюжеты и образы зачастую приобретали у него иные акценты. Разумеется, во многом из-за ограничений идеологического характера, необходимости сглаживать религиозные тенденции, присущие Андерсену. Но не только. Задачей данного исследования можно назвать углубленный анализ тех мотивов и образов в произведениях Шварца, которые характерны для более широкого контекста романтической традиции, чем сказки Андерсена, послужившие основой для драматургической переработки.

При этом стоит учитывать не столько частный момент знакомства Шварца с творчеством конкретного писателя-романтика, но и более раннюю тенденцию становления литературной сказки в русле романтизма.

Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на мощное влияние творчества Э. Т. А. Гофмана, которое приобрело популярность в кругах русских романтиков, отчасти благодаря переводам В. Ф. Одоевского¹. Но также во многом — благодаря самому принципу «двоемирия», который представляет собой у Гофмана особое взаимопроникновение реальности и фантазии, свойственное детскому мировосприятию, которое, в свою очередь, трактовалось романтиками концептуально². Именно такое восприятие детской фантазии как особой стороны познания бытия давало мощный толчок развитию детской литературы.

Подтверждением тому, что Шварц усвоил именно такую художественную систему, служат его произведения как для детей довольно раннего возраста, так и для взрослой аудитории. Мотивы гофмановского характера довольно отчетливо можно проследить в его пьесе «Кукольный город» для Ленинградского государственного кукольного театра, которую он создавал в тесном контакте с Е. С. Деммени. Пьеса эта была подготовлена к 1939 г., когда Шварц уже был довольно известным драматургом.

¹ Греков В. Н. Жизнь и мираж (О сказках В. Ф. Одоевского) // *Одоевский В. Ф. Пестрые сказки; Сказки бабушки Ирины* / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Н. Грекова. М.: Худож. лит., 1993. С. 5, 11.

² Карандашова О. С. О влиянии романтизма на русскую детскую литературу // *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*. 2019. № 3 (62). С. 28.

Безусловно, предназначенная для младшей возрастной аудитории, пьеса «Кукольный город» должна была обладать ясным разделением системы персонажей на добрых и злых.

Зло очерчено четко, но не пугает избыточно. В контексте рецепции романтизма весьма важно рассмотреть сами черты героев, относимые к сферам добра и зла. По сути, главными персонажами становятся Мастер, который создает и чинит кукол, и Повелитель крыс. В первом нетрудно усмотреть некий аналог гофмановского Дроссельмейера, во втором — Мышиного короля. Но при этом в «Кукольном городе» отсутствует таинственная предыстория, чудесные преобразования и романтическая линия. Вместо потаенного волшебства — творческая фантазия Мастера, которая, безусловно, соотносится с романтическим восприятием бытийных ценностей, однако Шварц акцентировал в сюжете и в своем герое не мистическую подоплеку воображения, а доброе отношение к игрушкам как хрупким и безобидным созданиям:

М а с т е р. Работаешь над игрушкой с любовью. Все в мастерской обсудишь, бывало, — каждую мелочь, каждый винтик, каждый стежок. Кончишь, поставишь на полку и думаешь: ну, прямо живая игрушка³.

Именно в образах кукол и в самом кукольном городе воплощены светлые стороны сказки. Топос города в этой пьесе обладает весьма важным эмоциональным звучанием:

В ряд с домами стоят коробки и футляры. На них, так же как и на домах, укреплены фонарики и поставлены домовые номера. Вообще зрителю должно быть ясно, что, несмотря на своеобразие и разнообразие материала, из которого построены дома, — это все же настоящий город, благоустроенный, чистый. Видно, что жители любят свой город. Почти у всех домов посажены цветы и вьющиеся растения ползут вдоль стен⁴.

Любопытно, что драматург особо подчеркнул благоустроенность и чистоту города, построенного самими куклами. В романтической традиции городской топос обладает важным значением, особенно в творчестве Гофмана. Но значение это покоится все на том же двоemiрии. Топос города в таких произведениях Гофмана, как «Золотой горшок», «Повелитель блох», «Крошка Цахес», «Щелкунчик и Мышиный король», обладает отчетливым пластом «скрытой», тайной, мистической жизни, противостоящей «филистерской» обыденности. Однако кукольный город Шварца, по сути, становится именно воплощением благого и доброго «простого» быта. Чудесное заключается в том, что куклы сами создали этот город, тайна же, непременно присущая романтическому миру, — его существование, скрытое от людей.

³ Шварц Е. Л. Собрание сочинений в 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 3. С. 78.

⁴ Там же. С. 81.

Но не менее важно, что куклы у Шварца обладают своей личной волей, и это — воля творческая, которая придает им то человеческое начало, которое у Гофмана присуще в большей степени самому Щелкунчику, прежде всего потому, что он изначально — человек⁵, но также и другим игрушкам, которые не обладают подобной историей: Кларе, Панталоне, обезьянам и др. У игрушек в «Щелкунчике» проявляются воля и характер, у кукол в «Кукольном городе» — еще и стремление к сотрудничеству в самом сказочном сообществе. Можно было бы увидеть в таком смысловом акценте дань советской идеологии, и, разумеется, Шварц создавал свои пьесы с учетом подобных требований. Но и в достаточно жестких условиях повышенного внимания к детской литературе способен был воплощать нечто ценное и важное для него самого.

Деммени подчеркивал именно идеологический аспект сюжета пьесы: «Эта пьеса написана автором в тесном содружестве с коллективом театра. В лице Евгения Шварца театр нашел не только талантливую, уже хорошо известного юному зрителю писателя, но и драматурга, прекрасно понимающего кукольный театр. В результате театр получил пьесу высокого литературного качества на острую волнующую наших ребят тему — обороны родной страны...»⁶

По сути, это именно так, хотя по отношению к кукольному миру пафос звучит несколько натянуто. Стоит заметить, что в волшебном городе кукол главная ценность — не светлое будущее, а реализованное настоящее: уют и содружество (по сути — ценности «филистерские»), ради которых герои готовы к борьбе с таящейся близко опасностью.

Противоположностью мира живых кукол, обратной стороной художественного двоемрия в пьесе становится некий «темный мир», в котором обитает Повелитель крыс, враждебный наивному и милому бытию кукол. Как было сказано ранее, Шварц не сгущал зловещие краски в детском спектакле, старался уравновешивать мрак светом, но сама «ночная» атмосфера, сопутствующая враждебному образу, представлена весьма отчетливо.

Когда после первой попытки вторжения враг схвачен и заточен в клетку, перипетии не заканчиваются, и в ночи злое начало вновь копит силы:

Декорация предыдущей картины. Всюду погашены огни. Ночь. На небе сияет луна. Только над клеткой, где сидит Повелитель крыс, горит фонарь да светятся глаза.

П о в е л и т е л ь к р ы с (поет).
Солнце скрылось прочь, прочь,
Наступила ночь, ночь,

⁵ Поршнева А. С. «Щелкунчик» Э. Т. А. Гофмана и ранний немецкий романтизм // Филологический класс. 2016. № 3 (45). С. 92.

⁶ Биневи́ч Е. М. Евгений Шварц. Хроника жизни. СПб.: Изд-во ДНК: Петрополис, 2008. [Online]. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/binevich-evgenij-mihajlovich/evgenij-shvarc-hronika-zhizni> (Accessed: 4.07.2022).

Люди крепко спят, спят —
 На охоту, брат, брат.
 В темноте густой-стой,
 В чаще под листвой-вой,
 Нет тебя сильней, друг,
 Налетай и бей вдруг.
 Верен острый глаз, глаз,
 Бьем всего лишь раз, раз,
 Хоть темна ты, ночь, ночь.

С в и н ь я. Что это за песня?

П о в е л и т е л ь к р ы с. Так... разбойничья...

С в и н ь я. Смотри, Рита, какой большой кажется луна.

<...>

С в и н ь я. Смотри, Рита, вон какая-то птица летит прямо на луну. Какая страшная!⁷

Может показаться, что корыстная Свинья, решив перейти на сторону противника, лишь отвлекает куклу, однако в песне Повелителя крыс таится намек на будущее развитие событий. И страшная ночная птица действительно появляется в пьесе, по сути, песня эта становится неким аналогом магического призывания на помощь темной силы леса, которую воплощает эта птица:

С о в а. Ха-ха-ха-ха! Чу-у-удная обновка. Просто у-у-ужас какая чу-у-уд-ная. (Надевает на нос черные очки.) Чу-у-у-удно. Темно, как ночью. (Поет.)

Опустился черный мрак,
 Берегись, несчастный враг.
 Я лечу и хохочу,
 И сейчас тебя схвачу.
 Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
 Я сейчас тебя схвачу⁸.

Шварц тонко и чутко реализует уже накопленный потенциал романтической эстетики с его основными мотивами тайны, мрака, интриги. Сам Повелитель крыс маскируется под матрешку, заворачиваясь в платок, позже крысы подгрызают мост:

Между первой и второй картинами возможна интермедия-пантомима — куклы или тени: мостик под оврагом, крысы грызут доски. Мастер, Тигр, Рита, Кошка идут. Мастер доходит до середины Моста, и тот рушится. Мастер падает в овраг⁹.

⁷ Шварц Е. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. С. 93–94.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же. С. 81.

Разумеется, пьеса оканчивается благополучно, жители кукольного города одерживают победу над противниками, и в финальной битве игрушек с крысами также прочитывается аллюзия на Гофмана — главу «Битва» из «Щелкунчика». При этом сражение кукол с мышами у немецкого романтика — не финальный, а промежуточный эпизод, в котором одерживают верх именно мыши, но сама Мари в решающий момент проявляет мужество ради спасения погибающего героя.

Да и чудесный город в «Щелкунчике» открывается в финале как некий апофеоз торжества над темными силами, тогда как у Шварца сам город — воплощение добра, взаимовыручки и теплого, доверительного согласия.

Таким образом, Шварц в «Кукольном городе» использует иное распределение смысловых, ценностных акцентов между тьмой и светом, нежели Гофман, но, вне всякого сомнения, опирается именно на гофмановскую модель. В данном случае аллюзии очевидны, однако вопрос рецепции этой модели на более глубоком художественном уровне требует внимательного подхода.

Разумеется, сюжет «Щелкунчика» был известен Шварцу, эта сказка приобретает популярность в различных вариантах русского перевода еще с 1830–1840 гг., а затем русифицированное название ее закрепляется благодаря переводу С. В. Флерова и знаменитому балету П. И. Чайковского¹⁰.

Но важно обратить внимание на общение драматурга с группой «Серапионовы братья» еще в 1930-х гг. Уже одно название этого творческого союза, куда входили Л. Н. Лунц, В. А. Каверин, М. Л. Слонимский и др., недвусмысленно отсылает к знаменитому циклу произведений немецкого романтика, хотя Лунц в одной из своих программных статей настаивал: «Мы не школа, не направление, не студия подражания Гофману. <...> Мы назвали Серапионовыми братьями, потому что не хотим принуждения и скуки, не хотим, чтобы все писали одинаково, хотя бы и в подражание Гофману»¹¹. Но вне всякого сомнения, этот автор был для членов кружка весьма значимой фигурой, а Каверин, близко знакомый со Шварцем, в своих ранних произведениях использовал именно гофмановские мотивы и реминисценции.

Тема творческого взаимодействия Каверина и Шварца именно в русле художественной модели немецкого романтизма требует особого, углубленного осмысления, здесь же можно достаточно уверенно утверждать, что такое влияние наблюдается, прежде всего, в ключе особого типа двоемрия, отмеченного выше. И городской топос как сфера причудливого, фантазмагоричного взаимопроникновения обыденности и мистического начала

¹⁰ Литвякова Н. В. Рецепция сказки Э. Т. А. Гофмана «Nussknacker und Mausekonig» в России XIX в // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 15–16. <https://doi.org/10.17223/15617793/374/3>

¹¹ Лунц Л. Н. Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007. С. 344.

встречается не только в пьесе «Кукольный город». Весьма показательна в этом отношении сказочная пьеса Шварца «Приключения Гогенштауфена» 1934 г.

Прежде всего стоит обратить внимание, что действие происходит в обычном, на первый взгляд, советском городе. Однако с первых сцен начинают раскрываться его магические тайны, одна из героинь, Кофейкина, оказывается доброй феей, которая ведет давнюю борьбу с силами зла.

Эти темные силы воплощает в пьесе бюрократка Упырева, фамилия которой — в полной мере «говорящая». Шварц, по всей видимости, стремился придать своему произведению сатирический оттенок, однако сказочное, магическое начало там представлено отнюдь не в переносном смысле, и мотив вампиризма следует здесь рассмотреть особо.

Также в этом произведении, как и в «Кукольном городе», важным значением обладает контраст ночи и дня, столь характерный именно для художественной модели немецкого романтизма. Именно в ночи оживает магия, происходят невероятные события, Кофейкина демонстрирует свои волшебные способности, открывая Пантелею Гогенштауфену страшную тайну Упыревой. Стена становится прозрачной, оживают пишущие машинки, сама Кофейкина летает на пылесосе.

«Романтики проявляли особый интерес к “ночным сторонам природы” — к страшным и таинственным явлениям, смущающим человека, и усматривали в них игру неведомых, мистических сил. Гофман одним из первых в мировой литературе исследовал “ночные стороны” души»¹². Такое исследование темных сторон самой человеческой природы мы обнаруживаем и в сказочных мотивах Шварца. Однако в его пьесах для взрослых заметно усложнение оппозиции «свет — сумрак».

Как мы видим в примере с «Гогенштауфеном», мир ночи не тождествен злу как таковому, он представляет собой некую область «проявления тайны», когда город может показать свою мистическую «изнанку». Упырева совершенно свободно действует в дневное время как умерщвляющий живое начало бюрократ, ночь являет более жуткую изначальную сущность этой деятельности, ее бытийную подоплеку.

Характеризуя фантасмагоричность Гофмана, Шлапоберская отмечает способность немецкого романтика «одним мановением превращать унылую повседневность в сказочную феерию, бытовые предметы — в волшебные аксессуары, обыкновенных людей — в магов и кудесников»¹³. Добавим, что феерия эта может быть не праздничной, но мрачно-завораживающей. В сказочной пьесе Шварца «Тень» также очень ярко представлена

¹² Шлапоберская С. Сказка и жизнь у Э.-Т.-А. Гофмана // Эрнст Теодор Амадей Гофман. Новеллы / вступ. ст. и примеч. С. Шлапоберской. М.: Художественная литература, 1983. С. 8.

¹³ Там же. С. 7.

романтическая модель городского топоса: область сумерек, ночи — нечеткая граница реальности, проникновение фантазии в привычную жизнь:

Плед станет пледом, часы часами, а этот зловещий незнакомец исчезнет. (Шарит руками по столу.) Ну, вот и очки. (Надевает очки и вскрикивает.) Что это?

В кресле сидит очень красивая, роскошно одетая девушка в маске. За ее спиной — лысый старик в сюртуке со звездой. А к стене прижался длинный, тощий, бледный человек в черном фраке и ослепительном белье. На руке его бриллиантовый перстень.

(Бормочет, зажигая свечу.) Что за чудеса? Я скромный ученый — откуда у меня такие важные гости?.. Здравствуйте, господа! Я очень рад вам, господа, но... не объясните ли вы мне, чем я обязан такой чести? Вы молчите? Ах, все понятно. Я задремал. Я вижу сон.

Д е у ш к а в м а с к е. Нет, это не сон.

У ч е н ы й. Вот как! Но что же это тогда?

Д е у ш к а в м а с к е. Это такая сказка. До свидания, господин ученый! Мы еще увидимся с вами.

Ч е л о в е к в о ф р а к е. До свидания, ученый! Мы еще встретимся¹⁴.

Да и само отделение Тени от Ученого происходит именно ночью:

Ученый отходит от двери. Тень ученого вдруг отделяется от него. Вытягивается в полный рост на противоположном балконе. Нырять в дверь, которую девушка, уходя, оставила полуоткрытой.

Что это?.. У меня какое-то странное чувство в ногах... и во всем теле... Я... я заболел? Я... (Шатается, падает в кресло, звонит.)¹⁵

При сопоставлении с исходной сказкой Андерсена можно заметить как сходство, так и существенное различие. Разумеется, у Андерсена, в соответствии с принципом романтического двоемирия, противопоставлены светлое и сумеречное время суток, но совершенно по другому принципу. Солнечный свет губителен, а ночь — живительна:

Он исхудал, и даже тень его как-то вся съежилась и стала куда меньше, чем была на родине: жара сказывалась и на ней. Оба они — и ученый, и тень — оживали только с наступлением вечера.

И, право, любо было посмотреть на них! Как только в комнату вносили свечу, тень растягивалась во всю стену, захватывала даже часть потолка — ей ведь надо было потянуться хорошенько, чтобы вновь набраться сил.

Ученый выходил на балкон и тоже потягивался и, как только в ясном вечернем небе зажигались звезды, чувствовал, что вновь возрождается к жизни¹⁶.

¹⁴ Шварц Е. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Андерсен Г.-Х. Собрание сочинений в одном томе. СПб.: Ленинградское издательство, 2010. С. 427–428.

Но в то же самое время к жизни возрождается и сам город, становясь более праздничным:

Оживление царило и внизу — на улице, и наверху — на балконах. Башмачники, портные и прочий рабочий люд — все высыпали на улицу, выносили на тротуары столы и стулья и зажигали свечи. Их были сотни, этих свечей, а люди — кто пел, кто разговаривал, кто просто гулял¹⁷.

По сути, фантазмагорична у Андерсена лишь сама тень, которая именно в ночи отделяется от своего хозяина. И сам Ученый при этом, в отличие от героя Шварца, не испытывает никакого «ущерба», перемены в самой своей цельности.

Шварц подчеркивает мистическую глубину сумерек и ночи, загадочно-зловещие очертания судьбы в фигурах, предстающих перед героем, словно вырастающих из сумрака, а также бытийную значимость отделения тени от своего «хозяина». Можно предположить в данном случае влияние иной художественной модели романтизма, которую Шварц накладывал на сюжет Андерсена, трансформируя смыслы, заложенные в андерсеновском варианте двоемирия.

И гораздо ближе Гофману сама реализация фантастического в обыденной жизни сказочного городского топоса пьесы «Тень» — по сути это амбивалентность самой «дневной жизни»:

А н н у н ц и а т а. Вы не знаете, что живете в совсем особенной стране. Все, что рассказывают в сказках, все, что кажется у других народов выдумкой, — у нас бывает на самом деле каждый день. Вот, например. Спящая красавица жила в пяти часах ходьбы от табачной лавочки — той, что направо от фонтана. Только теперь Спящая красавица умерла. Людоед до сих пор жив и работает в городском ломбарде оценщиком. Мальчик с пальчик женился на очень высокой женщине, по прозвищу Гренадер, и дети их — люди обыкновенного роста, как вы да я. И знаете, что удивительно? Эта женщина, по прозвищу Гренадер, совершенно под башмаком у Мальчика с пальчик.

<...>

П ь е т р о. Платит. Но он, четырнадцатый, ничтожный человек. Его терпеть не может наш первый министр. А тот, проклятый неплательщик, пятнадцатый, работает в нашей трижды гнусной газете. О, пусть весь мир провалится! Верчусь, как штопор, вытягиваю деньги из жильцов моей несчастной гостиницы и не свожу концы с концами. Еще приходится служить, чтобы не околеть с голоду.

У ч е н ы й. А разве вы служите?

П ь е т р о. Да.

У ч е н ы й. Где?

П ь е т р о. Оценщиком в городском ломбарде¹⁸.

¹⁷ Андерсен Г.-Х. Собрание сочинений в одном томе. С. 428.

¹⁸ Шварц Е. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. С. 11-15.

В отличие от симпатичных и однозначных героев «Кукольного города», сказочные обитатели здесь амбивалентны, и их чудесная, волшебная сторона — довольно опасная изнанка «дневного», простого облика. В этом аспекте герои «Тени» у Шварца, как и героини «Приключений Гогенштауфена» ближе к гофмановским персонажам. Амбивалентностью такого рода обладают в фантасмагорических мирах Гофмана и Фея Розабельверде, и ее антагонист (хотя антагонист довольно условный) Проспер Альпанус; архивариус Линдгорст и фрау Рауэрих; герои таких сказок, как «Повелитель блох», «Чудесное дитя», «Королевская невеста» и, разумеется, Дроссельмейер из «Щелкунчика». Даже добрые маги в своей магической «изнанке» у Гофмана проявляют свойства грозные и пугающие.

Сама диада Ученый — Тень у Шварца обладает более мистической и драматичной внутренней связью. Первоначально, как и у Андерсена, Тень оживает в погоне за романтической мечтой, но при отделении отнимает, забирает с собой часть внутренней силы Ученого.

Интерпретация слов героя («У меня какое-то странное чувство в ногах... и во всем теле... Я... я заболел? Я...») из цитаты, приведенной выше, возможно, требует более детального анализа в контексте произведения, но, по всей видимости, может быть связана с контекстом погони за мечтой — самим идеальным образом Принцессы, по сути антагонистичным живой Аннунциате. Однако стоит рассмотреть и сам этот мотив утраты жизненных сил, вернувшись к образу Упыревой из «Гогенштауфена».

Безусловно, мотив вампиризма характерен именно для романтической литературы, во многом благодаря интересу романтиков к фольклору¹⁹, однако в художественной литературе приобретает иной оттенок. И здесь стоит вспомнить не только «Вампира» Дж. Полидори или «Гузлу» П. Мериме, которые, вне всякого сомнения, повлияли и на популярность этого мотива в русском романтизме²⁰, но более раннюю балладу И.-В. Гете «Коринфская невеста» (нем. *Die Braut von Corinth*, 1798), переведенную А. К. Толстым в 1868 г.

Образ девушки-вампира в этом поэтическом произведении, безусловно, амбивалентней и драматичней малоприятной героини Шварца, однако можно усмотреть некую параллель в их стремлениях. Невеста, отлученная от радостей бытия своей фанатичной матерью, «идет за жизнью» после физической смерти (в переводе Толстого; в оригинале же — *Noch zu suchen das vermißte Gut*); Упырева стремится отобрать радость жизни у Пантелея Гогенштауфена, лишив его любви к Марусе. Таким образом, в обоих вариантах вампирического образа подчеркивается в большей степени его

¹⁹ Никольский Е. В. Образы вампиров в повестях В. И. Даля и А. К. Толстого в контексте европейского романтизма // *Studia humanitatis*. 2015. № 4. URL https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25957755_69670541.pdf (дата обращения: 23.06.2022).

²⁰ Там же.

философски-мистическая сущность, а любовь приравнивается к мотиву жизненной силы / крови. Сходную интерпретацию исследователи обнаруживают преимущественно у А. К. Толстого, но отчасти и у И. С. Тургенева (Эллис в «Призраках») ²¹. Толстой, вне всякого сомнения, развивал этот мотив с опорой на Гете. В любом случае такое осмысление вампиризма не свойственно фольклору ²².

В данном случае не представляется возможным проследить непосредственную связь между произведением Гете и концепцией вампиризма у Шварца, но не стоит оставлять без внимания более основательную возможность комплексного влияния образных романтических моделей. Тем важнее отметить метафорический «вампиризм» как лишение человека жизненной силы и радости в пьесе «Снежная королева» и прозаической сказке «Два брата».

Здесь снова сравним вариант Шварца с исходным текстом Андерсена:

У! Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть ²³.

Сердце мальчика уже частично заморожено осколком зеркала до поцелуя Снежной Королевы. В интерпретации Шварца именно ледяной поцелуем отнимает у Кея способность любить своих близких, видеть красоту роз и всего мира.

В сказке «Два брата» аналогом Снежной Королевы становится злоеший Прадедущка Мороз, который превращает в ледышки живых существ, в том числе Младшего брата, но также пытается сделать Старшего своим «учеником»:

И старик хвалил мальчика за спокойствие. Стоя у печки неподвижно, как столб, глядя, как превращаются в лед птицы, зайцы, белки, Прадедущка Мороз говорил:

– Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» — какие великие слова. С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев. «Оставь меня в покое!» Эти. Великие. Слова. Установят. Когда-нибудь. Вечный. Покой. На земле ²⁴.

Переключаясь в этих словах со сценой из «Снежной Королевы» Андерсена, слова Прадедущки Мороза более отчетливо акцентируют столь важ-

²¹ Долгих Ю. А. Вампир как персонаж русской фантастической литературы начала XIX в. // Летняя школа по русской литературе. 2012. Т. 8. № 1. С. 225–226.

²² Ivey D. The Vampire Myth and Christianity (2010). Master of Liberal Studies Theses. 16. P. 38–39. URL: <http://scholarship.rollins.edu/mls/16> (дата обращения: 26.06.2022).

²³ Андерсен Г.-Х. Собрание сочинений в одном томе. С. 368.

²⁴ Шварц Е. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. С. 59.

ное для Шварца противопоставление холода и любви. И если именно так интерпретировать «вампирический» мотив, сопоставляя трех персонажей отечественного драматурга, то его вариант романтического двоемирия становится более отчетливым. И Упырева, и Снежная Королева, и Прадедушка Мороз — это существа из того «сумрака», который представляет собой изнанку «дня», полного теплых отношений и красоты бытия.

Показательно также, что «день» в художественной модели Шварца обладает романтическим смыслом детского мировосприятия, которое «становится одним из критериев человека, сохранение детскости — одним из требований, предъявляемых романтиками к взрослому. Под детскостью имеется в виду прежде всего чистота души, несколько наивное, интуитивное, но незамутненное, неразвращенное, неиспорченное восприятие мира; от взрослого человека требуется сохранять взгляд “первооткрытия”, чтобы мочь видеть красоту жизни»²⁵.

Этой детскостью, разумеется, в прямом смысле обладает Герда, но в переносном она присуща и жителям Кукольного города, и Марусе, и Аннунциате. И с одной стороны — это именно то наивное детство души в романтическом понимании, которое открыто свету, творчеству, природе, но с другой стороны, оно чувствительно к тайне и сумраку — в самых различных их соотношениях.

И сам сумрак, сама «теневая» сторона бытия — неоднозначны во всех произведениях Шварца. Вспомним хотя бы послевоенную «Золушку» (1947) — сценарий, полный надежды на праздник, любовь, обновление жизни. Именно вечером к отчаявшейся героине является Фея Крестная:

Музыка звучит все громче и громче, а за окном становится все светлее и светлее. Вечерние сумерки растаяли. Золушка открывает окно и прыгает в сад. И она видит: невысоко, над деревьями сада, по воздуху шагает не спеша богато и вместе с тем солидно, соответственно возрасту одетая пожилая дама. Ее сопровождает мальчик-паж²⁶.

Чудо совершается в сумерках, озаряя сами сумерки волшебным светом. Этот образ явно привнесен в сюжет Перро под влиянием романтической модели двоемирия. Да и само преобразование феи в молодую красавицу отсутствует у Перро. Кинематографически это воплотилось в особом контрасте света и тени, заметном в черно-белом оригинале, где сказочная мрачноватость подчеркивает ощущение тайны, контраст мерцающей белизны и темного фона. Важна и такая деталь:

– В прошлый раз ты появилась из темного угла за очагом, а сегодня пришла по воздуху...²⁷

²⁵ Карандашова О. С. О влиянии романтизма на русскую детскую литературу. С. 28.

²⁶ Шварц Е. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. С. 112.

²⁷ Там же.

Появление из мрака и сама двойственность, переменчивость волшебного создания свойственны гофмановским образам, прежде всего — Дроссельмейеру. Таким образом, мы можем предположить, что Шварц, следуя более поздней традиции, придает сюжету Перро иной колорит, свойственный романтическому мировосприятию. И со всей очевидностью к художественной модели немецкой романтической сказки отсылает «ночная» сцена на самом балу, где присутствует маг, отправляющий героев в волшебную страну грез:

Он вынимает из кармана маленькую трубочку и кисет. Тщательно набивает трубочку табаком. Раскуривает трубку, затягивается табачным дымом во всю свою богатырскую грудь и затем принимается дуть, дуть, дуть. Дым заполняет весь бальный зал. Раздается нежная, негромкая музыка.

Дым рассеивается. Принц и Золушка плывут по озеру, освещенному лунной. Легкая лодка скользит по спокойной воде не спеша, двигается сама собой, слегка покачиваясь под музыку²⁸.

В этой сцене, отсутствующей у Перро, можно заметить реминисценцию из «Щелкунчика» — когда герои по воле Дроссельмейера оказываются в Конфетенбурге. Но, в отличие от сюжета Гофмана, — в начале, а не в финале своего пути друг к другу сквозь препятствия (как и в случае с пьесой «Кукольный город»).

Влияние модели романтического топоса Гофмана и немецких романтиков на поэтику творчества Е. Л. Шварца стоит в дальнейшем рассматривать более детально на примере образа города, который представлен и в таких сказках, как «Снежная королева», «Сказка о потерянном времени», «Дракон».

Но уже в рассмотренных примерах мы можем обнаружить существенное влияние концепта романтического двоемирия, восходящего к более ранним образцам, чем сказки Андерсена, что проявляется и в самом взаимодействии тени и света, и в романтическом воплощении городского топоса, и в образах магического, потустороннего, фантазмагорического мира. Вслед за русскими романтиками, которые использовали «гофмановскую тему не в целях подражания, а для выражения собственных идей в духе философского универсализма»²⁹, Шварц разворачивает свои мировоззренческие ценности в этой сказочной сфере столкновения бытийных начал.

Таким образом, благодаря сопоставительному анализу и методу исторической поэтики, в сказках Шварца мы обнаруживаем влияние не только произведений Андерсена, но и более ранних художественных моделей романтизма, включая тот тип двоемирия, который присущ в большей степени творчеству Гофмана, а в некоторых случаях (мотив вампиризма) — восходит к иным линиям романтической традиции.

²⁸ Шварц Е. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3. С. 126–127.

²⁹ Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): к проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977. С. 88.

Литература

- Биневи́ч Е. М. Евгений Шварц. Хроника жизни. СПб.: Изд-во ДНК: Петрополис, 2008. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/binevich-evgenij-mihajlovich/evgenij-shvarc-hronika-zhizni> (дата обращения: 4.07.2022).
- Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): к проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
- Греков В. Н. Жизнь и мираж (О сказках В. Ф. Одоевского) // *Одоевский В. Ф. Пестрые сказки; Сказки дедушки Иринея* / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Н. Грекова. М.: Худож. лит., 1993. С. 5–22.
- Долгих Ю. А. Вампир как персонаж русской фантастической литературы начала XIX в. // *Летняя школа по русской литературе*. 2012. Т. 8. № 1. С. 216–226.
- Карандашова О. С. О влиянии романтизма на русскую детскую литературу // *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*. 2019. № 3 (62). С. 27–31.
- Литвякова Н. В. Рецепция сказки Э. Т. А. Гофмана “Nussknacker und Mausekönig” в России XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 374. С. 15–19. <https://doi.org/10.17223/15617793/374/3>
- Луниц Л. Н. Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007.
- Никольский Е. В. Образы вампиров в повестях В. И. Даля и А. К. Толстого в контексте европейского романтизма // *Studia humanitatis*. 2015. № 4. URL https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25957755_69670541.pdf (дата обращения: 23.06.2022).
- Поршнева А. С. «Щелкунчик» Э. Т. А. Гофмана и ранний немецкий романтизм // *Филологический класс*. 2016. № 3 (45). С. 91–97.
- Шлапоберская С. Сказка и жизнь у Э.-Т.-А. Гофмана // Эрнст Теодор Амадей Гофман. Новеллы / вступ. ст. и примеч. С. Шлапоберской. М.: Художественная литература, 1983. С. 3–12.
- Ivey D. *The Vampire Myth and Christianity* (2010). Master of Liberal Studies. 16. URL: <http://scholarship.rollins.edu/mls/16> (дата обращения: 26.06.2022).

References

- Binevich, E. M., 2008. *Evgenii Shvarts. Khronika zhizni*. [Eugene Schwartz. Chronicle of life] Saint Petersburg: Izd-vo DNK: Petropolis. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/binevich-evgenij-mihajlovich/evgenij-shvarc-hronika-zhizni> (Accessed: 4.07.2022).
- Botnikova, A. B., 1977. *E. T. A. Gofman i russkaia literatura (pervaia polovina XIX veka): K probleme russko-nemetskikh literaturnykh svyazei* [E. T. A. Hoffman and Russian Literature (the First Half of the XIX Century): on the Problem of Russian-German Literary Relations]. Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. un-ta.
- Grekov, V. N., 1993. *Zhizn' i mirazh (O skazkakh V. F. Odоеvskogo)* [Life and Mirage (About V. F. Odоеvsky's Fairy Tales)] In: V. N. Grekov, ed., 1993. *Odоеvskii V. F. Pestrye skazki; Skazki dedushki Irineia* [Odоеvsky V. F. Variegated Fairy Tales; Fairy Tales of Grandfather Irinei]. Moscow: Khudozh. lit., pp. 5–22.

- Dolgikh, Iu. A., 2012. Vampir kak personazh russkoi fantasticheskoi literatury nachala XIX v. [The Vampire as a Character in Russian Fantasy Literature of the Early XIX Century]. *Letniiaia shkola po russkoi literature*, 8 (1), pp. 216–226.
- Ivey, D., 2010. The Vampire Myth and Christianity. *Master of Liberal Studies*, 16 [Online]. Available at: <http://scholarship.rollins.edu/mls/16> (Accessed: 26.06.2022).
- Karandashova, O. S., 2019. O vliianii romantizma na russkuiu detskuiu literaturu [Regarding the Influence of Romanticism on Russian Children's Literature] In: *Vestnik TvGU. Serii: filologiya*, 3 (62), pp. 27–31.
- Litviakova, N. V., 2013. Retseptsii skazki E. T. A. Gofmana “Nusknacker und Mausekonig” v Rossii XIX v. [Reception of E. T. A. Hoffman's Fairy Tale “Nusknacker und Mausekonig” in Russia of the XIX Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 374, pp. 15–19. <https://doi.org/10.17223/15617793/374/3>
- Lunts, L. N., 2007. *Literaturnoe nasledie* [Literary Heritage]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Nikol'skii, E. V., 2015. Obrazy vampirov v povestiakh V. I. Dalia i A. K. Tolstogo v kontekste evropeiskogo romantizma [Images of Vampires in Stories by V. I. Dal and A. K. Tolstoy in the Context of European Romanticism]. *Studia humanitatis*, 4 [Online]. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25957755_69670541.pdf (Accessed: 23.06.2022).
- Porshneva, A. S., 2016. “Shchelkunchik” E. T. A. Gofmana i rannii nemetskii romantizm [E. T. A. Hoffmann's “The Nutcracker” and the Early German Romanticism]. *Filologicheskii klass*, 3 (45), pp. 91–97.
- Shlapoberskaia, S., 1983. Skazka i zhizn' u E.-T.-A. Gofmana [The Fairy tale and the life of E.-T.-A. Hoffman]. In: S. Shlapoberskaia, ed., 1983. *Ernst Teodor Amadei Gofman. Novelly* [Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Stories]. Moscow: Hudozhestvennaia literatura, pp. 3–12.

**НАУЧНЫЙ РАБОТНИК
В ОБЛАСТИ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА
МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ СМИРНОВ**

Милана Живанович

Доктор философии (история),
научный сотрудник,
Институт новейшей истории Сербии
Почтовый адрес: Трг Николе Пашича, 11,
Белград, 11000, Республика Сербия
Электронный адрес: milana.zivanovic@yahoo.com
ORCID: 0000-0003-4130-0408

Аннотация

В статье с использованием новых архивных материалов, а также литературы на английском языке, дается биография представителя русского зарубежья в Югославии, научного работника новой отрасли международного права, которая начала складываться с запуском первого искусственного спутника Земли в космос в 1957 г., Михаила Сергеевича Смирнова. Представитель второго поколения русских беженцев, он вынужденно покинул свою родину еще мальчиком и обосновался с семьей в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия. Окончил юридический факультет в столице Белграде, затем — и юридический факультет в Париже, где стал доктором наук, и Институт высших международных исследований при этом учреждении. С запуском первого спутника в 1957 г. специалист по авиационному праву М. С. Смирнов все больше внимания стал уделять изучению новых аспектов воздушного права, связанных с освоением космоса: выступал с докладами на международных встречах экспертов по космическому праву, его работы публиковались в отечественных и иностранных журналах, цитировались многими зарубежными авторами. Ученый стал членом Международной астронавтической академии, Международной астронавтической федерации, первым директором Международного института космического права. Михаил Сергеевич Смирнов был кандидатом в члены-корреспонденты Сербской академии наук и искусств. Тем не менее его имя почти забыто в Сербии.

Ключевые слова

Михаил Сергеевич Смирнов, космическое право, Югославия, русская эмиграция
Статья поступила в редакцию 11 мая 2022 г.

Цитирование: *Живанович М.* Научный работник в области космического права Михаил Сергеевич Смирнов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 53–71. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.04>

SPACE LAW RESEARCHER MIKHAIL SMIRNOV

Milana Živanović

Ph. D. in History,
Research Associate,
Institute for Contemporary History of Serbia
Postal address: Trg Nikole Pašića, 11,
Belgrade, 11000, Republic of Serbia
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com
ORCID: 0000-0003-4130-0408

Abstract

Based on the new archival documents and literature in English, the paper presents the biography of Mikhail Sergeevich Smirnov, representative of the Russian diaspora in Yugoslavia and researcher of a new branch of international law, which began to develop in 1957 with the launch of the first artificial Earth satellite. He was a second-generation Russian refugee, who was forced to leave his homeland as a little boy. He settled in the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia alongside his family. He graduated from Law School in the state capital, Belgrade, then from Paris Law School, where he obtained his doctorate, and then from Paris Law School's Institute for Higher International Sciences. After the launch of the first satellite in 1957, Mikhail Smirnov, an aviation law expert, started paying more attention to the new aspects of aviation law associated with space exploration: he spoke at a number of international meetings of specialists in this field of law. His works were published in domestic and international journals and his papers were cited by many authors. The scientist became a member of the International Astronautical Academy, the International Astronautical Federation, and the first president of the International Institute of Space Law. Smirnov was even a Serbian Academy of Sciences and Arts corresponding member candidate. Nevertheless, he was almost completely forgotten in Serbia.

Keywords

Mikhail Sergeevich Smirnov, Space law, Yugoslavia, Russian emigration

Received 11 May 2022

How to cite: Živanović, M., 2022. Nauchnyi rabotnik v oblasti kosmicheskogo prava Mikhail Sergeevich Smirnov [Space Law Researcher Mikhail Smirnov]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 53–71. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.04>

Приезд более сорока тысяч русских беженцев, среди которых было значительное количество представителей интеллигенции, в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия) в период с 1919 по 1923 г. имел колоссальное значение для нового государства на Балканах¹. В межвоенный период русские ученые-эмигранты учредили научные институты, научные общества, основали новые отрасли науки, внося таким образом весомый вклад в развитие науки Королевства Югославия². После Второй мировой войны — теперь уже в социалистической Югославии — научной деятельностью продолжили заниматься не только представители первого поколения русских эмигрантов, но и их потомки — те, кто родился и/или вырос, учился в Королевстве СХС. Среди них был и Михаил Сергеевич Смирнов, научный работник в области космического права³.

Михаил Сергеевич Смирнов родился в 1911 г. в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян. Его отец Сергей Николаевич Смирнов (1877–1958) был известной фигурой в дореволюционной России: он принимал участие в сооружении Троицкого моста в Санкт-Петербурге, спроектировал и построил много храмов, среди которых и столичный Спас-на-Водах, став таким образом одним из самых известных в России и в Европе инженеров⁴. В 1916 г. С. Н. Смирнов был назначен управляющим царскими имениями в Павловске, владельцем которого был князь императорской крови Иоанн Константинович Романов (1886–1918), супруг княгини Елены Петровны, дочери сербского короля Петра I, сестры будущего короля Александра I Карагеоргиевича. Данная служба в каком-то смысле предопределила его жизненный путь. В июле 1918 г. Сергея Смирнова вместе с княгиней Еленой Романовой арестовали большевики, в заключении он находился до конца февраля 1919 г., когда был освобожден благодаря усилиям самой княгини

¹ Арсеньев А. Б. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии / ред. колл. А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович. М.: Индрик, 1996; Јовановић М. Досељаванье руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996; *Идет*. Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006.

² Арсеньев А. Б. Русская диаспора в Югославии. С. 47.

³ Архив Сербской академии наук и искусств (далее — АСНИ). Ф. Административный архив (далее — АА). Оп. 747. Реферат. С. 187.

⁴ Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Белград: Архив Сербской православной церкви; Центр российских и восточно-славянских исследований им. Мирослава Йовановича Философского факультета Белградского Университета; М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. Кн. 1. С. 621; Кузьмичева Л. В. Воспоминания С. Н. Смирнова как источник по истории сербско-русских отношений в годы Первой мировой и Гражданской войн // Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 255.

ни⁵. После освобождения из тюрьмы он покинул Россию и в марте 1919 г. оказался в Стокгольме⁶. В эмиграции, в Королевстве СХС Смирнов станет управляющим двором и секретарем Елены Петровны, личным библиотекарем короля Александра⁷, придворным архитектором и инженером⁸.

Сведения о жизни и судьбе семьи Сергея Николаевича Смирнова, его супруги и детей, в период 1918–1919 гг. — обрывочные. Известно, что Смирновы в ходе бегства застряли в Таганроге⁹. Когда именно они эвакуировались из России, к сожалению, нам не удалось установить. В написанном членами Сербской академии наук и искусств реферате о выдвижении кандидатуры Михаила Сергеевича Смирнова в члены-корреспонденты Академии содержится информация о том, что он вместе с родителями и остальными членами семьи приехал в Белград 16 декабря 1919 г.¹⁰ Предполагаем, что данная информация была предоставлена самим кандидатом — Михаилом Смирновым.

По приезду в югославскую столицу Михаил Сергеевич Смирнов поступил в начальную школу. В 1928 г. он окончит Первую русско-сербскую гимназию в Белграде, через четыре года, в марте 1933 г., в возрасте 22 лет, — и юридический факультет Белградского университета. Получив осенью 1934 г. стипендию французского правительства, Смирнов продолжил обучение в Париже, на юридическом факультете¹¹, где в июне 1936 г. защитил свою докторскую диссертацию по теме «Международный технический комитет экспертов в области воздушного права — его деятельность и организация»¹². В то же время, с 1933 по 1935 гг. он учился и в Институте высших международных исследований при юридическом факультете в Париже. В 1936 г. М. С. Смирнов вернулся в Югославию, принял югославское подданство. Он прошел военную службу в Школе для офицеров артиллерии в запасе в городе Сараево (Босния и Герцеговина), по окончании которой получил чин подпоручика артиллерии в запасе¹³.

⁵ Последњи сведок: догађаји из Јекатеринбурга и Алапајевска у мемоарима принцезе Јелене Српске / прир. Г. И. Шевцова, Н. Неујмин, О. Потјомкина. Београд: Центар Руског географског друштва у Србији, 2022. С. 39; Кузьмичева Л. В. Воспоминания С. Н. Смирнова... С. 258, 264.

⁶ Кузьмичева Л. В. Воспоминания С. Н. Смирнова... С. 258.

⁷ Последњи сведок. С. 144, 272.

⁸ Кузьмичева Л. В. Воспоминания С. Н. Смирнова... С. 266, 269.

⁹ Там же. С. 258.

¹⁰ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 187.

¹¹ Правда. 1934. 2. X. С. 17.

¹² Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах... С. 623; АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 187; Архив Югославии (далее — АЮ). Ф. 783. Институт внешней торговли. Оп. 4. Отчет о результатах научно-исследовательской работы Смирнова (далее — Отчет). С. 1.

¹³ Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах... С. 623; АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 187–188.

С октября 1937 по февраль 1941 г. М. С. Смирнов работал в правовом отделе Дирекции гражданской авиации в Земуне (ныне один из районов города Белграда). Уже в этот период его знания в области авиации были востребованы — Смирнов являлся членом делегации на переговорах с Польшей и Германией по заключению договоров в области авиации. Однако на этом закончится его юридическая деятельность в межвоенный период: в феврале 1941 г. Михаил Смирнов был мобилизован в Югославскую королевскую армию¹⁴. Во время Апрельской войны — вторжения Германии, Италии и Венгрии в Югославию — он служил в мастерской по ремонту самолетов в городе Сараево и не принимал участия в боевых действиях. Из письма его отца следует, что у Михаила Смирнова была возможность переодеться в штатское, однако он решил не бросать своих товарищей-сербов, разделив их судьбу¹⁵. Смирнов попал в плен и всю войну — до 1945 г. — провел в немецких лагерях¹⁶. Известно, что он сменил по меньшей мере два лагеря: Офлаг XIII-B и Офлаг IV-C¹⁷. Даже в этих условиях М. С. Смирнов не переставал интеллектуально работать: читал труды по транспортному праву, книги на французском языке, учил немецкий язык¹⁸.

По свидетельствам лагерников, вернувшихся в Югославию, в плену Смирнов зарекомендовал себя антифашистом. Еще одним показателем его идеологических и политических взглядов было недовольство тем, что его младший брат Николай Смирнов, выпускник Первой русско-сербской гимназии в Белграде, уже в сентябре 1941 г. вступил в Русский корпус¹⁹, из которого вышел в следующем году, когда это формирование присоединили к Вермахту. К тому же, по некоторым сведениям, М. С. Смирнов после освобождения из лагеря в конце войны участвовал в боевых действиях с остатками немецких воинских формирований²⁰.

В 1945 г. он вернулся в Югославию²¹, которую с приходом Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии покинул его отец, воз-

¹⁴ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 188.

¹⁵ Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах... С. 623–624.

¹⁶ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 188.

¹⁷ Национальная библиотека Сербии. Р-699. Фонд Сергея Смирнова. 3/7.

¹⁸ Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. М.: Главное архивное управление города Москвы; Центральный государственный архив города; Белград: Архив Србије, 2017. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / сост. А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. С. 885.

¹⁹ Русский охранный корпус — воинское формирование, состоявшее из русских эмигрантов. Оно было создано по инициативе генерала Михаила Федоровича Скородумова и с разрешения начальника Штаба военного коменданта Сербии в сентябре 1941 г. в целях борьбы против коммунистов. Корпус действовал против партизан и был подчинен Главному уполномоченному по хозяйственной деятельности в Сербии Ф. Нойхаузену. См.: Тимофеев А. Ю. Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010. С. 33–34, 37.

²⁰ Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах... С. 624.

²¹ Там же. С. 625.

главлявший в годы немецкой оккупации Сербии административный отдел единой организации русских эмигрантов, созданной приказом командующего немецкими вооруженными силами в Сербии — Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии²². Спустя всего пару месяцев после возвращения из плена, в октябре 1945 г., Михаил Сергеевич Смирнов трудоустроился в Министерстве внешней торговли Югославии. Нехватка кадров, владение в совершенстве иностранными языками — русским, немецким, французским и английским, а также актуальная специальность, несомненно, стали ключевыми факторами при принятии югославскими властями решения о приеме на работу человека, члены семьи которого «сотрудничали с оккупантами»²³. В этом ведомстве он работал до 1950 г., когда Министерство расформировали²⁴.

Министерский период работы М. С. Смирнова отчасти совпал с периодом советско-югославского конфликта (1948–1953/1955), который напрямую повлиял на судьбу многих представителей русского зарубежья в Югославии: их увольняли с работы, преследовали, арестовывали. От тех, кто с соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии» от 14 июня 1946 г., получил советский паспорт, югославские власти требовали принять югославское гражданство, в противном случае их принуждали покинуть страну²⁵. Сталкивался ли в данный период Смирнов с какими-либо трудностями на работе, неизвестно. Также не удалось установить, принял ли он советское гражданство — предполагаем, что нет. Сохранилась служебная характеристика Смирнова того времени. В ней начальник управления персоналом Министерства отметил: «Недостаточно оперативен. По природе довольно труслив и угодлив по отношению к начальству, проявляет инициативу, но недостаточно самостоятелен»²⁶. Важно добавить, что в период с 1948 по 1950 г. отрицательные характеристики определенного числа русских ученых-эмигрантов были написаны представителями югославских органов. С другой стороны, в характеристике Смирнова не присутствовали только отрицательные оценки. Начальник также отметил, что он активно участвовал в деятельности Народного фронта и профсоюза²⁷.

²² Тимофеев А. Ю. Русский фактор... С. 24–25.

²³ Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах... С. 625; Государственный архив Сербии (далее — ГАС). Г-183. Ф. Министерство просвещения. F-XIX-57.

²⁴ АЮ. Ф. 783. Оп. 4. Отчет. С. 1.

²⁵ Тимофејев А., Живановић М. Руска емиграција у Београду од 1920-их до 1950-их. Уводна студија за каталог изложбе. Београд: Историјски архив Београда, 2021.

²⁶ Цит. по: Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах... С. 625.

²⁷ ГАС. Г-183. F-XIX-57.

После расформирования Министерства М. С. Смирнов трудоустроился в Внешнеторговой палате, где работал до 1953 г., затем, с 1953 по 1956 г. — в Союзном институте экономического планирования. С 1956 г. до выхода на пенсию он работал в Институте внешней торговли и являлся одним из его основателей²⁸.

Одновременно со службой в этих учреждениях, ведавших торгово-экономическими вопросами, М. С. Смирнов занимался и научной деятельностью. Сфера его научных интересов до середины 1950-х гг. включала авиационное право. В первом послевоенном десятилетии он изучал частное авиационное право и правовую систему, сформированную в результате подписания Варшавской конвенции 1929 г. для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, а также актов, внесших изменения в данное соглашение²⁹. В 1959 г. Смирнов опубликовал «Югославскую библиографию авиационного права». Важно отметить, что с 1952 г. он был представителем Национального комитета Югославии в Комиссии по авиасообщению при Международной торговой палате, а также референтом ее комитета по авиационному праву³⁰. Однако с 1957 г. М. С. Смирнов все больше внимания станет уделять изучению новых аспектов воздушного права, связанных с освоением космоса.

Международное космическое право, определяемое как «совокупность специальных норм современного общего международного права, регулирующих отношения государств между собой, с международными межправительственными организациями, взаимоотношения таких организаций в связи с осуществлением ими космической деятельности, а также устанавливающих международно-правовой режим такой деятельности в пределах космического пространства, Луны и других небесных тел»³¹, — одна из отраслей международного публичного права, которая начала складываться с запуском первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 г.³² После запуска «Спутника-1» и создания космических аппаратов, в результате которых государства стали размещать объекты в космосе, возникла необходимость урегулировать деятельность в данном пространстве³³. Новые аспекты воздушного права, связанные с освоением космоса, начали рассматриваться специалистами, впоследствии ставшими одновременно первопроходцами и исследователями области космического права, в том числе Михаилом

²⁸ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 188.

²⁹ АЮ. Ф. 783. Оп. 4. Отчет. С. 2.

³⁰ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 188, 196.

³¹ Цит. по: Малков С. П. Международное космическое право: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУАП, 2002. С. 5.

³² Там же. С. 5.

³³ Six Decades of Space Law and its Development(s) (1960-2020) / ed. S. Hobe. Paris: International Institute of Space Law, 2020. P. 6.

Сергеевичем Смирновым³⁴, который примет участие в работе многих учреждений, ведавших вопросами новой отрасли международного права.

М. С. Смирнов участвовал в работе Первого коллоквиума, международной встречи специалистов, состоявшейся по инициативе специального комитета, созданного в ходе VIII Конгресса Международной астронавтической федерации в октябре 1957 г. в целях «определения соответствующей области юрисдикции в авиационном и космическом правах»³⁵. Первый коллоквиум прошел в Гааге в 1958 г. Смирнов был одним из 44 участников из десяти стран³⁶.

Отметив, что с увеличением числа полетов в космос стало понятно, что «космическое пространство является правовым вакуумом»³⁷, и предупредив, что «отсутствие правил или положений, касающихся деятельности в космическом пространстве создает очень серьезную угрозу для всех государств и наций на Земле»³⁸, М. С. Смирнов в ходе работы Первого коллоквиума подчеркнул необходимость создания новой системы норм для космического права, а также высказался за организацию международной конференции под эгидой Организации Объединенных наций, в рамках которой будут обсуждаться проблемы, связанные с космическим пространством³⁹.

Во время этой встречи по инициативе пионера космического права Эжена Пепена и с одобрения небольшой группы была подготовлена резолюция об учреждении в рамках Международной астронавтической федерации Постоянного юридического комитета, задачей которого являлось бы изучение проблем космического права. Эта резолюция была принята IX Конгрессом Международной астронавтической федерации⁴⁰, а Смирнов стал членом комитета⁴¹. На Втором коллоквиуме по космическому праву, который прошел в Лондоне в 1959 г., была утверждена новая резолюция, предусматривавшая заменить данный комитет на Международный институт космического права. Состоявшийся в 1960 г. XI Конгресс Международной астронавтической федерации выразил согласие на реализацию этого проекта⁴². Михаил Сергеевич Смирнов был назначен первым президентом Института (1960–1961)⁴³, а затем являлся членом правления⁴⁴ (по другим

³⁴ АЮ. Ф. 783. Оп. 4. Отчет. С. 3.

³⁵ Space Law. A bibliography. Cumulative index of the proceedings of colloquiums of the International Institute of Space Law 1958–1994. New York: United Nations, 1996. P. I.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Цит. по: Six Decades of Space Law and its Development(s). P. 17.

³⁸ Цит. по: Ibidem.

³⁹ Ibid. P. 16–17; First Colloquium on the Law of Outer Space. The Hague 1958. Proceedings / ed. A. G. Halley, W. H. Prince of Hanover. Wien: Springer-Verlag GMBH, 1959. P. 105–106.

⁴⁰ Six Decades of Space Law and its Development(s). P. 14–15.

⁴¹ First Colloquium on the Law of Outer Space. P. 126.

⁴² Space Law. A bibliography. P. I.

⁴³ Ibid. P. IV. По оценкам отдельных специалистов, его назначение на данный пост было политическим.

⁴⁴ АСАНИ. АА. Реферат. С. 189; АЮ. Ф. 783. Оп. 3.

данным, членом совета директоров)⁴⁵, а также членом Редакционного совета журнала «Космическое право» (*Journal of Space Law*)⁴⁶.

В 1961 г. в качестве директора Международного института космического права М. С. Смирнов присутствовал на XII Международном конгрессе астронавтики в Вашингтоне. Его организовали Американское ракетное общество, Американское астронавтическое общество и Ассоциация аэрокосмической медицины⁴⁷. В ходе Конгресса ученому как директору Института вручили премию им. Эндрю Хейли⁴⁸. Награда, учрежденная именно в 1961 г. Международной астронавтической федерацией в честь первого в мире специалиста в области космического права, вручалась за вклад в развитие космического права и международного сотрудничества в области использования космоса в мирных целях. Михаил Сергеевич Смирнов был одним из первых трех лауреатов этой премии⁴⁹.

Вне зависимости от того, являлся ли он директором или членом правления Международного института космического права, Смирнов сыграл важную роль в его работе. В 1964 г. рабочая группа института под руководством самого Смирнова сформулировала предварительный проект резолюции, которая, хотя и запрещала национальное или частное присвоение частей небесных тел, разрешала государствам беспрепятственно пользоваться ими⁵⁰. Как председатель Третьей рабочей группы Международного института космического права М. С. Смирнов написал целый ряд исследований по правовому статусу небесных тел⁵¹, а также станций на Луне и дру-

⁴⁵ *Smirnoff M. Legal Status of Celestial Bodies // Journal of Air Law and Commerce. 1962. Vol. 28. № 4. P. 385.*

⁴⁶ *Six Decades of Space Law and its Development(s). P. 16.*

⁴⁷ *Matović V. Na XII Međunarodnom astronautičkom kongresu // Vasiona. 1961. №. 4. S. 111.*

⁴⁸ Автор статьи, опубликованной в югославском журнале, который являлся в том числе и одним из участников Конгресса из Югославии, связывал вручение данной премии Смирнову с активной работой Международного института космического права. См.: *Ibid. S. 112.*

⁴⁹ *NASA Historical Data Book. Washington: Scientific and Technical Information Office, National Aeronautics and Space Administration, 1976. Vol. 1: NASA Resources 1958-1968 / eds J. Van Nimmen, L. C. Bruno, R. L. Rosholt. P. 589.*

⁵⁰ *Brooks E. National Control of Natural Planetary Bodies — Preliminary Considerations // Journal of Air Law and Commerce. 1966. Vol. 32. № 3. P. 326-327.*

⁵¹ *Smirnoff M. The Legal Status of Space Bodies // The Fourth International Symposium on Space Technology and Science: Tokyo, 1962, proceedings / ed. H. Itokawa, T. Nomura. Tokyo: Japan Publications Trading Co., 1962; Idem. Le statut juridique des corps célestes // Revue Française de Droit Aérien. 1963. №. 3. P. 288-300; № 4. P. 413-442; Idem. Report of the Working Group III on the Legal Status of Celestial Bodies // Proceedings of the Fourth Colloquium on the Law of Outer Space, October 3-4, 1961, Washington / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1963. P. 361-391; Idem. Third Report of the Working Group III of the International Institute of Space Law // Proceedings of the Sixth Colloquium on the Law of Outer Space / ed. A. G. Haley. Washington, 1964; Idem. The Fourth Report of the Working Group III of the International Institute of Space Law on the Problems of the Legal Status of Celestial Bodies // Proceedings of the Seventh Colloquium on the Law of Outer Space / ed.*

гих планетах, орбитальных станций⁵². Так, в 1962 г. ученый предупреждал: «Поэтому очень важно, даже сейчас, когда ни один пилотируемый космический корабль не приземлялся на планету, найти правовую систему, которая была бы в состоянии предотвратить распространение соперничества между людьми на Земле по всей Вселенной. Вполне очевидно, что если какая-либо страна на Земле отправит своих граждан на планеты в целях их оккупации, то такие действия немедленно вызовут подозрения у всех других стран и, несомненно, могут привести к серьезным конфликтам в космосе <...> Понятно, что было бы очень опасно, если бы небесные тела стали потенциальным полем боя для будущих конфликтов между людьми на Земле. Можно легко представить себе опасности, которые могут возникнуть в такой ситуации»⁵³.

Важно отметить, что М. С. Смирнов являлся членом Международной астронавтической федерации, а также пожизненным постоянным членом Международной астронавтической академии (с момента ее основания в 1960 г.)⁵⁴. Ученый входил в состав правления отдела по авиационному и космическому праву Института сравнительного права и Комиссии по космическому праву при Югославском астронавтическом и ракетном обществе. В 1965 г. он посещал курсы в Гаагской академии международного права, где выступил с докладом по международной кодификации авиационного частного права⁵⁵.

A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1965. P. 347-360; *Idem*. Report of the Working Group on the Legal Status of Celestial Bodies // Proceedings of the Eighth Colloquium on the Law of Outer Space / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: The University of Oklahoma Research Institute, 1966. P. 464; *Idem*. Introductory Report and Summary of Discussions — Draft Resolution on the Legal Status of Celestial Bodies // Proceedings of the Ninth Colloquium on the Law of Outer Space, October 14, 1966, Madrid, Spain / ed. M. D. Schwartz. Davis: The University of California School of Law, 1967. P. 8-16.

⁵² АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 191. М. С. Смирнов написал и другие работы по космическому праву: *Smirnoff M.* The Role of IAF in the Elaboration of the Norms of Future Space Law // Second Colloquium on the Law of Outer Space, London 1959, Proceedings / ed. A. G. Haley, W. H. Prince of Hanover. Wien: Springer Verlag, 1960. P. 147-155; *Idem*. Space Law as an Element of Understanding Between the Peoples of Earth // Proceedings of the Fourth Colloquium on the Law of Outer Space, October 3-4, 1961, Washington / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1963. P. 220-230; *Idem*. The Future International Agency for the Administration of Cosmos — The ICAO's Candidature // Proceedings of the Eighth Colloquium on the Law of Outer Space / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: The University of Oklahoma Research Institute, 1966. P. 409-443; *Idem*. The Treaty on Outer Space 1967 — Its Role and Importance // Proceedings of the Tenth Colloquium on the Law of Outer Space, September 24-29, 1967, Belgrade, Yugoslavia / ed. M. D. Schwartz. Davis: The University of California School of Law, 1968. P. 154-156.

⁵³ *Smirnoff M.* Legal Status of Celestial Bodies... P. 385-386.

⁵⁴ АЮ. Ф. 783. Оп. 3.

⁵⁵ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 189.

В 1969/1970 г. М. С. Смирнов выступил кандидатом на выборах в Сербскую академию наук и искусств (САНИ). Его кандидатуру в члены-корреспонденты Академии выдвинул вице-президент САНИ, член Отделения общественных наук Академии, профессор юридического факультета университета в Белграде, специалист по международному частному праву Милан Бартош⁵⁶. Однако на заседании Отделения общественных наук 4 декабря 1969 г., на котором рассматривались кандидатуры в члены Академии, вопрос о Смирнове не поднимался. Уже на следующем заседании, состоявшемся через тринадцать дней, Бартош, который, находясь в командировке, не присутствовал на предыдущей сессии, выразил протест в связи с текстом протокола последнего заседания из-за неупоминания в числе претендентов Смирнова. По его словам, он в письменной форме подал предложение через секретариат Отделения. Протест Бартоша был принят, а собравшиеся приступили к обсуждению кандидатуры М. С. Смирнова. Результаты тайного голосования были следующими: пятеро проголосовали «за», трое — «против», один «воздержался». Таким образом, его кандидатуру поддержали⁵⁷.

Впоследствии Бартош вместе с профессорами юридического факультета в Белграде — одним действительным членом и одним членом-корреспондентом САНИ — станет и автором реферата о выдвижении Смирнова в члены-корреспонденты Академии⁵⁸. В самом начале авторы отметили, что «считают своим долгом» выдвинуть кандидатуру М. С. Смирнова, «известного научного работника в области авиационного и космического права, действительного члена Международной астронавтической академии и Международного института космического права», в члены-корреспонденты САНИ⁵⁹. Члены Академии напомнили, что в работах М. С. Смирнова дан теоретический анализ концепций борьбы отдельных сил, «стремящихся захватить все больше различных областей космического пространства», а также «сохранения тенденции полной нейтрализации и интернационализации космического пространства в целях реализации идеи Организации Объединенных Наций о предотвращении любых аннексий и исключительного права суверенности определенной нации в данном пространстве»⁶⁰. Они также подчеркнули, что противником концепции Смирнова стал так называемый «ядерный клуб», группа ядерных держав, которые не признают принцип равноправия. Авторы реферата констатировали, что «ни одна встреча мировых ученых в области космического права не проходит без участия Смирнова, которому отдает должное экспертное мировое научное

⁵⁶ Петровић Д. Бартош, Милан // Српски биографски речник / гл. уред. М. Лесковац, А. Форишковић, Ч. Попов. Нови Сад: Матица српска, 2004. Т. 1: А–Б. С. 434.

⁵⁷ АСАНИ. АА. Протоколи заседања Отделања општествених наука. 1969.

⁵⁸ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 193.

⁵⁹ Там же. С. 187.

⁶⁰ Там же. С. 190–191.

сообщество»⁶¹. В конце они пришли к выводу, что «д-р Смирнов как научный работник уже проявил себя в одной области, которая на мировом уровне все еще требует пионерских работ. Однако несмотря на то, что космическое право все еще находится на стадии относительно эмбрионального развития, Международная астронавтическая академия и ее Институт космического права уже стали признанными научными учреждениями и в них д-р Смирнов пользуется хорошей репутацией. Избранием д-ра Смирнова наша Академия получила бы эксперта по данной отрасли науки, и мы считаем, что избрание его в члены-корреспонденты являлось бы вкладом нашей молодой науки в мировую и привело бы к установлению непосредственных контактов с ее самой престижной частью»⁶².

Выборы академиков и членов-корреспондентов были проведены на отдельном заседании ежегодного Общего собрания членов САНИ, которое состоялось 28 мая 1970 г. Четвертым пунктом повестки дня заседания значился выбор членов-корреспондентов из Социалистической Республики Сербия по отделениям. Секретари отделений в соответствии с правилами о порядке избрания членов Академии проинформировали собравшихся о выдвинутых кандидатурах в члены-корреспонденты, а также о мнении самих отделений. Согласно протоколу заседания, секретарь Отделения общественных наук Васа Чубрилович зачитал реферат о выдвинутых Отделением кандидатах в члены Академии, после чего Общее собрание членов САНИ поддержало кандидатуры в члены-корреспонденты нескольких ученых, в том числе и М. С. Смирнова. Само голосование проходило во время перерыва. В итоге были объявлены только фамилии избранных кандидатов — М. С. Смирнова среди них не было. Президент САНИ констатировал, что «остальные кандидаты в члены-корреспонденты не были избраны»⁶³. Кандидатура Смирнова так и не набрала необходимого для избрания числа голосов, хотя в самом протоколе отсутствует информация о том, сколько членов Академии проголосовали «за». Считали ли они репутацию М. С. Смирнова недостаточно весомой — неизвестно. Также неизвестно, повлияло ли на результаты голосования поведение его отца и брата во время оккупации. Важно добавить, что Смирнов не был единственным представителем русского зарубежья, который так и не получил признание в Сербской академии наук. По нашим подсчетам, в период с 1921 по 1970 гг. по меньшей мере еще четверо русских ученых-эмигрантов не стали членами Академии, до 1988 г. 17 эмигрантов из России были избраны в Сербскую королевскую академию / Сербскую академию наук / Сербскую академию наук и искусств⁶⁴.

⁶¹ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 192.

⁶² Там же. С. 192–193.

⁶³ АСАНИ. АА. Оп. 747. Отдельное заседание Общего собрания членов Академии. 28 мая 1970 г. С. 4, 8.

⁶⁴ Сорокина М. Ю. Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке // Столетие двух эмиграций. 1919–2019. Сборник статей / отв. ред.

Как уже говорилось, с 1956 г. Михаил Сергеевич Смирнов работал научным сотрудником в Институте внешней торговли. До 1973 г. он опубликовал более 500 работ по праву и экономике, причем только в период с 1968 по 1973 г. — около 200. Соотношение числа работ, опубликованных в Югославии и напечатанных за границей, было очень характерным: 250:300⁶⁵. К тому же в 1962 г. в Белграде вышла его «Мировая библиография космического права», которая охватывает период от истоков космического права до 1959 г. Данная публикация являлась одной из первых в своем роде⁶⁶.

Смирнов стал ведущим научным сотрудником Института лишь в 1975 г. — в возрасте 64 лет. Сама процедура его избрания длилась несколько лет. Хотя неизвестно, когда именно он подал заявление на эту должность, предполагаем, что это произошло в 1972 г., поскольку на заседании научных работников Института, состоявшемся в октябре 1972 г., в комиссию по рассмотрению и оценке кандидатуры М. С. Смирнова на должность ведущего научного сотрудника избрали директора Института международной политики и экономики, действительного члена САНИ, и одного профессора.

В отчете о результатах работы Михаила Сергеевича Смирнова члены комиссии отметили, что ученый приложил усилия «для развития данной молодой отрасли международного права (авиационного права. — М. Ж.) у нас»⁶⁷. Докладчики также подчеркнули, что «являясь плодовитым автором, он скоро стал одним из выдающихся теоретиков в области космического права. В течение целого десятилетия — с 1960 г. до сих пор (1972 г. — М. Ж.) — он выступает с докладами на ряде международных конференций по космическому праву, его работы публикуются в отечественных и иностранных журналах, цитируются во многих международных библиографиях. В своей работе д-р Смирнов делал главный упор на разъяснения вопросов суверенности в космосе, а также на отношения между воздушным и космическим пространством в поисках решения правовых проблем путем создания единой правовой системы»⁶⁸.

Спустя год после заседания научных работников Института, когда были избраны члены комиссии по рассмотрению и оценке кандидатуры М. С. Смирнова, состоялось другое собрание, единственным пунктом повестки дня которого значилось продолжение процедуры избрания пятерых

А. Ю. Тимофеев. М.: Институт славяноведения РАН; Белград: Информатика, 2019. С. 234–235. <https://doi.org/10.31168/0433-6.12>; Живанович М. Ботаника и политика: избрание и исключение из состава Сербской академии наук П. И. Чернявского // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 1. С. 139–176.

⁶⁵ АЮ. Ф. 783. Оп. 3.

⁶⁶ АСАНИ. АА. Оп. 747. Реферат. С. 190.

⁶⁷ АЮ. Ф. 783. Оп. 4. Отчет. С. 2.

⁶⁸ Там же. С. 3.

кандидатов, в том числе и Смирнова. Однако поскольку на нем не присутствовал один профессор, без согласия которого нельзя было принять решение об избрании кандидатов, а сами сотрудники института и партийная организация возразили против избрания на должность ведущего научного сотрудника тех из них, кто не был докторами наук, на заседании приняли решение отложить процедуру выбора кандидатов на должность на неопределенный срок⁶⁹.

Несмотря на то, что вышесказанное не относилось к М. С. Смирнову, процесс его избрания замедлился. Процедуру возобновили спустя определенное время, но из-за отсутствия кворума в Институте ее нельзя было завершить. Поэтому в мае 1974 г. руководству Института пришлось обратиться за помощью к юридическому факультету университета в Белграде. В этой связи были достигнуты договоренности с секретарем факультета о продолжении процесса избрания Смирнова и еще одного кандидата на должности ведущего научного сотрудника⁷⁰. В итоге на заседании Совета юридического факультета в Белграде, состоявшемся в конце апреля 1975 г., Михаил Сергеевич Смирнов был избран на должность⁷¹.

В Институте внешней торговли Смирнов работал до выхода на пенсию. Ученого не стало 2 апреля 1982 г. в Белграде⁷². Его похоронили на столичном Новом кладбище.

Литература

- Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л.* Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Белград: Архив Сербской православной церкви; Центр российских и восточно-славянских исследований им. Мирослава Йовановича философского факультета Белградского университета; М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. Кн. 1.
- Арсеньев А. Б.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии / ред. А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович. М.: Индрик, 1996. С. 46–99.
- Живанович М.* Ботаника и политика: избрание и исключение из состава Сербской академии наук П. И. Чернявского // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 1. С. 139–176.
- Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996.
- Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чикоја штампа, 2006.

⁶⁹ АЮ. Ф. 783. Оп. 4. Протокол второго по очереди заседания научных работников Института внешней торговли, состоявшийся 14 ноября 1973 г.

⁷⁰ АЮ. Ф. 783. Оп. 4. Письмо директора Института внешней торговли Деканату Юридического факультета. 22 мая 1974 г.

⁷¹ АЮ. Ф. 783. Оп. 4. Решение Юридического факультета Университета в Белграде № 1576/1 от 28 апреля 1975 г.

⁷² Политика. 1982. 6. IV. С. 23.

- Кузьмичева Л. В.* Воспоминания С. Н. Смирнова как источник по истории сербско-русских отношений в годы Первой мировой и Гражданской войн // *Славяне и Россия в системе международных отношений* / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 253–274.
- Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. М.: Главное архивное управление города Москвы; Центральный государственный архив города; Белград: Архив Србије, 2017. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / сост. А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин.
- Петровић Д.* Бартош, Милан // *Српски биографски речник* / гл. уред. М. Лесковац, А. Форишковић, Ч. Попов. Нови Сад: Матица српска, 2004. Т. 1: А–Б. С. 434–435.
- Последњи сведок: догађаји из Јекатеринбурга и Алапајевска у мемоарима принцезе Јелене Српске / прир. Г. И. Шевцова, Н. Неујмин, О. Потјомкина. Београд: Центар Руског географског друштва у Србији, 2022.
- Сорокина М. Ю.* Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке // *Столетие двух эмиграций. 1919–2019. Сборник статей* / ред. А. Ю. Тимофеев. М.: Институт славяноведения РАН; Белград: Информатика, 2019. С. 229–238. <https://doi.org/10.31168/0433-6.12>
- Тимофеев А. Ю.* Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010.
- Тимофејевић А., Живановић М.* Руска емиграција у Београду од 1920-их до 1950-их. Уводна студија за каталог изложбе. Београд: Историјски архив Београда, 2021.
- Brooks E.* National Control of Natural Planetary Bodies — Preliminary Considerations // *Journal of Air Law and Commerce*. 1966. Vol. 32. № 3. P. 315–328.
- First Colloquium on the Law of Outer Space. The Hague 1958. Proceedings / ed. A. G. Halley, W. H. Prince of Hanover. Wien: Springer-Verlag GMBH, 1959.
- Matović V.* Na XII Међународном astronautičком конгресу // *Vasiona*. 1961. № 4. S. 111–113.
- NASA Historical Data Book. Washington: Scientific and Technical Information Office, National Aeronautics and Space Administration, 1976. Vol. 1: NASA Resources 1958–1968 / eds J. Van Nimmen, L. C. Bruno, R. L. Rosholt.
- Six Decades of Space Law and its Development(s) (1960–2020) / ed. S. Hobe. Paris: International Institute of Space Law, 2020.
- Smirnoff M.* Introductory Report and Summary of Discussions — Draft Resolution on the Legal Status of Celestial Bodies // *Proceedings of the Ninth Colloquium on the Law of Outer Space, October 14, 1966, Madrid, Spain* / ed. M. D. Schwartz. Davis: University of California School of Law, 1967. P. 8–16.
- Smirnoff M.* Le statut juridique des corps célestes // *Revue Française de Droit Aérien*. 1963. № 3. P. 288–300; № 4. P. 413–442.
- Smirnoff M.* Legal Status of Celestial Bodies // *Journal of Air Law and Commerce*. 1962. Vol. 28. №4. P. 385–404.
- Smirnoff M.* Report of the Working Group on the Legal Status of Celestial Bodies // *Proceedings of the Eighth Colloquium on the Law of Outer Space* / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1966. P. 464.

- Smirnoff M.* Report of the Working Group III on the Legal Status of Celestial Bodies // Proceedings of the Fourth Colloquium on the Law of Outer Space, October 3–4, 1961, Washington / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1963. P. 361–391.
- Smirnoff M.* Space Law as an Element of Understanding between the Peoples of Earth // Proceedings of the Fourth Colloquium on the Law of Outer Space, October 3–4, 1961, Washington / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1963. P. 220–230.
- Smirnoff M.* The Fourth Report of the Working Group III of the International Institute of Space Law on the Problems of the Legal Status of Celestial Bodies // Proceedings of the Seventh Colloquium on the Law of Outer Space. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1965 / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. P. 347–360.
- Smirnoff M.* The Future International Agency for the Administration of Cosmos — The ICAO's Candidature // Proceedings of the Eighth Colloquium on the Law of Outer Space / ed. A. G. Haley, M. D. Schwartz. Norman: University of Oklahoma Research Institute, 1966. P. 409–443.
- Smirnoff M.* The Legal Status of Space Bodies // The Fourth International Symposium on Space Technology and Science: Tokyo, 1962, proceedings / ed. H. Itokawa, T. Nomura. Tokyo: Japan Publications Trading Co., 1962.
- Smirnoff M.* The Role of IAF in the Elaboration of the Norms of Future Space Law // Second Colloquium on the Law of Outer Space, London 1959, Proceedings / ed. A. G. Haley, W. H. Prince of Hanover. Wien: Springer Verlag, 1960. P. 147–155.
- Smirnoff M.* The Treaty on Outer Space 1967 — Its Role and Importance // Proceedings of the Tenth Colloquium on the Law of Outer Space, September 24–29, 1967, Belgrade, Yugoslavia / ed. M. D. Schwartz. Davis: University of California School of Law, 1968. P. 154–156.
- Smirnoff M.* Third Report of the Working Group III of the International Institute of Space Law // Proceedings of the Sixth Colloquium on the Law of Outer Space / ed. A. G. Haley. Washington: Washington International Institute of Space Law, 1964.
- Space Law. A bibliography. Cumulative index of the proceedings of colloquiums of the International Institute of Space Law 1958–1994 / Office for Outer Space Affairs, Vienna. New York: United Nations, 1996.

References

- Arsen'ev, A. B., Ordovskii-Tanaevskii, M. L., 2018. *Gimnaziia v litsakh. Pervaia rusko-serbskaia gimnaziia v Belgrade (1920–1944)* [Gymnasium in Faces. First Russian-Serbian Gymnasium in Belgrade (1920–1944)]. Belgrade: Arhiv Serbskoi Pravoslavnoi Tserkvi; Tsentr rossiiskikh i vostochno-slavianskikh issledovaniim. Miroslava Iovanovicha filosofskogo fakul'teta Belgradskogo universiteta; Moscow: Institut slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. Book 1.
- Arsen'ev, A. B., 1996. Russkaia diaspora v Iugoslavii [Russian Diaspora in Yugoslavia]. In: A. Arsen'ev, O. Kirillova, M. Sabinovich, eds, 1996. *Russkaia emigratsiia v Iugoslavii* [Russian Emigration in Yugoslavia]. Moscow: Indrik, pp. 46–99.

- Brooks, E., 1966. National Control of Natural Planetary Bodies — Preliminary Considerations. *Journal of Air Law and Commerce*, 3, pp. 315–328.
- Halley, A. G., Prince of Hanover, W. H., eds, 1959. *First Colloquium on the Law of Outer Space. The Hague 1958. Proceedings*. Wien: Springer-Verlag GMBH.
- Hobe, S., ed., 2020. *Six Decades of Space Law and its Development(s) (1960–2020)*. Paris: International Institute of Space Law.
- Jovanović, M., 1996. *Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevini SHS 1919–1924*. [The Immigration of the Refugees into the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1924]. Beograd: Stubovi kulture.
- Jovanović, M., 2006. *Ruska emigracija na Balkanu (1920–1940)* [Russian Emigration in the Balkans (1920–1940)]. Beograd: Čigoja štampa.
- Kuz'micheva, L. V., 2017. Vospominaniia S. N. Smirnova kak istochnik po istorii serbsko-russkikh otnoshenii v gody Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi vojn [S. N. Smirnov's Memoirs as a Source for Writing History of Serbian-Russian Relations during the First World War and the Russian Civil War]. In: S. I. Danchenko, ed., 2017. *Slaviane i Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [Slavs and Russia in the System of Foreign Relations]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 253–274.
- Matović, V., 1961. Na XII Međunarodnom astronautičkom kongresu. *Vasiona*, 4, pp. 111–113.
- Office for Outer Space Affairs, Vienna, 1996. *Space Law. A bibliography. Cumulative index of the proceedings of colloquiums of the International Institute of Space Law 1958–1994*. New York: United Nations.
- Petrović, D., 2004. Bartoš, Milan [Bartoš, Milan]. In: M. Leskovac, A. Forišković, Č. Popov, eds, 2004. *Srpski biografski rečnik* [Serbian Biographic Dictionary]. Novi Sad: Matica srpska, pp. 434–435.
- Smirnov, M., 1967. Introductory Report and Summary of Discussions — Draft Resolution on the Legal Status of Celestial Bodies. In: M. D. Schwartz, ed., 1967. *Proceedings of the Ninth Colloquium on the Law of Outer Space, October 14, 1966, Madrid, Spain*. Davis: The University of California School of Law, pp. 8–16.
- Smirnov, M., 1963. Le statut juridique des corps célestes. *Revue Française de Droit Aérien*, 3, pp. 288–300; 4, pp. 413–442.
- Smirnov, M., 1962. Legal Status of Celestial Bodies. *Journal of Air Law and Commerce*, 4, pp. 385–404.
- Smirnov, M., 1966. Report of the Working Group on the Legal Status of Celestial Bodies. In: A. G. Haley, M. D. Schwartz, eds, 1966. *Proceedings of the Eighth Colloquium on the Law of Outer Space. September 14–15, 1965, Athens, Greece*. Norman: The University of Oklahoma Research Institute, p. 464.
- Smirnov, M., 1963. Report of the Working Group III on the Legal Status of Celestial Bodies. In: A. G. Haley, M. D. Schwartz, eds, 1963. *Proceedings of the Fourth Colloquium on the Law of Outer Space, October 3–4, 1961, Washington*. Norman: University of Oklahoma Research Institute, pp. 361–391.
- Smirnov, M., 1963. Space Law as an Element of Understanding between the Peoples of Earth. In: A. G. Haley, M. D. Schwartz, eds, 1963. *Proceedings of the Fourth Colloquium on the Law of Outer Space, October 3–4, 1961, Washington*. Norman: University of Oklahoma Research Institute, pp. 220–230.

- Smirnoff, M., 1965. The Fourth Report of the Working Group III of International Institute of Space Law on the Problems of the Legal Status of Celestial Bodies. In: A. G. Haley, M. D. Schwartz, eds, 1965. *Proceedings of the Seventh Colloquium on the Law of Outer Space*. Norman: University of Oklahoma Research Institute, pp. 347–360.
- Smirnoff, M., 1966. The Future International Agency for the Administration of Cosmos — The ICAO's Candidature. In: A. G. Haley, M. D. Schwartz, eds, 1966. *Proceedings of the Eighth Colloquium on the Law of Outer Space*. Norman: The University of Oklahoma Research Institute, pp. 409–443.
- Smirnoff, M., 1962. The Legal Status of Space Bodies. In: H. Itokawa, T. Nomura, eds, 1962. *The Fourth International Symposium on Space Technology and Science: Tokyo, 1962, proceedings*. Tokyo: Japan Publications Trading Co.
- Smirnoff, M., 1960. The Role of IAF in the Elaboration of the Norms of Future Space Law. In: A. G. Haley, W. H. Prince of Hanover, eds, 1960. *Second Colloquium on the Law of Outer Space, London 1959, Proceedings*. Wien: Springer Verlag, pp. 147–155.
- Smirnoff, M., 1968. The Treaty on Outer Space 1967 — Its Role and Importance. In: M. D. Schwartz, ed., 1968. *Proceedings of the Tenth Colloquium on the Law of Outer Space, September 24–29, 1967, Belgrade, Yugoslavia*. Davis: The University of California School of Law, pp. 154–156.
- Smirnoff, M., 1964. Third Report of the Working Group III of the International Institute of Space Law. In: A. G. Haley, ed., 1964. *Proceedings of the Sixth Colloquium on the Law of Outer Space*. Washington: Washington International Institute of Space Law.
- Sorokina, M. Iu., 2019. Russkoe nauchnoe zarubezh'e i Serbskaia akademiia nauk i iskusstv v XX veke [Russia Abroad and the Serbian Academy of Sciences and Arts in the Twentieth Century]. In: A. Iu. Timofeev, ed., 2019. *Stoletie dvukh emigratsii. 1919–2019. Sbornik statei* [The Centennial of Two Emigrations. 1919–2019. Collection of Articles]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Belgrade: Informatika, pp. 229–238.
- Ševcova, G. I., Neujmin, N., Potjomkina, O., eds, 2022. *Poslednji svedok: događaji iz Jekaterinburga i Alapajevska u memoarima princeze Jelene Srpske* [The Last Witness: Yekaterinburg and Alapajevsk Events in the Princess Hellen of Serbia Memoirs]. Belgrade: Centar Ruskog geografskog društva u Srbiji.
- Timofeev, A. Iu., Miloradovich, G., Silkin, A., eds, 2017. *Moskva — Serbiia; Belgrad — Rossiia. Sbornik dokumentov i materialov* [Moscow — Serbia, Belgrade — Russia. Collection of Documents and Materials]. Moscow: Glavnoe arkhivnoe upravlenie goroda Moskvy; Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda; Belgrade: Arhiv Srbije. Vol. 4: *Russko-serbskie otnosheniia. 1917–1945 gg.* [Russian-Serbian Relations. 1917–1945].
- Timofeev, A. Iu., 2010. *Russkii faktor i Vtoraia mirovaia voina v Jugoslavii. 1941–1945*. [Russian Factor and the Second World War in Yugoslavia. 1941–1945]. Moscow: Veche.
- Timofejev, A., Živanović, M., 2021. Ruska emigracija u Beogradu od 1920-ih do 1950-ih [Russian emigration in Belgrade from 1920s to 1950s]. Beograd: Istorijski arhiv Beograda.

- Van Nimmen, J., Bruno, L. C., Rosholt, R. L., eds, 1976. *NASA Historical Data Book*. Washington: Scientific and Technical Information Office, National Aeronautics and Space Administration. Vol. 1: *NASA Resources 1958–1968*.
- Živanović, M., 2022. Botanika i politika: izbranie i isključenje iz sastava Serbskoi akademii nauk P. I. Cherniavskogo [Botanic and Politics: Election and Expulsion of P. I. Cernjavski from the Serbian Academy of Sciences]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovanii*, 1, pp. 139–176.

ЛУЖИЦКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ИЗ ОБЛАСТИ НАРОДНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ*

Александр Викторович Гура

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: avgura@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0985-8639

Аннотация

В статье рассматриваются демонологические поверья лужичан, находящие соот-
ветствия у восточных славян. На восточнославянской территории они образуют
цепь прерывистых вкраплений, ведущих на русский Северо-Запад. Как правило,
это цепь архаических ареалов: карпатских, полесских, белорусско-западнорус-
ских. Одну такую лужицко-севернорусскую параллель демонстрирует образ пол-
лудницы. У лужичан и у русских этот женский мифологический персонаж имеет
целый ряд общих признаков, причем некоторые черты сходства, отмечавшиеся
еще четыреста лет назад нидерландским ученым Маркусом ван Боксхорном, со-
хранились в севернорусской традиции до нашего времени. Второй сюжет связан
с летающим огненным змеем. Варьирующая цветовая символика змея, мотиви-
рованная дарами (деньгами, зерном, молоком), которые он несет своему хозяину,
представлена у нижних лужичан, в черниговском Полесье, некоторых районах
Белоруссии и соседней южной России. В районе русско-украинского пограни-
чья цвет ослабляет или теряет свою вариативность, становясь характеристикой
предметов, которые змей разбрасывает или в которые превращается сам для при-
манивания женщин. В западно- и северо-западнорусской традициях цвет утра-
чивает вариативность и зависимость от даров, приносимых хозяину, становясь
постоянной характеристикой змея (в единичном случае удерживая при этом ре-
ликтовую связь с зерном как одним из видов даров), либо, сохраняя тот же набор
и вариативность, переносится со змея на скрытые ноги змеи и получает новые
символические значения. Третий пример касается некоторых деталей, связанных
с отбиранием молока ведьмами в поле: сбором ими травы для своих коров с де-
сяти чужих межей и сбором росы с использованием предметов конской упряжи
у лужичан, а также на западе Украины, в западном Полесье, в Смоленской губ-
ернии и далее, в видоизмененной форме, у русских Орловской и Костромской
губерний. Благодаря своему положению на окраине славянского мира лужицкая
народная традиция сохраняет целый ряд черт, имеющих неопределимое значение
для историко-культурных и этногенетических реконструкций.

Ключевые слова

Народная демонология, лужичане, восточные славяне, полудница, летающий
змей, ведьма, отбирание молока

Статья поступила в редакцию 25 августа 2021 г.

Цитирование: *Гура А. В.* Лужицко-восточнославянские параллели из области
народной демонологии // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2022. Т. 17.
№ 1–2. С. 72–93. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.05>

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00300А «Низшая мифо-
логия славян: новые методы и подходы к исследованию».

SORBIAN-EASTERN SLAVIC PARALLELS FROM THE FIELD OF FOLK DEMONOLOGY

Aleksandr V. Gura

D. Sc., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: avgura@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0985-8639

Abstract

This article examines the demonological beliefs of the Lusatians that correspond with beliefs among the Eastern Slavs. In the East Slavic region, there is a chain of related beliefs all the way to the Russian North-West. This is a chain of archaic areas: Carpathian, Polesie, and Belarusian-West Russian. One such Lusatian-North Russian parallel is demonstrated by the image of Lady Midday (Noonwraith, Noon Witch). Among the Lusatians and Russians, this female mythological character has a number of common features, and some of the similarities noted four hundred years ago by the Dutch scientist Marcus van Boxhorn have survived to our time in the North Russian tradition. The second parallel is connected with a flying fiery serpent. The varying colour symbolism of the snake, dependent on the gifts (money, grain, milk) that it carries to its owner, is represented in the lower Lusatians, in Chernigov Polesie, some areas of Belarus, and neighbouring southern Russia. In the area of the Russian-Ukrainian borderland, the colour loses its significance or loses its variability, becoming a characteristic of the objects that snakes scatter as bait for women, and only sometimes does the colour of the snake itself appear in these tales. In the West- and Northwest Russian tradition, the colour loses its variability and dependence on the gifts brought to the owner, and colour becomes a constant characteristic of the serpent (in one case, while maintaining a relict connection with grain as one of the types of gifts), or, while maintaining the same set and variability, is transferred from the snake to the hidden legs of the snake where it receives new symbolic meanings. The third parallel concerns some of the details related to the stealing of milk by witches in the field: they collect grass for their cows from nine other people's borders and collect dew using horse harnesses according to the Lusatians, as well as in western Ukraine, in western Polesie, in the Smolensk province, and further, in a modified form, among the Russians of the Oryol and Kostroma provinces. Owing to its position on the outskirts of the Slavic world, the Lusatian folk tradition retains a number of features that are invaluable for historical, cultural, and ethnogenetic reconstructions.

Keywords

Folk demonology, Lusatians, Eastern Slavs, Lady Midday (Noonwraith, Noon Witch), flying serpent, witch, stealing (poaching) milk

Received 25 August 2021

How to cite: Gura, A. V., 2022. Luzhitsko-vostochnoslavianskiie paralleli iz oblasti narodnoi demonologii [Sorbian-Eastern Slavic Parallels from the Field of Folk Demonology]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 72–93. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.05>

Лужицкая народная традиция занимает периферийное положение в славянском этнокультурном пространстве и, как и всякая окраинная традиция, отличается сохранностью своих архаических особенностей. Некоторые из них, в частности из области демонологических верований, обнаруживают соответствия с аналогичными представлениями восточных славян. Обычно в этом плане лужицкая традиция объединяется с западнославянской как ее составная часть, и лишь ее отдельные, специфические черты находят аналогию у восточных славян. В пространственном отношении это дистантные параллели между отдельными локальными архаическими традициями, например украинско-карпатскими, полесскими или севернорусскими.

1. Одна из таких параллелей достаточно известна и описана, и касается она женского мифологического персонажа — полудницы. Лужицкая полудница (в.-луж. *připoldnica*, *čipoldnica*, н.-луж. *přezpoldnica*, *pšezpoldnica*, *pódpoldnica* и т.п.; н.-луж. *serpownica*, *serpowina*, *serpjelbaba*, *serpja baba*, *serpowa baba*, *serpašuja*, *serpyšuja*, *serpjelšuja*, *serpowa šuja*, *serpjel*, *serp*) обычно старая, но может иметь и привлекательную внешность. В ее облике и одежде присутствует белый цвет. Она появляется в полдень во время жатвы в житном или гороховом поле и наказывает тех, кто работает там в этот час, обычно жниц, беременных женщин, молодых матерей, у которых дома маленькие дети, или просто людей с нечистой совестью. Она прогоняет их с поля, душит, сворачивает им шею, отрывает или отсекает серпом голову, убивает ударом в грудь, иногда насыляет на них тяжелую болезнь с болью головы, обращает их в камень, пожирает, оставляя лишь одежду, и часто насмерть замучивает без остановки задаваемыми вопросами о выращивании и изготовлении хлеба, о посеве льна, его прядении и тканье из него полотна. Полудницей пугают детей, чтобы они не ходили в поле, в жито, в горох. У полудницы имеется серп в руке, под мышкой, на длинной палке через плечо или приросший к голове, а также мешок, куда она складывает отрезанные головы детей. По поверьям восточных лужичан из района Мускау, полудница подменяет ребенка жницы своим. Мать, обнаружив подменыша, оставляла его плакать до тех пор, пока полудница не возвращала ей ее ребенка. Избавиться от полудницы можно, прочтя «Отче наш» задом наперед, или непрерывным говорением в течение часа или двух, пока она не потеряет свою силу. Для этого со всеми подробностями рассказывали о выращивании и обработке льна, специально растягивая фразы и вставляя лишние слова. Серповницу изгоняли, нанося ей побои зубьями грабель¹.

Полудница известна и другим западным славянам: чехам (*polednice*, *polodnice*, *poludnice*), словакам (*poludnica*), полякам (*południca*, *przypołudnica*,

¹ Černý A. *Istoty mityczne Serbów Łużyckich*. Warszawa: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego, 1901. S. 130-151.

przełudnica, południówka), кашубам (*opřepãłnica*)². На Украине, в Белоруссии и в южной России полудница неизвестна. Сходный персонаж с тем же названием (архангел., вологод., рус. карел., сибир. *полудница*, архангел., ярослав. *полуденица*, архангел. *болудница*), наименованием по месту появления (архангел. *ржица*, ярослав. *ржаница*) и атрибуту (архангел. *сковородница*) появляется вновь лишь на северо-западе России и в некоторых районах Сибири³.

Сходство лужицкой полудницы с русской замечено давно. Еще в конце XVIII в. об этом писал в своем обзоре лужицкой демонологии пастор Паннах из верхнелужицкого Мальшвица⁴. При этом он ссылался на еще более старый источник первой половины XVII в. — книгу нидерландского ученого, одного из предшественников индоевропеистики Маркуса ван Боксхорна (1612–1653) “*Respublica Moscoviae et Urbes*” (Лейден, 1630), одно из старинных иностранных описаний истории и политического устройства Руси с хорографическими данными. В ней приводится представление «москвитов» о женском полуденном духе, который появляется в деревне во время жатвы и сбора урожая в облике скорбящей вдовы, и если работающий в поле не заметит ее вовремя и не упадет на землю лицом вниз, она поломает ему руки и ноги⁵. Сравнивая лужицкие и древнерусские представления о полуднице, пастор Паннах из Мальшвица отмечает сходство в женском облике и одеянии этого мифологического персонажа, а к различиям относит способы защиты от него. Чтобы обезопасить себя при встрече с полудницей, у лужичан нужно без запинки прочитать «Отче наш» задом наперед или целый час рассказывать о льне, а у русских, как уже говорилось, успеть упасть на землю лицом вниз⁶. Этот древнерусский способ защититься от полудницы, зафиксированный Боксхорном четыреста лет назад, сохранился до наших дней. О нем упоминается в рассказе жительницы д. За-

² *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1975. С. 254–255; *Левкиевская Е. Е.* Полудница // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 154; Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015. С. 127–128; *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976. T. 3. S. 328.

³ *Левкиевская Е. Е.* Полудница... С. 154; *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 37, 47.

⁴ *Reliquien der Feld-, Wald-, Wasser- und Hausgötter unter den Wenden / Von Hr. Pfarrer Pannach in Malschwitz // Lausizische Monatsschrift. 2. Heft. 12. Stück. (Dezember). Görlitz, 1797. S. 745–746.*

⁵ «*Daemonem quoque meridianum <Moscovitae> metuunt et colunt. Ille enim, dum jam maturae rescantur fruges, habitu viduae lugentis ruri obambulat, operariisque uni vel pluribus, nisi protinus viso spectro, in terram proni concidunt, brachia frangit et crura*» (*Respublica Moscoviae et Urbes. Accedunt quaedam latinè nunquam antehac edita / Edidit et latinitate transcriptit V. Z. van Boxhorn. Leiden: Lugduni Batavorum. Ex officina Joannis Maire, 1630. P. 143/149 [в разных экземплярах книги пагинация разнится]*).

⁶ *Reliquien... S. 746–747.*

сурье Пинежского района Архангельской области, записанном в 1984 г.: «А полудница, это раньше, сейчас полудниц-то нет. А раньше по деревьям, как полдень, двенадцать часов, идет полудница. Она как человек, с косой ходила и всех, кто стоит, косила. Того, кто на землю упадет, она не тронет, нет, а кто стоит, того насмерть закосит, засекает. Как увидишь, что полдень, ложись»⁷. Древнерусское поверье о том, что полудница ломает не упавшим на землю людям конечности, находит соответствие в польской традиции: во время жатвы она нападает в полдень на работающих в поле и ломает им кости; заснувшему на меже так отбивает конечности, что, проснувшись, тот не может пошевелить ни рукой, ни ногой⁸.

Межэтнические связи русских представлений о полуднице, их генетическая общность со славянскими (при отсутствии столь же близких соответствий в немецкой, литовской и латышской мифологии) рассмотрены Э. В. Померанцевой. К доминирующим чертам этого персонажа, связанным с древней мифологической традицией, она относит женский облик, связь с полднем, появление во ржи или в огороде, охрану посевов и враждебность людям, особенно детям⁹. Отдельные особенности полудницы русского Северо-Запада сближают ее с полевым духом, а еще чаще — с русалкой (как и у русалок, у полудниц могут быть длинные распущенные волосы, и иногда они губят людей щекотанием).

В число признаков, сближающих лужицкую (либо в некоторых случаях шире — западнославянскую) полудницу с русской, наряду с уже отмеченными, следует включить еще следующие:

- (1) высокий рост (луж., словац., пол., рус. сев.-зап., сибир.), иногда огромный (пол.) или увеличивающийся до небес (рус. читин.)¹⁰;
- (2) косматая (луж., редко), волосатая (рус. архангел.), со всклокоченными, растрепанными волосами (рус. юж.-сибир.) голова¹¹;
- (3) ноги с копытами (луж. редко, чеш. морав., пол., рус.)¹²;
- (4) белое одеяние (луж., чеш., пол., рус. ярослав.) и белые волосы (луж., чеш., рус.)¹³;

⁷ Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. № 230. С. 41–42.

⁸ Biegeleisen H. Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i praktykach ludu polskiego. Lwów: Ateneum, 1927. S. 265.

⁹ Померанцева Э. В. Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И. М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 146.

¹⁰ Левкиевская Е. Е. Полудница... С. 154; Померанцева Э. В. Межэтническая общность... С. 144, 149, 152; Русская мифология. Энциклопедия / Сост. Е. Л. Мадлевская. СПб.: Мидгард, 2005. С. 341; Biegeleisen H. Matka i dziecko... С. 264, 265.

¹¹ Левкиевская Е. Е. Полудница... С. 154; Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды... № 228. С. 41; Русская мифология... С. 341.

¹² Левкиевская Е. Е. Полудница... С. 154; Русская мифология... С. 341.

¹³ Левкиевская Е. Е. Полудница... С. 154; Померанцева Э. В. Межэтническая общность... С. 144, 145, 147, 152; Schulenburg W. von. Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem

- (5) из леса выходит в поле, в лесу живет (луж., чеш., пол., рус. архангел.)¹⁴;
- (6) серп в качестве атрибута (луж., пол.), серп на длинной палке, то есть с черенком (луж.), и коса как более поздняя модификация серпа (рус. архангел.)¹⁵;
- (7) сворачивает шею, откручивает, отрывает голову (луж., рус. ярослав.)¹⁶;
- (8) отсекает голову серпом (луж., пол.) или косой (рус.), косит людей косой (рус. архангел.)¹⁷;
- (9) похищает детей (рус. архангел., читин., чеш.), подменяет похищенного ребенка своим (луж. редко, чеш.)¹⁸.

2. Вторая лужицко-восточнославянская параллель в области народной демонологии связана с летающим змеем, точнее его цветовой символикой. У лужичан, прежде всего нижних, существует поверье о летающем огненном змее-обогатителе (н.-луж. *plon*, в.-луж. *zmij*), который приносит своему хозяину деньги, жито (зерно), молоко, творог или масло и называется соответственно *penežny*, *žitny*, *mlokowy* и *twarogowy*¹⁹. Летящий с деньгами имеет красный хвост, а летящий с зерном — синий (Ниж. Лужица)²⁰.

Spreewald. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1880. S. 89; *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика... С. 244, 245; *Громанн Й. В.* Предания языческой старины западных славян. М.: Амрита-Русь, 2014. С. 110, 111; *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich... Т. 3. S. 328; *Дукова У.* Наименования демонов... С. 127; *Biegeleisen H.* Matka i dziecko... S. 264, 265; *Adamowski J.* Kulturowe funkcje między // *Etnolingwistyka*. 1991. [Т.] 4. S. 72; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Навигатор, 2006. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. С. 193; Русская мифология... С. 341.

¹⁴ *Левкиевская Е. Е.* Полудница... С. 155; *Biegeleisen H.* Matka i dziecko... S. 265; *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды... № 229 С. 41.

¹⁵ *Левкиевская Е. Е.* Полудница... С. 154; *Biegeleisen H.* Matka i dziecko... S. 264; *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность... С. 149; *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды... № 230. С. 41-42.

¹⁶ *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность... С. 144, 152; *Adamowski J.* Kulturowe funkcje między... С. 73; Русская мифология... С. 342; Русские крестьяне... Т. 2. Ч. 1. С. 193.

¹⁷ *Левкиевская Е. Е.* Полудница... С. 155; *Biegeleisen H.* Matka i dziecko... S. 264; *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность... С. 149; *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды... № 230. С. 41-42.

¹⁸ *Левкиевская Е. Е.* Полудница... С. 155; *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды... № 229. С. 41; *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность... С. 149, 152; Русская мифология... С. 342; *Громанн Й. В.* Языческие обряды и поверья западных славян (Чехия и Моравия). М.: Велигор, 2015. С. 28; *Он же.* Предания языческой старины... С. 111; *Biegeleisen H.* Matka i dziecko... S. 265.

¹⁹ *Reliquien*... S. 755; *Haupt K.* Sagenbuch der Lausitz. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1862. 1. Teil: Das Geisterreich. S. 73; *Gräße J. G. Th.* Der Sagenschatz des Königreichs Sachsen. Zweite verbesserte und sehr vermehrte Auflage. Dresden: G. Schönfeld's Verlagsbuchhandlung, 1874. Bd. 2. S. 196; *Černý A.* Istoty mityczne... S. 36; *Левкиевская Е. Е.* Дух-обогатитель // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 148.*

²⁰ *Schulenburg W. von.* Wendische Volkssagen... S. 101; *Černý A.* Istoty mityczne... S. 40; *Müller E.* Das Wendetum in der Niederlausitz. 2. Aufl. Cottbus: Carl Koske, 1921. S. 177;

В отличие от стабильно синего или голубого житного змея, денежный змей мог иногда описываться не как красный, а как падающая звезда с тусклым шлейфом (р-н Котбуса, Штрёбиц)²¹ или, наоборот, выглядеть намного ярче житного²². Жители нижнелужицкого Бурга рассказывали, как змей с блестящим хвостом опустился на землю, рассыпаясь искрами — золотыми монетами²³. В верхнелужицкой традиции цветовая характеристика летающего змея не зависит от даров, которые он несет.

Наибольшее сходство, в том числе в цветовой символике, у нижнелужицкого змея имеется с литовским огненным змеем айтварасом (*aitvaras*). Он тоже носит людям деньги, зерно, молоко, творог, мед, лен, сено и другие украденные им продукты. По одним представлениям, змей, летящий с деньгами, красный, с зерном — синий, а с творогом — белый. По другим — змей, приносящий червонцы (золото), темно-красного цвета, приносящий серебряные деньги — белый или голубой, а когда он несет что-то другое, он бледный или серый. Считается также, что змей, летящий с дарами для своего хозяина, имеет синий цвет, а летящий порожним выглядит ярким, светлым²⁴. В латышской традиции айтварасу соответствует летающий огненный змей пукис (*pūķis*). Если он летит налегке, без даров, он красный, а если с зерном для хозяина — синий²⁵.

Летающий змей, кроме лужичан, известен и другим западным славянам. Наряду с другими персонажами, он также выступает в роли обогатителя своего хозяина, но цветовая символика ему не свойственна. Она вновь появляется у змея лишь у восточных славян, преимущественно в архаических зонах и часто в измененном виде, образуя географически цепь прерывистых вкраплений, ведущих на русский Северо-Запад.

В украинских поверьях и быличках о духах-обогатителях цвет, как правило какой-то один, характеризует самих этих персонажей, а не зависит от даров, которые они приносят своим избранныкам. Таковы, например, дрогобычский дух-обогатитель *хованець* в виде маленького хлопчика в красных штанишках²⁶; закарпатский домовый *газдовник*, поддерживающий хозяйство в доме и имеющий серый цвет у богатых людей, а у бед-

Veckenstedt E. Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Graz: Verlag von Leuschner & Lubensky, 1880. S. 388.

²¹ *Veckenstedt E.* Wendische Sagen... S. 386.

²² *Schulenburg W. von.* Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin: Nicolaische Verlags-Buchhandlung, 1882. S. 49.

²³ *Schulenburg W. von.* Wendische Volkssagen... S. 102, *Černý A.* Istoty mityczne... S. 39.

²⁴ *Razauskas D.* Iš baltų mitinio vaizdų jodraščiai: Aitvaras // *Liaudies kultūra*. 2008. № 6 (123). P. 17.

²⁵ *Brückner A.* Starożytna Litwa. Ludy i Bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa: Nakładem Księgarni Naukowej, 1904. S. 131.

²⁶ *Гнатюк В.* Знадоби до галицько-руської демонології. [Т. 1] // *Етнографічний збірник*. Львів: Накладом Наукового Товариства імени Шевченка, 1904. Т. 15. С. 97.

ных — маленький рост²⁷; харьковский зеленый крылатый змей-любовник, прилетающий к женщине (Богодуховский р-н, Братеница)²⁸. И только в черниговском Полесье, на границе с Белоруссией, цвет змея начинает приходить в соответствие с тем, что он приносит. В Хоробичах Городнянского р-на верят, что он носит ведьмам золото и выглядит в полете как красная «жердка», а в полночь может появиться в виде красного солдата²⁹, или что имеется два вида демонических существ змеиной природы: красные носят золото, а черные — хлеб³⁰.

В белорусской народной традиции известен огненный змей, обогащающий своего избранника. Если он летит полосой яркого, огненного цвета, значит, несет золото, бледноватой полосой — серебро, а темноватой — хлеб в зерне³¹. По другим белорусским представлениям, дух-обогачитель бывает светлым, когда несет золото, и темно-синим, когда несет хлеб³². В Мядельском р-не Минской обл. верят в летающего *хута*, имеющего черты огненного змея и домового: летящий с золотом из спрятанных в земле кладов, он выглядит красным, а с зерном, со снопами с чужих полей — темным, черным. В Вилейском у. Виленской губ. в роли змея выступает черный кот, снабжающий хозяина деньгами и зерном. Несущий деньги, он окружен ярким огненным светом, а несущий зерно — темный, без света³³. Сходным образом описывается змей в соседней с Белоруссией Брянской области: «Кали золото носить, то аж сиять ўсей, а як чорный — дак хлеб [зерно] носиў» (Почепский р-н)³⁴. Согласно поверью из соседней Смоленской губ., змей, летящий с деньгами, виден ярко светящимся, с хлебом — тусклым, с молоком — белым³⁵.

²⁷ *Потушняк Ф. М.* Останки культу предков // Литературна недѣля Подкарпатского общества наук. 1943. Р. 3. С. 202. То же: *Потушняк Ф.* Ворожки осійських босоркань / упорив Иван Петровіч. Осій, 2011. С. 50. URL: <https://petrovtsiy.jimdofree.com> (дата обращения: 03.05.2022).

²⁸ Муравський шлях — 97: Матеріали комплексної фольклорно-етнографічної експедиції / упор. М. Красиков, Н. Олійник, В. Осадча, М. Семенова. Харків: Харківський Державний Інститут Культури, 1988. С. 276.

²⁹ Полесский архив Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва) (далее — ПА). Запись А. В. Гурь.

³⁰ ПА, запись А. Б. Ключевского.

³¹ *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб.: Издание Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук; Типография Императорской Академии Наук, 1870. С. 213.

³² *Левкиевская Е. Е.* Дух-обогачитель... С. 149.

³³ *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. Т. 3. С. 302.

³⁴ Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. 2-е изд. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 451.

³⁵ *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб.: Типография С.Н. Худекова, 1901. Ч. 1. С. 96–97; *Он же.* Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. С. 272.

На собственно русской территории чем далее на север, тем отчетливее образ летающего змея раздваивается, распадаясь на обогатителя и любовника. Первый более характерен для запада и севера России, второй — для ее южных областей. Оба эти змеиные персонажи носят людям дары, ассортимент которых даже несколько расширяется. Женщинам змей дарит гостинцы, которые впоследствии оказываются лошадиным навозом или мусором, а также деньги. Что касается цвета, то он теряет свою связь с дарами змея, перестает быть их различительным признаком. Но полностью он не утрачивается.

В одних случаях, в районе русско-украинского пограничья, цвет как характеристика даров огненного змея-обогатителя переносится на приманки огненного змея, выступающего здесь уже в роли любовника. Разным цветом маркируются женские украшения и другие привлекательные предметы, которые для девушек и женщин разбрасывает огненный змей, чтобы заманить жертву, если та подберет находку без благословения (аналогичные предметы без цветовой характеристики известны в качестве даров змея в нижнелужицких и литовских поверьях). Такие приманки могут быть и ипостасью самого змея, который превращается в золотое кольцо или в пояс (Брянская, Курская обл.)³⁶. В быличках из Курской губ. рассказывается, как к девицам по ночам стал прилетать огненный змей, после того как, не перекрестившись, одна подобрала возле хаты чудесный алый пояс (Суджанский у.)³⁷, а другая — красивое черное монисто на перекрестке (Обоянский у., Ивня)³⁸. Третья, нашедшая *малóкавай* (желтовато-молочного цвета) платок, перекрестилась, прежде чем его поднять, и он оказался обычным лопухом (Ивня)³⁹. В Харьковской губ. также известны аналогичные былички о губительной связи со змеем женщин, которые соблазнились найденной красной лентой или красным монистом (Купянский у.)⁴⁰.

В других случаях, в западных и северо-западных областях России, цветовая палитра редуцируется до какого-то одного цвета, чаще всего красного, который, потеряв свою вариативность, становится постоянным признаком самого змея. В Новгородской губ. огненного змея-обогатителя описывают как «ужа», который выглядит в полете «как волокно красное»,

³⁶ Титова О. А. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XX — начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 61, 148, 151, 213, рисунок 7.

³⁷ Там же. С. 61.

³⁸ Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск: Типография Курского губернского земства, 1911. Вып. 1. С. 197.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Иванов П. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1893. Т. 5: Труды Педагогического отдела Историко-филологического общества. Вып. 1. С. 59.

как красный огонь (Пестовский р-н, Ельничное)⁴¹. Там же в виде красной змеи, по поверью, может показаться и «дворовой» (Пестовский р-н, Малышево)⁴². А в соседней местности (северо-восточнее) набор цветов, характерный для огненного змея у лужичан и балтов, выступает в других, нежели у них, символических значениях применительно к скрытым ногам змеи, которые будто бы она показывает, когда ее бьют: красные — к пожару, синие — к богатству, белые — к покойнику (Новгородская губ., Череповецкий у., Уломская вол.)⁴³. Южнее, в соседних районах Тверской области, наличие ног иногда приписывают и огненному змею-обогатителю. Цвет его в основном красный, изредка варьирует от ярко-желтого до оранжевого. Змей имеет красный гребень, как у петуха (Сандовский р-н, Макаровское), а в полете выглядит как красный огненный мячик (Молоковский р-н, Дуброво)⁴⁴. В Тамбовской обл. змей-любовник летит к тоскующим вдовам в виде красного меча (Пичаевский р-н, Григорьевка)⁴⁵. По данным О.А. Титовой, огненный змей отмечен символикой красного цвета в западной южнорусской традиции⁴⁶. Ср.: у белорусов Витебского у. змей синий: «Ляциць сiнiнiнki клубочек, як дым» (Королевская вол.)⁴⁷.

Кроме даров, определяющих разный цвет огненного змея-обогатителя, и цветных украшений в качестве приманок, провоцирующих интимные отношения змея-любownika с женщиной, цветовая символика переносится иногда на посевы, над которыми пролетает огненный змей. Так, в Лапшинской вол. Никольского у. Вологодской губ. (современный Вохомский р-н Костромской обл.) верили, что если в летнее время огненный змей пролетит над полем, то на полосах лен, ячмень и другие посевы краснеют⁴⁸. В этом единичном случае можно видеть сохранение реликтовой связи с зерном как одним из видов даров змея.

Итак, варьирующая цветовая символика характеризует летающего змея в зависимости от его даров (н.-луж., литов. и латыш., в менее четком виде — чернигов.-полес., бел., рус. брян., смолен.), а также ноги, которые

⁴¹ Черпанова О. А. Мифологические рассказы и легенды... № 124. С. 29.

⁴² Там же. № 120. С. 29.

⁴³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. С. 189.

⁴⁴ Базлов Г. Н. Поверья об «огненном змее» в Тверской области // Живая старина. 1996. № 4 (12). С. 49.

⁴⁵ Махрачёва Т. В. Народные представления об огненном змее в Тамбовской области // Живая старина. 2012. № 1 (73). С. 19.

⁴⁶ Титова О. А. Ареальное исследование... С. 226, таблица 2.

⁴⁷ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка... С. 302.

⁴⁸ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. С. 150-151.

показывает змея (новгород.). Различная постоянная, независимая от даров или других условий, цветовая символика может быть признаком летающего змея (укр., рус.), домового (карпатоукр.), дворового в змеином облике (новгород.), предметов, которые разбрасывает змей как приманки или облик которых принимает сам (укр.-южнорус. пограничье), и посевов, над которыми пролетел змей (вологод.-костром.). Кроме того, в облике огненного змея может присутствовать разноцветность (н.-луж., в.-луж., литов., чернигов.-полес. и гомел.-полес.), и даже он сам может превращаться в разноцветную радугу (бел. витеб.), но это особая тема, поскольку этот признак дает совершенно другие соответствия — южнославянские⁴⁹.

3. Третий пример не столь масштабный. Он касается некоторых деталей, связанных с отбиранием молока ведьмами в поле. У лужичан в Вальпургиеву ночь (на 1 мая) ведьмы рвут траву с девяти чужих межей, при этом считают межи, начиная с девятой, а дойдя до первой, называют ее «никакой». Дома мелко режут траву, варят ее и дают своим коровам, получая таким образом молоко от коров тех людей, на чьих межах они рвали траву⁵⁰. Нечто подобное совершают ведьмы на Ивана Купалу в Полесье. В Гомельской обл. они «тягают» молоко — рвут на девяти чужих межах траву, которую дают своим коровам, и собирают росу (Лельчицкий р-н, Стодоличи)⁵¹; рвут траву с росой для своей коровы (Лельчицкий р-н, Тоннеж)⁵²; собирают росу с трех межей (Лельчицкий р-н, Симоничи)⁵³; собирают росу и траву с чужой межи, сушат траву и дают съесть корове, тогда она будет давать много молока (Калинковичский р-н, Малые Автюки)⁵⁴. В Ровенской обл. ведьмы рвут до восхода солнца траву с трех чужих межей и дают своей корове, забирая себе тем самым молоко у чужих коров (Сарненский р-н, Чудель)⁵⁵. В Волынской обл. они рвут траву с купальской росой и моют ею молочную посуду, чтобы иметь много молока, а также сами умываются ею для здоровья (Ратновский р-н, Щедрогор)⁵⁶.

В Нижней Лужице верят, что в Вальпургиеву ночь ведьмы используют при сборе чужой травы веревочную постромку (часть конской сбруи, соединяющей хомут с вальком), отрясая ею росу с травы и получая таким образом доступ к молоку чужих коров, которое ведьмы потом доили из та-

⁴⁹ См. об этом: Гура А. В. Цветовая символика летающего змея (лужицко-восточнославянские и южнославянские параллели) // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2 / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 9–25.

⁵⁰ *Schulenburg W. von. Wendische Volkssagen...* S. 158; *Černý A. Istoty mityczne...* S. 374.

⁵¹ ПА, запись Ж. В. Кутановой, запись О. В. Санниковой; Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. С. 46.

⁵² Там же. Запись М. Костроминой.

⁵³ ПА, запись О. В. Санниковой.

⁵⁴ ПА, запись А. А. Архиповой, запись Л. Г. Александровой.

⁵⁵ ПА, запись Е. В. Какориной.

⁵⁶ ПА, запись Т. В. Козак.

кой постромки. В нижнелужицкой быличке рассказывается о парне из Бризена, который пас коней и заметил женщину, которая, как казалось, жала. Любопытный парень подкрался ближе и спрятался в глубокой борозде. Он увидел, что женщина пользуется толстой веревкой (постромкой) так, как будто жнет ею, и приговаривает: “Ja zběram hužytk, ale nic wšen” [Беру пожиток (добычу), но не весь]. Парень из интереса повторил это с помощью плети (кнута), и из нее потом все лето текло молоко⁵⁷. Приведенная в этом рассказе заклинательная формула (обычно с ответной формулой человека, подсматривающего за ведьмой) имеет многочисленные параллели и свой ареал распространения, но нас в данном случае интересует предмет, с помощью которого ведьма и тот, кто ей подражает, собирают росу с поля. В лужицкой традиции это постромка и плеть — предметы, относящиеся к конскому снаряжению и управлению лошадьми. В другой нижнелужицкой быличке говорится о ведьме из Вельких Добрыней, у которой за печью имелась веревка (веревочная постромка), и когда люди в деревне доили коров, она дергала за нее, и молоко ото всех этих коров лилось в ее горшки. В той же деревне, по рассказам, один хозяин зашел как-то к себе в коровник и увидел, как его жена доит молоко из веревки (постромки). И когда он изо всех сил стал тянуть за постромку, жена закричала: «Перестань доить, корова падет!» Но хозяин продолжал дергать веревку, и вдруг молоко литься перестало. На следующий день он узнал, что у соседа пала корова. Так он понял, что его жена ведьма, и прогнал ее из дома (Гросс Дёбберн)⁵⁸.

Сходные предметы: уздечка (часть упряжи с удилами и поводьями, надеваемая на голову лошади) или обротъ (недоуздок, узда без удил), реже хомут, — использовались при сборе росы для отбирания молока (иногда и в других магических целях) у поляков Малопольши и в Люблинском регионе⁵⁹. Так, в одной быличке говорится о работнике, который пас коней утром до восхода солнца и увидел, как известная в селе ведьма собирала росу полотняной тканью, через которое процеживают молоко, повторяя при этом рифмованное заклинание: “Biorę pożytek, ale nie wszystkie” [Беру пожиток, но не весь]. Когда она ушла, работник стал махать по траве уздечкой, снятой с коня, и говорить также в рифму: “A ja niestatek, biorę ostatek” [А я, ротозей, беру остаток]. Вернувшись домой, он повесил уздечку на крючок, и когда взошло солнце, с нее стало обильно течь молоко⁶⁰.

⁵⁷ Schulenburg W. von. Wendische Volkssagen... S. 167–168; Černý A. Istoty mityczne... S. 375.

⁵⁸ Veckenstedt E. Wendische Sagen... S. 283–284; Černý A. Istoty mityczne... S. 376.

⁵⁹ Pełka L. J. Polska demonologia ludowa. Wrocław, 1987. S. 195, 196, 212; Federowski M. Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy. T. 2. Warszawa: Drukiem Emila Skińskiego, 1889: 262; Гнатюк В. Знадоби до галицько-руської демонології. Т. 2, вип. 2 // Етнографічний збірник. Львів: Накладом Наукового Товариства імени Шевченка, 1912. Т. 33. С. 122.

⁶⁰ Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań: Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1962. T. 17: Lubelskie. Cz. 2. S. 110.

У восточных славян в Покутье и на Львовщине считалось, что росу также собирали обротью. Так, рассказывали, например, как батрак выгнал коней пастись на ночь. Снял уже оброты и идет домой. Смотрит: две бабы собирают росу с жита, махая платками. Он тоже стал махать обротями по росе. Придя домой, отнес оброты в хлев и оставил там. Утром видят, что с обротей молоко течет — журчит, как вода в роднике (Покутье, Городенковский пов., Далешево)⁶¹. В другой быличке говорилось: «Однажды у нас выгнал хозяин на Юрия своих коней. Смотрит — на выгоне ведьмы цедилкой и подойником собирают росу со словами: “Мій хосэн, мій хосэн!” [Моя выгода (пожиток)!]. Крестьянин распутал коня, взял оброть и стал волочить ее по траве. Пришел в хату, повесил оброть на стену, а из нее молоко течет. Сколько он этого молока набрал, просто ужас!» (Галиция, Дрогобычский у., Нагуевичи)⁶².

Предметы конской упряжи, состоящие из толстой пеньковой веревки, служили тем же целям и в западном Полесье: вожжи (поводья) — в Волинской, Брестской и Житомирской областях (Волинская обл., Любешовский р-н, Ветлы⁶³; Брестская обл., Малоритский р-н, Олтуш⁶⁴, Радеж⁶⁵; Брестский р-н, Заболотье⁶⁶; Ивацевичский р-н, Оброво⁶⁷; Пинский р-н, Кончицы⁶⁸; Житомирская обл., Лугинский р-н, Червоная Волока⁶⁹), уздечка — в Брестской и соседней Гродненской, в Житомирской и отчасти Гомельской областях (Брестская обл., Малоритский р-н, Олтуш⁷⁰; Пинский р-н, Кончицы⁷¹; Гродненская губ., Волковысский у., совр. Свислочский р-н, Верещаки, Кукличчи⁷²; Житомирская обл., Овручский р-н, Журба⁷³; Емильчинский р-н, Рясное⁷⁴; Гомельская обл., Лельчицкий р-н, Тонеж⁷⁵). Например: «На Юрия человек пас ночью коней и увидел ведьму, которая шла по лугу и собирала на решето росу, махая им над травой и приговаривая: “Бэрú, но нэ всэ”. А он

⁶¹ Гнатюк В. Знадобы... Т. 2. Вип. 2. С. 122.

⁶² Гнатюк В. Знадобы... [Т. 1]. С. 187.

⁶³ ПА, запись О. Ю. Рюриковой.

⁶⁴ ПА, запись А. В. Андреевской.

⁶⁵ ПА, запись А. В. Тер-Аванесовой, Н. Р. Добрушиной.

⁶⁶ ПА, запись М. И. Серебряной.

⁶⁷ ПА, запись В. В. Казначеева.

⁶⁸ ПА, запись Л. М. Ивлевой.

⁶⁹ ПА, запись М. М. Гончаренко.

⁷⁰ ПА, запись А. В. Андреевской.

⁷¹ ПА, запись Л. М. Ивлевой.

⁷² Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877-1891. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1897. Т. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. S. 83-84.

⁷³ ПА, запись А. В. Гуры.

⁷⁴ Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 246. Запись Е. Л. Чекановой.

⁷⁵ Там же. С. 244-245. Запись О. В. Санниковой.

пошел за ведьмой, махая вожжами, как она решетом, и говорил: “А я бэру́ всэ”. Утром все соседские коровы пришли к нему на подворье. Соседи расспросили его, почему их коровы пришли к нему, позвали ту ведьму, она отменила колдовство, и все коровы разошлись по домам» (Волынская обл., Любешовский р-н, Ветлы)⁷⁶; «На Юрья ў нас шол одін челоувэк, а жэнщина рушником махае и говорит: “Збираю росу не всю”. А челоувэк махну́л уздэчкою, лейцами [вожжами, поводьями], и говорить: “Збираю росу всю”. [Когда пришел домой,] повэсил лейцы, и з нїх почалось лица́ молоко́ и начали коровы́ рэвти и бэгти до хаты [его], чужы́е коровы́. Челоувэк тэй проклина́ўса, што ничёго нэ знаю. „Попыта́йте, — ка́жэ вїн, — гэтой жэнщины, а я нэ знаю нїц”. И вїнуждена она была́ прекратіть молоко́. Гэто на Юрья рэнэнько було́, а жэнщина тая́ — ведьма. Ба́чытэ, она нэ всё молоко́ збира́ла, а вїн каза́ў, што всю росу збираю́, — и пошли́ до егó всі коровы́» (Брестская обл., Пинский р-н, Кончицы)⁷⁷; «Дед коны пове́ў па́сты на Юрья до схода со́нца, аж ба́чыт — ведьма бэрэ́ росу збырае́ на жы́ти: помахáе цыды́лочкой и в дойні́чку улива́е. То ейный пра́зьник, вэ́дма́рски дэнь на Юрья. А вон завéл коны да взя́ў уздэ́чку. Ка́жэ, я идú да й маха́ю. Да ка́жэ: “Шо тэбó, то й мэ́нэ! Шо тэбó, то й мэ́нэ!” Прыне́с да пове́сиу́ ту уздэ́чку — дак ка́пало молоко́ з уздэ́чки» (Житомирская обл., Овручский р-н, Журба)⁷⁸. Восточнее, в гомельском Полесье поверье теряет свою магическую достоверность, а само действие приобретает развлекательные, почти игровые черты: «[На Юрия] не́каторы́е вı́дут да со́нца, по лугу вярóўку тяга́ють, па расé, па травé. Для знахо́рства, для кароў, малако́ штоб было. Эта у нас смея́лись так. Адна ста́ла кума на Юрия, там у их луг за дварми, и ана вı́шла пагляде́ть: уж ее кума вярóўку па расе тяга́я. Добрэ́. Ана схавáлась, каб ана ее не ба́чыла. А патóм ана пашла́, ўзяла то́же вярóўку, ета дру́га́я. Так она ж не зна́ла, што ана тако́е гавари́ла, якіе слова. Тольки слы́хала, што тяга́ють на росу, штоб малака́ карова мно́га дава́ла. И пашла́ на я́кий луг и тяга́е. И ана не зна́ла, што ана́ гаварить. Так тяга́е вярóўку: “Што куме́, то мне́”. Аказáлась, малако́ перейшло́ ё́тай куме, дру́гой. Тады уже кума́ давай би́цца з ё́ю» (Гомельская обл., Калинковичский р-н, Золотуха)⁷⁹.

В русской быличке из Смоленской губ. парень переманил молоко из дойника ведьмы в свою оброть. Парень, искавший лошадей, увидел в поле женщину, которая махала фартуком со словами: «Малако у даёнку!» Он погнался за ней, повторяя: «Уреш: у аброти (вар.: у вабротья) малако!», а когда пришел домой и повесил на место свою оброть, обнаружил, что с нее льется молоко⁸⁰. В Орловской губ. верили, что колдунья отнимает

⁷⁶ ПА, запись О. Ю. Рюриковой.

⁷⁷ ПА, запись Л. М. Ивлевой.

⁷⁸ ПА, запись А. В. Гурь.

⁷⁹ ПА, запись В. В. Плешаковой.

⁸⁰ *Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник... С. 109–110.*

молоко, ударяя на утренней заре по спине коровы наговоренной веревкой⁸¹. В рассказе из Костромской губ. обротъ используется с целью покалечить и опознать ведьму: утром в Иванов день дед пошел за лошадьми и увидел колдунью, которая ходила на голове вверх ногами, скрыв лицо под заголившимся подолом, и собирала траву. Дед отхлестал ее обротью, после чего в деревне слегла в постель старуха со следами побоев, по которым опознали ведьму (Галичский у., Нагатино)⁸².

Что касается южных славян, то использование веревочной (пеньковой) упряжи для сбора росы с целью отбирания молока там тоже известно. Однако специально мы этот материал не собирали, поэтому сошлемся на результаты исследования Т. А. Агапкиной. В своей книге она указывает на ряд магических способов отбирания ведьмами молока, характерных для запада южнославянской зоны (Черногория, Герцеговина, Далмация, Босния, Хорватия, редко — Словения), среди которых есть и интересующие нас действия с конской упряжью (без более точной их локализации): в Юрьев день ведьмы «объезжают чужие загоны и поля верхом на навое, волоча за собой узду; „доят” узду или веревку», а также совершают кражу с чужого двора и разливают большую часть воды в сторону своего, нежели чужого загона⁸³.

Помимо конской упряжи, для сбора росы у славян используются многие другие предметы, причем некоторые намного чаще: веревка (малопол.; бел. гомел.; зап.-южнослав.), веревочные поводья, надеваемые на рога запряженных волов (укр. львов.), веревочный поводок для коровы (укр. житомир.), цедилка, ткань для процеживания молока (малопол., люблин.; укр. львов., волын., житомир., киев., чернигов.; бел. брест., гомел., витеб.), марля (чернигов.), полотно, холстина (пол. краков.; чеш., морав.; среднесловац.; словен.; болг.), холщевое одеяло (морав.), простыня (укр. закапат.; рус. старообрядцы в Литве; словен. штирийск., каринтийск.), скатерть (укр. ровен.; бел. гроднен., вилен., гомел.; рус. брян., вологод., перм.), полотенце (пол. калиш.-серадз.; укр. киев.; бел. брест., гроднен., витеб.; рус. воронеж.), платок (укр. покут., львов., киев.; бел. гроднен., гомел.; серб.), тряпка, лоскут (малопол.; укр. ровен.; бел. гомел.), тряпка для подтирания вымени корове, онучи, штаны (рус. брян.), пояс от мужских штанов (бел. гомел.), пояс (болг. пловдив.), фартук (укр. ровен., житомир.; бел. гомел.; рус. смолен.), подол юбки (укр. киев.), рубашка, бурка (рус. брян.), одежда (болг.), решето, сито (словац.-закапат.; укр. волын.)⁸⁴.

⁸¹ Русская мифология... С. 549.

⁸² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. С. 169.

⁸³ Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. С. 390–391.

⁸⁴ Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Плотникова А. А. Май // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 166–170; Агапкина А. А., Валенцова М. М., Топорков А. Л.

Для всех трех сюжетов характерно одно: особенности окраинной в общеславянских масштабах лужицкой традиции корреспондируют с аналогичными периферийными северо-западнорусскими, а связь между ними в той или иной мере образуют некоторые другие западославянские ареалы, а на восточнославянской территории — цепь ареалов, главным образом архаических: карпатских, полесских и белорусско-западнорусских. Благодаря своему положению на окраине славянского мира лужицкая народная традиция сохранила целый ряд черт, имеющих неопределимое значение для историко-культурных и этногенетических реконструкций.

Сокращения названий языков и диалектов

архангел. — архангельский
 бел. — белорусский
 болг. — болгарский
 брест. — брестский
 брян. — брянский
 в.-луж. — верхнелужицкий
 витеб. — витебский
 вологод. — вологодский
 волын. — волынский
 гомел. — гомельский
 гроднен. — гродненский
 житомир. — житомирский
 закарпат. — закарпатский
 зап.-южнослав. — западноюжнославянский
 калиш. — калишский
 карел. — карельский
 каринтийск. — каринтийский
 карпатоукр. — карпатоукраинский
 киев. — киевский
 костром. — костромской

Нагота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 355-360; *Валенцова М. М.* Кислый — пресный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 497-500; *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Роса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 470-474; *Левкиевская Е. Е.* Отбирание молока // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 584-588; *Новиков Ю. А., Тримакас Р.* Поверья и мифологические сказания о «волхвитах» (колдунах) // Русский фольклор / отв. ред. Ю. И. Марченко. СПб.: Наука, 2001. Т. 31. С. 318-320; *Толстая С. М.* Кормление скота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 606-608.

краков. — краковский
латыш. — латышский
литов. — литовский
луж. — лужицкий
львов. — львовский
люблин. — люблинский
малопол. — малопольский
морав. — моравский
н.-луж. — нижнелужицкий
новгород. — новгородский
перм. — пермский
пловдив. — пловдивский
пол. — польский
полес. — полесский
ровен. — ровенский
рус. — русский
сев.-зап. — северо-западный
серадз. — серадзский
серб. — сербский
сибир. — сибирский
словац. — словацкий
словен. — словенский
смолен. — смоленский
среднесловац. — среднесловацкий
укр. — украинский
чернигов. — черниговский
чеш. — чешский
читин. — читинский
штирийск. — штирийский
юж.-сибир. — южносибирский
южнорус. — южнорусский
ярослав. — ярославский

Литература

- Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.
- Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Плотникова А. А.* Май // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 166–170.
- Агапкина А. А., Валенцова М. М., Топорков А. Л.* Нагота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 355–360.

- Базлов Г. Н. Поверья об «огненном змее» в Тверской области // Живая старина. 1996. № 4 (12). С. 49–50.
- Валенцова М. М. Кислый — пресный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 497–500.
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Роса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 470–474.
- Громани Й. В. Предания языческой старины западных славян. М.: Амрита-Русь, 2014.
- Громани Й. В. Языческие обряды и поверья западных славян (Чехия и Моравия). М.: Велигор, 2015.
- Гура А. В. Цветовая символика летающего змея (лужицко-восточно-славянские и южнославянские параллели) // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2 / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 9–25.
- Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015.
- Зайцева Н. И. Мифологическая лексика в чешском и словацком языках: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1975.
- Левкиевская Е. Е. Дух-обогатитель // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 147–150.
- Левкиевская Е. Е. Отбирание молока // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 584–588.
- Левкиевская Е. Е. Полудница // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 154–156.
- Махрачѣва Т. В. Народные представления об огненном змее в Тамбовской области // Живая старина. 2012. № 1 (73). С. 19–21.
- Муравський шлях — 97: Матеріали комплексної фольклорно-етнографічної експедиції / упор. М. Красиков, Н. Олійник, В. Осадча, М. Семенова. Харків: Харківський Державний Інститут Культури, 1988.
- Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская.
- Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская.
- Новиков Ю. А., Тримакас Р. Поверья и мифологические сказания о «волхвитах» (колдунах) // Русский фольклор / отв. ред. Ю. И. Марченко. СПб.: Наука, 2001. Т. 31. С. 318–320.
- Померанцева Э. В. Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И. М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 143–158.
- Русская мифология. Энциклопедия / Сост. Е. Л. Мадлевская. СПб.: Мидгард, 2005.

- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Навигатор, 2006. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд.
- Титова О. А. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XX — начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Толстая С. М. Кормление скота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 606–608.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983.
- Adamowski J. Kulturowe funkcje między // Etnolingwistyka. 1991. [Т.] 4. S. 65–82.
- Biegeleisen H. Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i praktykach ludu polskiego. Lwów: Ateneum, 1927.
- Brückner A. Starożytna Litwa. Ludy i Bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa: Nakładem Księgarni Naukowej, 1904.
- Černý A. Istoty mityczne Serbów Łużyckich. Warszawa: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego, 1901.
- Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań: Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1962. Т. 17: Lubelskie. Cz. 2.
- Müller E. Das Wendetum in der Niederlausitz. 2. Aufl. Cottbus: Carl Koske, 1921.
- Pelka L. J. Polska demonologia ludowa. Wrocław: Iskry, 1987.
- Razauskas D. Iš baltų mitinio vaizdų juodraščių: Aitvaras // Liaudies kultūra. 2008. № 6 (123). P. 8–25.
- Reliquien der Feld-, Wald-, Wasser- und Hausgötter unter den Wenden / Von Hr. Pfarrer Pannach in Malschwitz // Lausizische Monatsschrift. 1797. 2. Heft. 12. Stük. (Dezember). S. 741–759.
- Respublica Moscoviae et Urbes. Accedunt quaedam latinè nunquam antehac edita / Edidit et latinitate transcripsit M. Z. van Boxhorn. Leiden: Lugduni Batavorum, Ex officina Ioannis Maire, 1630.
- Schulenburg W. von. Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1880.
- Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976. Т. 1–7.
- Veckenstedt E. Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Graz: Verlag von Leuschner & Lubensky, 1880.

References

- Adamowski, J., 1991. Kulturowe funkcje miedzy. *Etnolingwistyka*, 4, pp. 65–82.
- Agapkina, T. A., 2002. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara. Vesenne-letnii tsikl* [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow: Indrik.
- Agapkina, T. A., Plotnikova, A. A., Valentsova, M. M., 2004. Mai [May]. In: N. I. Tolstoi, ed., 2004. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 166–170. Vol. 3.
- Agapkina, T. A., Toporkov, A. L., Valentsova, M. M., 2004. Nagota [Nakedness]. In: N. I. Tolstoi, ed., 2004. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 355–360. Vol. 3.
- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2004. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 1: *Kostromskaia i Tverskaia gubernii* [Kostroma and Tver provinces].
- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2006. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Navigator. Vol. 2: *Iaroslavskaia guberniia* [Yaroslavl province]. Part 1: *Poshekhonskii uezd* [Poshekhonsky district].
- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2007. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 5: *Vologodskaia guberniia* [Vologda province]. Part 3: *Nicol'skii i Sol'vychevodskii uезdy* [Nikolsky and Solvychevodsky districts].
- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2009. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy. Materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V. N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Daily Routine. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 7: *Novgorodskaia guberniia* [Novgorod province]. Part 2: *Cherepovetskii uezd* [Cherepovets district].
- Bazlov, G. N., 1996. Pover'ia ob «ognennom zmee» v Tverskoi oblasti [Popular beliefs about the "fiery" serpent in Tver district]. *Zhivaia starina*, 4 (12), pp. 49–50.
- Biegeleisen, H., 1927. *Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i praktykach ludu polskiego*. Lviv: Ateneum.
- Boxhorn, M. Z., ed., 1630. *Respublica Moscoviae et Urbes. Accedunt quaedam latine nunquam antehac edita*. Leiden: Lugduni Batavorum, Ex officina Ioannis Maire.
- Brückner, A., 1904. *Starożytna Litwa. Ludy i Bogi. Szkice historyczne i mitologiczne*. Warsaw: Nakładem Księgarni Naukowej.
- Černý, A., 1901. *Istoty mityczne Serbów Lużyckich*. Warsaw: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego.

- Cherepanova, O. A., 1983. *Mifologicheskaiia leksika Russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Leningrad University Publishing House.
- Dukova, U., 2015. *Naimenovaniia demonov v bolgarskom iazyke* [Names of demons in Bulgarian]. Moscow: Indrik.
- Gromann, I. V., 2015. *Iazycheskie obriady i pover'ia zapadnykh slavian (Chekhiia i Moraviia)* [The pagan rites and beliefs of Western Slavs (Czechia and Moravia)]. Moscow: Veligor.
- Gromann, I. V., 2014. *Predaniia iazycheskoi stariny zapadnykh slavian* [Legends of the pagan antiquity of Western Slavs]. Moscow: Amrita-Rus'.
- Gura A. V., 2021. Tsvetovaia simvolika letaiushchego zmeia (luzhitsko-vostochno-slavianskie i iuzhnoslavianskie paralleli) [Color symbolism of a flying serpent (Lusatian-East Slavic and South Slavic parallels)]. In: S. M. Tolstaia, ed., 2021. *Slavianskie arkhaiskie arealy v prostranstve Evropy* [Slavic archaic areas in Europe]. Moscow: Indrik, pp. 9–25. Vol. 2.
- Kolberg, O., 1962. *Dziela wszystkie*. Wrocław; Poznań: Polskie Wydawnictwo Muzyczne. Vol. 17: *Lubelskie*, part 2.
- Krasykov, M., Oliinyk, N., Osadcha, V., Semenova, M., eds, 1988. *Muravs'kyi shliakh-97: Materialy kompleksnoi fol'klorno-etnografichnoi ekspeditsii* [Muravs'kyi shliakh-97: The materials of complex folklore and ethnographic expedition]. Kharkiv: Khar'kivs'kyi Derzhavnyi Instytut Kul'tury.
- Levkivskaia, E. E., 1999. Dukh-obogatitel' [Enriching Demon]. In: N. I. Tolstoi, ed., 1999. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 147–150. Vol. 2.
- Levkivskaia, E. E., 2004. Otbiranie moloka [Poaching Milk]. In: N. I. Tolstoi, ed., 2004. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 584–588. Vol. 3.
- Levkivskaia, E. E., 2009. Poludnitsa [Lady Midday (Noonwraith, Noon Witch)]. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 154–156. Vol. 4.
- Levkivskaia, E. E., Vinogradova, L. N., eds, 2010. *Narodnaia demonologiiia Poles'ia. Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka* [Folk demonology of Polesie. Publications of texts in the records of the 80–90s. XX century]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. Vol. 1: *Liudi so sverkh'estestvennymi svoistvami* [People with supernatural features].
- Levkivskaia, E. E., Vinogradova, L. N., eds, 2020. *Narodnaia demonologiiia Poles'ia. Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka* [Folk demonology of Polesie. Publications of texts in the records of the 80–90s. XX century]. Moscow: Izdatel'skii dom IaSK. Vol. 4: *Dukhi domashnego i prirodnogo prostranstva. Nelokalizovannye personazhi* [Demons of home and natural space. Non-localized characters]. 2nd ed.
- Makhracheva, T. V., 2012. Narodnye predstavleniia ob ognennom zmee v Tambovskoi oblasti [Popular views about the fiery serpent in Tambov district]. *Zhivaia starina*, 1 (73), pp. 19–21.

- Madlevskaia, E. L., ed., 2005. *Russkaia mifologiya. Entsiklopediia* [Russian mythology. Encyclopedia]. Saint Petersburg: Midgard.
- Müller, E., 1921. *Das Wendetum in der Niederlausitz. 2. Aufl.* Cottbus: Carl Koske.
- Novikov, Iu. A., Trimakas, R., 2001. Pover'ia i mifologicheskie skazaniia o «volkhvitakh» (koldunakh) [Beliefs and mythological legends about „volkhvity” (sorcerers)]. In: Iu I. Marchenko, ed., 2001. *Russkii fol'klor* [Russian Folklore]. Saint Petersburg: Nauka, pp. 305–333. Vol. 31.
- Pannach, P., 1797. Reliquien der Feld-, Wald-, Wasser- und Hausgötter unter den Wenden, Von Hr. Pfarrer Pannach in Malschwilz. *Lausizische Monatsschrift*, 2 (12), pp. 741–759.
- Pełka, L. J., 1987. *Polska demonologia ludowa*. Wrocław: Iskry.
- Pomerantseva, E. V., 1978. Mezhetnicheskaia obshchnost' poverii i bylichek o poludnitse [Interethnic commonality of beliefs and stories about Lady Midday (Noon-wraith, Noon Witch)]. In: I. M. Sheptunov, ed., 1978. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Genezis. Arkhaika. Traditsii* [Slavic and Balkan Folklore. Genesis. Archaism. Traditions]. Moscow: Nauka, pp. 143–158.
- Razauskas, D., 2008. Iš baltų mitinio vaizdyno juodraščių: Aitvaras. *Liaudies kultūra*, 6 (123), pp. 8–25.
- Schulenburg, W. von., 1880. *Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spree-wald*. Leipzig: F. A. Brockhaus.
- Sychta, B., 1967–1976. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Vol. 1–7.
- Titova, O. A., 2015. *Areal'noe issledovanie mifologicheskikh predstavlenii russkikh Tsentral'nogo Chernozem'ia (konets XX — nachalo XXI veka)* [Areal study of the mythological representations of the Russians of the Central Black Earth Region (late XX — early XXI century)]. Dis. ... kand. ist. nauk. N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
- Tolstaia, S. M., 1999. Kormlenie skota [Livestock feeding]. In: N. I. Tolstoi, ed., 1999. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2., pp. 606–608.
- Tolstaia, S. M., Vinogradova, L. N., 2009. Rosa [Dew]. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4., pp. 470–474.
- Valentsova, M. M., 1999. Kislyi — presnyi [Sour — Unleavened]. In: N. I. Tolstoi, ed., 1999. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2., pp. 497–500.
- Veckenstedt, E., 1880. *Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche*. Graz: Verlag von Leuschner & Lubensky.
- Zaitseva, N. I., 1975. *Mifologicheskaia leksika v cheshskom i slovatskom iazykakh* [Mythological vocabulary in the Czech and Slovak languages]. Dis. ... kand. filol. nauk., I. Kolas Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the Byelorussian SSR.

Языковая ситуация в итальянской общине города Копер (Словения): данные полевого исследования*

**Александр Александрович
Пивоваренко**

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: aleksandar.a.p.@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7746-5127

**Глеб Петрович
Пилипенко**

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Аннотация

В статье обсуждается современная языковая ситуация среди итальянского национального меньшинства в словенском Приморье на примере общины Копер. В ходе проведения авторским коллективом полевого исследования от информантов были записаны нарративы на итальянском языке. Используя дискурсивный и структурно-типологический методы анализа, авторы устанавливают, что языковая реальность современного Копера воспринимается как постоянно меняющаяся, а итальянская спонтанная речь респондентов пронизана заимствованиями из окружающих южнославянских языков. Современная языковая ситуация является результатом исторических изменений в Истрии на протяжении XX в. Помимо вкраплений и цитатий на словенском языке обнаруживаются элементы из хорватского языка, что отражает языковую ситуацию югославского периода и приграничное положение словенского Приморья. Особое внимание уделено рассмотрению языковой компетенции итальянцев в словенском языке, как представителям старшего поколения, так и младшему поколению учащихся школ. В словенском языке итальянцев обнаруживается ряд особенностей, свойственных словенским говорам на территории Италии, что позволяет говорить о действии одних и тех же лингвистических факторов. В отличие от младшего поколения реконструировать языковую компетенцию пожилых людей можно лишь частично на основании косвенных свидетельств. Наблюдается несоответствие между гарантированными в законах правами на использование итальянского языка и языковой реальностью, с которой сталкиваются информанты, что может быть результатом как падения престижа языка, так и немногочисленности итальянской диаспоры, часть которой подвержена языковой ассимиляции, в том числе в результате смешанных браков. Отдельно в статье обсуждается роль СМИ в лингвистическом ландшафте региона.

Ключевые слова

Итальянский язык, словенский язык, Истрия, двуязычие, Копер, интервью, языковая ситуация, интерференция, полевое исследование

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Статья поступила в редакцию 26 апреля 2022 г.

Цитирование: Пивоваренко А. А., Пилипенко Г. П. Языковая ситуация в итальянской общине города Копер (Словения): данные полевого исследования // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 94–119. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.06>

THE LANGUAGE SITUATION AMONG THE ITALIAN COMMUNITY OF KOPER (SLOVENIA): FIELD STUDY DATA

Alexander A. Pivovarenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: aleksandar.a.p@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7746-5127

Gleb P. Pilipenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Abstract

This paper discusses the current language situation among the Italian minority in Slovenian Primorje in Koper. During the field research conducted by the authors' team, narratives in Italian were recorded from informants. Using discursive and structural-typological methods of analysis, the authors reveal that the linguistic reality of modern Koper is perceived as constantly changing, and the Italian spontaneous speech of respondents is intertwined with borrowings from the surrounding South Slavic languages. The modern language situation is the result of historical changes in the Istria region during the twentieth century. In addition to insertions and quotations in Slovenian, items from the Croatian language are found, reflecting the linguistic situation of the Yugoslav period and the border position of the Slovenian Primorje. Special attention is paid to analysis of the language competence of Italians in the Slovenian language, among representatives of both the older and younger generations of students. In the Slovene language of Italians, a number of features peculiar to Slavic dialects in Italy are found, which allows us to discuss the same linguistic factors. It is possible to reconstruct the language competence of older people only partially on the basis of indirect evidence. There is a discrepancy between the rights guaranteed under the law (the use of the Italian language) and the linguistic reality faced by informants, which may be the result of both a decline in the prestige of Italian and of the small number of the Italian diaspora, part of which is subject to language assimilation, including as a result of mixed marriages. The paper also discusses the role of the media and the linguistic landscape in the region.

Keywords

Italian language, Slovenian language, Istria, bilingualism, Koper, interview, language situation, interference, field research

Received 26 April 2022

How to cite: Pivovarenko, A. A., Pilipenko, G. P., 2022. Iazykovaia situatsiia v ital'ianskoi obshchine goroda Koper (Slovenia): dannye polevogo issledovaniia [The Language Situation among the Italian Community of Koper (Slovenia): Field Study Data]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 94–119. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.06>

Введение

Итальянская община проживает на юго-западе Словении в приморском регионе (историческая область Истрия), в четырех общинах итальянский язык признан официальным языком наряду со словенским — общины Копер (словен. *Koper* / ит. *Capodistria*), Изола (словен. *Izola* / ит. *Isola*), Пиран (словен. *Piran* / ит. *Pirano*), Анкаран (словен. *Ankaran* / ит. *Ancarano*)¹. По переписи 2002 г. в Словении насчитывалось 2258 представителей итальянского национального меньшинства, тогда как число указавших итальянский в качестве родного языка было гораздо больше — 3762, что составляет 0,2 % населения страны; в приморском регионе итальянцев было 1866, родным итальянский язык признали 2913 респондентов². Итальянцы в Словении обладают гарантированными правами при реализации культурной, языковой политики, что закреплено в конституции страны.

В настоящей статье планируется рассмотреть современное положение итальянского национального меньшинства в Словении и в частности, в общине Копер, проанализировать высказывания, полученные в ходе проведения полуструктурированных интервью с представителями итальянских культурных организаций, и понять, как информанты относятся к сложившейся языковой реальности, как в нарративах реконструируется языковая ситуация прошлого, а также как происходит взаимодействие словенского и итальянского языков в спонтанной речи горожан Копера. Исследование среди итальянской общины города Копер было проведено в ноябре 2015 г., за помощь при организации интервью авторы выражают благодарность Приморскому университету (г. Копер). Общение проходило на темы об истории итальянской общины Копера, языковой биографии семей респондентов, о традиционной культуре Истрии, итальянской и словенской, истории города Копер и окрестных поселений. В статье используются записи от трех собеседников (М. А., К. М., А. И.)³ как наиболее полные и показательные, рассмотрение всего корпуса устных интервью в рамках статьи, к сожалению, не представляется возможным из-за ограниченного объема.

¹ Еще одним признанным автохтонным национальным меньшинством в Словении являются венгры, которые проживают на северо-востоке страны в области Прек-мурье, всего венгров насчитывается 6243, венгерский язык является родным для 7713, то есть для 0,4 % населения. См.: *Rezultati Popisa 2002. Slovenija: Prebivalstvo: Demografske značilnosti // Popis 2002. Statistični urad Republike Slovenije*. URL: https://www.stat.si/popis2002/si/rezultati_slovenija_prebivalstvo_dz.htm (дата обращения: 08.04.2022).

² Ibid.

³ М. А. — муж., 45 лет; К. М. — жен., 72 года; А. И. — муж., 56 лет. Все информанты проживают в Копере.

История региона. Исторические события оказали значительное влияние на становление современной языковой ситуации и на формирование современного итальянского сообщества в Истрии. Регулярное изменение государственных границ в Центральной и Юго-Восточной Европе на протяжении большей части XX в. предопределило серьезную фрагментацию исторического сознания, памяти, социальных и государственных институтов⁴. Распад по итогам Первой мировой войны Австро-Венгрии поставил на повестку дня вопрос о государственной принадлежности побережья Восточной Адриатики и, в частности, полуострова Истрия. Как справедливо отмечает Д. Степанович, еще во второй половине XX в. в итальянской публицистике возникла доктрина, имевшая целью «уравновесить хорватские национальные требования, а также габсбургские порядки в Истрийской марке». Основным в данном контексте стало утверждение о более древнем характере итальянского этнического и лингвистического элемента в Истрии. Появление в Истрии славян в данной исторической трактовке связывается с имперской политикой императора Священной Римской империи Лотаря I (795–855), сына Карла Великого, призвавшего славянское население в интересах «дестабилизации власти местных феодалов» и ради обеспечения полуострова дешевой рабочей силой. На этой основе утверждается идея о том, что именно итальянское население в Истрии является коренным, история его проживания насчитывает более 2000 лет, а итальянский язык должен являться основным языком общения. На эту почву в первой половине XX в. наложились утверждения итальянских историков фашистского периода (А. Тамаро) о неполноценности славян⁵.

Вхождение в состав Италии по итогам Первой мировой войны полуострова Истрия, г. Риеки (с 1924 г.), островов Црес, Лошинь и Ластово дало возможности для реализации итальянской национальной программы. Утверждение позиций Рима в Восточной Адриатике сопровождалось мерами ассимиляторского характера, такими как введение в 1923 г. обязательного обучения на итальянском языке в школах так называемой Юлийской Краины, а с 1925 г. — в судопроизводстве, запрет хорватско-словенских культурных, религиозных, спортивных обществ и т. д.⁶

Драматическим образом ситуация в Истрии стала меняться в середине Второй мировой войны. Как отмечают Р. Алтин и Н. Бадурина, в 1943 г. в пропаганде итальянской Республики Сало против развернувшегося в Юго-

⁴ *Klabjan B.* Bordering and Memorizing the Northern Adriatic and Central Europe: Introductory Notes on Borderlands of Memory // *Borderlands of memory: Adriatic and central European perspectives* / ed. by B. Klabjan. Oxford: Peter Lang, 2019. P. 1-13. <https://doi.org/10.3726/b13041>

⁵ *Stjepanović D.* Multiethnic Regionalisms in Southeastern Europe. *Statehood Alternatives*. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 52-53. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-58585-1>

⁶ *Dukovski D.* Dva egzodusa: hrvatski (1919.-1941.) i talijanski (1943.-1955.) // *Adrias: zbornik radova Zavoda za znanstveni i umjetnički rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Splitu*. 2008. № 15. S. 139.

славии антифашистского движения стал использоваться антиславянский мотив. В связи с этим уже в 1943 г. в итальянском дискурсе появилось слово “foibe” (ит. «карстовая воронка»), обозначавшее совершение убийств мирного итальянского населения югославскими партизанами и получившее проитальянскую идеологическую и смысловую окраску уже после Второй мировой войны. «Важно подчеркнуть, что использование данного понятия всегда подразумевало наличие явного этнического конфликта между итальянцами и “славянами”»⁷. При этом детального разделения на словенцев, хорватов и сербов не проводилось — все славяне уравнивались понятиями «славянин = коммунист / большевик = преступник». Так конфликт приобрел форму борьбы за сохранения итальянского характера региона против славянского элемента. Поражение Италии во Второй мировой войне и освобождение Истрии и Далмации силами югославского партизанского движения Йосипа Броз-Тито изменило этническую ситуацию на полуострове в пользу славянского элемента, а также создало предпосылки для возникновения современной политической карты региона, в соответствии с которой более 90 % полуострова Истрия относится к Хорватии, а оставшаяся часть, за исключением г. Триест, — к Словении. Данное разделение основывается на административных границах, возникших в рамках Социалистической Федеративной Республики Югославия. В международном отношении основополагающими нормативными актами, направленными на сохранение статус-кво, стали Хельсинские соглашения 1975 г. и Осимское соглашение между Югославией и Италией (1975 г.), урегулировавшее ситуацию вокруг г. Триест и регламентировавшее взаимное признание прав этнических меньшинств. Распад Югославии 1990-х гг. закрепил возникший статус-кво в Истрии посредством подписания ряда двухсторонних и трехсторонних соглашений между Италией, Хорватией и Словенией, затрагивавших вопросы международного признания, прав меньшинств, языковых, гуманитарных и образовательных аспектов и т. д.

Следствием несколько раз менявшейся в XX в. ситуации стало появление мотива виктимизации, присутствующего, в частности, в хорватской и итальянской историографии и основывающегося на утверждении о репрессиях в отношении тех или иных этнических групп. В хорватской историографии основной акцент делается на межвоенном периоде (1918–1939 гг.) и начальном этапе Второй мировой войны (1939–1943 гг.). В итальянской историографии подчеркивается факт югославско-коммунистических репрессий второй половины 1940-х и 1950-х гг., приведших к так называемому «Великому исходу» итальянского населения (ит. *Il Grande Esodo*)⁸. Численные оценки «Великого исхода» значительным образом расходятся.

⁷ Altin R., Badurina N. Divided Memories. Istrian exodus in the Urban Space of Trieste. Memory. Identity. Culture II, Collection of essays / eds T. Kuharenoka, I. Novikova, I. Orehovs. Riga: University of Latvia, 2018. Vol. 2. P. 186.

⁸ Об исходе итальянцев из Истрии и его последствиях см. подробнее: Kalc A. The other side of the “Istrian exodus”: immigration and social restoration in Slovenian coastal

Особенностью современного итальянского дискурса является активное использование антикоммунистической агитации. Ср. высказывания П. Альбертини, руководителя старейшей (основана в 1891 г.) итальянской гуманитарной организации «Национальная лига» (ит. *Lega Nazionale*), где использовались характерные агитационные словесные обороты «враги народа», «коммунистические и нацистские преступления», «историческая правда» и пр.⁹

Хотя на международно-правовом и дипломатическом уровне ситуация с национальными меньшинствами в Истрии (а также Далмации) представляется решенной и регламентируется международными нормами 1970-х и 1990-х гг., в исторической и политической публицистике, прежде всего итальянской, поддерживается идея о несправедливом характере событий XX в. в отношении итальянского населения. Мотив виктимизации вынесен на государственный уровень решением утвердить в 2004 г. День памяти (ит. *Il Giorno del Ricordo*), который отмечается в Италии 10 февраля. Можно констатировать, что языковая и этническая ситуация на восточном побережье Адриатики является объектом пристального внимания ряда гуманитарных организаций и университетов, а также сохраняет некоторую актуальность на уровне межгосударственных отношений.

Языковая ситуация в синхронии и диахронии. Языковая ситуация в Копере и окрестностях на протяжении XX в. существенно менялась, о чем могут свидетельствовать данные статистики по языку общения¹⁰: в 1900 г. итальянский язык использовали 87,55 % горожан, 4,75 % — словенский, 2,03 % — хорватский, в окрестностях города пропорции были другими: 43,75 % использовали итальянский, 37,59 % — словенский, 18,36 % — хорватский¹¹. Однако при анализе языковой ситуации в Истрии следует учитывать, что родной язык и язык, который чаще всего используется, могут не совпадать¹². Из-за исхода итальянского населения сложилась

towns in the 1950s // *Dve domovini. Two homelands*. 2019. № 49. P. 145–162. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-50-74](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74); *Hrobat Virgolet K. The “Istrian” exodus and the Istrian society that followed it // Dve domovini. Two homelands*. 2019. № 49. P. 163–180; *Thomassen B. Italy from Below and From the Outside-IN: An Istrian Life Story Across the Italian Border // Acta Histriae*. 2006. № 14. P. 155–178.

⁹ *Albertini P.S. Il terrore con la stella rossa. Lega Nazionale*. URL: <https://www.leganazionale.it/index.php/foibe/108-negazionisti-trinariciuti/2082-il-terrore-con-la-stella-rossa?highlight=WyJYXR0YXJlbGxhIl0=> (дата обращения: 21.04.2022).

¹⁰ *Mikolič V. Jezik v zrcalu kultur: jezikovna sporazumevalna zmožnost in medetnična ozaveščenost v Slovenski Istri. Koper: Annales*, 2004. S. 26–28.

¹¹ Приведенные сведения подтверждают мысль П. Скока, что славяне селились в основном за городскими стенами, тогда как в городах проживало преимущественно романское население, см.: *Škok P. Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja*. Zagreb: Jadranski institut JAZU, 1950. S. 13.

¹² *Poropat Jeletić N. Italofona dijasistemska raslojenost u hrvatskoj Istri: jezični i komunikacijski status, korpus i prestiž // Annales. Series historia et sociologia*. 2017. Letnik 27. Št. 1. S. 191–204. <https://doi.org/10.19233/ASHS.2017.15>

иния языковая реальность: если в 1945 г. в Копере итальянцев было 87,4 %, то в 1956 г. их насчитывалось 8,3 %, в Изоле соответственно — 95 % и 9 %, в Пиране — 91,3 % и 15,8 %¹³.

Как отмечается в специальном докладе итальянско-словенской исторической комиссии, посвященном двусторонним отношениям, по итогам Второй мировой войны территорию современной Словении покинуло около 27 тыс. итальянцев. Отметим, что авторы справки определяют число итальянцев, покинувших хорватские районы Истрии и Далмации, в 200–300 тыс. человек¹⁴. Таким образом, словенская сторона склонна признавать факт исхода итальянцев из Истрии, которым было охвачено до 92 % итальянского населения, столкнувшегося, как отмечают авторы доклада, с «притеснениями со стороны режима, невозможностью открыто выражать национальную идентичность, изменением национальных и социальных ролей в Истрии, а также с изменениями экономического уклада, которые не могли быть приняты»¹⁵. Характеризуя социальный портрет оставшихся 8 %, авторы доклада отмечают, что к ним относились «рабочие и крестьяне старшего поколения, левые интеллектуалы, а также послевоенные политические эмигранты»¹⁶.

Как полагает К. Шабец, сегодня самоидентификация итальянского сообщества в Словении происходит прежде всего на основании языковой принадлежности. В политическом отношении итальянское сообщество характеризует «высокая степень лояльности» к словенскому государству, при этом словенские итальянцы «считают Истрию своим домом», что объясняется достаточно высокой степенью представленности итальянского языка в административной и муниципальной практике, наличием смешанных браков, вовлеченностью итальянской диаспоры в трансграничную коммуникацию, высоким уровнем толерантности словенского общества¹⁷. Основные проблемы, осложняющие функционирование итальянского сообщества, определяются итальянскими респондентами следующим образом: низкий уровень экономической автономии, ограничения в образовательной сфере, масс-медиа. Следствием стало формирование собственных независимых спортивных, культурных, музыкальных сообществ¹⁸.

¹³ Varstvo manjšin: uvodna pojasnila in dokumenti / ur. M. Komac, D. Zagorac Ljubljana: Društvo Amnesty International Slovenije; Inštitut za narodnostna vprašanja, 2002. S. 149–150.

¹⁴ Slovene-Italian Relations 1880–1956. Report of the Slovene-Italian Historical and Cultural Commission. Koper-Capodistria, 25 July 2000. P. 20–21. URL: <https://www.gov.si/assets/drzave/italija/Porocilo-SI-ITA-zgodovinsko-kulturne-komisije-anglesko.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).

¹⁵ Ibid. P. 21.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Šabec K. Policy report on the Italian minority in Slovenian Istria. EUROREG. Regions, Ethnic Minorities and European Integration. URL: https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/en/2009/04/slovenia_revised1.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

¹⁸ Ibid.

История изучения языковой ситуации. Проблематика контактов итальянского языка со славянскими языками (словенским и хорватским) в Истрии в конце XX — начале XXI в. находит отражение в ряде работ. Изучается отношение к языкам и языковым вариантам в регионе¹⁹, рассматривается политический аспект функционирования итальянского как языка меньшинства²⁰, анализируются вопросы билингвизма и диглоссии, в частности, как италофоны осваивают славянские языки²¹. Классификацию идиомов в Истрии по географическому, этническому и лингвистическим принципам предлагает Г. Филиппи²² и выделяет пять зон: зона словенской части Истрии, где используются словенский и итальянский языки, ко второй зоне относится словенско-хорватское пограничье, жители которого пользуются словенским, хорватским и итальянским языками, третья зона — истрийско-кварнерская, где в употреблении встречаются хорватский и итальянский языки, к четвертой зоне Г. Филиппи относит так называемую Чичарию (хорв. *Čičarija*) на востоке полуострова, где проживают истрорумыны, пятая зона — юго-запад Истрии, где в среде итальянцев еще сохраняется истриотское наречие, там используются также истро-венетский диалект и хорватский язык. Получает распространение метод количественного измерения языковой компетенции двуязычных респондентов в Истрии²³. Тематика итальянско-словенских языковых контактов в приморской Словении обсуждается с точки зрения социолингвистики²⁴, в том числе через призму двуязычного образования²⁵, например, анализируются

¹⁹ *Skelin Horvat A., Muhvić-Dimanosvski V.* My mother tongue... Croatian, Istrian, Local, ... Depends where I am — The perception of mother tongue in multilingual settings // *Jezikoslovlje*. 2012. № 13.2. P. 493–511.

²⁰ *Poropat Jeletić N.* Italian language in Istria: Status Planning, Corpus Planning and Acquisition Planning // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol 6. № 6 S2. April. P. 385–392; *Lalli Pačelāt I., Brkić Bakarić M., Matticchio I.* Službena dvojezičnost u Istarskoj županiji: stanje i perspektive // *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 2020. № 46 (2). S. 815–837. <https://doi.org/10.31724/rihjj.46.2.20>

²¹ *Milani Kruljac N.* La comunità italiana in Istria e a Fiume, fra diglossia e bilinguismo. Trieste-Rovigno: Università popolare di Trieste. Unione degli italiani dell'Istria e di Fiume; Centro di ricerche storiche — Rovigno, 1990.

²² *Filipi G.* “Koinè istriana” // *Jeziци и kulture u doticajima: Zbornik 1. međunarodnog skupa, Pula, 14.–15. IV. 1988 / ur. V. Glavinić Pula: Pedagoški fakultet, 1989. S. 156–161.*

²³ *Hržica G., Brdarić B., Tadić E., Goleš A., Roch M.* Dominantnost jezika dvojezičnih govornika talijanskog i hrvatskog jezika // *Logopedija*. 2015. № 5 (2). S. 34–40.

²⁴ *Miholič V.* Jezik v zrcalu kultur... S. 26–28; *Sedmak M.* Jezikovne izbire članov etnično mešanih družin // *Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije / ur. V. Mikolič, K. Marc Bratina. Koper: Univerza na Primorskem; ZRS Koper; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 187–218.*

²⁵ *Morato-Vatovec J.* Dvojezičnost v šolah na slovenski obali // *Lingua dell'infanzia e minoranze = Otroški jezik in manjšina = Children language: the education of minorities. San Pietro al Natisone — Špieter. 11, 12, 13 nov. 1994. San Pietro al Natisone: Cooperativa Lipa Editrice, 1994. S. 291–298; Baloh B.* Slovenščina kot drugi jezik v šolah z italijanskim učnim jezikom v slovenski Istri // *Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske in-*

ошибки учащихся двуязычных школ в словенском языке, обусловленные интерференцией со словенским языком. Отдельно уделяется внимание реализации двуязычия в лингвистическом ландшафте Истрии²⁶. В работах, затрагивающих тематику многонационального состава региона, особое внимание уделяется истрийской идентичности²⁷. Можно констатировать, что работы, основанные на анализе живой речи италоязычных информантов из Хорватии и Словении, в которых всесторонне обсуждаются заимствования, факты переключения кода, метаязыковые показатели двуязычия, на сегодняшний день практически не встречаются.

Лингвистический ландшафт. В статуте общины Копер перечисляются права, которые гарантированы представителям итальянского сообщества, в частности, итальянцам обеспечиваются права свободно выражать свою национальную принадлежность, развивать и выражать свою культуру, употреблять свой язык, а также использовать национальные символы, учреждать организации, развивать экономическую, культурную, научно-исследовательскую, издательскую деятельность, СМИ²⁸. В Копере расположено представительство «Самоуправляемого сообщества итальянцев в Приморье» (ит. *Comunità Autogestita Costiera della Nazionalità Italiana*). Также в городе действует центр по продвижению и развитию итальянской культуры «Карло Комби» (ит. *Il Centro Italiano di Promozione, Cultura, Formazione e Sviluppo Carlo Combi*). На всем побережье можно увидеть свидетельства билингвальной ситуации: официальные надписи представлены на двух языках (вывески, дорожные указатели, надписи на административных учреждениях, рекламные объявления, указатели на местных автобусах). Кроме того, в торговой сфере (скорее из-за туристов и гостей из соседней Италии) меню и вывески в магазинах также итальянские. На документах, выдаваемых жителям двуязычных общин, надписи дублируются на итальянском языке (паспорта, удостоверения личности и т. д.)²⁹.

Приведем примеры из двуязычных общин, собранные нами во время экспедиции.

tegracije / ur. V. Mikolič, K. Marc Bratina Koper: Univerza na Primorskem; ZRS Koper; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 131-147; *Starc S. Matura iz slovenščine kot drugega jezika v slovenski Istri. Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije* / ur. V. Mikolič, K. Marc Bratina Koper: Univerza na Primorskem; ZRS Koper; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 149-170.

²⁶ Geršič M., Kladnik D., Repolusk P. Geographical names in the languages of official minorities in Slovenia // *Onomastica*. 2017. № 3. P. 105-126.

²⁷ Medica K. Sociološki prikaz jezikovne podobe Istre // *Razprave in gradivo — Inštitut za narodnostna vprašanja*. 1998. № 33. S. 193-202; Пивоваренко А. А. Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XX века // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 36-49. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0014852-0>

²⁸ Varstvo manjšin... S. 116-118.

²⁹ См. подробнее: Geršič M., Kladnik D., Repolusk P. Geographical names... P. 105-126.

Городская навигация в Изоле:

1.0 Pokopališče / Cimitero, Parkirišče BUS / Parcheggio BUS, Stadion / Stadio, Avtobusna postaja / Stazione BUS, Hoteli / Alberghi, Industrijska cona / Zona industriale, Obrtna cona / Zona artigianale [Кладбище, парковка автобусов, стадион, автостанция, гостиницы, промышленная зона, зона ремесленников].

Вывеска на административном здании в Пиране:

2.0 Občina Piran / Comune di Pirano, Občinski svet / Consiglio comunale, Župan / Sindaco, Občinska uprava / Amministrazione comunale [Община Пиран, совет общины, мэр, администрация общины].

Лингвистический ландшафт в Копере:

3.0 1941–1945 Združenje protifašistov, borcev za vrednote NOB in veteranov Koper / Associazione antifascisti, combattenti per i valori della LLP e veterani di Capodistria [1941–1945 Объединение антифашистов, борцов за ценности Народно-освободительной борьбы и ветеранов в городе Копер].

Знак ограничения движения в Пиране:

4.0 Dovoljeno za dostavo od 6.00 do 9.30 in od 13.00 do 14.00 ure ter z dovoljenjem / Accesso permesso per le consegne dalle 6.00 alle 9.30 e dalle 13.00 alle 14.00, nonché ai possessori dei permessi [Разрешено для доставки с 6.00 до 9.30 и с 13.00 до 14.00 и для обладателей пропуска] (рис. 1).

Названия улиц, площадей в Пиране:

5.0 Titov trg / Piazza Tito [Площадь Тито], Zlatičeva ulica / Via Jožef Zlatič [Улица (Йожефа) Златича].

Надпись 4.0 на знаке об ограничении движения интересна тем, что в итальянском слове *possessori* («владельцы») допущена ошибка, вместо *possessori* находим *possesori* с пропущенной одной буквой *s*, что является иллюстрацией высказывания информанта об ошибках в итальянских надписях, которые можно встретить в двуязычных общинах (высказывание 3 ниже). Здесь также примечательно, что итальянский вариант не везде следует грамматическим формам словенского оригинала, в частности, аналогом словенского существительного *z dovoljenjem* («с разрешением»), употребленного в тв. п. ед. ч., является форма мн. ч. существительного *permessi*. В городской топонимике также заметны разные модели написа-

Рис. 1.

ния: если используется фамилия, в словенском варианте будет употреблено притяжательное прилагательное, тогда как в итальянской версии обнаруживаются имя и фамилия.

Использование диалекта. Интервью с информантами проходило на итальянском стандартном языке, хотя сами респонденты отмечали, что часто используют истро-венетский диалект в неформальном общении. Престиж этого диалекта среди итальянцев Истрии очень высок³⁰.

1. Noi lo difiniamo como l'istro-veneto, nella nostra comunicazione interna parliamo sempre l'istro-veneto [Мы его определяем как истро-венетский, при нашем внутреннем общении мы говорим всегда на истро-венетском] (М. А.)

Однако, по свидетельствам опрошенных респондентов, стандартный язык все более вытесняет диалектные особенности, как в Италии, так и среди итальянцев в Словении, особенно в среде молодежи, о чем сами информанты сожалеют.

2. Finita la riunione, si passa al dialetto. I genitori di matrimoni misti tendono a parlare con i figli in italiano standard, non in dialetto. E quindi il dialetto in qualche modo, il dialetto si va un po' perdendo. È un problema che ha tutta Italia. Secondo me è un grande peccato [Как только закончилось собрание, переходят на диалект. Родители из смешанных семей стремятся говорить с детьми на стандартном итальянском языке, не на диалекте. И диалект некоторым образом постепенно утрачивается. Это проблема, которая наблюдается во всей Италии. По моему мнению, жаль, что так происходит] (А. И.).

Сферы использования итальянского языка. Несмотря на благоприятные условия, обеспеченные законодательством, сфера использования итальянского языка все же постепенно сужается. Если на законодательном уровне все предусмотрено, то на практике знание и употребление итальянского языка встречается не везде. Отмечается, что итальянцы в соседней Хорватии, также обладающие всеми правами для реализации двуязычия, не всегда ими пользуются³¹.

3. La costituzione slovena prevede che nei territori così detti nazionalmente misti, dove vivono gli italiani autoctoni accanto agli sloveni, quindi questo vuol dire Ancarano, Capodistria, Isola, Pirano, una stretta fascia costiera, se si sposta da qui all'interno tre quattro chilometri già il bilinguismo non c'è più, in quest'area vige, dovrebbe vigere il bilinguismo perfetto. Così dice la carta costituzionale, così dicono le leggi, così non è. Il bilinguismo visivo è abbastanza presente, anche se ci sono anche qui molti errori. Il bilinguismo parlato nella città, nei negozi, negli uffici pubblici è scarso, non si parla molto

³⁰ Poropat Jeletić N. Italofona dijasistemska raslojenost... S. 191-204.

³¹ Ibid.

l'italiano. Gli stessi italiani usano poco l'italiano quando vanno a caffè, a prendersi un caffè, si tenda a privilegiare il codice linguistico sloveno. Ma questo è uno sbaglio nostro, negli uffici pubblici i funzionari dovrebbero nell'area mistilingue, dovrebbero conoscere anche l'italiano, dovrebbero avere tutti formulari, tutta la documentazione bilingue, e dovrebbero potere ser in grado di comunicare correttamente in italiano. Così non è. Sanno parlare italiano quasi tutti, un italiano un po' così, approssimativo a volte. I formulari, la documentazione in gran parte sono in sloveno. Per avere in italiano devi chiedere in italiano, ma non c'è, non esposto, non c'è proprio in genere. Un po' meglio va sulla documentazione online [Конституция Словении предусматривает, что на так называемых национально смешанных территориях, где живут автохтонные итальянцы вместе со словенцами, то есть Анкаран, Копер, Изола, Пиран, это узкая прибрежная полоса, если отъехать отсюда вглубь материка три-четыре километра, билингвизма уже нет; в этом районе функционирует, должно было бы функционировать прекрасное двуязычие. Так говорит конституция, так говорят законы, но так не происходит. Визуальное двуязычие присутствует в достаточной степени, даже если есть многочисленные ошибки³². Билингвизм в устной речи в городе, в магазинах, в государственных учреждениях редко встретишь, не говорят много по-итальянски. Сами итальянцы используют мало итальянский язык, когда идут пить кофе, больше отдают предпочтение словенскому лингвистическому коду. Но это наша ошибка. В государственных учреждениях чиновники должны были бы знать также итальянский в смешанной языковой среде. У них должны были бы быть все формуляры, вся документация на двух языках и должны были бы быть в состоянии общаться правильно по-итальянски, но так не происходит. По-итальянски умеют говорить почти все, итальянский немного такой — приблизительный часто. Формуляры, документация по большей части на словенском. Чтобы получить их на итальянском, нужно об этом попросить, но их нет, они не выложены, их нет в принципе, немного лучше обстоят дела с документацией онлайн] (М. А.).

Информант говорит о диспропорции при использовании итальянского языка практически во всех сферах (за исключением информации в интернете). Это касается как сферы непринужденного повседневного общения, так и общения с государственными учреждениями. В этой связи символическое значение для представителей итальянского сообщества приобретают такие предметы как листовки, формуляры и бланки с двуязычными надписями, вывески на государственных и частных учреждениях. Исключительно словенские надписи воспринимается негативно, даже если отсутствие итальянского языка не препятствует пониманию информации, поскольку одноязычных носителей итальянского практически нет. Кроме того, некоторое пренебрежение двуязычной атрибутикой может объясняться небольшой долей собственно итальянского населения в регионе. С другой стороны,

³² Об ошибках в надписях на итальянском языке свидетельствует пример, приведенный выше (4.0).

итальянское лингвистическое присутствие является данью прошлому этой области, когда этот язык преобладал в городской среде вплоть до окончания Второй мировой войны³³.

В высказывании другого собеседника также утверждается расхождение между реальной и декларируемой практикой употребления итальянского языка в Словении (*sulla carta / in pratica* — «на бумаге / на практике»). При приеме на работу необходимо предоставить сертификат о владении итальянским языком, что, однако, не означает активное владение этим языком.

4. Sulla carta veramente noi abbiamo tutti i diritti, sì, però in pratica no, perché tu devi trovare le persone giuste per quei posti di lavoro. Molto spesso basta che tu hai fatto un corso, che hai papiro, questo non vuol dire che sai parlare, questo vuol dire che hai papiro, tu dovrebbe essere quasi bilingue [На бумаге у нас действительно есть все права, но на практике нет, потому что ты должен найти подходящих людей на эти рабочие места. Очень часто достаточно закончить курсы <итальянского языка> и иметь бумагу, это не значит, что ты можешь говорить, это значит, что у тебя есть бумага, ты должен был бы быть почти двуязычным] (К. М.).

Здесь обращает на себя внимание использование существительного *papiro* («папирус») в соответствии со словен. *papir* («бумага», здесь: «официальная бумага, документ»). При этом в высказывании данного информанта чуть выше употреблено ит. *carta* («бумага»). В этой связи следует привести высказывание Н. Милани-Круляц о заимствованной лексике в речи итальянцев Истрии: «Билингвы, постоянно подверженные влиянию хорватского или словенского языков, стремятся вводить славянские заимствования, когда диалект недостаточен для функционирования на уровне речи. Происходит это не потому, что славянские лексемы более высокие, а потому, что они других не знают»³⁴. Некоторые примеры использования словенских слов и выражений в итальянском языке (а также итальянизмов в словенском языке) из устного корпуса можно найти в работе Й. Морато-Ватовец³⁵: *grem*_{v slo} *sala insegnanti*_{it} *po*_{slo} *registro dei voti*_{it} [я иду в учительскую за избирательным списком], *tu sei*_{it} *full smotana*_{slo} [ты очень ошибаешься]. В первом примере рамочным языком, на котором выражен предикат, является словен-

³³ Дублирование надписей на итальянском также свидетельствует о приграничном положении этого региона, что облегчает мобильность туристам из Италии. Однако само по себе приграничное положение не является единственным критерием для функционирования двуязычия. Обратным примером может служить случай городов Гориция — Нова-Горица, где на словенской стороне не присутствует следов двуязычия, хотя эти два города некогда составляли единое поселение. См.: Ясинская М. В. Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) // Этнография. 2021. № 1. С. 50-74. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-50-74](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74)

³⁴ Milani Kruljac N. La comunità italiana in Istria e a Fiume... P. 75.

³⁵ Morato-Vatovec J. Dvojezičnost v šolah... S. 291-298.

ский, во втором примере часть предиката выражена на итальянском (*tu sei*), часть — на словенском (*full smotana*).

При рассмотрении данных примеров мы сталкиваемся с понятиями из контактной лингвистики: переключение кода, заимствование, смешение кода. Случаи переключения кода внутри предложения могут называться смешением кодов³⁶, под смешением кодов также понимается ситуация говорения на одном языке с включением элементов другого языка, тогда как переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства именуется переключением кода³⁷. Появление в речи информантов дискурсорегулируемых элементов связывается с влиянием прагматически доминантного языка³⁸. Что касается разграничения заимствований и случаев переключения кодов, то главной особенностью заимствований считается их морфологическая и синтаксическая адаптация³⁹, при этом фонетическая адаптация не является обязательной, что было показано на примерах македонского говора в Голо Бордо в Албании⁴⁰. Отмечается также, что заимствования гораздо более распространены и устойчивее в речи носителей, в том числе и монолингвов⁴¹. Все случаи цитации в настоящей статье служат типичными примерами на переключение кода. Вышеприведенные примеры из работы Й. Морато-Ватовец являются окказиональными заимствованиями, интересны они границей переключения: граница может проходить внутри предложно-падежного единства либо внутри предиката между спрягаемым глаголом и смысловой частью, выраженной прилагательным.

Смена языка при цитировании. Говоря о ситуации коммуникативной неудачи, когда собеседник не владеет итальянским языком, информанты зачастую переходят на словенский язык, чтобы проиллюстрировать в том числе и свое разочарование. В следующем отрывке цитируется фраза на словенском языке, воображаемый собеседник таким образом побуждает италофонных граждан Словении перейти на словенский язык и, как следствие, нарушает их право на общение по-итальянски.

³⁶ Muysken P. *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

³⁷ Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2004. С. 69.

³⁸ Морозова М. С. Албанские элементы в славянской речи билингвов Голо Бордо: смешение кодов или заимствование? // *Slovene*. 2020. № 2. С. 380 <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2020.9.2.16>; Matras Y. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // *Linguistics*. 1998. № 36/2. P. 281–331.

³⁹ Poplack Sh. *Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar*. New York: Oxford University Press, 2018. P. 157.

⁴⁰ Морозова М. С. Албанские элементы... С. 382.

⁴¹ Poplack Sh. *Borrowing*... P. 157.

5. Anche qua è lingua ufficiale, puoi parlare dappertutto, non è vietato, sei tu che dovresti sapere. E dopo sei quasi obbligato a parlare, oppur ti dice: “**Kaj ne znate slovensko?**” Invece e lei che dovrebbe sapere tutte le due [И здесь это официальный язык, ты можешь говорить везде, это не запрещено, ты должен бы знать, а ты почти обязан в итоге говорить <по-словенски>, или тебе говорят: «Вы не знаете словенского?»] Но это он, кто должен был бы знать оба языка] (К. М.).

Яркий пример неудавшейся реализации двуязычия на институциональном уровне приводит собеседница К. М. Речь идет о судебных делах, в которых она помогала своей пожилой матери. Для понимания сути судебного разбирательства матери был необходим переводчик со словенского на итальянский, поскольку она не владела на высоком уровне словенским языком, тем более судебной терминологией. Однако судья не знал итальянского. В приводимом нарративе диалог между судьей и собеседницей воспроизводится на словенском языке, так, как он и происходил в действительности. Словенские фразы встроены в повествование на итальянском языке и являются примером переключения кода при цитировании. Как и в предыдущем отрывке 5, фразам на словенском языке предшествуют переключатели, итальянские глаголы говорения: *ti dice* [тебе говорит], *dice* [говорит], *lui mi dice* [он мне говорит], *dico* [я говорю]. К. М. оценивает подобную практику негативно.

6. Io ero una volta in tribunale, con mia mamma, perchè mia mamma non sapeva niente, aveva diritto di avere interprete, ma il tribunale mandava l'avviso sempre troppo tardi, siamo andate tre volte per niente. Era quarta volta, signor giudice chiede a me, e dice: “**Gospa, a kaj znate slovensko?**” “**Seveda!**” Lui mi dice: “**Jaz pa ne!**” Dico: “**To je prav žalostno!**” Triste, perchè è lui copre il posto [Я была однажды в суде со своей мамой, потому что моя мама не знала ничего <по-словенски>, у нее было право иметь переводчика, но суд посылал предупреждение всегда очень поздно, мы ходили три раза впустую. В четвертый раз судья спрашивает меня, и говорит: «Госпожа, а Вы знаете словенский?»] — «Конечно». Он мне говорит: «А я не знаю <итальянский>». Я говорю: «Очень жаль!» Грустно, потому что он занимает место] (К. М.).

В данном отрывке мы сталкиваемся с очень важным лингвистическим вопросом: какой была и в каком состоянии сегодня языковая компетенция в словенском языке пожилых итальянцев. В прошлом не у всех была возможность выучить словенский язык в школе уже после освобождения Копера в 1945 г., а также не было возможности его активно использовать (особенно для женщин, не покидавших пределы своего населенного пункта). К этому поколению относится, судя по всему, и мать К. М.

Языковая компетенция итальянцев в словенском языке. В следующем высказывании К. М. комментирует языковую компетенцию своей матери:

7. *Mia mamma non ha mai imparato! Mai, perchè non lavorava, era a casa. Però tutti quelli che venivano, mia mamma insegnava l'italiano. Mio papà non parlava bene però capiva e anche si arrangiava, invece noi abbiamo imparato tutto a scuola, sì, non era problema [Моя мама никогда не выучила <словенский язык>! Никогда, потому что она не работала, она была дома. Но всех, кто приходил к нам, мама учила итальянскому. Мой отец не говорил хорошо, но он понимал и обходился этим, но мы все выучили в школе, да, это не было проблемой] (К. М.).*

Очевидно, что для матери основным языком общения оставался итальянский, тогда как словенский язык не было возможности ни изучить, ни использовать в дальнейшем из-за образа жизни. Следует полагать, что в гомогенной сельской местности (а также в городской среде, так как в данном случае речь идет о городе Копер) большинство женщин испытывали проблемы в коммуникации на словенском. Отец К. М., как признает собеседница, мог общаться на словенском, но его языковая компетенция не была на высоком уровне. Отличие в коммуникации между мужчинами и женщинами заключается в доступе к мобильности и в характере трудовой деятельности (мать была домохозяйкой). Сравнивая собственный опыт приобретения второго (словенского) языка с языковой ситуацией в семье, К. М. говорит, что она усваивала его уже в школе, и это не представляло особых трудностей для нее и, как можно предположить, для представителей ее поколения (родившихся уже после Второй мировой войны). Подобные процессы можно было наблюдать и в других областях бывшей Югославии, а в некоторых районах они происходят и в наши дни (ср. ситуацию в венгерских гомогенных районах Воеводины (Сербия), где среди пожилых информантов и сегодня можно встретить тех, кто не владеет сербским языком⁴²). В словенском Приморье такая ситуация уже невозможна по причине малочисленности итальянской общины и всеобщего распространения образования на словенском языке. Косвенным свидетельством старения основных носителей итальянского языка могут являться данные о выборе языка общения в разных поколениях одной семьи. Так, 60 % учащихся итальянских школ используют его при общении с бабушками и дедушками, тогда как с матерью общаются на итальянском 40 %, а с отцом 35 % респондентов⁴³; среди самих учащихся лишь 11 % заявили, что первым их языком был итальянский, а словенский они выучили позднее, для 44 % словенский был признан первым, 42 % заявили, что овладели двумя языками одновременно⁴⁴.

⁴² Пилипенко Г. П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: Взгляд «изнутри» и «извне». М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 104–112.

⁴³ Baloh V. Slovenščina kot drugi jezik... S. 139.

⁴⁴ Что неудивительно, если учитывать степень этнической гетерогамии среди итальянцев в Словении — 68,5 % браков являются смешанными, тогда как у венгров данный показатель меньше — 58 % (*Sedmak M. Jezikovne izbire... S. 191*). Эти процессы могут существенным образом влиять на ассимиляцию (как в одну, так и в другую сторону).

Из следующего фрагмента можно получить некоторое представление (достаточно фрагментарное) о том, на каком уровне было знание словенского языка у старшего поколения представителей итальянского сообщества⁴⁵. Прежде всего, понятно, какая лексика была более активной: кулинарная сфера (мука, кофе и т. д.) и сфера речевого этикета (спасибо); данные лексемы являются вставками в итальянское высказывание. По всей видимости, лексика из этих сфер для женщин была достаточной для ведения домашнего хозяйства и совершения покупок в магазинах и на рынке. Очевидно, что фонетика словенского и хорватского языков приспособлялась к фонетическим особенностям родного итальянского языка. Так, заметно озвончение *s* перед сонорными (пример позиции в середине слова: *ma[z]lo*). Данное явление отличается стойкостью и было отмечено в другой языковой ситуации — при адаптации словенского имени *Jasna* в форме *Jazna* среди итальянцев по другую сторону границы в итальянской провинции Гориция⁴⁶. Проникает оно и в обратном направлении: из итальянского языка в словенские говоры, находящиеся под сильным романским влиянием, например, в говоры долины реки Натизоне⁴⁷. С другой стороны, хорватская лексема *šec̑er* воспроизводилась не с инициальным шипящим, а с глухим свистящим, чему могло способствовать ее восприятие в письменной форме из-за нераспознавания и незнания диакритики (в данном случае *š*). Прочтение сочетания с диакритикой *še* как [še] не противоречит правилам чтения в итальянском языке, ср. *sena* (ужин). Показательно, что здесь также сталкиваемся со взаимодействием с тремя языками. Хорватская лексема заимствуется через визуальное посредничество в югославскую эпоху и служит еще одним примером отражения языковой ситуации того времени, а также приграничного положения Копера, находящегося поблизости от хорватской границы. Интересно, что именно хорватская лексема закрепляется в лексиконе матери К. М., а не словенская, несмотря на старания К. М. переучить свою мать. Показательно, что учащиеся итальянских школ признаются, что в своей речи на итальянском языке используют также слова из сербского и хорватского языков⁴⁸.

8. *Mia mamma sapeva dire maslo, moca, secer che era croato perchè è sladkor sloveno, però scriveva sui pacchi šec̑er. Mia mamma, è secer! “Mamma”, dico, “non è sloveno!” Bon, kava, dober dan e hvala!* [Моя мама мог-

⁴⁵ Языковая компетенция пожилых людей в условиях многоязычных сообществ и в пограничных ситуациях представляется важной и перспективной темой для изучения, поскольку находится на грани исчезновения, а также дает материал для реконструкции языковой реальности прошлого. Ср., например, подобные свидетельства о венграх из Воеводины (Пилипенко Г. П. Языковая и этнокультурная ситуация... С. 178–179).

⁴⁶ Пилипенко Г. Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. С. 3.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Baloh B. Slovenščina kot drugi jezik... S.145.*

ла сказать *maslo* («масло»), *moca* («мука»), *secer* («сахар»), что было по-хорватски, поскольку *sladkor* по-словенски «сахар». Но на упаковках было написано *šečer*. Мама <говорила> *secer!* «Мама, — я говорю, — это не словенский!» Хорошо, она говорила *kava* («кофе»), *dober dan* («добрый день») и *hvala* («спасибо»!) (К. М.)

Представление о том, как итальянцы используют словенский язык как L2, можно получить также при анализе письменных работ учащихся итальянских школ. При этом будет не совсем корректно сравнивать их компетенцию в словенском языке с компетенцией пожилого поколения из-за временной дистанции. Отмечается, что в их высказываниях не соблюдаются видовые различия при выборе вида глаголов: *pred vsakim poskusom je obiskoval (obiskal) župnika* [перед каждой попыткой он навещал (навестил) священника]. Часто отсутствует род. п. после отрицания: *ne bi prebrala to knjigo* [я не прочитала бы эту книгу]. Происходит смешение падежей направления и места: *oblečena je v debelem dolgem krilu in v sivi srajci* [она была одета в толстую длинную юбку и серую рубашку]. Фиксируются отклонения и интерференции с итальянским языком в некоторых предложных сочетаниях: *v priloženi fotografiji* [в прилагаемой фотографии] вместо *na fotografiji* [на фотографии] (ср. ит. *nella foto* [на фотографии]). Присутствуют трудности при склонении отдельных существительных, которые в словенском литературном языке имеют нестандартные или редко используемые формы *tej stari gospej* [той старой госпоже], *na dveh ravnih* [на двух уровнях], *iz štirih kolesih* [из четырех колес]. Кроме того, для учащихся итальянских школ характерны трудности при употреблении форм дв. ч. Что касается синтаксических особенностей, то часто используется союз *ki* вместо *kar* в соответствии с итальянским союзом *che*, обобщая использование словенского союза *ki*: *niso morali niti obiskovati cerkve saj je prav to, ki jim lahko največ pomaga*⁴⁹ [они не должны были даже ходить в церковь, ведь это именно то, что им может больше всего помочь]. Следует, однако, сказать, что не все перечисленные явления могут быть обусловлены фактором двуязычия, некоторые (как, например, использование форм дв. ч., отсутствие род. п. при отрицании) фиксируются и в диалектах словенского языка, а также в разговорном языке словенцев. С другой стороны, утрата дв. ч., неразличение падежей при выражении значений направления и места возникает и в словенских говорах на территории Италии под влиянием итальянского языка, то есть можно говорить о влиянии в ином направлении при тех же контактирующих языках⁵⁰.

Использование языка в школе и за ее пределами. К. М. признается, что для нее помимо школы вторым источником изучения словенского языка было общение с соседями.

⁴⁹ *Starc S. Matura iz slovenščine... S. 164–167.*

⁵⁰ *Skubic M. Romanske jezikovne prvine na zahodni slovenski jezikovni meji. Ljubljana: Znanstveni inštitut FFLj, 1997. S. 59, 72.*

9. In strada con gli amici e dopo a scuola, perchè vicino a me, sono venuti dopo, sono sloveni, veramente serbi, croati, però parlavamo sloveno [На улице с друзьями и потом в школе. Потому что рядом со мной, они приехали позже, словенцы, в действительности сербы, хорваты, но мы говорили по-словенски] (К. М.).

Среди соседей были словенцы, а также сербы и хорваты, однако общение с ними происходило на словенском языке. И здесь мы видим отражение специфической языковой ситуации, которая сложилась в Копере в югославский период, когда в приморском регионе появились крупные общины из других югославских республик, представители которых использовали сербохорватский язык. Это заметно и в переписях населения. Так, согласно переписи 2002 г. в Копере на словенском языке говорило 74 % населения, на хорватском — 8 %, на сербохорватском 4 %, на боснийском 2,8 %, на сербском 2,7 %. Очевидно, что процент выходцев из других югославских республик здесь один из самых высоких в Словении (по всей стране доля говорящих на хорватском — 2,8 %, на сербохорватском — 1,8 %, на сербском — 1,6 %, на боснийском — 1,6 %) ⁵¹. Кроме того, он значительно превышает долю говорящих на итальянском языке (2,2 %). При этом упомянутые языки не имеют никакого официального статуса в Словении, так как упомянутые народы не являются автохтонными, в отличие от итальянцев и венгров, составляющих лишь небольшой процент ⁵².

Следует в этой связи коротко охарактеризовать систему двуязычного образования в словенском Приморье. Престиж итальянских школ в регионе высок. Нередко родители из славянских семей, у которых нет в роду автохтонных итальянцев, отдают в итальянские детские сады и школы своих детей, чтобы они лучше усвоили язык ⁵³. Популярность школ с итальянским языком обучения объясняется еще и тем, что выбор школ для дальнейшего получения образования в Италии гораздо больше ⁵⁴. В Копере, Изоле, Пиране, Бертоки, Хрватини, Семеделле, Луцие, Сечовле, Струняне работают детские сады с итальянским языком. В этих же населенных пунктах функционируют основные школы с итальянским языком обучения (1–8 классы), тогда как средние школы расположены только в центрах общин (Копер, Изола, Пيران). В таких учебных заведениях все предметы преподаются на итальянском языке (в отличие от Прекмурья, где представлена модель двуязычного образования для венгерского меньшинства ⁵⁵), дополнительно введен предмет «словенский язык как язык окружения», что означает, что

⁵¹ URL: https://www.stat.si/popis2002/si/rezultati_slovenija_prebivalstvo_dz.htm (08.04.2022).

⁵² См. также *Geršič M., Kladnik D., Repolusk P.* Geographical names... P. 105-126.

⁵³ *Baloh B.* Slovenščina kot drugi jezik... S. 147.

⁵⁴ *Morato-Vatovec J.* Dvojezičnost v šolah... S. 291-298.

⁵⁵ *Baloh B.* Slovenščina kot drugi jezik... S. 131-147.

этот язык преподается не как иностранный с самого начала, а как язык, уже знакомый детям и требующий лишь корректировки в силу двуязычия учащихся и преподавания всех предметов на итальянском языке⁵⁶.

Что касается компетенции словенцев в итальянском языке, информанты говорят о падении уровня владения за последние годы, в том числе из-за ухудшения уровня преподавания в словенских школах. Одной из причин является большее внимание к изучению других иностранных языков, в частности английского.

10. Nelle scuole slovene nel territorio qui, fino qualche anni fa si insegnava abbastanza bene l'italiano. Adesso questo livello di insegnamento è caduto molto, perchè si preferisce studiare un'altra lingua che non è l'italiano, e quindi anche il numero di ore nelle scuole slovene è diminuito. I giovani oggi parlano meno bene l'italiano di come lo parlavano una volta [В словенских школах здесь несколько лет назад итальянский язык преподавался достаточно хорошо. Сейчас этот уровень преподавания очень упал, потому что предпочитают изучать другой иностранный язык, не итальянский, и количество часов в словенских школах уменьшилось. Молодежь сегодня говорит хуже по-итальянски, чем говорила когда-то] (М. А.).

Сказывается также недостаточное количество учебных часов для итальянского языка в словенских школах.

11. Nelle nostre scuole, scuole slovene, più ore di sloveno, meno di italiano [В наших школах, словенских школах, больше часов словенского языка, меньше часов итальянского] (А. И.).

Роль итальянского телевидения. Еще одним важным фактором для изучения итальянского языка в приграничных районах Словении начиная с югославских времен и вплоть до недавнего времени было разнообразие программ итальянского телевидения⁵⁷. Детей привлекали мультфильмы, которые выходили на итальянских каналах и отсутствовали на югославском и словенском телевидении. Однако с течением времени появились альтернативные словенские каналы и престиж итальянского телевидения, а вместе с тем и мотивация для просмотра каналов и параллельного изучения итальянского языка, уменьшились⁵⁸.

⁵⁶ Подробно об истории двуязычного образования в Истрии, а также о современной ситуации см. Ibid.; Mikolič V., Pertot S., Zudič Antonič N. Med kulturami in jeziki. Tra lingue e culture. Koper: Annales, 2006.

⁵⁷ По свидетельству албанцев из прибрежных албанских городов среди них распространено знание итальянского языка благодаря итальянскому телевидению, сигнал которого можно было принимать из южной части Италии (устное сообщение И. Л., Тирана).

⁵⁸ О влиянии итальянских СМИ в регионе, в том числе и телевидения, см.: Mikolič V. Jezik v zrcalu kultur... S. 21; Morato-Vatovec J. Dvojezičnost v šolah... S. 291-298; Milani Kruljac N. La comunità italiana in Istria e a Fiume... P. 169.

12. Poi c'è altro problema, fino venti anni fa tutti guardavano le tivù italiane, che davano cartoni animati, e quindi i piccoli imparavano italiano guardando i cartoni animati della Rai o di Mediaset. Adesso c'è un casino di televisioni private in Slovenia, e quindi i bambini guardano questi programmi e non guardano più la Rai. E sono a pagamento. La colpa principale è slovena che a ridotto lo spazio di conoscenza della lingua italiana [Затем есть другая проблема, еще двадцать лет назад все смотрели итальянское телевидение, по которому передавали мультфильмы, и дети выучивали итальянский, когда смотрели мультфильмы по *Rai* или *Mediaset*. Сейчас существует множество частных каналов в Словении, и дети смотрят эти программы и больше не смотрят *Rai*. И они часто платные. Главная вина — на словенской стороне, которая снизила пространство изучения итальянского языка] (А. И.).

Заключение. Таким образом, языковая ситуация среди итальянцев в Копере существенно изменилась за послевоенное время. С изменением политической и государственной принадлежности итальянский из языка большинства стал языком национального меньшинства с тенденцией к дальнейшему сокращению и использованию, несмотря на обеспечение и гарантирование всех прав (в образовании, в управлении, в лингвистическом ландшафте), в том числе из-за малочисленности общины и происходящей ассимиляции. Как результат, в спонтанной речи итальянцев возникают гибридные высказывания, а также многочисленные явления переключения кода, обусловленные включением цитаций в повествование. Если в первые десятилетия нахождения Копера в составе Югославии было заметно число тех, кто не владел словенским языком, то сегодня практически не осталось одноязычных италогофонов. Высказывания информантов, записанные в ходе экспедиций, позволяют получить данные о языковой компетенции в словенском языке представителей пожилого поколения, уже ушедшего, и являются поэтому ценным источником для реконструкции языковой ситуации (хотя и фрагментарным, поскольку представляют собой опосредованные свидетельства). Кроме того, характеристика языковой ситуации собеседниками позволяет сделать вывод не столько о словенско-итальянском взаимодействии, сколько о трехкомпонентной языковой ситуации с участием сербского (хорватского) языка, присутствие которого в приморском регионе более заметно в лингво-демографическом плане, чем у итальянского языка.

Сокращения

It — итальянский язык

L2 — второй язык

Slo — словенский язык

Литература

- Морозова М. С. Албанские элементы в славянской речи билингвов Голо Бордо: смешение кодов или заимствование? // *Slovene*. 2020. № 2. С. 372–394. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2020.9.2.16>
- Пивоваренко А. А. Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XX века // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 36–49. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0014852-0>
- Пилипенко Г. П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: Взгляд «изнутри» и «извне». М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Пилипенко Г. Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. Article 2388.
- Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): дис. ... д. филол. н. СПб., 2004.
- Ясинская М. В. Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) // *Этнография*. 2021. № 1. С. 50–74. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-50-74](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74)
- Albertini P. S. Il terrore con la stella rossa. Lega Nazionale. URL: <https://www.leganazionale.it/index.php/foibe/108-negazionisti-trinariciuti/2082-il-terrore-con-la-stella-rossa?highlight=WyJtYXR0YXJlbGxhIl0=> (дата обращения: 21.04.2022).
- Altin R., Badurina N. Divided Memories. Istrian exodus in the Urban Space of Trieste // *Memory. Identity. Culture II, Collection of essays / eds T. Kuharenoka, I. Novikova, I. Orehovs*. Riga: University of Latvia, 2018. Vol. 2. P. 184–200.
- Baloh B. Slovenščina kot drugi jezik v šolah z italijanskim učnim jezikom v slovenski Istri // *Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije / ur. V. Mikolič, K. Marc Bratina*. Koper: Univerza na Primorskem; ZRS Koper; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 131–147.
- Dukovski D. Dva egzodusa: hrvatski (1919–1941.) i talijanski (1943–1955.) // *Adrias: zbornik radova Žavoda za znanstveni i umjetnički rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Splitu*. 2008. №. 15. S. 129–165.
- Filipi G. “Koiné istriana” // *Jezici i kulture u doticajima: Zbornik 1. međunarodnog skupa, Pula, 14–15. IV. 1988 / ur. V. Glavinić*. Pula: Pedagoški fakultet, 1989. S. 156–161.
- Geršič M., Kladnik D., Repolusk P. Geographical names in the languages of official minorities in Slovenia // *Onomastica*. 2017. № 3. P. 105–126.
- Hrobat Virgolet K. The “Istrian” exodus and the Istrian society that followed it // *Dve domovini. Two homelands*. 2019. № 49. P. 163–180. <https://doi.org/10.3986/dd.v0i49.7259>
- Mržica G., Brdarič B., Tadić E., Goleš A., Roch M. Dominantnost jezika dvojezičnih govornika talijanskog i hrvatskog jezika // *Logopedija*. 2015. № 5 (2). S. 34–40.
- Kalc A. The other side of the “Istrian exodus”: immigration and social restoration in Slovenian coastal towns in the 1950s // *Dve domovini. Two homelands*. 2019. № 49. P. 145–162. <https://doi.org/10.3986/dd.v0i49.7258>

- Klabjan B.* Bordering and Memorizing the Northern Adriatic and Central Europe: Introductory Notes on Borderlands of Memory // *Borderlands of memory: Adriatic and central European perspectives* / ed. B. Klabjan. Oxford: Peter Lang, 2019. P. 1–13. <https://doi.org/10.3726/b13041>
- Lalli Pačelat I., Brkić Bakarić M., Matticchio I.* Službena dvojezičnost u Istarskoj županiji: stanje i perspektive // *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 2020. № 46 (2). S. 815–837. <https://doi.org/10.31724/rihjj.46.2.20>
- Matras Y.* Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // *Linguistics*. 1998. № 36/2. P. 281–331.
- Medica K.* Sociološki prikaz jezikovne podobe Istre // *Razprave in gradivo — Inštitut za narodnostna vprašanja*. 1998. № 33. S. 193–202.
- Mikolič V.* Jezik v zrcalu kultur: jezikovna sporazumevalna zmožnost in medetnična ozaveščenost v Slovenski Istri. Koper: Annales, 2004.
- Mikolič V., Pertot S., Zudič Antonič N.* Med kulturami in jeziki. Tra lingue e culture. Koper: Annales, 2006.
- Milani Kruljac N.* La comunità italiana in Istria e a Fiume, fra diglossia e bilinguismo. Trieste-Rovigno: Università popolare di Trieste. Unione degli italiani dell'Istria e di Fiume, Centro di ricerche storiche — Rovigno, 1990.
- Morato-Vatovec J.* Dvojezičnost v šolah na slovenski obali // *Lingua dell'infanzia e minoranze = Otroški jezik in manjšina = Children language: the education of minorities*. San Pietro al Natisone — Špieter. 11, 12, 13 nov. 1994. San Pietro al Natisone: Cooperativa Lipa Editrice, 1994. S. 291–298.
- Muysken P.* *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Poropat Jeletić N.* Italian language in Istria: Status Planning, Corpus Planning and Acquisition Planning // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. № 6 S2. April. P. 385–392.
- Poropat Jeletić N.* Italofona dijasistemska raslojenost u hrvatskoj Istri: jezični i komunikacijski status, korpus i prestiž // *Annales. Series historia et sociologia*. 2017. Letnik 27. Št. 1. S. 191–204. <https://doi.org/10.19233/ASHS.2017.15>
- Poplack Sh.* *Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar*. New York: Oxford University Press, 2018.
- Rezultati Popisa 2002. Slovenija: Prebivalstvo: Demografske značilnosti // *Popis 2002. Statistični urad Republike Slovenije*. URL: https://www.stat.si/popis2002/si/rezultati_slovenija_prebivalstvo_dz.htm (дата обращения: 08.04.2022).
- Sedmak M.* Jezikovne izbire članov etnično mešanih družin // *Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije* / ur. V. Mikolič, K. Marc Bratina. Koper: Univerza na Primorskem, ZRS Koper, Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 187–218.
- Skelin Horvat A., Muhvič-Dimanosovski V.* My mother tongue... Croatian, Istrian, Local, ... Depends where I am — The perception of mother tongue in multilingual settings // *Jezikoslovlje*. 2012. № 13.2. P. 493–511.
- Skok P.* *Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja*. Zagreb: Jadranski institut JAZU, 1950.
- Skubic M.* *Romanske jezikovne prvine na zahodni slovenski jezikovni meji*. Ljubljana: Znanstveni inštitut FFLj, 1997.

- Slovene-Italian Relations 1880–1956. Report of the Slovene-Italian Historical and Cultural Commission. Koper-Capodistria, 25 July 2000. URL: <https://www.gov.si/assets/drzave/italija/Porocilo-SI-ITA-zgodovinsko-kulturne-komisije-anglesko.pdf> (дата обращения: 22.06.2022).
- Starč S. Matura iz slovenščine kot drugega jezika v slovenski Istri. Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije / ur. V. Mikolič, K. Marc Bratina. Koper: Univerza na Primorskem, ZRS Koper, Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 149–170.
- Stjepanović D. Multiethnic Regionalisms in Southeastern Europe. Statehood Alternatives. Palgrave Macmillan, 2018. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-58585-1>
- Šabec K. Policy report on the Italian minority in Slovenian Istria. EUROREG. Regions, Ethnic Minorities and European Integration. URL: https://www.eliamer.gr/wp-content/uploads/en/2009/o4/slovenia_revised1.pdf (дата обращения: 21.06.2022).
- Thomassen B. Italy from Below and From the Outside-IN: An Istrian Life Story Across the Italian Border // Acta Histriae. 2006. № 14. P. 155–178.
- Varstvo manjšin: uvodna pojasnila in dokumenti / ur. M. Komac, D. Zagorac. Ljubljana: Društvo Amnesty International Slovenije; Inštitut za narodnostna vprašanja, 2002.

References

- Albertini, P.S., 2022. *Il terrore con la stella rossa. Lega Nazionale*. Available at: <https://www.leganazionale.it/index.php/foibe/108-negazionisti-trinari-ciuti/2082-il-terrore-con-la-stella-rossa?highlight=WyJtYXR0YXJlbgGxhIl0=> (Accessed: 21.04.2022).
- Altin, R., Badurina, N., 2018. Divided Memories. Istrian exodus in the Urban Space of Trieste. In: T. Kuharenoka, I. Novikova, I. Orehova, eds, 2018. *Memory. Identity. Culture II, Collection of essays*. Riga: University of Latvia. Vol. 2, pp.184–200.
- Baloh, B., 2005. Slovenščina kot drugi jezik v šolah z italijanskim učnim jezikom v slovenski Istri. In: V. Mikolič, K. Marc Bratina, eds, 2005. *Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije*. Koper: Univerza na Primorskem; ZRS Koper; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, pp. 131–147.
- Dukovski, D., 2008. Dva egzodusa: hrvatski (1919.–1941.) i talijanski (1943–1955.). *Adrias: zbornik radova Zavoda za znanstveni i umjetnički rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Splitu*, 15, pp. 129–165.
- Filipi, G., 1989. “Koinè istriana”. In: V. Glavinić, ed., *Jezici i kulture u doticajima: Zbornik 1. međunarodnog skupa, Pula, 14.–15. IV. 1988*. Pula: Pedagoški fakultet, pp. 156–161.
- Geršič, M., Kladnik, D., Repolusk, P., 2017. Geographical names in the languages of official minorities in Slovenia. *Onomastica*, 3, pp. 105–126.
- Hrobat Virgolet, K., 2019. The “Istrian” exodus and the Istrian society that followed it. *Dve domovini. Two homelands*, 49, pp. 163–180.
- Hržica, G., Brdarić, B., Tadić, E., Goleš, A., Roch, M., 2015. Dominantnost jezika dvojezičnih govornika talijanskog i hrvatskog jezika. *Logopedija*, 5 (2), pp. 34–40.
- Iasinskaia, M.V., 2021. Obraz granitsy i sosedei v vospriiatii slovenskogo etniceskogo men'shinstva v Italii (provintsiiia Goritsiia) [The Image of the Border and

- Neighbors in the Perception of the Slovenian Ethnic Minority in Italy (Province of Gorizia)]. *Etnografia*, 1, pp. 50–74. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-50-74](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74)
- Kalc, A., 2019. The other side of the “Istrian exodus”: immigration and social restoration in Slovenian coastal towns in the 1950s. *Dve domovini. Two homelands*, 49, pp. 145–162. <https://doi.org/10.3986/dd.v0i49.7258>
- Klabjan, B., 2019. Bordering and Memorizing the Northern Adriatic and Central Europe: Introductory Notes on Borderlands of Memory. In: B. Klabjan, ed., 2019. *Borderlands of memory: Adriatic and central European perspectives*. Oxford: Peter Lang, pp. 1–13. <https://doi.org/10.3726/b13041>
- Komac, M., Zagorac, D., eds, 2002. *Varstvo manjšin: uvodna pojasnila in dokumenti*. Ljubljana: Društvo Amnesty International Slovenije, Inštitut za narodnostna vprašanja.
- Lalli Pačelat, I., Brkić Bakarić, M., Matticchio, I., 2020. Službena dvojezičnost u Istarskoj županiji: stanje i perspektive. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 46 (2), pp. 815–837. <https://doi.org/10.31724/rihjj.46.2.20>
- Matras, Y., 1998. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing. *Linguistics*, 36/2, pp. 281–331.
- Medica, K., 1998. Sociološki prikaz jezikovne podobe Istre. *Razprave in gradivo — Inštitut za narodnostna vprašanja*, 33, pp. 193–202.
- Mikolič, V., 2004. *Jezik v zrcalu kultur: jezikovna sporazumevalna zmožnost in medetnična ozaveščenost v Slovenski Istri*. Koper: Annales.
- Mikolič, V., Pertot, S., Zudič Antonič, N., 2006. *Med kulturami in jeziki. Tra lingue e culture*. Koper: Annales.
- Milani Kruljac, N., 1990. *La comunità italiana in Istria e a Fiume, fra diglossia e bilinguismo*. Trieste-Rovogno: Università popolare di Trieste. Unione degli italiani dell’Istria e di Fiume, Centro di ricerche storiche — Rovigno.
- Morato-Vatovec, J., 1994. Dvojezičnost v šolah na slovenski obali. In: *Lingua dell’infanzia e minoranze = Otroški jezik in manjšina = Children language: the education of minorities. San Pietro al Natisone — Špieter. 11, 12, 13 nov. 1994*. San Pietro al Natisone: Cooperativa Lipa Editrice, pp. 291–298.
- Morozova, M. S., 2020. Albanske elementy v slavianskoj rechi bilingvov Golo Bordo: smeshenie kodov ili zaimstvovanie? [Albanian Elements in the Slavic Speech of Golo Bordo Bilinguals: Code-Mixing or Borrowing]. *Slovene*, 2, pp. 372–394. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2020.9.2.16>
- Muysken, P., 2000. *Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Poropat Jeletić, N., 2015. Italian language in Istria: Status Planning, Corpus Planning and Acquisition Planning. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (6 S2), pp. 385–392.
- Poropat Jeletić, N., 2017. Italofona dijasistemska raslojenost u hrvatskoj Istri: jezični i komunikacijski status, korpus i prestiž. *Annales. Series historia et sociologia*, 27 (1), pp. 191–204. <https://doi.org/10.19233/ASHS.2017.15>
- Pivovarenko, A.A., 2021. Etnicheskiy sostav naseleniia Istrii s kontsa XIX do nachala XX veka [The ethnic composition of the population of Istria from the end of the

- XIX to the beginning of the XX century]. *Slavic Studies*, 3, pp. 36–49. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0014852-0>
- Pilipenko, G.P., 2017. *Iazykovaia i etnokulturnaia situatsia vovodinskikh vengrov: vzgliad iznutri i izvne* [Linguistic and ethno-cultural situation of the Vojvodina Hungarians: A view “from inside” and “from outside”]. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoria.
- Pilipenko, G., 2021. Nekotorye kontaktnoobuslovlennye iavlenia v slovenskom dialekte doliny Natizone [Some Contact-related Phenomena in the Slovenian Dialect of the Natisone Valley]. *Slavia Meridionalis*, 21, Article 2388.
- Poplack, Sh., 2018. *Borrowing: Loanwords in the Speech Community and in the Grammar*. New York: Oxford University Press.
- Rusakov, A. Iu., 2004. *Interferentsia i perekliuchenie kodov (severnoruskii dialekt tsyganskogo iazyka v kontaktologicheskoi perspektive)* [Interference and code-switching (Northern Russian dialect of Gypsy language in contactological perspective)]. Dis. ... doktora filologicheskikh nauk. Rossiiskaia akademiia nauk, Institut lingvisticheskikh issledovanii.
- Skelin Horvat, A., Muhvić-Dimanosovski, V., 2012. My mother tongue... Croatian, Istrian, Local, ... Depends where I am — The perception of mother tongue in multilingual settings. *Jezikoslovje*, 13.2, pp. 493–511.
- Sedmak, M., 2005. Jezikovne izbire članov etnično mešanih družin. In: V. Mikolič, K. Marc Bratina, eds, 2005. *Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije*. Koper: Univerza na Primorskem; ZRS Koper; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, pp. 187–218.
- Skok, P., 1950. *Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja*. Zagreb: Jadranski institut JAZU, 1950.
- Skubic, M., 1997. *Romanske jezikovne prvine na zahodni slovenski jezikovni meji*. Ljubljana: Znanstveni inštitut FFLj.
- Slovene-Italian Relations 1880–1956. 2000. *Report of the Slovene-Italian Historical and Cultural Commission. Koper-Capodistria* [Online]. Available at: <https://www.gov.si/assets/drzave/italija/Porocilo-SI-ITA-zgodovinsko-kulturne-komisije-angleško.pdf> (Accessed: 22.06.2022).
- Starč, S., 2005. Matura iz slovenščine kot drugega jezika v slovenski Istri. In: V. Mikolič, K. Marc Bratina eds. *Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije*. Koper: Univerza na Primorskem; ZRS Koper; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, pp. 149–170.
- Statistični urad Republike Slovenije, 2002. *Rezultati Popisa 2002. Slovenija: Prebivalstvo: Demografske značilnosti* [Online]. Available at: https://www.stat.si/popis2002/si/rezultati_slovenija_prebivalstvo_dz.htm (дата обращения: 08.04.2022).
- Stjepanović, D., 2018. *Multiethnic Regionalisms in Southeastern Europe. Statehood Alternatives*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-58585-1>
- Šabec, K. *Policy report on the Italian minority in Slovenian Istria. EUROREG. Regions, Ethnic Minorities and European Integration* [Online]. Available at: https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/en/2009/o4/slovenia_revised1.pdf (Accessed: 21.06.2022).
- Thomassen, B., 2006. Italy from Below and From the Outside-IN: An Istrian Life Story Across the Italian Border. *Acta Histriae*, 14, pp. 155–178.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОРФОСИНТАКСИСЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ШТОКАВСКИХ ДИАЛЕКТОВ В АЛБАНИИ (ШИЯК И МЮЗЕКЕЯ) И СЛАВЯНО-АЛБАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ*

Максим Максимович Макарцев

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук;
научный сотрудник,
Институт славистики,
Университет им. Карла фон Осецкого
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия;
Аммерлэндер Хеерштрассе, 114-118,
Ольденбург, 26121, Германия
Электронный адрес: maxim.makartsev@
uni-oldenburg.de
ORCID: 0000-0002-0820-3238

Наталья Игоревна Кикило

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук;
ассистент,
Институт русского языка,
Российский университет дружбы народов
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия;
ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
Москва, 117198, Россия
Электронный адрес: kikilo.natalia@
gmail.com
ORCID: 0000-0002-2151-6634

Аннотация

Статья вводит в научный оборот материалы малоописанных переселенческих штокавских диалектов в областях Шияк (г. Дуррэс) и Мюзекея (г. Фиер, сс. Рет-Либофша, Хамиль и др.), собранных в лингвистической экспедиции в июле-августе 2021 г. Родной потомков-переселенцев славян-мусульман Мюзекея считается область Санджака (гг. Нови-Пазар, Тутин и Сьеница, совр. Р. Сербия), в которой распространены новопазарско-сьеницкие диалекты штокавского наречия. Славяне-мусульмане области Шияк (сс. Бораке и Коджас) переселились в Албанию из окрестностей Мостара (совр. Босния и Герцеговина), их материнский ареал располагается вдоль р. Неретвы (в основном к востоку от последней: диалекты Центральной Герцеговины) между младшими икавскими и восточноснийскими диалектами. Длительный, на протяжении нескольких поколений, контакт с албанским языком, усиленный социальной мобильностью в результате общественно-политических изменений в Албании в 1990 г., привел к ряду количественных и в меньшей мере качественных изменений в рассматриваемых диалектах на разных языковых уровнях. Поскольку албанский язык входит в балканский языковой союз, некоторые из этих изменений поддерживают балканизирующие процессы в структуре диалектов. Материал экспедиции точно показывает признаки анализации их морфосинтаксической / синтаксической системы (в именной группе превалирование предложно-падежного способа выражения значений над беспредложным, редукция инфинитива, местоименная реприза дополнения и др.), которые связаны с албанским контактным влиянием. В статье также описываются принципы сбора материала и тематика этнолингвистических опросников. В приложение включены примеры диалектных записей.

Ключевые слова

Южнославянская диалектология, новопазарско-сьеницкие диалекты, младшие икавские диалекты, восточноснийские диалекты, центральногерцеговинские диалекты, переселенческие диалекты, языковой контакт, балканский языковой союз, морфосинтаксис, корпусная лингвистика

* Статья подготовлена в рамках гранта Немецкого научного общества «Kontaktinduzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus — seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien» (Deutsche Forschungsgemeinschaft, GZ: MA 8750/1-1).

Статья поступила в редакцию 15 июня 2022 г.

Цитирование: *Макарцев М. М., Кикило Н. И.* Некоторые тенденции в морфосинтаксисе переселенческих штокавских диалектов в Албании (Шияк и Мюзекя) и славяно-албанский языковой контакт // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 120–141. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.07>

SOME TENDENCIES IN THE MORPHOSYNTAX OF THE MIGRATIONAL SHTOKAVIAN DIALECTS IN ALBANIA (SHIJAK AND MYZEQE) AND SLAVIC-ALBANIAN LANGUAGE CONTACT

Maxim M. Makartsev

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Researcher,
Institut für Slavistik,
Carl von Ossietzky Universität
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia;
Ammerländer Heerstraße, 114-118,
Oldenburg, 26121, Germany
E-mail: maxim.makartsev@uni-oldenburg.de
ORCID: 0000-0002-0820-3238

Natalia I. Kikilo

Ph. D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Assistant,
Institute of Russian Language,
RUDN University
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119991, Russia;
Miklukho-Maklaya Street, 6,
Moscow, 117198, Russia
E-mail: kikilo.natalia@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2151-6634

Abstract

This article puts into academic circulation the materials of the little-described migrational Shtokavian dialects in the Shijak (Durrës) and Myzeqe (Fier, the villages of Rreth Libofsha, Hamil, etc.) areas collected during a linguistic expedition in July and August 2021. The Sandžak region (Novi Pazar, Tutin and Šjenica, modern Republic of Serbia), where the Shtokavian Novi Pazar-Šjenica dialects have been traditionally spoken, is considered a homeland for the descendants of the Myzeqe Muslim Slavs. The Muslim Slavs from the Shijak region (Borake and Koxhas villages) migrated to Albania from the vicinity of Mostar (modern Bosnia and Herzegovina). Their linguistic origin is from Central Herzegovinian dialects (mostly to the east of the Neretva River) between the younger Ikavian and Eastern Bosnian dialects. The generations-long contact with the Albanian language intensified as a result of increased social mobility resulting from socio-political changes in Albania in 1990. These changes led to a number of quantitative and, to a lesser extent, qualitative changes in the migrational dialects at different language levels. Since the Albanian language is a part of the Balkan sprachbund, some of the changes support balkanizing processes in the structure of the dialects. Our material shows some signs of analytisation in the morphosyntactic / syntactic system (the prevalence of prepositional phrases over bare cases, infinitive reduction, clitic doubling, etc.), which are associated with Albanian contact influence. The article also describes the principles we adhered to when collecting linguistic data, as well as the topics of ethnolinguistic questionnaires. Examples of dialect recordings are included in the appendix.

Keywords

South-Slavic dialectology, Novi Pazar-Šjenica dialects, Younger Ikavian dialects, Eastern Bosnian dialects, Central Herzegovinian dialects, migrational dialects, language contact, Balkan sprachbund, morphosyntax, corpus linguistics

Received 15 June 2022

How to cite: Makartsev, M. M., Kikilo, N. I., 2022. Nekotorye tendentsii v morfosintaksise pereselencheskikh shtokavskikh dialektov v Albanii (Shiiaak i Miuzekeia) i slaviano-albanskii iazykovoi kontakt [Some Tendencies in the Morphosyntax of the Migrational Shtokavian Dialects in Albania (Shijak and Myzeqe) and Slavic-Albanian Language Contact]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 120–141. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.07>

Введение

Славянские диалекты Албании имеют гетерогенный характер как в горизонтальном, так и в вертикальном плане. Области компактного расселения носителей этих диалектов разделяются на «автохтонные», или существующие не меньше двух сотен лет и продолжающие соответствующие ареалы по другую сторону современной границы (Гора, Поле, западный и южный берег Охридского озера, Преспа, Корчанская долина¹, Девол), и переселенческие (восточный берег Шкодранского / Скадарского озера², сс. Бораке и Коджас в области Шияка под г. Дуррэс, а также сс. Рет-Либофша, Петова, Хамиль и некоторые другие в Мюзекее в районе г. Фиер). Значительные славяноговорящие сообщества, куда входят уроженцы разных компактных сельских ареалов, сформировались в последние 70–80 лет в албанских городах (столица страны Тирана, крупнейший портовый город Дуррэс, Корча, Эльбасан³ и т.д.)⁴ в результате индустриализации и урбанизации. В вертикальном плане гетерогенность перечисленных языковых сообществ задается наличием большого количества двуязычных говорящих с разным соотношением славянского диалекта и албанского языка; владением и частотой употребления соответствующего стандартного славянского языка (болгарского vs македонского, различных постсербохорватских стандартов), контактом с носителями других славянских диалектов и языков в Албании (и других государствах). Индивидуальные языковые биографии имеют еще более сложный характер и определяются кругом общения (с учетом возможностей интернета не всегда ограниченным одним населенным пунктом или одной страной), сильными / слабыми связями,

¹ В 2010–2020 гг. М. М. Макарецеву не удалось найти в с. Дренова ни одного носителя автохтонного юго-восточного македонского диалекта. Трое носителей в 2020 г. еще проживали в г. Корча. Последняя носительница диалекта в с. Бобоштица умерла в 2020 г.

² Современное славянское население этого региона (также известного под названием *Врака*) не связано со средневековым и восходит к первым переселениям с разных территорий современной Черногории, которые по всей видимости, происходили в конце XVIII — начале XIX века, см. *Steinke K., Ylli Xh. Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2013. Teil 4: Vraga — Borakaj. S. 9–10* (там же см. библиографию, с. 209–212). Эти переселения — как массовые, так и индивидуальные, например, при вступлении в брак — продолжались как минимум до Второй мировой войны, как отмечают К. Штайнке и Д. Юллы и как можно судить по данным нашего предварительного обследования региона в июле 2021 г. В то же время значительное диалектное разнообразие переселенцев и отсутствие единого материнского ареала привели к большому разнообразию современной славянской речи Враки.

³ *Макарецев М. М. Язык славян-мусульман Эльбасана: постановка вопроса // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 197–214.*

⁴ А также вне Албании в западноевропейских государствах (Великобритания, Германия, Греция, Италия).

карьерой (на протяжении жизни носители славянских диалектов могут длительное время — десятилетия — проводить в других странах, на пенсии возвращаясь домой), как мы бы планировали показать дальше.

Комплекс проблем, связанных со славянскими сообществами Албании, находится в центре внимания научно-исследовательского проекта *Kontakt-induzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus — seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien*, поддержанного Немецким научным обществом в 2019–2022 гг. (руководитель — М. М. Макарец). Проект опирается на диалектологические исследования славянских сообществ Албании (из последних по времени публикаций отметим четырехтомную монографию К. Штайнке и Д. Юллы «Славянские меньшинства Албании» и коллективную монографию под редакцией А. Н. Соболева и А. А. Новика «Голоборда»⁵, в которых содержится также библиография по теме), однако в центре нашего внимания (социо)лингвистическая проблематика (языковое варьирование и его социолингвистические параметры), которая дополнена этнолингвистическим описанием традиционной духовной культуры сообществ.

Постоянное влияние со стороны албанского языка, гибридные явления в речи, языковое выравнивание у носителей разных славянских диалектов, индивидуальные особенности языковой биографии приводят к значительному варьированию в славянской речи Албании. На одном краю вертикального континуума располагаются одноязычные носители территориальных славянских диалектов, всю свою жизнь находящиеся внутри соответствующего языкового сообщества, на другом — носители соответствующих стандартных языков. Для мезолектных языковых разновидностей характерны разные результаты языкового выравнивания и ряд гибридных явлений, связанных с албанским языком.

Основной инструмент проекта — создаваемый языковой корпус славянских диалектов Албании (как в местах компактного расселения, так и в городах), который позволит сочетать диалектологические и социолингвистические методы анализа. Это преследует следующие основные цели: 1) приближенное к целостному описание языковой ситуации в славянских языковых сообществах Албании; 2) описание редкой ситуации языкового контакта между структурно близкими, но генетически далекими албанским стандартным языком (и его территориальными диалектами) и славянскими диалектами Албании⁶ с учетом гетерогенности последних. С точки зрения

⁵ *Steinke K., Ylli Xh.* Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SDA). München: Otto Sagner, 2007–2013. Teil 1. (2007): Prespa — Vërnik — Boboshtica; Teil 2. (2008): Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm; Teil 3. (2012): Gora; Teil 4. (2013): Vrakë — Borakaj; Голоборда (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ, 2008–2013 / под ред. А. А. Новика, А. Н. Соболева. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013.

⁶ Албанский язык < албанская группа < индоевропейская языковая семья; восточно- и центральноюжнославянские (штокавские) диалекты < славянская группа < индоевропейская языковая семья.

структуры славянские диалекты Албании делятся на две основные группы: с одной стороны балканославянские (западномакедонское наречие: Гора⁷, Поле, Голоборда, западный и южный берег Охридского озера, Преспа; юго-восточномакедонское наречие: Корчанская долина и Девол), с другой — не-балканославянские штокавские (восточный берег Шкодранского озера и переселенческие диалекты Мюзекя и области Шияка). В типологическом плане балканославянские диалекты исходно ближе к албанскому, чем штокавские.

Контактоиндуцированные изменения в славянских диалектах Албании вызывают конвергенцию славянской морфологии, морфосинтаксиса и синтаксиса с албанской языковой системой, затрагивая в том числе и те области, которые в других балканских языках устойчивы к иноязычному влиянию (например, глагольный вид⁸). Штокавские диалекты Албании занимают особое место в нашем исследовании, поскольку в них албанское влияние может развиваться и усиливать балканизующие тенденции (напр., редукцию инфинитива⁹ и склонения), сближая их с балканославянскими диалектами. Иными словами, штокавские диалекты Албании представляют собой «лингвистическую лабораторию»¹⁰, позволяющую частично реконструировать процессы балканизации на материале южнославянских диалектов небалканского типа.

Записи славянских диалектов Албании представляют интерес не только с точки зрения языка. Работа в рамках проекта подразумевает также изучение ряда этнолингвистических тем, что позволяет описать духовную культуру этого периферийного региона на балканском, южнославянском и общеславянском фоне в русле Московской школы этнолингвистики.

Проект предусматривает сбор материала у носителей славянских диалектов Албании по следующим основным направлениям:

1. Структурированные интервью:

- а) этнолингвистические опросники: по календарной и семейной обрядности, а также мифологии¹¹; по представлениям, связанным с луной

⁷ Ряд черт объединяет диалекты Горы с северомакедонскими и призренско-тимокскими.

⁸ Макарец М. М. Глагольный вид в македонском диалекте Бобоштицы-Дреновы и албанско-славянские контакты // *Biblioteca di Studi Slavistici* (в печати).

⁹ Makartsev M. Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization // *Linguistica Copernicana*. 2021. № 18. S. 45–60. <https://dx.doi.org/10.12775/LinCop.2021.003>

¹⁰ Schirmunski V. Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // *Germanistisch-Romanische Monatsschrift* 1930. № 18. S. 113–122; 171–188.

¹¹ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009; с некоторыми уточнениями по Новик А. А., Резван Е. А. Ислам на Балканах: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. Ч. 1: Обряды перехода и семейная обрядность: рождение, обрезание.

в традиционной духовной культуре¹²; этнолингвистический опросник по традиционным представлениям, связанным с кукушкой¹³;

- б) элицитация языкового материала: запись связанного нарратива по графическому опроснику *Frog where are you*¹⁴;

2. Полуструктурированные интервью: запись нарративов и мемуаров из личной истории информантов об устной истории сообщества и его современном состоянии, запись фольклорных текстов и нарративов, посвященных традиционной культуре;

3. Так называемые семейные интервью: информанты после проведенного нами инструктажа записывают свои разговоры с родственниками и друзьями самостоятельно, без участия исследователя¹⁵. Ценность этих материалов — в их лингвистической форме, это спонтанная речь, порождаемая без участия исследователя в условиях, максимально приближенных к естественным¹⁶. Предварительные наблюдения над этими материалами показывают их качественные и количественные отличия от структурированных и неструктурированных интервью. В семейных интервью, насколько можно судить по расшифрованным на настоящий момент записям, значительно шире представлены гибридные языковые явления, а переключение кодов значительно чаще.

Этические принципы сбора и обработки материала следуют положениям, сформулированным У. Лабовым, с некоторыми уточнениями в соответствии с принятой в немецких исследовательских организациях практикой¹⁷. Если мы вели интервью сами, то объявляли, что ведется запись, и заручались письменным (по возможности) или устным согласием людей, чьи голоса звучат на записи. Мы задавали вопрос о том, можно ли записывать, уже включив диктофон; если такое разрешение не давалось, то запись не велась. Для записи семейных разговоров мы просили наших информан-

¹² Рукопись опросника подготовлена О. В. Чёхой, его основные принципы отражены в автореферате ее кандидатской диссертации: *Чёха О. В. Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: Луна и лунное время (этнолингвистический аспект): автореферат дис. ... канд. фил. наук. М., 2009.*

¹³ Опросник не опубликован, некоторые его принципы отражены в работе: *Макарецев М. М. Этюды к балканскому бестиарию: кукушка // Живая старина. 2017. Т. 95. № 3. С. 46.*

¹⁴ *Mayer M. Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog. New York: Dial Books for Young Readers, 1969.*

¹⁵ См. описание метода в: *Hentschel G., Zeller J.-P. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien // Wiener Slawistischer Almanach. 2012. № 70. С. 127-155.*

¹⁶ В продолжение принципов, изложенных У. Лабовым, см.: *Labov W. Field methods of the project on linguistic change and variation // Language in use: Readings in sociolinguistics / ed. by J. Baugh, J. Sherzer. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984. P. 28-53.*

¹⁷ *Ibidem; Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Ethics guidelines. [Online]. URL: <https://www.eva.mpg.de/linguistics/past-research-resources/resources/ethics-guidelines/> (Accessed: 17.12.2021).*

тов делать то же самое. Кроме того, речь информантов анонимизирована; если в интервью упоминалась личная информация (любая информация, которая может быть использована для установления личности информанта), она не расшифровывалась¹⁸. Семейные разговоры, как потенциально наиболее чувствительный материал, расшифровывали сами информанты, проводившие запись, и они принимали решение, следует ли исключить какие-то фрагменты¹⁹.

Экспедиция 2021 г. и социолингвистические сведения о славянских сообществах в Мюзекее и области Шияка

Проект частично опирается на материал, собранный М. М. Макарецвым в славянских сообществах Албании в 2010–2019 гг. В июле — августе 2021 г. экспедиционная команда в составе М. М. Макарецва, Е. С. Узенева (Институт славяноведения РАН), Н. И. Кикило и А. А. Леонтьевой (Институт славяноведения РАН) провела полевое исследование нескольких славянских ареалов Албании по перечисленным темам. Экспедиция состояла из следующих этапов:

до 20 июля 2021 г. — М. М. Макарецв: предварительное исследование диалекта славян-мусульман (восточный берег Шкодранского озера: сс. Старый Штой, Новый Штой; г. Шкодра);

20–24 июля 2021 г. — М. М. Макарецв и Н. И. Кикило: Мюзекее (г. Фиер, сс. Рет-Либофша и Хамиль);

26–29 июля 2021 г. — М. М. Макарецв, Н. И. Кикило, А. А. Леонтьева: область Шияка (сс. Бораке и Коджас);

29 июля — 5 августа 2021 г. — М. М. Макарецв, Н. И. Кикило, А. А. Леонтьева, Е. С. Узенева: регион Преспа, сс. Долна-Горица, Пустец, Ту-минец, Шулин;

9–14 августа 2021 г. — М. М. Макарецв, А. А. Леонтьева, Е. С. Узенева: регион Гора, сс. Борье и Шиштавец.

В настоящей статье мы остановимся на материалах, собранных во время второго и третьего этапа экспедиции. Компактные славяноговорящие со-

¹⁸ Для ряда сообществ следование принципу сокрытия личной информации как таковой не представляется возможным или не имеет смысла с точки зрения этики: например, с несколькими из последних говорящих на славянском диалекте Бобош-тицы-Дреновы (Корчанская долина), которые взаимодействовали с исследователями на протяжении десятилетий (личные данные одного из наших информантов были опубликованы в первый раз еще А. Мазоном в 1936 г. и приводятся также в публикациях последних десятилетий, выполненных исследователями из ряда стран). Однако любая информация, которая могла бы навредить информантам независимо от того, насколько легко установить их личность на основе наших материалов, исключалась из записей.

¹⁹ Такие расшифрованные информантами записи затем проходят редактирование специалистом по южнославянской диалектологии.

общества в перечисленных пунктах имеют похожую историческую судьбу и структурно похожие диалекты²⁰.

Славяне-мусульмане Мюзекее являются потомками 114 семей²¹, которые в 1924 г. покинули Санджак (на территории современной Сербии и частично Черногории, район городов Нови-Пазар, Тутин и Съеница) и двумя основными маршрутами — сухопутным и морским (через Стамбул, где часть сообщества осела) переселяются на территорию современной Албании, первоначально в области Эльбасана, а с 1933 г. в Мюзекее (г. Фиер, сс. Дэрменас, Патос, Петова, Рет-Либофша, Хамиль). Представители сообщества упоминают о 2500 потомках переселенцев, которые проживают в Мюзекее в настоящее время, но не все из них владеют славянским диалектом. Их материнский ареал в Санджаке — область распространения новипазарско-съеницких диалектов, входящих в северо-восточную часть зетско-съеницкой диалектной зоны штокавского наречия²².

Население Мюзекее разнородно в этноконфессиональном и языковом плане: помимо носителей севернотосских албанских диалектов региона,

²⁰ По ряду организационных причин семейные интервью с членами этих двух сообществ записать не удалось, поэтому мы располагаем только записями этнолингвистических интервью, опросника «Frog, where are you?» и продолжительными нарративами и меморатами. Общая продолжительность записей из области Шияка составляет почти 16 часов звучащей речи; записей из Мюзекее — 10,5 часа звучащей речи. Из записей, сделанных в каждом регионе, расшифровано ок. 100 000 словоформ.

²¹ Излагается на основе полевых интервью. К сожалению, нам пока не удалось найти архивные документы или научные публикации, посвященные этому сообществу. Они коротко упоминаются в работах *Shehu N., Dizdari I., Duka L. Boshnjakët e Shqipërisë dhe problemet e emigrimit të tyre në fund të shekullit XIX deri në krijimin e shtetit boshnjak // Ardhja dhe integrimi i boshnjakëve në Shqipëri 1875-1999 / red. H. Baçi. Tirana: Toena, 2001. F. 28-36* и *Stjepanović D. 'Perceived Co-Ethnics' and Kin-State Citizenship in Southeastern Europe // CITSEE Working Paper. 2013. № 26. P. 1-24. [Online]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2388698> (Accessed: 16.12.2021)*. К. Штайнке и Д. Юллы отмечают, что эта группа почти полностью ассимилирована, и не приводят о ней никакой дополнительной информации (*Steinke K., Ylli Xh. Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 4: Vraka — Borakaj. S. 137*). К. Гизель в работах о части сообщества, оставшейся в Стамбуле, упоминает эту группу (он также посетил регион): *Giesel Ch. Etnički, društveni i sociolingvistički aspekti i stavovi i jezičke karakteristike kod iseljenih Bošnjaka sandžackog porijekla u Istanbulu (Turska) // Drugi simpozij o bosanskom jeziku. Istraživanje, normiranje i učenje bosanskoga jezika — dosadašnji rezultati, potrebe i perspektive. Sarajevo, 12-13. mart 2015 / ured. A. Kalajdžija. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu; Institut za jezik, 2016. S. 563-601; Idem. "We speak a language which sounds a bit funny": Characteristics of the South Slavic Idioms of the Sandžak-Bosniacs in Istanbul (Turkey) // Endangered linguistic varieties and minorities in Italy and the Balkans / ed. by Th. Kahl, M. Genesin, G. Hempel. Vienna: Austrian Academy of Sciences (in print)*.

²² *Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад: Матица Српска, 1956; Барјактаревић Д. Новопазарско-сјенички говори // Српски дијалектолошки зборник. Београд: Српска академија наука и уметности, 1966. Књ. 16: Расправе и грађа / ур. М. Стевановић. С. 1-178; Вельовић Б. Глаголски систем говора Тутина, Новог Пазара и Сјенице — облици и употреба. Докторска дисертација, Крагујевац, 2016.*

здесь также проживают потомки переселенцев из Чамэрии (чамские албанские диалекты), Косова (северо-восточные гегские диалекты), а также аромуны. Языком общения этих групп является стандартный албанский, приближенные к нему структурно и фонологически севернотосские диалекты и переходные формы этого вертикального континуума. Большинство населения — мусульмане (сунниты и бекташи), есть также православные. Интересующее нас славяноговорящее сообщество в культурном плане принадлежит к суннитскому исламу. Их декларируемая идентичность имеет два основных компонента. С одной стороны, происхождение с территории современной Сербии является основой для сербской идентичности, которую подчеркивает культурное объединение «Единство» (серб. *Jedinstvo*) под руководством Экерема Дулевича. Это культурное объединение инициировало открытие курсов сербского литературного языка в сс. Рет-Либофша и Хамиль²³. С другой — информанты, не входящие в это культурное объединение, подчеркивали свою боснийскую/бошняцкую идентичность, связанную как с религиозным фактором, так и с травматическим историческим опытом²⁴. Для славян-мусульман Мюзекей местное албанское население использует этноним *boshnjak*, *-u -e*²⁵.

Славяне-мусульмане (бошняки) Бораке и Коджаса (область Шияка под Дуррэсом) переселились сюда из центральной Герцеговины в 1870-е годы²⁶ (совр. Босния и Герцеговина, узкая территория на границе между младшими икавскими и восточнбоснийскими диалектами в основном на восток от р. Неретвы: г. Мостар — с. Чапльина — с. Столац²⁷), на которой преобладают икавские говоры центральногерцеговинского типа²⁸, в рамках му-

²³ Курсы в Хамиле были довольно скоро закрыты из-за острой реакции косоварского сообщества.

²⁴ Ряд информантов (как славян-мусульман, так и косоваров) объясняет необходимость переселения из Санджака / Косова в Албанию религиозными и политическими преследованиями их предков в Сербии в 1920-е гг.

²⁵ Это же слово используется в качестве автонима большинством наших информантов (*Bošnjaci*, *bosanski jezik*, также *naš jezik*, *po naše*). Члены культурного объединения «Единство» (серб. *Jedinstvo*) и некоторая часть их ближайших родственников настаивала на использовании этнонима *Srbi*, соответственно, *srpski jezik*, окказионально используя определение *po naše*. По сложившейся в отечественной албанистике традиции, там, где это релевантно, мы приводим албанские лексемы в трех формах: NOM.INDEF (словарная форма), NOM.DEF, NOM.PL.INDEF.

²⁶ Точный год переселения является предметом споров в сообществе, называются 1875 и 1878 гг. К. Штайнке и Д. Юллы отмечают, что переселение, по всей видимости, происходило в несколько этапов, в том числе и в последующие годы. По этимологической легенде, название села Бораке возводится либо к алб. слову *barkë* 'лодка' (так как их предки приплыли сюда на корабле, который потерпел крушение под Дуррэсом), либо к слову *barakë* 'барак' (поскольку первое время они жили в бараках).

²⁷ *Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 4: Vrakë — Borakaj. S. 137.

²⁸ О диалектах материнского ареала см.: *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. С. 132–156 и 175–188; *Ресо А.* Govori istočne i centralne Hercegovine. Sarajevo:

хаджирских миграций (ср. также автоним *madžiri*²⁹, используемый членами сообщества наряду с *bosanci*³⁰). Историю заселения области Шияка славянами прослеживают К. Штайнке и Д. Юллы³¹. По оценкам лидера местного культурного объединения «Лилия» (алб. *Zambak*) Фикрета Кларича, почетного консула Боснии и Герцеговины в с. Бораке, в 2010 г. в этом селе проживало около 220 семей потомков переселенцев³². Если Бораке почти исключительно славянское село, то в с. Коджас (фактически представляющем собой часть Бораке) славяне-мусульмане проживают чересполосно с албанцами. Кроме того, некоторые семьи из этих сел живут в соседних г. Шияк и с. Сукт. Все наши информанты подчеркивают свою бошняцкую идентичность и крепкие связи с Боснией и Герцеговиной, особенно усилившиеся после открытия границ в 1990-м году. По инициативе Ф. Кларича в селе также работают курсы боснийского языка для детей. Помимо сельского хозяйства, часть жителей села работает в г. Дуррэс и в сервисах, обслуживающих автостраду SH2 (Дуррэс — Тирана), которая находится всего в сотне метров от села. Кроме того, в последние десятилетия часть славянского населения мигрировала в страны Западной Европы, прежде всего в Италию.

Аналитические черты в морфосинтаксисе / синтаксисе переселенческих штокавских диалектов (Дуррэс и Мюзекея)

Материал экспедиции показывает ряд особенностей, отражающих аналитизацию морфосинтаксической системы славянских идиомов Албании, в основе которых лежат диалекты, периферийные для балканских языковых инноваций. В настоящей работе мы отмечаем отдельные важные тенденции, заметные уже при предварительном изучении материала экспедиции. Статистический анализ и разграничение структурных изменений аналитического типа, характерных для диалектов материнских ареалов³³, и языко-

Bosansko filozofsko društvo; Akademija nauka i umjetnosti BiH, 2007. (Izabrana djela / Asim Peco; knj. 1.); *Idem*. Ikavskoštakavski govori zapadne Hercegovine. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1986. (Dijela, 61; Odjelenje društvenih nauka, 35); *Idem*. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd: Naučna knjiga, 1991. С. 114–115, см. также карту на с. 110.

²⁹ Диалектные примеры приводятся в упрощенной латиничной записи на основе сербохорватской латиницы, отмечается только место ударения, но не его мелодический характер. Имена информантов зашифрованы, упрощенные паспорта информантов приводятся в конце статьи. В текстах, вынесенных в приложение, отмечаются также паузы в долях секунды.

³⁰ Также *bošnjaci*, с автонимами для собственного языка *bosanski jezik*, также *naš jezik*, *po naše*.

³¹ Steinke K., Ylli Xh. Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 4: Vrakaj — Borakaj. S. 137–142.

³² *Ibid.* S. 137.

³³ Милорадовић С. Дијахрони и синхрони аспект аналитичких појава у српским народним говорима // Зборник Матице српске за славистику. 2007. Књ. 71–72. С. 357–375.

вых черт, связанных с албанским контактным влиянием, предполагается провести в дальнейших публикациях.

В синтаксисе именной группы возрастает частотность предложно-падежного способа маркирования значений, которые в литературном языке обычно выражаются конструкциями беспредложного управления. Также размывается граница между языковыми оппозициями (например, конструкции со значениями места / направления), что расширяет сферу употребления одного из коррелятов. В качестве примеров можно привести следующие варианты употреблений:

а) расширение использования конструкции *od* + род. п. с посессивным значением общего спектра (происхождение лица или предмета; указание родства): *A bijaše óvo vréme ot smókava* (Bor04, ПМА 95, 2020), *mĭlin od káhve* (Bor28, ПМА 161, 2021), *direktórica od đimnázije* (Bor28, ПМА 162, 2021), *májka od néveste; što se poznáje u tú fámiliju ot stráne od devójke* (Rre04, ПМА 146, 2021); *ovó dédo od májke; Úze sam móju žénu ot nášeg porékla* (Rre06, ПМА 185, 2021); *srína je od amidže žéna* (Pet01, ПМА 146, 2021). Аналогичный процесс отмечается и для других зон славянско-албанского языкового контакта, например, в говоре мрковичей на юге современной Черногории³⁴, и интерпретируется А. Н. Соболевым как результат структурного влияния албанских генитивных конструкций с препозитивным связующим артиклем³⁵. В литературном сербском языке конструкции *od* + род. п. могут использоваться для выражения некоторых атрибутивных отношений и родственных связей. Судя по предварительным наблюдениям за нашим материалом, в переселенческих диалектах происходит количественное и качественное расширение использование этой конструкции. Точнее определить границы этих изменений позволит статистический анализ;

б) для обозначения исходной точки движения, а также происхождения / источника предмета, лица или информации используется сочетание *od* + род. п.; характерная для этих значений предложно-падежная конструкция *iz* + род. п. встречается значительно реже: *Ne izlázi ot kúće, ot sóbe* (Rre04, ПМА 146, 2021); *avokát štó je ot Slovénije* (Rre04, ПМА 160, 2021); *Ovó je od Sándžak*; [NK: *A iz čéga ste učili?*] *Ot rádie, ot televízie* (Rre06, ПМА 185, 2021); [MM: *A imate vášega ódžu támo, u džámiju?*] *Ón je ód nas u... od Bósne* (Bor04, ПМА 95, 2020). Мы предполагаем, что здесь также прослеживается влияние албанского языка: совпадение значений исходной точки движения (элатив) и источника у предлога *nga* 'от; из' и возможность использования в ряде соответствующих контекстов аблатива-*rrjedhore*;

³⁴ Морозова М. С., Русаков А. Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // *Slovéne. International Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 265-266. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.10>

³⁵ Соболев А. Н. Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // *Јужнословенски филолог*. 1990. № 41. С. 16-19.

в) неразличение значений направления и места в конструкциях с предлогами *u/na* + вин. п. и *u/na* + мест. п.: *běše otišla da šéta u Aljásku; Mója májka bila u škólu* (Pet01, ПМА 146, 2021); *já sam rúski naučio za vólju u škólu; Svúgđe, svúgđe je bilo drugácie, a u Albániju; Já sam óstao nájstarii sád u kúću* (Rre06, ПМА 185, 2021); *Ni u Patós néma* (Rre04, ПМА 160, 2021); *U Ítaliju su mi dvá... trí sína i đévojka u Ítaliji; Póšli da ídu u Túrskoj* (Bor17, ПМА 166, 2021). Стертость границ в оппозиции место / направление характерна для многих штокавских говоров, находящихся в контакте с албанским, в том числе для новопазарско-сьеницких материнского ареала³⁶. В какой мере неразличение направления и места продолжают ситуацию, характерную для материнских ареалов (прежде всего в случае переселенческого диалекта Мюзекей), а в какой продиктованы влиянием албанского языка, покажет дальнейший статистический анализ и сравнение наших записей и опубликованных материалов по материнским ареалам;

г) использование предлога *s(a)* + твор. п. в контекстах, характерных для беспредложного инструментала: *od Stámbola su dóšli u Vljóru s bródom; prófesor što se bávi sa istórijom; íma ljúdi, se bávu sa foljkljórom* (Rre06, ПМА 185, 2021), что также имеет структурное соответствие в албанском, где в отсутствие инструментала используется предложная конструкция *me* 'с' + вин. п.³⁷;

д) предложно-падежная конструкция *na* + вин. п. маркирует адресат наряду с беспредложным дативом: *Da stávimo íme na déte málo* (Rre04, ПМА 146, 2021)³⁸; *Da prikáže na njú, tó je mílo na njú ... zašo óna je devójka; Dá poverúješ na njéga; Óna víka na méne ága* (Rre04, ПМА 185, 2021); *Štá bi se nósilo na právo dijéte...* (Bor18, ПМА 166, 2021);

е) использование предлога *u* + род. п. вместо предлога *kod* при указании на направление движения в сторону какого-либо лица или нахождение на его территории, регулярно встречается у информантов из области Шияка: *táko sam jédnu nóć u séstre ótišo na véčeru* (Bor15, ПМА 164, 2021); *U nédjelju se ženili, u ponédjeljak ótišla u májke; Ón će óstaviti rád pa da dóđe ú mene na vesélju* (Bor16, зап. 166); *sin sínovski, što će dóć sád da rúče ú mene* (Bor17, ПМА 166, 2021);

ж) употребление двойных предлогов при обозначении направления³⁹ или временного интервала: *Pa móžda i trí dána je bílo. Ot četvrtak od do u nedélju* (Rre04, ПМА 185, 2021); *ídeš za u grádu ali u tój néšto máalo daléko to;*

³⁶ См.: Баряктаревић Д. Новопазарско-сьенички говори... С. 120.

³⁷ Аналогичные конструкции отмечаются в центральногерцеговинских диалектах (Ресо А. Govori istočne i centralne Hercegovine. С. 349); их использование в переселенческом диалекте требует отдельного рассмотрения.

³⁸ Ср. аналогичное предложение с дат. п.: *Da túrimo íme detétu* (Pet01, ПМА 146, 2021).

³⁹ Употребление двойных предлогов *za u* + вин. п при глаголах движения встречается также в говорах материнских ареалов: *Spremat se za u selo*, см.: Баряктаревић Д. Новопазарско-сьенички говори... С. 121.

idem za u Némačku u Berlínu kod sína (Rre04, ПМА 160, 2021), также имеющее структурное соответствие в албанском (ср. *për në qytet, për në Gjermani*)⁴⁰.

Для переселенческих штокавских диалектов Албании характерна местоименная реприза дополнения в виде сочетания клитики и ее полной формы: *Kat se mój dájo ožénio, pričó mi je i meni i séstri mójoj* (Vor16, ПМА 166, 2021); *Još za štá ve vás interesúje, štó bi da popíjete něšto? A méne me zaníma, tí sípski govóriš fíno* (Rre06, ПМА 185, 2021); *Eto tí pošálji méne iméjl, samo mi dáj méjl mene da ti pošáljem* (Rre01, ПМА 33, 2013). Двойное маркирование объекта встречается во многих штокавских диалектах⁴¹, где зависит от актуального членения предложения или наличия эмфазы. Границы этого явления и возможное влияние со стороны албанского языка (где также есть местоименная реприза) предполагается рассмотреть подробнее на материале корпуса.

В речи информантов привлекают внимание нерегулярные отступления от фиксированного порядка клитических элементов в предложении, характерного для говоров материнских ареалов. Клитики не занимают позицию после первого ударного элемента в синтагме, а примыкают к глагольной группе и меняют изначально жестко фиксированный порядок в цепочке: *Dóbar dán, májko, káko si, si se razbúdila, zdrávo i živo* (Rre04, ПМА 160, 2021); *I da né se poznáje, prímer, támo, pred zéta* (Rre04, ПМА 146, 2021); *Kér i óvde déte málo. I ón vídi káko íma óči i mi ti gléda žábu* (Rre04, ПМА 186, 2021); *Králj Zógu je pogínuo mi se číni... jer pobégo od Albánije* (Rre01, ПМА 33, 2013); *Kad je bílo Itálija, kad se raspúštílo, mi je písála májka méni* (Pet01, ПМА 146, 2021). Отметим, что показатель условного наклонения *bi* (грамматикализованный в качестве неизменяемой формы для других форм лица и числа; исходно форма 3.Sg вспомогательного глагола *biti* «быть») может встречаться в инициальной позиции в утвердительных предложениях⁴²: [NK: *Štá bi mu se désílo?*] *Pa, bi se désílo tó, prímer, ide mu céla gódina mu ide bédno* (Rre04, ПМА 160, 2021); *Zími níje ímalo prévos. Bi otíšli péši* (Rre04, ПМА 146, 2021); *E. Mí... mí je sašíli málo táme váme, bi je túrili málo*

⁴⁰ Обозначения дней недели в албанском исторически представляют собой субстантивированные генитивные формы и включают в себя связующий препозитивный артикль (ср. *e dielë* [НОМ.ИНДЕФ] «воскресенье»), склоняемый в косвенных падежах (*të dielën* [АСС.ДЕФ] «в воскресенье»; *deri të dielën* «до воскресенья»). Мы предполагаем, что использование двух предлогов в конструкциях типа *do u nedëlju* можно рассматривать как результат генерализации штокавской предложно-падежной конструкции с предлогом *u* как формы общего косвенного падежа и ее использование с другими предлогами. Корпус славянских диалектов Албании позволит проверить эту гипотезу.

⁴¹ Например, *Ibid.*, С. 112; *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. С. 164; *Милорадовић С.* Дијахрони и синхрони аспект... С. 366–367.

⁴² Это отмечается также в говорах материнского ареала *Барјактаревић Д.* Новопазарско-сјенички говори... С. 120. *Вельовић Б.* Глаголски систем говора. С. 372–382.

ódenake, pamúk ose víne; Óni bi mu kúpili jédan kostúm. Bi mu kupili i bi zóvnuli jédnu večéru (Pet01, ПМА 146, 2021). Наиболее регулярные нарушения правила расположения клитических элементов в цепочке встречаются в идиолекте одного информанта из с. Пет-Либофша (Rre04), чей индивидуальный языковой опыт, с его слов, включал в себя продолжительный контакт с носителями юго-восточных македонских диалектов.

Употребление аналитической *da*-конструкции на месте форм инфинитива (как после модальных и неполнозначных глаголов со значением побуждения, желания, долженствования, так и в составе форм будущего времени типа *će + da +* настоящее время, которые конкурируют с вариантом *će +* инфинитив) встречается как в материнских ареалах⁴³, так и в переселенческих штокавских диалектах: *káko ću da zaborávim; Hóš da trážiš múža vámo kód nas?; Svěkrva je ostávi da šedí, ne dá joj da rádi* (Pet01, ПМА 146, 2021); *sámo rúski smo mógli da pričámo; Mórao e da púšti zémľju; Ví ne mórete da sfátíte kákaf je bio život u Albániju; A óna naučila, bila u škólu, mórala da nauči; Tréba da se pážim, ima púno ľjúi i něko će iskazát něšto* (Rre06, ПМА 185, 2021); *Já ću vas upóznat s ónim stárim čóvjekom; tréba čóvjek da ćúva sébe; Talijáni neće da ráde tó, i ómladina náša radi, náša ómladina óće da žívi* (Bor16, ПМА 166, 2021). Предварительное исследование⁴⁴ на основе речи трех информантов из с. Пет-Либофша показывает радикальное сокращение использования инфинитива (в выборке из 10 000 словоформ, ок. 1,5 часов): если в материнском ареале он используется довольно часто⁴⁵, то в переселенческом диалекте он оказался замещен *da*-конструкциями почти во всех случаях и встретился всего два раза, оба в петрифицированной конструкции *móre bit* «может быть».

Заключение

Записи экспедиции 2021 г., сделанные в областях Шияк и Мюзекя, где компактно расселены носители переселенческих штокавских диалектов из Санджака и области Мостара, показывают значительное влияние албанского языка в области морфосинтаксиса и синтаксиса. Прежде всего заметна анализация морфосинтаксической системы диалектов, что на структурном уровне сближает их с языками балканского типа. Иными словами, собранные нами материалы позволяют наблюдать за балканизацией исходно не-балканских славянских диалектов.

⁴³ Барјактаревић Д. Новопазарско-сјенички говори... С. 103-104; Вельовић Б. Глаголски систем говора... С. 387-419; в обеих работах отмечается, что инфинитив является продуктивной формой в новопазарско-сьеницких говорах и замещение *da*-конструкцией происходит медленнее, чем в других сербских диалектах.

⁴⁴ Makartsev M. Infinitive reduction... P. 45-60.

⁴⁵ Хотя и имеет слабую тенденцию к замещению *da*-конструкциями, как показало сравнение диалектных записей из Санджака 1940-1950-х гг. и 2010-х гг.

Изменения в структуре диалектов носят как качественный, так и количественный характер. С одной стороны, под влиянием албанского языка расширяется набор контекстов, в которых возможно употребление структур, регистрируемых также в диалектах материнских ареалов, а также возникают новые структуры. С другой — при наличии синонимичных конструкций в материнских ареалах варианты, поддерживаемые албанской языковой системой, становятся основными, а не поддерживаемые — вытесняются и значительно сокращают частоту употребления. Наблюдаемые тенденции предполагается в дальнейшем проследить на основе корпуса славянских диалектов Албании.

Приложение

Образцы текстов

1. Кукушка (ПМА 160, 2021)

Rre04: Kukávica dá.

MM: Kád, (0.9) kád je čúješ za prvi pát, prvi pút u próljeće?

Rre04: U próljeće u pét máj. <...>

MM: Šta moraš (0.4) da uradiš?

Rre04: Paa, u péti máj tó mu ne (0.3) óna ókolu (0.5) sédam sáati (0.4) óna počne da, da kúka.

MM: Újutru ili úveče?

Rre04: Od... Újutru. I pósle cíó dán. (0.9) í pósle drúgi dán áli, ónaj dán... Óna štó zná prímerno (0.6) štá tréba da káže kukávica, (0.9) óna májka štó je zdráva i dóbra u pámet... Óna (1.1) stáne ot sána od četiri sáti u sábah. Te prigotóvi něšto (0.7) da se ránu, (0.7) uštípke áli štá móže prímer něšto mu né (0.6) dóbro i lésno to da, da ráni fámilu, da ráni décu. I da káže štó, „Da né te uhváti óna kukávica gláden”. Kukávica gláden.

MM: I na vaše bi se réklo óvako da ne te ufáti kuká- kukávica?

Rre04: Da si, da ímaš trǔbu púno. I (0.4) tó váži pósle, tó váži pósle za célu gódinu (0.5) zášto tí, tí si gónio kukávicu. Nek- stojí óna, óna takó nek-, néka kúka óna <нрзб> (0.3) u drǔvce ali gdé óna cíó dán néka kúka óna. Já sam, já ímam trǔbuh púno. (0.7) Jéo sam. Razúmiš?

MM: A da li bi se réklo, kad si pójeo, kad si čúo kukávicu, da li bi se réklo něšto ónoj kukávici?

Rre04: Pa nékoj (0.4) príča prímer, „Ájde, (0.8) da lípšeš”, prímer, „támo u zémel’u”, áli „u drǔvo”. „Já sam se najéo”.

MM: Ájde da lípšeš.

Rre04: Da lípšeš, dá. <...>

MM: Áko čóvjek nije ništa jéo ali je čúo kukávicu pétoga mája. Štá bi to znáčilo?

NK: Štá bi mu se désilo?

Rre04: Paa, bi se désilo tó, prímer, íde mu (1.0) céla gódina, mu íde bédno.

MM: Mhm, céla gódina bédno.

Rre04: Dá, céla gódina mu ide bédno. Íde prímer u póso, ide cío dán, tó, ón stojí gláden. Néma, né, né mu se náde u kúcu, u stán, néma (0.4) jádenje, néma (0.8) jélo, néma níšta. Zašto óna (0.6) dónila mu (0.7) bédnici. U kúcu.

2. Гадание на картах (ИМА 164, 2021)

Bor15: Né, táko sam jédnu nóč u séstre ótišo na večeru, da sjédim u séstre, zájedno z žénom, i jédemo, pijemo (0.6) úvečer, i réče mi séstra, „hóš mi vídat“, káe, „jédnom kárte?“ „Nóč nam níje dóbra da vídimo na kárte“. Kat je nóč, (0.6) né treba da ótváraš kárte.

MM: Ne' treba šta'?

Bor15: É. Kárte, kárte, štó sam glédao ná karte, znáš? É. I óna me móli „Néću, mój, záspat, nísi mi níkad méni otvório“. „Pa némoj mo-, mólim tébe, níje dóbro, nóč je“. Níje dóbro. Ód ne otvóriše se prví pút, ne otvóriše se drúgi pút, tréci pút, néče, tréci pút se, tó je, níje dóbro kad se ótvoru. (2.7) Vídi, vídi, vídi, glédaj, glédaj, glédaj, glédaj, glédaj, gle-, i já vídeo, znáš? I ódma prva kárta ízađe smrt. Da će úmret néko (0.4) brízo, znáš? Ódma prva kárta. Já joj kážem, „vídi bré, stóga néću da ótvaram móre“. „Níje s naše stráne da će úmret néko, sa, od čóvka, čóveka tvóga, úmreće néko“, od njégovíje. S naše stráne néče úmret. I (0.6) blízu je (0.25) ná sat da će úmret“. Mí smo šédili tú do, kólko, dvá (0.7) pónoći, dvá sáta. Kúci kósa čétri, čétri i po, úmro mu, brát bijáše (0.7) zétu. Brát. I kážem njój, kážem, „bólje da nísam glédao“.

3. Граница (ИМА 160, 2021)

Bor28: Táki je sístem bío, ódeše do dvánes, na gránicu u Bóžaj, ízlazi ((0.4)) mója májka. „Séstra váša, támo dájdžija, séstra váša, évo, ód boga dóšlo“, réko, „nákon pét gódina iz hárema, iz zémlje da se dížeš, pá da se sástanete“, trídését i tréće gódine rástaju se, sát je sedamdését i ósma“, četóres i pet gódina nísu se vídali. Í pét kófera (1.4) nápunili mí své na ovámo, trí čúvála, vréče vi réknete, nápunili, pedését bóca ováko „Skénderbega“, pedését bóca, já rákíje „Maskát“, trí lítra u Dájtu u Tiránu. Tú je bílo nó... tú je bílo sámo za turísta, jók, jók za drúgíje, to je sád sámo za turísta bílo. Da odnésem óno své što je nájljefše, da né reknu, „Éto cigáni dóšli iz Álbáníje, glédaju da im se něšto dáдне“. A nísмо cigáni, já sam, (1.0) kážem ti, u svákóm sam džépu ímo pára, já čétri pét zanáta vázda, sámo nék pródem váko, néko će me zóvne „hájd otkíni jédan džám, stáкло“, „háj nápravi bráve“, „háj onó“, ja sam svášta, „háj strúju“, šta gód hóčeš, zlátne rúke, vjéruj, zlátne rúke. I óni se óno prébroše, potpísaše, i kážu, „Sát métnite náko káko su bíle, sad né mere se óno narédít, óno je bílo své“. (0.4) Íme, prézíme, óno kó gléda óno je zápetljano bílo, „um- úmetnite táko, pa nek rádu támo štá gód hóče“. Dódoše dvíje žéne, jámiše májku mi, zatvóriše se u jédnu sóbu. Ízađe májka hódera káže méni, „Ha, já néću íci!“ „Štá bóna príčaš?“ „Néma šánse da ídem, u zémľu púkni, zatrpaj me ódma, já néću otíci“. „Pa k- štá je káko je nib-“. Néče da káže níkako, néče da káže níkako, sáhat čekáli. „Ónda“, réko, „sád cémo názad“, réko, „pá cémo se úbit i já i tí u pútu támoka“, réko.

Информанты

Код	Пол	Год рожд.	Место рождения	Место проживания	Образование	Род деятельности
Bor04	М	1935	Borake	Borake	3 класса	работник порта, сейчас на пенсии
Bor15	М	1957	Borake	Sukth	7 классов	музыкант
Bor16	М	1949	Borake	Sukth	7 классов	разнорабочий, строитель
Bor17	F	1949	Borake	Sukth	7 классов	крестьянка
Bor18	М	1969	Borake	Sukth	7 классов	работник порта
Bor28	М	1947	Borake	Sukth	7 классов	авторемонтник, отельер
Pet01	F	1940	Petovë	Hamil	4 класса	крестьянка
Rre01	М	1968	Rreth Libofsha	Rreth Libofsha	среднее	бизнесмен
Rre04	М	1957	Rreth Libofsha	Rreth Libofsha	7 классов	строитель, разнорабочий
Rre06	М	1951	Rreth Libofsha	Fier	7 классов	бизнесмен

Источники

- ПМА 33, 2013: М. М. Макарецев. Полевые материалы автора, с. Рет-Либофша. История села, мемораты, народная мифология, свадьба. Запись 33, 2013 г.
- ПМА 95, 2020: М. М. Макарецев, А. Вянянен, Н. Мухайм. 2020. Полевые материалы автора, с. Бораке. История села, мемораты, народная мифология, свадьба. Запись 95, 2020 г.
- ПМА 146, 2021: М. М. Макарецев, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Хамиль. Мемораты, народная мифология, свадьба, родинная обрядность, кукушка. Запись 146, 2021 г.
- ПМА 160, 2021: М. М. Макарецев, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Рет-Либофша. Кукушка. Запись 160, 2021 г.
- ПМА 161, 2021: М. М. Макарецев, Н. И. Кикило 2021, 2021 г. Полевые материалы авторов, с. Сукт. Воспоминания. Запись 161, 2021 г.

- ПМА 162, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Сукт. Воспоминания. Запись 162, 2021 г.
- ПМА 164, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Сукт. Луна. Свадьба. Запись 164, 2021 г.
- ПМА 185, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, г. Фиер. История сообщества славян-мусульман Мюзеккеи, воспоминания, свадьба. Запись 185, 2021 г.
- ПМА 186, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, г. Фиер. История сообщества славян-мусульман Мюзеккеи, воспоминания. Запись 186, 2021 г.

Литература

- Барјактаревић Д.* Новопазарско-сјенички говори // Српски дијалектолошки зборник. Београд: Српска академија наука и уметности, 1966. Књ. 16: Расправе и грађа / ур. М. Стевановић. С. 1–178.
- Вельовић Б.* Глаголски систем говора Тутина, Новог Пазара и Сјенице — облици и употреба. Докторска дисертација, Крагујевац, 2016.
- Голоборда (Gollobordë), Албанија. Из материјалов балканској експедицији РАН и СПбГУ, 2008–2013 / под ред. А. А. Новика, А. Н. Соболева. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013. (Materialen zum Südosteuropasprachatlas, 6.)
- Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад: Матица Српска, 1956.
- Макарецв М. М.* Глаголни вид в македонском дијалекте Бобоштици-Дренови и албанско-славјанские контакти // *Biblioteca di Studi Slavistici* (в печати).
- Макарецв М. М.* Этюды к балканскому бестиарию: кукушка // *Живая старина*. 2017. Т. 95. № 3. С. 46.
- Макарецв М. М.* Язык славян-мусульман Эльбасана: постановка вопроса // *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность* / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 197–214.
- Милорадовић С.* Дијахрони и синхрони аспект аналитичких појава у српским народним говорима // *Зборник Матице српске за славистику*. 2007. Књ. 71–72. С. 357–375.
- Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 7. №. 2. С. 258–302. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.10>
- Новик А. А., Резван Е. А.* Ислам на Балканах: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. Ч. 1: Обряды перехода и семейная обрядность: рождение, обрезание.
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.
- Соболев А. Н.* Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // *Јужнословенски филолог*. 1990. № 41. С. 13–28.

- Чѣха О. В.* Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: Луна и лунное время (этнолингвистический аспект): автореферат дис. ... канд. фил. наук. М., 2009.
- Hentschel G., Zeller J.-P.* Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien // Wiener Slawistischer Almanach. 2012. № 70. С. 127–155.
- Giesel Ch.* “We speak a language which sounds a bit funny”: Characteristics of the South Slavic idioms of the Sandžak-Bosniacs in Istanbul (Turkey) // Endangered linguistic varieties and minorities in Italy and the Balkans / ed. by Th. Kahl, M. Genesis, G. Hempel. Vienna: Austrian Academy of Sciences (in print).
- Giesel Ch.* Etnički, društveni i sociolingvistički aspekti i stavovi i jezičke karakteristike kod iseljenih Bošnjaka sandžačkog porijekla u Istanbulu (Turska) // Drugi simpozij o bosanskom jeziku. Istraživanje, normiranje i učenje bosanskoga jezika — dosadašnji rezultati, potrebe i perspektive. Sarajevo, 12–13. mart 2015 / ur. A. Kalajdžija. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu; Institut za jezik, 2016. S. 563–601. (= Posebna izdanja, knj. 24.)
- Labov W.* Field methods of the project on linguistic change and variation // Language in use: Readings in sociolinguistics / ed. by J. Baugh, J. Sherzer. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984. P. 28–53.
- Makartsev M.* Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization // Linguistica Copernicana. 2021. № 18. P. 45–60. <https://dx.doi.org/10.12775/LinCop.2021.003>
- Mayer M.* Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog. New York: Dial Books for Young Readers, 1969.
- Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Ethics guidelines [Online]. URL: <https://www.eva.mpg.de/linguistics/past-research-resources/resources/ethics-guidelines/> (Accessed: 17.12.2021).
- Peco A.* Govori istočne i centralne Hercegovine. Sarajevo: Bosansko filozofsko društvo; Akademija nauka i umjetnosti BiH, 2007. (Izabrana djela / Asim Peco; knj. 1.)
- Peco A.* Ikavskoštokavski govori zapadne Hercegovine. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1986. (Dijela, 61; Odjelenje društvenih nauka, 35)
- Peco A.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd: Naučna knjiga, 1991.
- Schirmunski V.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germanistisch-Romanische Monatsschrift. 1930. № 18. S. 113–122; 171–188.
- Shehu N., Dizdari I., Duka L.* Boshnjakët e Shqipërisë dhe problemet e emigrimit të tyre në fund të shekullit XIX deri në krijimin e shtetit boshnjak // Ardhja dhe integrimi i boshnjakëve në Shqipëri 1875–1999 / red. H. Baçi. Tirana: Toena, 2001. F. 28–36.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SDA). München: Otto Sagner, 2007. Teil 1: Prespa — Vërnik — Boboshtica.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2008. Teil 2: Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2012. Teil 3: Gora.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2013. Teil 4: Vraka — Borakaj.

Stjepanović D. 'Perceived Co-Ethnics' and kin-state citizenship in Southeastern Europe // CITSEE Working Paper. 2013. № 26. P. 1–24. [Online]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2388698> (Accessed: 16.12.2021). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2388698>

References

- Barjaktarević, D., 1966. Novopazarsko-sjениčki govori [The Novi Pazar–Sjenica Dialects]. In: M. Stevanović, ed., 1966. *Srpski dijalektološki zbornik* [Serbian Dialectological Miscellany]. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti. Vol. 16: *Rasprave i građa* [Discussions and materials], pp. 1–178.
- Chěkha, O. V., 2009. *Novogrecheskaia leksika narodnoi astronomii v sopostavlenii s balkanoslavianskoi: Luna i lunnoe vremia (etnolingvističeskii aspekt)* [The Greek Lexis of the Folk astronomy Compared to Balkan Slavic: The Moon and the Lunar Time (an Ethnolinguistic Aspect)]. Avtoreferat dis. ... kand. fil. nauk. Moscow: Institute of Slavic Studies.
- Hentschel, G., Zeller, J.-P., 2012. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slawistischer Almanach*, 70, pp. 127–155.
- Giesel, Ch., (in print). “We speak a language which sounds a bit funny”: Characteristics of the South Slavic idioms of the Sandžak-Bosniacs in Istanbul (Turkey). In: Th. Kahl, M. Genesin, G. Hempel, eds, (in print). *Endangered linguistic varieties and minorities in Italy and the Balkans*. Vienna: Austrian Academy of Sciences.
- Giesel, Ch., 2016. Etnički, društveni i sociolingvistički aspekti i stavovi i jezičke karakteristike kod iseljenih Bošnjaka sandžачkog porijekla u Istanbulu (Turska). In: A. Kalajdžija, ed., 2016. *Drugi simpozij o bosanskom jeziku. Istraživanje, normiranje i učenje bosanskoga jezika — dosadašnji rezultati, potrebe i perspektive. Sarajevo, 12–13. mart 2015*. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu; Institut za jezik, pp. 563–601. (= Posebna izdanja, knj. 24.)
- Ivić, P., 1956. *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko narečje* [The Dialectology of Serbo-Croatian. An Introduction and Shtokavian Dialectal Area]. Novi Sad: Matica Srpska.
- Labov, W., 1984. Field methods of the project on linguistic change and variation. In: J. Baugh, J. Sherzer, eds, 1984. *Language in use: Readings in sociolinguistics*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, pp. 28–53.
- Makartsev, M. M., 2017. Etiudy k balkanskomu bestiariuu: kukushka [To the Balkan bestiary: A Cuckoo]. *Zhivaia starina*, 95 (3), p. 46.
- Makartsev, M. M., (in print). Glagol’nyi vid v makedonskom dialekte Boboshtitsy-Drenovy i albansko-slavianskie kontakty [The Verbal Aspect in the Macedonian Dialect of Boboshtica-Drenova and Albanian-Slavic Contacts]. *Biblioteca di Studi Slavistici*.
- Makartsev, M. M., 2014. Iazyk slavian-musul’man El’basana: postanovka voprosa [The language of Muslim Slavs in Elbasan: Posing a Question]. In: E. S. Uzenëva, ed., 2014. *Slaviane-musul’mane na Balkanakh: iazyk, kul’tura, identichnost’* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, Culture, Identity]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 197–214.

- Makartsev, M., 2021. Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization. *Linguistica Copernicana*, 18, pp. 45–60. <https://dx.doi.org/10.12775/LinCop.2021.003>.
- Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. *Ethics guidelines* [Online]. Available at: <https://www.eva.mpg.de/linguistics/past-research-resources/resources/ethics-guidelines/> (Accessed: 17.12.2021).
- Mayer, M., 1969. *Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog*. New York: Dial Books for Young Readers.
- Miloradović, S., 2007. Dijahroni i sinhroni aspekt analitičkih pojava u srpskim narodnim govorima [Diachronic and Synchronous Aspect of Analytical Phenomena in Serbian Popular Dialect]. *Review of Slavic Studies Published by Matica srpska*, 71–72, pp. 357–375.
- Morozova, M., Rusakov, A., 2018. Chernogorsko-albanskoe iazykovoe pogranič'e: v poiskakh "sbalansirovannogo iazykovogo kontakta" [Montenegrin-Albanian linguistic border: In search of "Balanced Language Contact"]. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 7 (2), pp. 258–302. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.10>
- Novik, A. A., Rezvan, E. A., 2019. *Islam na Balkanakh: uchebnoe posobie* [Islam in the Balkans: A tutorial]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Part 1: *Obriady perekhoda i semeinaia obriadnost': rozhdenie, obrezanie* [Rites of Passage and Family Rituals: Birth, Circumcision].
- Novik, A. A., Sobolev, A. N., eds, 2013. *Goloborda (Gollobordë), Albaniia. Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU, 2008-2013* [Goloborda (Gollobordë), Albania. From the materials of the Balkan expedition of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University, 2008–2013]. Saint Petersburg: Nauka; Munich: Otto Sagner. (Materialen zum Südosteuropasprachatlas, 6.)
- Peco, A., 2007. *Govori istočne i centralne Hercegovine*. Sarajevo: Bosansko filozofsko društvo; Akademija nauka i umjetnosti BiH, 2007. (Izabrana djela / Asim Peco; kj. 1.)
- Peco, A., 1986. *Ikavskoštakavski govori zapadne Hercegovine*. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. (Dijela, 61; Odjelenje društvenih nauka, 35.)
- Peco, A., 1991. *Pregled srpskohrvatskih dijalekata*. Belgrade: Naučna knjiga.
- Plotnikova, A. A., 2009. *Materialy dlia etnolingvističeskogo izučeniia balkanoslavianskogo areala* [Materials for ethnolinguistic study of the Balkan Slavic area]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN.
- Schirmunski, V., 1930. Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten. *Germanistisch-Romanische Monatschrift*, 18, pp. 113–122; 171–188.
- Shehu, N., Dizdari, I., Duka, L., 2001. Boshnjakët e Shqipërisë dhe problemet e emigrimit të tyre në fund të shekullit XIX deri në krijimin e shtetit boshnjak. In: H. Baçi, ed., 2001. *Ardhja dhe integrimi i boshnjakëve në Shqipëri 1875–1999*. Tirana: Toena, pp. 28–36.
- Sobolev, A. N., 1990. Zametki o padezhnykh sistemakh serbokhorvatskikh govorov kontaktnykh zon [Notes About the Case Systems of Serbo-Croatian Dialects of the Contact Zones]. *Južnoslovenski filolog*, 41, pp. 13–28.

- Steinke, K., Ylli, Xh., 2007. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SDA)*. München: Otto Sagner. Teil 1: *Prespa — Vërnik — Boboshtica*.
- Steinke, K., Ylli, Xh., 2008. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. München: Otto Sagner. Teil 2: *Golloborda — Herbel — Kërçishtit i Epërm*.
- Steinke, K., Ylli, Xh., 2012. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. München: Otto Sagner. Teil 3: *Gora*.
- Steinke, K., Ylli, Xh., 2013. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. München: Otto Sagner. Teil 4: *Vraka — Borakaj*.
- Stjepanović, D., 2013. 'Perceived Co-Ethnics' and kin-state citizenship in Southeastern Europe. *CITSEE Working Paper 26*, pp. 1–24. [Online]. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2388698> (Accessed: 16.12.2021). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2388698>
- Veljović, B., 2016. *Glagolski sistem govora Tutina, Novog Pazara i Sjenice — oblici i upotreba* [The verbal system of the dialect of Tutin, Novi Pazar, and Sjenica: Forms and their use]. Doktorska disertacija. University of Kragujevac; Faculty of Philology and Arts.

Д. Н. ТИХОБРАЗОВ
«БЛИЖАЙШЕЙ ЦЕЛЮ МОЕЙ БЫЛО ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ СЛУЖЕНИЯ УКРАИНСКОМУ СЕПАРАТИЗМУ».
ВОСПОМИНАНИЯ О СОБЫТИЯХ НА УКРАИНЕ
В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 Г.

Андрей Владиславович Ганин

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Аннотация

Материал представляет собой первую публикацию отрывка из воспоминаний полковника Д.Н. Тихобразова о событиях на Украине в конце 1918 — начале 1919 г. Воспоминания хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. В публикуемом фрагменте описано вынужденное поступление мемуариста на службу в армию Директории Украинской народной республики и отказ от этой службы. Воспоминания позволяют понять, каким было отношение ориентированных на белых офицеров к петлюровцам, какие порядки царили в украинских войсках, в том числе в вопросах дисциплины. Мемуары содержат бытовые зарисовки украинской жизни времен германской оккупации.

Ключевые слова

Гражданская война, революция, Украина, офицерство

Статья поступила в редакцию 23 мая 2022 г.

Цитирование: *Ганин А. В.* Д. Н. Тихобразов. «Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму». Воспоминания о событиях на Украине в конце 1918 — начале 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 142–159. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.08>

**DMITRY TIKHOBRAZOV:
“MY IMMEDIATE GOAL WAS TO GET OUT
OF SERVING UKRAINIAN SEPARATISM”.
REMINISCENCES ABOUT THE EVENTS IN UKRAINE
IN LATE 1918 – EARLY 1919**

Andrey V. Ganin

D. Sc., Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Abstract

This article introduces previously unpublished memoirs of Colonel Dmitry Nikolaevich Tikhobrazov about the events in Ukraine between late 1918 and early 1919. These memoirs are stored at the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture at Columbia University in New York. The published fragment describes the attempted conscription of the memoirist to serve in the army of the Ukrainian People’s Republic Directory and the refusal of this service. These memoirs give us an insight into the attitude of white-oriented officers to the Petliurists and into what orders were issued to the Ukrainian troops, including in matters of discipline. The memoirs contain everyday sketches of Ukrainian life during the German occupation.

Keywords

Russian Civil War, revolution, Ukraine, officers

Received 23 May 2022

How to cite: Ganin, A. V., D. N. Tikhobrazov. “Blizhaishei tsel’iu moei bylo izbavit’sia ot sluzheniia ukrainскому separatizmu”. *Vospominaniia o sobytiiakh na Ukraine v kontse 1918 — nachale 1919 g.* [Dmitry Tikhobrazov: “My Immediate Goal Was to Get out of Serving Ukrainian Separatism”. Reminiscences about the Events in Ukraine in Late 1918 — Early 1919]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (1–2), pp. 142–159. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.08>

Полковник Дмитрий Николаевич Тихобразов (23.06.1886 — 20.12.1974) прожил долгую жизнь и, оказавшись в эмиграции, написал объемные воспоминания о пережитом в России в начале XX в. Эти воспоминания хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. В них описана служба автора в русской императорской армии, его участие в Первой мировой и Гражданской войнах. Особую ценность воспоминаниям придает то, что в годы Первой мировой войны Тихобразов служил в Ставке верховного главнокомандующего и оказался очевидцем многих важных событий оте-

чественной истории¹. Однако не менее интересны и дальнейшие воспоминания. В частности, о пребывании мемуариста на Украине в 1918–1919 гг.

Ниже в полном объеме публикуется глава 18 воспоминаний Тихобразова, которая носит название «У петлюровцев (середина декабря 1918 г. — начало января 1919 г.)». Особенностью мемуаров Тихобразова является наличие в них объемных примечаний самого мемуариста (под названием — Приложение), цитирующего различные документы. При подготовке публикации они были вынесены в соответствующие сноски. Большая часть приложений к публикуемой главе посвящена императорской семье и письмам императрицы Александры Федоровны Николаю II о родственниках Тихобразова, прежде всего, о его кузине — Лили Ден. Цитируемые автором письма императрицы, в которых та интересовалась лишь бытовыми мелочами и суевериями, показывают, с точки зрения мемуариста, ее обывательское сознание.

Д. Н. Тихобразов окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1903), Михайловское артиллерийское училище (1906) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1913). Служил в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде и, несомненно, был носителем особого гвардейского мировоззрения². Тем более, что родные офицера (в частности, его кузина Ю. А. фон Ден, о которой пойдет речь в публикуемом фрагменте воспоминаний) были близки к царской семье. В годы Первой мировой войны, как уже говорилось, Дмитрий Николаевич служил в Ставке верховного главнокомандующего. По характеристике генерала П. С. Махрова, это был «талантливый, тактичный и умный офицер Генерального штаба, [который] пользовался доверием и уважением генерала [М. В.] Алексеева»³. Генерал С. А. Щепихин, знавший Тихобразова по штабу 3-й армии, считал, что это был «очень милый и симпатичный, до невероятности тихий и безобидный человек»⁴.

К началу Гражданской войны Тихобразов выслужил чин подполковника. Некоторое время с родителями и братом он спокойно прожил в городе Валки Харьковской губернии, но когда на Украине началось антигетманское восстание, а затем и советское наступление, избежать вовлечения в конфликт стало практически невозможно. В декабре 1918 г. Тихобразов получил приказание явиться в штаб главнокомандующего Левобережным фронтом войск Директории Украинской народной республики (УНР) П. Ф. Болбочана, находившийся тогда в Кременчуге.

¹ См., напр.: Ганин А. В. Могилев. Ставка. Генерал на штыках // Родина. 2021. № 8. С. 108–111.

² Подробнее об этом периоде службы Тихобразова см.: Черная книга. Дневники гвардейского офицера В. С. Савонько. 1899–1909 / Сост. А. И. Алексеев и др. М.: Индрик, 2019.

³ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University. P. S. Makhrov Collection. Box 4. Тетрадь 4. С. 342.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 1. Л. 97.

В период Директории начались преследования бывших русских офицеров, оказавшихся на подконтрольной новым украинским властям территории. П. Ф. Болбочан, который сам ранее служил в старой армии (последний чин — капитан), имел репутацию командира, понимавшего необходимость привлечения на службу опытных командных кадров. Иного источника таких кадров, кроме бывших русских офицеров, тогда не существовало. Среди прочих приглашение на службу как опытный генштабист получил и Д. Н. Тихобразов. Такой подход раздражал украинских политических деятелей националистического толка⁵. С другой стороны, Болбочан выступал противником каких-либо соглашений с большевиками, тогда как социалисты из Директории вели с ними переговоры на предмет легализации коммунистической партии на Украине. Болбочана, который не стремился сотрудничать с демократической общественностью и революционными организациями, они считали реакционером. Высказывались подозрения в том, что он даже стремился объединиться с белыми. Впрочем, конкретных доказательств этому не было. Популярный военачальник вызывал опасения и как потенциальный военный диктатор. В дальнейшем на фоне ухудшавшегося положения на фронте конфликт Болбочана с правительством обострялся. В итоге в январе 1919 г. Болбочан был снят с должности и арестован. Впоследствии по приказу главы Директории С. В. Петлюры его судили⁶. Суд вынес расстрельный приговор, который затем был приведен в исполнение.

В публикуемом отрывке описано вынужденное поступление Тихобразова на службу в армию УНР и отказ от этой службы. Воспоминания позволяют понять, каким было отношение ориентированных на белых офицеров к петлюровцам, какие порядки царили в украинских войсках, в том числе в вопросах дисциплины. Мемуары содержат бытовые зарисовки украинской жизни времен германской оккупации, описывают столкновения украинских войск с германскими войсками и в целом передают дух эпохи.

В дальнейшем Тихобразов покинул Украину и примкнул к белым. Служил в Вооруженных силах на Юге России (ВСЮР), а позднее в сформированной на их основе Русской армии. Являлся штаб-офицером для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР. Был произведен в полковники. Эвакуировался в Турцию. Впоследствии перебрался во Францию. Состоял в Обществе офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Жил и умер в Каннах.

Следует учитывать, что мемуары были написаны Тихобразовым через много лет после событий и содержат разного рода ошибки и неточности.

⁵ Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ: Темпора, 2004. С. 43.

⁶ Там же. С. 254–256.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

*Вступительная статья,
публикация и примечания
А. В. Ганина*

Глава XVIII

У петлюровцев

(середина декабря 1918 г. — начало января 1919 г.).

Из воспоминаний Генерального штаба полковника Тихобразова

Узнав, что штаб главнокомандующего войсками Левобережной Украины находится в Полтаве, я еду туда и прибываю ночью. Мне остается только ждать рассвета на вокзале⁷, что я и делаю, расположившись спать на одной из вокзальных скамеек под открытым небом. Морозило сильно, но от холода спасают меня мое толстое офицерское ватное пальто и шлем из верблюжьей шерсти, которым перед отъездом снабдил меня брат⁸.

Встав рано и узнав, что штаб главнокомандующего находится еще в Кременчуге, так как предназначенные ему в Полтаве помещения еще не подготовлены для их занятия, с утренним поездом еду я в Кременчуг.

Приехав, являюсь [к] генерал-квартирмейстеру атаману Рейхенбергу⁹. Тот радушно встречает меня и ведет представить меня «по начальству».

Главнокомандующий войсками Левобережной Украины атаман Болбочан¹⁰ незадолго перед революцией был штабс-капитаном одного из пехотных полков императорской армии. Он представился моим глазам в виде молодого стройного офицера, одетого «с иголочки» в щегольскую затейливую форму, отличавшуюся от русской некоторыми красочными частностями,

⁷ Город находился далеко от вокзала (*примеч. Д. Н. Тихобразова*).

⁸ Тихобразов Николай Николаевич (1884-?) — полковник. Служил во ВСЮР и в Русской армии.

⁹ Тихобразов неточен. Речь идет о начальнике штаба Левобережного фронта армии УНР полковнике Богдане Николаевиче Гейденрейхе (1888-?), который не был офицером Генерального штаба. В 1919 г. он был арестован вместе с П. Ф. Болбочаном. Позднее служил во ВСЮР. Выражаю благодарность канд. ист. н. М. А. Ковальчуку за это уточнение.

¹⁰ У Тихобразова в ряде случаев ошибочно — Болобочан. Болбочан (Балбочан) Петр Федорович (05.10.1883 — 28.06.1919) — полковник украинской армии. П. Ф. Болбочан в ночь на 16 ноября 1918 г. поднял восстание против гетмана в Харькове, после чего выдвинулся к Полтаве. Главнокомандующий Левобережным фронтом войск Директории (с 17.11.1918). Прототип полковника Болботуна из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия».

напоминавшими опереточные формы¹¹. Она ему, видимо, очень нравилась, и он в ней заметно рисовался.

Начальником его штаба был скромного и положительного вида атаман Шидловский, на год старше меня по Михайловскому артиллерийскому училищу. Насколько я помню, в училище он себя ничем особенным не проявил, и, может быть, я теперь неправильно вспоминаю его фамилию.

Но это и неважно, так как с ним я имел лишь один разговор в день моего представления, который передаю дословно.

Первые обращенные ко мне слова были по-украински, на что я ответил по-русски, что на «украинской муве»¹² я не говорю.

Три атамана переглянулись. Рейхенберг встал и закрыл дверь комнаты, чтобы им можно было говорить со мной на русском языке.

– Вы поступили к нам добровольно? — обратился ко мне начальник штаба, который взял на себя вести разговор со мной.

– Если хотите, то добровольно, после заявления кошевого атамана, что если я утеку, то меня поймают и повесят, — ответил я с легкой улыбкой.

– Ну, не будем об этом говорить, — продолжал любезным тоном атаман. — А теперь вы ведь соглашаетесь у нас служить?

– На ваш вопрос я затрудняюсь ответить сразу. Полгода прожил я в деревне, вдали от политики¹³, и с политической обстановкой данного момента я совершенно не знаком. Позвольте дать вам ответ, ознакомившись с обстановкой.

– Может быть, ваше самолюбие задето тем, что мы все атаманы, а вас принимаем всего лишь войсковым старшиной¹⁴?

– Ну, этот вопрос не играет для меня особой роли.

– Тогда будем надеяться, что почва для нашего сотрудничества может быть найдена.

После этих слов мы все встали. Болбочан и его начальник штаба дружески пожали мне руку, а Рейхенберг повел меня в оперативное отделение представить мне моих двух помощников.

Они стояли перед столом с разложенной картой. Оба в русской форме, но без знаков отличия. На вид армейские строевые офицеры, скромные и подтянутые. Возраст их соответствовал чину штабс-капитана и поручика императорской армии. Фамилий их не помню.

¹¹ Подробнее об униформе украинских войск того периода см.: Тинченко Я. Ю. Армии Украины 1917–1920 гг. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. Болбочан был отстранен от командования фронтом, в том числе из-за наличия у его подчиненных погон, что интерпретировалось как симпатия к белым. В дальнейшем он был арестован и расстрелян.

¹² Здесь и далее — так в документе. Правильно — мове.

¹³ Д. Н. Тихобразов с родителями и братом некоторое время в 1918 г. проживал в городе Валки Харьковской губернии.

¹⁴ Атаман в украинских войсках соответствовал чину генерал-майора старой армии, войсковой старшина — чину подполковника.

Рейхенберг дал общий обзор военной обстановки. Я слушал его крайне рассеянно. Проведенная на морозе ночь, притом на скамейке, отразилась на моей голове, в которой шумело и ничего не задерживалось.

А между тем Рейхенберг, генерал-квартирмейстер, старался поставить «в курс дела» нового начальника оперативного отделения, которому атаману единогласно решили предоставить этот пост после того, как узнали, что в императорской Ставке он был помощником начальника оперативного отделения.

С нетерпением я ждал конца протекавшей мимо моих ушей ориентировки.

– Теперь вам надо пойти устроиться. Вот ордер на отвод вам гостиничного номера.

Я пошел в указанную гостиницу и передал ордер швейцару. Тот, поднявшись в номер, скоро вернулся и сообщил мне, что занимающая предназначенную мне комнату дама с маленькой девочкой умоляет меня позволить ей оставаться в номере хотя бы до полудня.

Я лично знал, что свободных номеров в городских гостиницах не было, и что реквизиция ее номера была равносильна выбрасыванию ее с ребенком на улицу. Поэтому я попросил передать даме, что от ее номера я отказываюсь, дабы она могла в нем оставаться.

Великодушие жеста навело меня на блестящую мысль.

Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму. Средством к тому представлялось мне мое увольнение «в домашнем порядке», как то удалось мне при взятии Ставки большевиками. А для этого мне надо было в самое короткое время завязать дружеские сношения с ближайшим начальником, в данном случае с атаманом Рейхенбергом.

Этому открывал¹⁵ дорогу мой отказ от выселения женщины с малым ребенком, сделанный из чисто гуманных соображений.

Прихожу к атаману в номер.

– Ну что, устроились?

– Нет, пришлось от номера отказаться.

И я изложил обстановку.

Рейхенберг занимал большую комнату. Задняя ее половина тяжелой портьерой, закрывавшей кровать, отделялась от гостиной, меблированной большим диваном, столом и двумя мягкими креслами по бокам. Рейхенберг был за портьерой, что позволило мне внимательно осмотреть комнату.

– Думаю, что у самого черствого человека не нашлось бы духа выбросить на улицу женщину с ребенком, тем более что оставаться в Кременчуге мы долго не будем, и что дело идет лишь о том, чтобы где-либо и как-либо провести ночь. Лично для меня какой-либо диван в углу был бы вполне достаточен.

¹⁵ В документе — открывало.

За портьерой Рейхенберг не видел, что глаза мои устремлены были на его диван.

Выйдя в гостиную, Рейхенберг заметил: «Вот здесь у меня свободный диван, только не знаю, подойдет ли он вам?»

Этого мне только и нужно было.

– Лучшего мне и не надо.

– Ну и отлично. Располагайте диваном.

Имея уменье и опыт завоевывать человеческие симпатии и располагать людей к себе, первый день моего пребывания в обществе Рейхенберга посвятил я установлению дружеских отношений между нами. С общих вопросов разговор переходил и на военные текущего момента, но я не мог удержать моего собеседника от сообщения мне ближайших военных целей. Против моей воли я все глубже и глубже погружался в украинскую тину. Надо было скорее приблизиться к драматической развязке, и лучшим моментом для объяснений счел я утро следующего дня: надо было обдумать план действий и соответственно их подготовить.

Когда утром Рейхенберг ушел купить себе провизии к утреннему чаю, я наскоро съел оставшийся у меня с дороги бутерброд и запил его водой, прежде чем мой сожитель вернулся в своей номер.

Рейхенберг развернул на столе свои покупки, между прочим, очень аппетитную ветчину.

– Можно ли вам предложить кусок ветчины? — дружески спросил меня атаман.

– Благодарствую, я уже успел закусить оставшимся у меня бутербродом.

– Поверьте, предлагаю вам по-товарищески и от чистого сердца. Бросьте ваши гвардейские привычки и перестаньте стесняться.

Я деланно замялся. Надо было до мелочей выдержать тон.

Рейхенберг вопросительно посмотрел на меня.

– Вы думаете, что я стесняюсь принять ваше угощение, не имея средств вам отплатить тем же. По существу, может быть, это и так, но главная причина лежит в другом.

– В чем же[?]

– Вы вынуждаете меня на полную откровенность. Извольте. Я не могу с чистым сердцем принять вашу хлеб-соль. Вы так сердечно, по-товарищески, приняли меня, а я с ужасом вижу, что не могу ответить вам тем же.

– Я вас не понимаю.

– Признаюсь вам откровенно, что служить с вами я не могу. Из ваших слов я узнал, что Украинская армия находится во враждебных отношениях с Добровольческой, и что между ними происходят кровавые столкновения. В Добровольческой армии служат мои бывшие начальники и сослуживцы, мои братья по духу, и идти против них я не могу.

Говорил я это искренно и большим чувством.

– Ваша откровенность благородна до дерзости. Но скажите мне на милость, почему вы это не сказали нам при первой встрече, и прежде чем мы не познакомили вас с нашим военным положением? Уж не шпион ли вы? В таком случае мы принуждены будем вас расстрелять.

– Вчера перед командным составом армии я доложил, что не могу дать окончательного ответа, прежде чем не ознакомлюсь с общей обстановкой. Конечно, с моей стороны было крайне неосторожно позволить вам поведавать ваши военные секреты, но они позволили мне правильно отдать себе отчет в происходящем и убедиться, что служить в украинской армии с моими убеждениями я не могу.

Что же касается вашего предположения, не шпион ли я, оно разрешается моим откровенным признанием. Будь я шпион, я бы всячески прикидывался вашим единомышленником, чтобы под личиной преданного усердия удобней изменять вам, сообщая ваши секреты вашим врагам и работая в пользу добровольцев.

– Ну, этого вам бы ни в коем случае не удалось бы! За вами был бы учрежден строгий негласный надзор.

– Но, повторяю вам, о соглядатайстве не может быть и речи. Ни один шпион не станет громогласно объявлять, что он шпион или что он идейный враг страны, которой он изменяет.

– Положим, вы правы. Что же, собственно говоря, хотите вы теперь от нас?

– Хочу, чтобы вы попросту меня отпустили, как это в свое время сделали со мной большевики. Чем же вы хуже большевиков?..

Рейхенберг молчал.

– Конечно, вы познакомили меня с вашим военным положением, но я вам даю мое честное слово, что останусь под вашим, если это необходимо, наблюдением месяц-другой. За это время обстановка изменится. Я же могу оставаться недалеко отсюда, живя в Крюкове¹⁶, у тетки моей жены, богатой помещицы Велецкой.

– Которой принадлежит Белецковка? Как, Велецкая — ваша родственница? Мы ее отлично знаем, она нас отменно принимала и отпустила нам из своего имения все, что было нам нужно. Очень милая особа ваша теттушка. Увидите ее, кланяйтесь ей от меня. А о вас сейчас пойду доложить главнокомандующему. Идите в штаб, где и дан вам будет его ответ.

Я отправился в штаб и скромно оставался ждать решения моей судьбы, стоя в приемной. Ждал довольно долго. Мимо меня прошел, не без рисовки, атаман Болбочан. Он не только не поздоровался со мной, но его взор скользнул по мне, как по пустому месту. Через некоторое время после него вышел и Рейхенберг.

– Решено вас не удерживать. Вы свободны.

¹⁶ Против Кременчуга, по другую сторону Днепра (примеч. Д. Н. Тихобразова).

– Искренно вас благодарю. Но уход мой от вас надо должным образом оформить, если вы искренно желаете меня отпустить. Не то — кто может поручиться, что меня не пристрелят «нечаянно» на первом же углу, или, что еще хуже, не заберут в ваши войска при новой мобилизации?

– Что же вы со своей стороны можете предложить?

– Как в моих, так и в ваших интересах надо придать моему уходу легальную форму. Отпустите меня в 2-х месячный по болезни отпуск, как то сделали большевики. Это оформит мое положение, да и у вас в штабе мой внезапный уход не вызовет никаких вредных толков.

– Отлично. Обратитесь от моего имени к штабному врачу, прося его выдать вам соответствующее медицинское свидетельство.

Пожав друг другу руку, мы расстались.

Между тем, как нарочно, в тот же день штаб Болбочана из Кременчуга переезжал в Полтаву. Это упростило вопрос моего сожительства с Рейхенбергом.

Прибыв в Полтаву, я, как ни в чем не бывало, получил ордер на реквизицию комнаты, на куске (неаккуратно оторванной) полусерой бумаги, на которой простым глазом можно было прочесть слова: «Тихообразов», «Алексенко», «Кірпічней» и две подписи: Хор[унжий] Бардачевский, а другая неразборчивая.

Бумажка носила бланк: Полтавський повітовий¹⁷ комендант. По части... 26 груд[ня]¹⁸ 1918 р.¹⁹ №1738. м.²⁰ Полтава.

Рассматривая в лупу, можно с трудом прочесть:

Старшина²¹ штабу Армії Лівобережної України Тихообразов.

Цим... що для Вас реквізовано 1 комнату в ква[р]т[ире] Алексенко на Кирпічней вулиці...

і.о.²² коменданта хор[унжий] Бардачевский

Коменданський есаул (подпись).

Я пошел на Кирпичную улицу и нашел, что дом Алексенко был в голове улицы и носил номер 4^и. Домик небольшой, одноэтажный, комната приличная, небольшая, но чистая. В ней могу спокойно жить до устройства моих частных дел. Питаться хожу в ресторан. Ношу военный френч без погон, но увешанный четырьмя орденами.

– Как не боялись вы их носить? — спросил меня кто-то год спустя, встретив меня на территории «Вооруженных сил Юга России».

– Не только не боялся, но чувствовал, что они давали мне некоторую безопасность.

¹⁷ Здесь и далее Д. Н. Тихообразов с ошибками воспроизводит украинский текст. Уездный (укр.).

¹⁸ Декабря (укр.).

¹⁹ Года (укр.).

²⁰ Город (укр.).

²¹ Офицер (укр.).

²² Речь идет об исполняющем обязанности.

Устроившись в Полтаве, обратился я к штабному военному врачу, «щиро-му»²³ украинцу. Передал ему просьбу генерал-квартирмейстера о выдаче мне медицинского свидетельства «на предмет увольнения в двухмесячный отпуск».

Уязвленный в своем самолюбии и профессиональном достоинстве, врач холодно мне ответил на «народной муве», что в моем внешнем виде он ничего болезненного не находит, а потому и осматривать меня не будет. Если же я страдаю нервами, то и другие не в лучшем состоянии. Если же начальство находит необходимым отпустить меня по болезни в отпуск, то того же заслуживают и остальные служащие штаба.

Не вступая в пререкания, я пошел к Рейхенбергу и передал ему о моем разговоре с[о] штабным врачом.

Вызвав штабного врача к телефону, Рейхенберг раздраженно стал говорить с ним, но врач был непоколебим. Рейхенбергу оставалось только прекратить бесплодный разговор, перешедший, видимо, на принципиальную почву.

— Знаете что? — сказал мне атаман, — вам следует обратиться к русско-му врачу. Здесь в *** военном госпитале русский; профессор Х²⁴. Обратитесь к нему. Он нас поймет и закидываться²⁵ не станет.

Разыскать в городе указанный госпиталь. Но встретить профессора все не удавалось. То он осматривал пациентов, то делал операции...

Наконец, мне как-то удалось перехватить его на пути в операционную комнату.

Конечно, встретил профессор меня словами: «Мне некогда, я тороплюсь». Узнав, что у меня «минутное» дело и что я обращаюсь к нему как русский к русскому, профессор выслушал мою просьбу, объясненную обстоятельствами, ее вызвавшими.

— Странные они люди. По служебной иерархии я как госпитальный врач подчиняюсь врачу штаба армии. Штаб же, минуя начальствующего врача, обращается к его подчиненному. Выходит, что я ставлюсь выше моего начальства.

— Меня штаб просил обратиться именно к вам. Это показывает только, насколько высоко стоит ваш личный авторитет.

Конечно, в моих словах было много лести, но, по существу, она была чистой правдой, приятной для профессора, а меня несколько не унижающей.

— Ну, пойдем, осмотр много времени не возьмет. А без него как могу я выдать вам свидетельство?

Мне было стыдно затруднять профессора, но он внимательно выслушивал, выстукивал, ударял молоточком мои колена, от чего нога высоко подскакивала...

²³ Истинному, настоящему (укр.).

²⁴ Не помню ни наименования полевого госпиталя, ни фамилии профессора (*примеч. Д. Н. Тихобразова*).

²⁵ Т. е. задаваться.

Одним словом, он подверг меня полному медицинскому осмотру.

– Не кривя душой, могу сказать, что ваша нервная система расшатана, и вам был бы очень полезен отдых.

И профессор изложил на бумаге все обнаруженные недочеты и вывел заключение о необходимости двухмесячного отпуска.

Я от души поблагодарил профессора и полетел в штаб.

Являюсь к Рейхенбергу и протягиваю ему свидетельство профессора. Атаман не скрыл от меня своего удовлетворения и повел меня к дежурному генералу, в котором узнаю я своего «однокашника» по Киевскому корпусу Выгановского²⁶.

Пока мне готовили «посвідчення»²⁷, я разговаривал с ним и Рейхенбергом. Когда вартовый атаман²⁸ Выгановский и голова загального виддилу²⁹ сотник Л. Ромар подписали мое удостоверение, Рейхенберг с большой любезностью передал мне его с пожеланием счастливого пути и с просьбой передать привет «любезной Екатерине Леонидовне Велецкой», к которой я, согласно уговору, отправлялся.

Переданный мне документ гласил:

Вартовый атаман
штабу
головнокомандуючого
арміями Лівобережної України
січня³⁰ 3 дня 1919 р.
№ 193
Дієва армія³¹
м. Полтава

Посвідчення

Пред'явник цього є дійсно військовий старшина Тіхобразів Дмитрій Миколаєвич прикомандірован до штабу армій Лівобережної України, звільнен мною по хворості в двухмісячний відпіск в[о] всі місця Української Народної Республіки, що підписом та додатком урядової печатки свідчиться³².

²⁶ Возможно, Выгоновский Фаддей Люцианович — штабс-капитан (впоследствии — подполковник).

²⁷ Свидетельство (укр.).

²⁸ Дежурный генерал (укр.).

²⁹ Начальник общего отдела (укр.).

³⁰ Января (укр.).

³¹ Действующая армия (укр.).

³² Свидетельство. Предъявитель сего есть действительно войсковой старшина Тихобразов Дмитрий Николаевич, прикомандированный к штабу армии Левобережной Украины, уволен мною по болезни в двухмесячный отпуск во все места Украинской народной республики, что подписями и приложением правительственной печати удостоверяется (укр.).

Следуют вышеуказанные подписи и приложена медная печать.

Перед отъездом захожу в оперативное отделение попрощаться с теми, кто должны были быть моими помощниками. «Скажите, пожалуйста, — обращается ко мне старший из них по-русски, — какого вы мнения о нашем военном положении?»

Мы подошли к оперативной карте, разложенной на столе.

— Буду с вами совершенно откровенным. На мой взгляд, положение войск Левобережной Украины безнадежно. Стоит только взглянуть на их расположение, чтобы увидеть, что они заперты в узком мешке, растянутом от Киева до Харькова. С трех сторон они окружены враждебными силами. Тыла у них нет. Малейший удар с севера или с юга перережет ваше узкое, растянутое положение, и отрезанной восточной части грозит полный разгром, если вам не удастся спастись за Днепр. Я более чем уверен, что не пройдет месяца или двух, как вам придется отходить через Винницу в Галицию, откуда вы и пришли.

Пожав обоим офицерам руку:

— До свидания. Я буду лечиться, живя под Кременчугом, где, может быть, скоро и увидимся.

Мои слова оказались пророческими.

Уже в темноте на извозчичьих санках спустился я к полтавскому вокзалу. Давая сдачу, мой возница всучил мне фальшивые 50 карбованцев, чего я в темноте заметить не мог и этим очень раздосадовался: надо сказать, что со времени призыва на службу я никакого денежного довольствия не получил.

Приехав на вокзал, узнаю, что регулярного пассажирского сообщения с Кременчугом не было. Все поездные составы заняты были перевозками войск, в том числе и германских частей, покидающих Украину.

На платформе встретил своего бывшего профессора генерала Юнакова³³, который так высоко оценил в академии мою военно-историческую тему.

Узнав, что я принадлежу к штабу украинского главнокомандующего, он попросил меня посодействовать ему в получении «какого-нибудь» места в этом штабе, в чем я выразил полнейшую готовность, умалчивая о том, что я фактически больше в штабе не состою, хотя и имею отпускное свидетельство.

Не видя отходящих поездов, пошел я бродить по запасным путям. На одном из них услышал немецкую речь. Увидя у одной из теплушек немецкого офицера, я подошел к нему.

³³ Юнаков Николай Леонтьевич (06.12.1871 — 01.08.1931) — генерал-лейтенант. Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (1911–1914). Служил в украинской армии (с 05.1918). Генеральный-значковый (с 24.09.1918, со старшинством с 10.04.1918). Глава комиссии по созданию военных школ Главного военно-учебного управления Военного министерства Украинской державы (1918). Начальник Главного военно-учебного управления (с 01.08.1918). Начальник военной академии (с 29.10.1918, не открылась). Помощник главного инспектора войск Украинской народной республики (УНР, 1919).

– Не разрешите ли вы мне доехать вместе с вами до Кременчуга? Я русский офицер, и мне с украинцами оставаться нельзя.

– Сейчас спрошу согласия моих товарищей. И германец поднялся в теплушку.

Как на петроградском вокзале помог мне французский язык, так на полтавском немецкий язык вывел меня из большого затруднения.

Минут через десять, принеся с вокзала свои вещи, сидел я в кругу германских офицеров, гревшихся у железной печурки теплушки.

Ночью «наш» эшелон тронулся... Под утро принужден был остановиться на одной из промежуточных станций, когда он подвергся ружейному огню.

Раздалась звонкая команда. Немцы повывскакивали из вагонов, офицеры собрали своих чинов и вскоре на беспорядочный огонь отвечать стали ружейными залпами.

В офицерской теплушке оставался один только я. Вагон пробивался пулями, но все они ударили значительно выше головы. Немецкие залпы заставили украинцев прекратить огонь и очистить путь германскому эшелону.

Отбив атаку, немцы вернулись в вагоны, и поезд наш тронулся, не имея других столкновений до самого Кременчуга.

Как я обещал Рейхенбергу, я сразу поехал к Екатерине Леонидовне Велецкой³⁴.

«Тетя Катя»³⁵ жила в Крюкове в своем большом особняке, в котором помещался эксплуатируемый ею кинематограф.

Последний занимал большую часть здания, оставляя для жилья большую столовую и 3–4 комнаты, занимавшиеся семьей домовладелицы: ее дочерью от первого брака с генералом Смутьским³⁶ «Лили» Ден³⁷ с ее сыном

³⁴ См. Приложение № 1, стр. 31 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). Велецкая, рожденная Хорват, по первому браку Смутьская, была одной из трех сестер генерала Димитрия Леонидовича Хорвата, начальника Восточно-Китайской жел[езной] дороги и дальневосточного диктатора. Отличалась большой предприимчивостью (*комментарий Д. Н. Тихобразова*).

Хорват (Смутьская, Велецкая) Екатерина Леонидовна — сестра генерала Д. Л. Хорвата. Хорват Дмитрий Леонидович (25.07.1858 — 16.05.1937) — генерал-лейтенант. Управляющий Китайско-Восточной железной дорогой.

³⁵ См. Приложение № 2, стр. 31 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). «Тетя Катя» уже фигурировала в моих воспоминаниях на стр. 96–100 главы II «В штабе 3-й армии» (*комментарий Д. Н. Тихобразова*).

³⁶ Смутьский Александр Адамович (21.02.1858-?) — генерал-майор.

³⁷ См. Приложение № 3, стр. 31 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). «Лили» Ден, дочь Е. Л. Велецкой от ее первого брака. Высокая, стройная дама, очень сдержанная и замкнутого характера, державшая себя с большим достоинством и на вид очень холодная и «неподступная». На самом деле была очень милой и приятной особой, но не склонной на откровенность. Прошедшего в разговорах не касалась. Хотя в Одессе [зимой 1918–1919 года (*примеч. Д. Н. Тихобразова*)] я и жил в ее семье, занимавшей две комнаты и, казалось бы, мог рассчитывать услышать вещи, касающиеся ее отношения к императрице и ее жизни в Царскосельском дворце в тревожные дни царского

отречения (изредка принимаемая императрицей, кухня моей первой жены была постоянно при государыне в дни крушения монархии и покинула дворец лишь по требованию Керенского), но «Лили» этого вопроса не подымала, разве только подтвердила мне получение ею моей телеграммы от 6 марта 1917 г., давшей первые сведения о государе, связь которого с царской семьей была прервана. В другой раз «Лили» разразилась негодованием по адресу флигель-адъютанта Саблина, в эти тревожные дни не пришедшего на зов императрицы, отговорившись насморком. Не имея личного свидетельства, могу ответить по первой части вопроса, приводя выдержки из опубликованных писем императрицы государю.

Первые сведения относятся к 17 апреля 1915 года. «Лили Д. придет ко мне на полчаса» (письмо № 69).

4 октября 1915 г. «Аня и Лили Ден приходят обедать» (письмо № 133).

5 октября 1915 г.: «Лили Ден была вчера вечером. Очень красива и мила» (№ 134).

11 ноября 1915 г.: «Вчера днем милая Лили была у нас к чаю по дороге из Гельсингфорса в деревню. Она видела своего мужа, и он ей рассказал много интересных эпизодов из их боевой жизни, как они стреляли с моря на берег» (письмо № 155). Таким образом, с ноября 1915 года Лили Д. становится «Милой Лили».

13 февраля 1916 г. государыня пишет: «Лили Ден и ее муж вчера пришли на час и вечером пили чай — она в самом деле душка и всегда такая забавная, но его глупый смех довольно трудно выносить. Получает ли он “Варяга?”» (письмо № 213).

Попав в общество императрицы и «Ани» Вырубовой, «Лили» автоматически входит в их «кружок».

8 марта 1916 года императрица сообщает государю, что Лили похудела, и ее глаза все время наполняются слезами (письмо № 223). Такое состояние вызвано было разлукой с мужем, получившим «Варяга», отходившего на Дальний Восток.

«Лили» едет в Японию, о чем свидетельствует письмо императрицы от 23 июня 1916 г. за № 297: «Я видела милую Лили Ден у Ани сегодня вечером — она только что вернулась — наши суда отошли — Бог да охранит их. Она провела две недели в Японии, т.к. ее мужа туда послали. В Киото она жила в доме, даже в комнатах, в которых ты проживал. Она вполне под впечатлением Японии, где ей удалось очень много увидеть. Ей очень удивлялись на улицах, и маленькие японки удивлялись ею и повисали по обеим сторонам этой великаныши. Она привезла мне слона из слоновой кости, а также каждой из девочек и Беби. Я ему посылаю его. Слоны приносят счастье, особенно число семь, а у нас семь слонов, так как у Беби два».

С какого времени «Лили» встречалась с Распутиным, сказать не могу. Имени его Лили никогда не упоминала. О ее знакомстве узнала я после революции, когда появились в печати репродукции фотографий, сделанных в столовой старца. На одной из них, на которой «старец» принял благообразную позу и сидит, окруженный 14-ю дамами, Лили стоит на пороге открытой в столовую двери.

На другой — Лили сидит за чайным столом между «старцем» и его дочерью, причем старец, по-видимому, прижимает Лили к себе. На этой фотографии дам вдвое меньше.

К какому времени относятся обе эти фотографии, сказать не могу.

Когда в Тобольске открываются мощи нового святого, «Аня уезжает с нашим другом и милой Лили в Тобольск помолиться перед мощами нового святого», — пишет императрица 4 августа 1916 года (письмо № 324).

16 августа. «Аня и Лили Ден сегодня вечером доехали до Покровского» [Родина Распутина (примеч. Д. Н. Тихобразова)] (письмо № 335).

Что отразилось на здоровье «Лили», сказать не могу, только государыня 27 октября написала царю, что «Лили Ден с нами завтракала. Она выглядит очень больной, позеленела и похудела, сегодня уезжает в Крым» (письмо № 374).

В декабре Лили опять в Петрограде: «Милая большая Лили также пришла, но попожже» (письмо № 393 от 6 дек[абря]).

Накануне убийства Распутина императрица писала государю: «Теперь вот какое чудо (так все говорят). “Варяг” прибыл раньше всех других — шторм 40 баллов — от Гибралтара до Глазго. Волны не только просто переливались, но, увы, все залили, машины неважные, придется скоро ремонтировать в Англии. Наш друг беспокоил-

«Тити»³⁸ и его гувернанткой, канадской молодой хохлушкой. Для меня свободной комнаты в особняке не было, и мне нанята была поблизости маленькая, только что выбеленная комната в одном из ближайших домиков, где я проводил за чтением и писанием время до завтрака, к которому вся семья собиралась в большой столовой особняка.

Екатерина Леонидовна любила хорошо покушать, обстоятельство, которое мне очень было на руку.

Днем запрягалась пролетка, и рысак³⁹ переносил «Лили» через днепровский мост в Кременчуг, где она покупала большое количество дорогостоящих пирожных и отборные фрукты, которых, однако, я за нашим столом не видел. «Это для кинематографа», — пояснила мне раз «Лили».

ся, когда они вышли из Владивостока, но они имели Божье благословение и были спасены, потому что Лили, веруя, поехала в Верхотурье и в Тобольск с Григорием и Аней летом» (письмо № 402 от 15 декабря 1916 г.).

В двадцатых числах декабря 1916 г. я познакомился с «Лили Ден», когда она пришла к своей кузине в мой номер Европейской гостиницы, отведенный мне как члену Петроградской междусоюзнической конференции (*комментарий Д. Н. Тихобразова*). Керенский Александр Федорович (22.04.1881 — 11.06.1970) — министр-председатель Временного правительства (1917). «Лили» Ден — фон Ден Юлия Александровна (27.07.1885 — 08.10.1963) — подруга императрицы Александры Федоровны, супруга командира крейсера «Варяг» капитана 2-го ранга К. И. фон Дена (28.02.1877 — 1932). Распутин (Новых) Григорий Ефимович (09.01.1869 — 17.12.1916) — авантюрист, приобретший влияние при дворе императора Николая II. Вырубова Анна Александровна (16.07.1884 — 20.07.1964) — ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны. Беби — прозвище наследника цесаревича Алексея Николаевича (30.07.1904 — 17.07.1918). Саблин Николай Павлович (16.04.1880 — 21.08.1937) — флигель-адъютант, капитан 1-го ранга.

³⁸ См. Приложение № 4, стр. 38 (*примеч. Д. Н. Тихобразова*). «Тити» был высоким, худеньким мальчиком, «маминным сынком», которого светское воспитание делало робким и безличным. По примеру отца, крещеного по лютеранскому обряду, Тити под влиянием императрицы был переведен в православие, ставши крестником императрицы. До знакомства с императрицей Тити носил длинные локоны, но с середины марта 1916 года по ее настоянию их остригли, и мальчик обрел более «мужественный» вид. Вот что пишет государыня царю про этого мальчика: 9 марта 1916 г.: «Сын Лили Ден приезжает к Ане на 2 дня и 2 ночи. Я так рада за этого прелестного ребенка и попрошу, чтобы он также побывал у меня, и дети могут повести его в сад» (письмо № 224).

13 марта: «Маленький Тити играл на снежной башне с детьми вчера и очень веселился. Сегодня он опять возвращается в город».

15–16 марта: «Тити погуляет с детьми, а перед чаем я распоряджусь, чтобы ему остригли волосы. Лили никак не могла на это решиться, так как длинные волосы скрывали его торчащие уши. Так она позволила это сделать, говоря, что это будет ей не так больно; а я уверена, что он будет выглядеть гораздо лучше, так как он уже такой большой мальчик. Завтра он уезжает в Ревель и будет там жить с родственниками. Это мне грустно, он для Алексея хороший товарищ в играх» (№ 231).

Что же касается до его перехода в православие, оно произошло на три месяца раньше и описано в письмах императрицы №№ 179 и 180 от 20 и 21 декабря 1915 года. В обоих письмах государыня пишет: «Он мой крестник». Д. Тихобразов (*комментарий Д. Н. Тихобразова*).

³⁹ У Велецкой в Белецковке была собственная конюшня, любимое детище ее покойного мужа (*примеч. Д. Н. Тихобразова*).

– Разве будет кто-нибудь их покупать? У кого найдутся теперь такие бешеные деньги?

– А вот вечером пойдите с нами в кинематограф, и тогда посмотрите, как скоро они все разойдутся.

После ужина мы пошли в кинематограф. Он был битком набит; нас, конечно, без билетов провели на задержанные нам места.

В антракте Лили повела меня к буфету «посмотреть». Мы стали у дверей. Буфетная комната была полна простым людом — рабочими и солдатней. В воздухе вился дым от махорки; на пол падали плевки и шелуха от семечек. Громкие голоса и смех. У горки больших, отборных груш стоит человек в солдатской шинели. Обращаясь к молоденькой буфетчице: «Почем?»

«По пяти рублей».

Я так и ахнул. Солдата цена не смутила. Он вынул деньги, и сочная груша была съедена в несколько приемов... Он подошел к пирожным и стал в очередь.

– Теперь вы убедились, что в настоящее время «самое дорогое» — самый ходкий товар, — сказала «Лили», увлекая меня в зрительную залу, кивнув молодой кассирше, еле успевавшей принимать деньги от облепившего ее прилавок народа.

Когда сеанс кончился и кинематограф опустел, мы пошли помогать кассирше считать бумажки и монеты, которых была целая гора.

На прилавке оставалось немного пирожных и фруктов. Подвели расчет. Просчета никакого не было, что было удивительно. Кассирша получила условленное жалованье; столько же наградных и часть оставшегося «товара». Остальное пошло нам на стол.

На другой день «Лили» снова поехала в Кременчуг закупать лакомства, но в кинематограф мы больше не пошли.

Безмятежность нашей жизни в Крюкове была нарушена самым неожиданным образом⁴⁰.

Д. Тихобразов.

*Бахметевский архив русской
и восточноевропейской истории и культуры
Колумбийского университета
(Bakhmeteff Archive of Russian
and East European History and Culture,
Columbia University).
Тихобразов Д. Н. Воспоминания.
Глава XVIII. У петлюровцев. С. 1–39.
Подлинник. Рукопись.*

⁴⁰ Речь шла о советском наступлении. Спасаясь от наступающих красных, Д. Н. Тихобразов вывез драгоценности Ю. А. фон Ден, спрятав их у себя в нижнем белье.

Литература

- Ганин А. В. Могилев. Ставка. Генерал на штыках // Родина. 2021. № 8. С. 108–111.
- Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ: Темпора, 2004.
- Тинченко Я. Ю. Армии Украины 1917–1920 гг. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002.
- Черная книга. Дневники гвардейского офицера В. С. Савонько. 1899–1909 / Сост. А. И. Алексеев и др. М.: Индрик, 2019.

References

- Alekseev, A. I., et al., eds, 2019. *Chernaia kniga. Dnevniki gvardeiskogo ofitsera V. S. Savon'ko. 1899–1909* [The Black Book. Diaries of the Guards officer V. S. Savonko. 1899–1909]. Moscow: Indrik. (in Russ.)
- Ganin, A. V., 2021. Mogilev. Stavka. General na shtykakh [Mogilev. General Headquarters. General on bayonets]. *Rodina*, 8, pp. 108–111. (in Russ.)
- Sidak, V., Ostashko, T., Vrons'ka, T., 2004. *Polkovnyk Petro Bolbochan: trahediia ukrains'koho derzhavnyka* [The colonel Petro Bolbochan: a tragedy of the Ukrainian statesman]. Kyiv: Tempora. (in Ukr.)
- Tinchenko, Ia. Iu., 2002. *Armii Ukrainy 1917–1920 gg.* [Armies of Ukraine, 1917–1920]. Moscow: ООО “Vostochnyi gorizont” (in Russ.).

«Я ВСЕГДА РАБОТАЛА С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ СИЛ...» ИНТЕРВЬЮ С ТАТЬЯНОЙ АНДРЕЕВНОЙ ПОКИВАЙЛОВОЙ 19.10.2021. МОСКВА, ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ*

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Татьяна Андреевна Покивайлова (род. 1936), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. В 1960 г. Т. А. Покивайлова окончила исторический факультет МГУ, с 1968 г. вся ее научная деятельность связана с Институтом славяноведения. Татьяна Андреевна является признанным специалистом по новейшей истории Румынии и ключевым проблемам истории советско-румынских отношений. Ее перу принадлежат многие десятки научных работ. Т. А. Покивайловой введено в научный оборот большое количество архивных документов, раскрывающих позицию официальной Москвы на румынском направлении в разные десятилетия. Татьяна Андреевна рассказала о своем детстве и юности, студенческих годах, работе с коллегами в Институте славяноведения, командировках за рубеж, многолетних контактах с румынскими коллегами в рамках совместных проектов, о деятельности двусторонней российско-румынской комиссии историков, о том, как на диалоге историков двух стран сказывались сложные перипетии российско-румынских и советско-румынских отношений в XX веке.

Ключевые слова

Институт истории АН СССР, Институт славяноведения Российской академии наук, Румыния, история социалистического лагеря, царанистское движение, вопрос о румынском золоте

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2022 г.

Цитирование: *Покивайлова Т. А.* «Я всегда работала с полной отдачей сил...». Интервью с Татьяной Андреевной Покивайловой. 19.10.2021. Москва, Институт славяноведения // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 160–194. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.09>

* Беседа с Т. А. Покивайловой состоялась 19 октября 2021 в Москве. Запись, расшифровка беседы и комментарии — Александр Сергеевич Стыкалин и Борис Сергеевич Новосельцев (Институт славяноведения Российской академии наук).

INTERVIEW WITH TATIANA A. POKIVAILOVA 19 OCTOBER 2021. MOSCOW, INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

Abstract

At the request of the editorial board of the journal *Slavic World* in the Third Millennium, Tatyana Andreevna Pokivailova (born 1936), D.Sc. in History, senior researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, recounts her life and career path in historical research. In 1960, she graduated from the Faculty of History of Moscow State University, and since 1968 all her professional activity has been associated with the Institute of Slavic Studies. Tatyana Andreevna is a recognised specialist in the modern history of Romania and on key issues in the history of Soviet-Romanian relations. She is the author of many dozens of papers and introduced into circulation a large number of archival documents revealing the official position of Moscow towards Romania in different decades. Tatyana Andreevna spoke about her childhood and youth, student years, work with colleagues at the Institute of Slavic Studies, research trips abroad, and long-term contacts with Romanian colleagues within the framework of joint projects, as well as about the activities of the bilateral Russian-Romanian commission of historians. Her memoirs show how difficulties in Russian-Romanian and Soviet-Romanian relations in the twentieth century affected the work of historians.

Keywords

Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Romania, history of the Socialist Bloc, Țărănesc movement, the question of Romanian gold

Received 11 February 2022

How to cite: Pokivailova, T. A., 2022. “Ja vseгда rabotala s polnoi otdachei sil...”. Interv’iu s Tat’ianoi Andreevnoi Pokivailovoi 19.10.2021. Moskva, Institut slavianovedeniia [Interview with Tatiana A. Pokivailova 19 October 2021. Moscow, Institute of Slavic Studies]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. C. 160–194. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.09>

А. С. Стыкалин: *Итак, вы родились 15 июня 1936 г. в Казани. Кто были ваши родители?*

Т. А. Покивайлова: Моя мама родом из шахтерского поселка Снежное (Донбасс). Вскоре после ее рождения семья переехала на жительство в город Таганрог. Приехала в Казань учиться. В институт, объединявший сельскохозяйственный и лесной факультеты. Там они познакомились с моим папой, Редькиным Андреем Сергеевичем. Он из села Рыбная слобода Казанской губернии. Его родители умерли от голода в Поволжье.

А. С.: *Голода начала 1920-х?*

Т. П.: Нет, еще до революции. У нас устоялось представление, что голодали в Поволжье только в 1920–1930-е годы, но и до революции там был сильный голод. Папа переехал к сестре в Казань, окончил рабфак и поступил в институт. По специальности он инженер-лесник. Быстро включился в комсомольскую и партийную работу, женился на маме, остался работать в Казани. Он занимал очень высокие должности. Был директором лесного

научно-исследовательского института. Был как-то связан и с Ленинградским лесотехническим институтом¹. После этого был одним из руководителей «большой Волги». Я говорю о строительстве канала Москва — Волга в 1930-е годы. В апреле 1941 года его перевели на работу в Москву. Он стал работать в одном из департаментов наркомата сельского хозяйства. Жили мы в гостиницах «Советская» и «Москва», нам должны были дать квартиру. У нас с братом даже сохранилось об этом письмо за подписью какого-то большого начальника. Но в июне началась война. Поскольку папа был на руководящих должностях, ему дали бронь и отправили на работу в Киров. А оттуда — на станцию Ветлужская. Он там заведовал лесосплавом. Но потом, в 1942-м, из Казани написала моя бабушка — мамина мама — о том, что болеет, плохо себя чувствует. Что голодная, и что там очень холодно. Отец поехал за моей бабушкой на лошадях, заразился в дороге тифом и умер в больнице в Красных Баках. Там он и похоронен на крутом берегу Ветлуги² под одной сосной. И ни разу мы в этих Красных Баках так и не были. Конечно, там уже ничего не сохранилось...

Мама осталась одна, трое детей: у меня старший брат, 1931 года рождения, Виталий Андреевич, потом я и младший брат Дмитрий Андреевич, 1939 года. Очень бедствовали, жили за счет того, что продавали какие-то вещи.

А. С.: *Помните ли вы 22 июня? Вы в это время находились в Москве...*

Т. П.: Я не помню 22 июня 1941 года, не помню, как переезжали в Киров. Помню только, что жили там в большой коммунальной квартире. Там же жила мамина подруга. Ее муж Николай Петрович Стрелков был на фронте. Я вспомнила о них, потому что после войны он работал у Косыгина в Совете министров. В свое время эта семья нам очень помогала. И мне, и моему брату. Всем.

А. С.: *Мама работала?*

Т. П.: Да. Она агроном по специальности. После освобождения Таганрога мамина сестра пригласила нас всей семьей переехать к ней. Путешествие было очень тяжелое. Полупарализованная бабушка. Через Харьков, во всяких вагонах мы добрались до Таганрога. И там мама как агроном устроилась работать в колхоз, за городом. В деревне Липкино. Мужчин не было. Только председатель, главный бухгалтер и завхоз.

Годы были очень тяжелые, голодные. Бабушка жила вместе с мамой, а ее сестра взяла к себе на содержание нас со старшим братом. Мы учились в Таганроге, а младший брат остался в деревенской школе. В 1955 году я закончила 10 классов, приехала в Москву, сдала все экзамены на отлично и поступила в Московский университет.

¹ Ныне Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет.

² Поселок Красные Баки находится на берегу р. Ветлуги в Нижегородской, тогда — Горьковской области.

Б. С. Новосельцев: *А остались ли у вас какие-то воспоминания об окончании войны? О 9 мая 1945 года?*

Т. П.: Мое самое яркое воспоминание связано с другим. В Таганроге жило много еврейского населения. Была балка, в которой евреи во время войны почти все были расстреляны. Местные жители каждый год туда ездили, чтобы почтить память погибших. Там также были расстреляны и коммунисты, подпольщики, участники антигитлеровской борьбы, среди них много молодежи. Это более всего осталось в памяти из моих воспоминаний.

Мама работала в колхозах. Это послевоенные колхозы, мужчин, как я сказала, не было, как это и в фильмах иногда показывают. Трое мужчин всего, все начальники. И вот они разъезжали по своему хозяйству, скажем, на коляске, а моя мама — причем это был достаточно большой колхоз — просто обегала все свои угодья. Пешком все это делала. Годы были очень тяжелые. Голодные годы были, хотя замечу, что нас тогда поселили в дом, где раньше жил полицай, и вот семью полицая переселили в какие-то подсобные помещения, а нам дали квартиру. Мама была членом партии. Потом переехали в другую квартиру, тех, кто там жил, — переселили куда-то в деревню, не знаю почему, и они были озлоблены. Случился пожар, трудно сказать, кто нас поджег. Трудно жили все, бедно. Помню, судили несколько человек за то, что они какую-то мелочь своровали. Пшеницы что ли немного, то ли картошки. Голод был.

А. С.: *Это тяжелейший голод был, 46–47-й годы. Люди умирали в некоторых регионах.*

Б. Н.: *А как появилась идея поехать в Москву и поступать на исторический факультет?*

Т. П.: Знаете, мои подруги Аля Жилина и Галя Румянцева, на год старше меня, которые учились похуже, поехали в Московский университет и поступили. Тогда же не было ни репетиторов, ни блата. Люди сдавали экзамены и по оценкам поступали, и все. И я вдохновилась их примером. К тому же в Москве была выставка Дрезденской галереи в 1955 году. Я приехала, сдала документы, меня устроили в общежитие, заняла с вечера очередь на выставку. У меня было 30 рублей, я пошла в ГУМ покупать мыльницу, и у меня их украли. Осталась без денег практически. И голодная. Когда я подошла к «Сикстинской мадонне», то потеряла сознание и упала. Даже выставку не посмотрела. Но все экзамены в университет сдала на пятерки и меня зачислили на исторический факультет.

А. С.: *А как вам удалось поступить? Повезло с учителем истории в школе?*

Т. П.: У нас была очень хорошая учительница по истории. Вообще школа была одной из лучших в Таганроге. Я не могу сказать, что я предпочитала историю: все предметы у меня прекрасно шли. Но так получилось, что

решила выбрать историю. И конечно, вдохновлял пример подруг, что они смогли поехать и поступить. И я решила попробовать. Готовилась, конечно.

Я ведь жила у тети, а мама в деревне. Главным для меня местом была детская библиотека имени Чехова. Рядом со школой. Там была великолепная заведующая, она объединяла всю молодежь вокруг себя. Я там проводила все свое свободное время, и это позволило мне хорошо подготовиться: и по литературе, и по иностранному языку — я и немецкий очень хорошо знала.

Что у меня было знаменательного во время учебы в университете, так это то, что после 3-го курса я ездила на целину, в Северный Казахстан, в один из совхозов Павлодарского края.

А. С.: *Это был 1958 год.*

Т. П.: Да. А до этого группа наших студентов ездила на целину то ли в Южный Казахстан, то ли на Алтай. Там была трагедия — перевернулась машина, много людей пострадало, даже были погибшие.

А вместе со мной поехала Майя Михайловна Суслова³. Ее семья отправила на целину.

А. С.: *Молодец Михаил Андреевич!*

Т. П.: Она была очень скромная девушка. Потом мы вместе работали в одном институте. Она была немного младше.

Б. Н.: *А вы поехали на целину, потому что это был порыв? Строить социализм?*

Т. П.: Да, порыв был! Среди нас было много энтузиастов. Много туда ехало студентов с нашего курса. Несколько человек с разных факультетов университета продолжили там работать. Один наш сокурсник, Владимир Частных, он был на курс старше нас, стал трактористом-механизатором, а потом вместе с нами заканчивал учебу на факультете. О нем даже в прессе писали как о герое целины. Появилась статья и в журнале «Юность», главным редактором которого был Андрей Дементьев⁴.

А. С.: *С вами ведь много наших коллег училось. Б. Н. Флоря, Л. Я. Гибианский. Еще А. М. Филитов из Института всеобщей истории говорил мне, что был однокурсником Гибианского, значит, и вашим однокурсником тоже.*

Т. П.: Да, правда, я не все и не всех помню. Я же жила в общежитии, поэтому общалась в основном с ребятами оттуда...

³ Майя Михайловна Сумарокова (в девичестве Суслова), 1939 г.р., дочь виднейшего советского партийно-государственного деятеля М. А. Суслова (1902-1982). Доктор исторических наук, специалист по новейшей истории Югославии.

⁴ Андрей Дементьев был главным редактором журнала «Юность» с 1981 г., а до этого долгое время — заместителем главного редактора. С момента основания журнала в 1955 г. его редактировал Валентин Катаев, снятый после публикации романа Василия Аксенова «Звездный билет». Его сменил Борис Полевой, возглавлявший журнал до своей кончины в 1981 г.

А. С.: *А где находилось общежитие?*

Т. П.: Сначала мы жили в Черемушках, потом на Стромынке, а 4-й и 5-й курсы уже на Ленинских горах. Сначала мы жили по двое, а потом нам дали отдельные комнаты, и мы могли замуж выходить. И я вышла замуж. Мой муж был студентом физфака.

Моя учеба совпала с XX съездом КПСС. Я не могу сказать, что на меня или на ближнее окружение это как-то воздействовало. Но я входила в состав комитета комсомола факультета, им руководил Лев Краснопевцев⁵. Они были, во-первых, энтузиастами, во-вторых, их охватил такой порыв. Они поверили в демократию, в демократические преобразования. Создали не очень официально, но и не очень подпольно кружок по изучению югославского опыта рабочих советов. Кто-то донес, и многих из них арестовали.

А. С.: *Если бы только югославский! Они изучали еще и венгерский опыт 1956 года. Они ссылались на опыт венгерских рабочих советов. А вы знаете, что происходило в Венгрии осенью 1956 года.*

Т. П.: Я знаю только, что они изучали югославский опыт. Не всех, конечно, арестовали. Краснопевцева посадили, Покровского (будущего академика из Новосибирска)⁶ и еще несколько человек. Кто-то покаяться, кого-то простили, кто-то остался.

Б. Н.: *Но они постарше были, вы с ними не очень активно общались, наверно. Это всё были аспиранты или старшекурсники.*

Т. П.: Я была на третьем курсе. Мы узнали обо всем, когда их уже посадили. Среди студентов это произвело переполох. Было много разговоров. У нас учился Осипов Владимир, он потом стал крупным церковным деятелем. В эту группу он не входил. Но очень фрондировал, на каждом перекрестке говорил, что он троцкист. Потом с каким-то молодым человеком написал какую-то программу демократических преобразований. Конечно, его тоже посадили. Такие вещи на более высоком уровне разбирались. На парткоммах. А у нас бесконечно разбирали Володю Осипова⁷.

⁵ Краснопевцев Лев Николаевич (1930–2021) — историк, диссидент, глава подпольного кружка независимых марксистов (1956–1957). Политзаключенный (1957–1967). После освобождения работал на заводе слесарем, с 1990-го на музейной работе.

⁶ Покровский Николай Николаевич (1930–2013) — историк, археолог, источниковед. Глава сибирской археографической школы. Академик РАН (1992). Автор работ по широкому кругу проблем российской истории (в том числе истории Сибири), главным образом XVI–XVIII вв. Один из лучших знатоков истории старообрядчества. В 1957–1963 гг. — в заключении по обвинению в распространении листовок антисоветского содержания. Ученик академика М. Н. Тихомирова, по настоянию которого после освобождения получил возможность заниматься наукой в Новосибирске.

⁷ Осипов Владимир Николаевич (1938–2020) — публицист, литератор, общественный деятель. Видная фигура христианско-националистического направления в оппозиционном движении 1970–1980-х годов.

А. С.: *А каковы у вас воспоминания студенческие? Кто из преподавателей особенно запомнился, профессоров? И почему вы выбрали именно Румынию в качестве своей специализации?*

Т. П.: Я вернулась в университет после целины только в ноябре. Нас долго оттуда не вывозили. На это ужасно было смотреть, когда началась хрущевская раздельная уборка урожая: сначала скосят, потом уберут. Наверное, это подходит для южных районов. А у нас на целине всё скосили и пошли дожди со снегом. И урожай пропадал. А рядом был колхоз, которым руководил Герой Труда, который не послушался инструкций сверху: как выглянет солнышко, у него выезжают комбайны и начинают убирать урожай.

Итак, я вернулась в Москву. Мы с моей близкой приятельницей Раисой Семеновной Шароватовой решили вместе пойти специализироваться на историю Швеции. А в этом году на это направление не было набора. Зато группу по Румынии набирал Михаил Михайлович Зальшкин⁸, ей сказали, что это уникальная специальность. А до этого я училась на кафедре истории славян, писала работу по гуситам у Баси Менделевны Руколь⁹. Это была удивительная преподавательница, она ездила со мной в Ленинскую библиотеку и начитывала мне тексты. Литературу и прочее. Но потом я перешла на Румынию и сменила кафедру — стала учиться на кафедре новой и новейшей истории. Язык учили у Заюнчковского¹⁰ на филфаке, а специализацию вел Михаил Михайлович. Нас было 5 человек. После 4-го курса, в 1959 году мы поехали на практику. Побывали и в Черновицах, и в Кишиневе. Черновицы произвели огромное впечатление: австрийский город, а университет расположен в замке¹¹. А после переехали в Кишинев. Впечатления были самые радужные и восторженные. Услышали молдавскую речь и поработали в библиотеках, в некоторых архивах. К тому времени мне уже дали тему: «Аграрная реформа в Румынии 1861 года и крестьянское движение». Зальшкин был научным руководителем только год, а потом он уехал на длительную стажировку в Румынию, и мной руководил А. В. Адо¹². Специалист по французской революции, очень требовательный человек,

⁸ Зальшкин Михаил Михайлович (1925–2002) — историк, известный прежде всего своей монографией «Внешняя политика Румынии и румынско-русские отношения: 1875–1878» (М., 1974). Доцент МГУ.

⁹ Руколь Бася Менделевна (1917–2000) — специалист по истории Чехии, доцент МГУ.

¹⁰ Речь идет о Юрии Петровиче Заюнчковском (1921–1998), филологе и переводчике, авторе учебников по румынскому языку и составителе словарей.

¹¹ Черновицы были главным городом исторической провинции Буковина. Речь идет о северной части Молдавского княжества, аннексированной в 1775 г. империей Габсбургов. Край обладал автономией в составе австрийских владений. В 1918–1940 гг. Буковина принадлежала Румынии. Университет в Черновцах был основан в 1875 г.

¹² Адо Анатолий Васильевич (1928–1995) — профессор МГУ, автор многих работ по новой истории Франции, в том числе по истории Великой Французской революции.

очень умный, знающий. Что удивительно, у него пятерки получали единицы, и он мне поставил пять за диплом.

В 1961 году, закончив университет, я поступила в аспирантуру Института истории. А дело было так: две мои однокурсницы, знающие румынский язык и специализировавшиеся по Румынии, Шароватова и Эмилия Джапаридзе, устроились в Институт истории. Именно в эти годы директор института Владимир Михайлович Хвостов¹³, конечно, по указанию сверху создал сектор неславянских стран народной демократии. И туда вошли не только специалисты, которые уже занимались историей Румынии, Венгрии и Албании, но некоторых сотрудников переориентировали на эти страны. Например, Владилена Николаевича Виноградова¹⁴, который занимался Англией, — на Румынию.

А. С.: *Англией, впрочем, тоже не перестал заниматься, продолжал публиковать работы и по британской истории, но на первый план у него вышла Румыния.*

Т. П.: Также с нами работали Тофик Муслимович Исламов¹⁵, Андрей Иванович Пушкаш¹⁶, Н. Д. Смирнова (специалист по Албании), А. А. Язькова и другие — создался прекрасный сектор — умные, достойные, талантливые люди. Мне дали тему, связанную с аграрными преобразованиями. Хотели дать аграрную реформу 1945 года, но посоветовавшись, решили, что эта тема уже разрабатывалась. В итоге дирекция и сектор предложили мне тему «Социалистические преобразования сельского хозяйства в Румынии». У меня аграрная проблематика до тех была всегда на первом плане. Даже когда поступала в аспирантуру, писала реферат по аграрной реформе 1918–1921 годов. Вместе со мной в этом году в аспирантуру поступили Владислав Гросул, Александр Мошану¹⁷ и по Венгрии тоже пришли аспи-

¹³ Хвостов Владимир Михайлович (1905–1972) — историк, дипломат, автор работ по истории Нового времени и международных отношений. Академик АН СССР (1964). Был директором Института истории АН СССР в 1959–1967 гг.

¹⁴ Виноградов Владилена Николаевич (1925–2017) — историк-балканист, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор многочисленных работ и руководитель масштабных научных проектов по истории международных отношений на Балканах. Заметное место в круге научных интересов В. Н. Виноградова занимали проблемы румынской истории.

¹⁵ Исламов Тофик Муслим оглы (1927–2004) — историк, автор многих работ по истории Венгрии, Австрии, международных отношений в Центральной Европе в новое и новейшее время. На протяжении многих лет возглавлял в Институте славяноведения РАН направление, занимавшееся историей Средней Европы в новое время (и прежде всего историей Габсбургской монархии).

¹⁶ Пушкаш Андрей Иванович (1923–2008) — историк, автор ряда фундаментальных работ по истории Венгрии (а также Закарпатской Украины) в новейшее время, в том числе о внешней политике режима Хорти.

¹⁷ Гросул Владислав Якимович (1939–2022) — российский и молдавский историк. Автор многочисленных работ по истории России в новое время, истории внешней политики Российской империи (прежде всего в Юго-Восточной Европе), о связях

ранты — шел набор в аспирантуру. В 1965 году я закончила аспирантуру и защитила диссертацию. Руководителем был Юрий Алексеевич Писарев, будущий академик¹⁸. Он был заведующим сектором. К молодежи все относились очень доброжелательно. Мне очень помогали Владилен Николаевич Виноградов и Алла Алексеевна Язькова¹⁹. Нежинский²⁰ с нами работал, Арш занимался Грецией, его переориентировали на Албанию, но потом он снова вернулся к греческой проблематике²¹. Мою первую статью «От аграрной реформы 1945 г. к социалистическому преобразованию сельского хозяйства» опубликовали в «Вопросах истории».

Б. Н.: *А в Румынии вы впервые побывали, когда учились в аспирантуре?*

Т. П.: В 1965 году, как только я защитилась, Президиум Академии наук выделил мне ставку младшего научного сотрудника. Спустя год, в 1966-м, пришел запрос о направлении в Румынию на языковые курсы специалистов по стране. И меня направили на эти курсы. Я там пробыла около месяца. В это время в Румынии шла наверху борьба, выяснение отношений между двумя странами — они ухудшились еще в 1962–1963 годах из-за разногласий в вопросах экономической кооперации, были выпады против Советского Союза, но мы мало знали об этом. В то же время в этот период, после ухода Георгиу-Дежа²², у власти оказались Чаушеску и премьер-министр Маурер, которые начали проводить еще более самостоятельную, чем в последние годы Дежа, независимую политику, подстраивались под Запад, набрали там кредитов... И это было время расцвета Румынии.

А. С.: *Это как-то ощущалось? Вы попали в другую страну и почувствовали этот временный экономический подъем? То, что видели в Румынии, отличалось от того, что видели дома?*

Т. П.: Да. Развивались торговые связи с Западом. Появились товары оттуда. Мы видели это. Сельское хозяйство тоже было на подъеме. С про-

России с балканскими народами. Значительное место в его наследии занимают труды по молдавской и румынской истории.

Мошану Александр Константинович (рум.: *Alexandru Moşanu*) (1932–2017) — молдавский историк и политик. В начале 1990-х годов — первый председатель парламента независимой Молдовы. Почетный член Румынской академии.

¹⁸ Писарев Юрий Алексеевич (1916–1993) — историк-балканист, академик РАН (1992). Автор фундаментальных работ по истории Балкан в канун и в условиях Первой мировой войны, в том числе об образовании югославского государства.

¹⁹ Язькова Алла Алексеевна (1930–2016) — историк, политолог, специалист по проблемам международных отношений в Юго-Восточной Европе.

²⁰ Нежинский Леонид Николаевич (1929–2014) — историк, специалист по истории внешней политики СССР. Ряд более ранних работ посвящен новейшей истории Венгрии.

²¹ Арш Григорий Львович (1925–2017) — историк, автор фундаментальных работ по новой истории Греции, Албании, международным отношениям на Балканах.

²² Многолетний лидер Румынской рабочей партии Георге Георгиу-Деж скончался в марте 1965 г.

дуктами питания тоже было хорошо. Развивалась румынская промышленность: там традиционно приоритет отдавался легкой промышленности, производству обуви и т.д. Использовались закупленные на Западе лекала и образцы. Товары производились прекрасного, как нам тогда казалось, качества. Замечательная мебель, в кинотеатрах демонстрировались зарубежные фильмы: французские, итальянские, американские. Тогда я впервые посмотрела фильм Феллини «Сладкая жизнь». На этом подъеме и были организованы международные курсы румынского языка. Пригласили участников даже из Латинской Америки. Были представлены все страны Европы. Конечно, и страны советского блока. Все было сделано на самом высоком уровне. Нас поселили в королевскую усадьбу в Синае, в горах. Не знаю, селили ли там кого-нибудь прежде. Из СССР нас было четверо: я, преподавательница из Лингвистического института имени Мориса Тореза, ее муж когда-то работал в посольстве Румынии, и две девочки-филологи из Ленинграда. Меня и Родмонгу Потапову из института Тореза поселили во дворец короля Фердинанда²³, а девушек из Ленинграда — в бывшие королевские конюшни, очень качественно переделанные в общежития.

Я всегда хотела рассказать: знаете, о некоторых людях, некоторых артистах, кажется, известно все. Но об этом эпизоде, наверное, никто не знает. С Румынией развивались культурные связи. Этому уделялось даже большее внимание: в области экономики были споры, а культура и культурные связи развивались неплохо. Итак, мы жили во дворце короля Фердинанда, а во дворце короля Михая²⁴ поселили Аркадия Райкина. Он там готовил свою программу. Жил там один с переводчиком. Это был удивительной работоспособности человек, он приезжал в каждую страну и готовил специальную программу на языке той страны, в которой он давал концерты. В Румынии он выступал на румынском. Переводчик писал ему румынские слова на кириллице, а он все выучивал наизусть. Я его помню как очень уставшего человека, очень грустного и неразговорчивого. А дело было так. На курсах был один голландец, изучавший русский язык. Он пользовался любой возможностью поговорить со мной по-русски. Как-то мы сидели с ним на террасе, и я четко и внятно что-то ему говорила. Кто-то подошел сзади и сказал: «О, Вы так прекрасно говорите по-русски!». Я обернулась, увидела перед собой мужчину и ответила: «Как же мне не знать русский, если я из Москвы». Это был Райкин. После этого мы с ним стали общаться. Он работал каждый день до 4 часов, а после отдыхал, гулял. А жили мы в королевском имении, выходившем в горы, прекрасные места. Он никог-

²³ Фердинанд I (1865–1927) — король Румынии из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов в 1914–1927 гг.

²⁴ Михай I (1921–2017) — король Румынии из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов в 1927–1930 и 1940–1947 гг. Был награжден советским орденом Победы за своевременный разрыв с нацистской Германией в августе 1944 г. После отречения от престола жил в эмиграции.

да, ни разу не шутил. Человек, который прекрасно выступал на сцене как артист, комик, в жизни — как мне показалось — не шутил никогда. Только один раз, по нашей просьбе, он устроил для нас маленькое представление во дворце Михая, там лежали медвежьи шкуры, стояла мебель, хрусталь, картины. Для него это, наверное, было репетицией программы. Он по вечерам с удовольствием ходил на танцы, студенческие мероприятия, ему это было интересно. У нас там собралась группа из разных стран: поляк, чех, болгарка, я была, наши — мы очень тесно общались. Вот так как-то складывались отношения — там были и аспиранты, и преподаватели, в том числе и румыны. Такое взаимное притяжение было в то время между людьми из разных соцстран. Очень много было там среди преподавателей румынского людей, окончивших московские вузы. После окончания курсов была великолепная поездка по стране: с севера на юг. Мы были в румынской Молдавии, были и на юге. И в конце почти неделю прожили в Констанце: купались на море! Отношение со стороны руководства курсов к нам было очень хорошим. Там еще сказывались личные отношения моей коллеги с директором курсов — Борисом Казаку — очень хорошим, просоветски настроенным (как мне тогда, во всяком случае, казалось) человеком. А его заместитель — тот вообще окончил Ленинградский университет.

Тогда я ничего, никаких сложностей в отношениях с Румынией не могла заметить, казалось, что все идет очень хорошо. Заметила позже. Когда я стала приезжать позже, в 1970-е годы, у меня появились новые друзья, в том числе и русские женщины, вышедшие замуж за румын. И я тогда только узнала, что в Румынии происходило гонение на русских, особенно — на русских жен.

А. С.: *Еще в 1964 году началось. Дангулов²⁵ пишет в своих записках для ЦК о том, что будучи командированным в Румынию в 1964-м по линии союза писателей, он это увидел. Он провел много времени в стране, участвовал в августе в торжествах по случаю 20-летия разрыва с нацистской Германией и потом передал свои впечатления в большой записке, которая легла на стол Суслова.*

Т. П.: Да-да. Альтернатива была такая: или вы принимаете румынское гражданство и тогда продолжаете работать, или вас увольняют. А все женщины занимали очень приличные места, все были с высшим образованием. Их мужья-румыны и сами занимали высокие посты. Вот, например,

²⁵ Дангулов Савва Артемьевич (1912–1989) — писатель, дипломат. В первые послевоенные годы служил в Союзной контрольной комиссии по Румынии, а затем находился на дипломатической работе в Бухаресте. В 1964 г., будучи заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература», посетил Румынию по линии Союза писателей и обобщил свои впечатления в большой аналитической записке, направленной советскому руководству. См.: *Стыкалин А. С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. — С. 367–398.*

была такая Алла Лазя. Она работала в Институте истории имени Н. Йорги. Даже Института Йорги это коснулось. Ее перевели работать в библиотеку. Отказалась принять румынское гражданство. А ее муж Эмил Лазя, специалист по истории Трансильвании, продолжал работать в институте. Мужа другой моей русской подруги, которая не захотела менять гражданство, уволили из силовых структур. Там особенно строго к этому относились. Хотя он был лично знаком с Фазекашем²⁶ — членом Политбюро венгерского происхождения.

А. С.: *А жена Думитру Балана²⁷ приняла румынское гражданство, когда ей пригрозили увольнением. Не хотела терять работу, которая ей нравилась.*

Т. П.: Да, она — химик. А начальница ее отказалась принять гражданство. Причем это касалось не только тех, кто был женат на русских, а также их жен, но и тех, кто учился в русских вузах. Там были существенные перестановки в этом смысле. Но мы не сразу узнали об этом.

А. С.: *А когда вы впервые побывали в Трансильвании?*

Т. П.: Я начала регулярно ездить в Румынию в 1970-е годы. Потому что было много командировок по линии Академии наук. Почти каждый год я получала командировку на основе двустороннего обмена. Месяц-полтора. Специалистов по Румынии было мало, поэтому ездила я очень часто. Работала в Бухаресте в основном в библиотеке Академии наук, там собрано огромное количество работ румынских авторов. А в Клуже меня обычно сопровождал историк Георге Христовол. Он участвовал в работе двусторонней советско-румынской Комиссии историков, которой руководил академик Исаак Израилевич Минц, знал русский язык, любил русскую классическую музыку. Мы с ним и его женой остались хорошими друзьями. Несколько раз ездила и по линии общества дружбы с Румынией, тоже интересные были поездки.

В 1968 году произошла реорганизация Института истории АН СССР. Из него выделили Институт всеобщей истории и Институт истории СССР, ныне это Институт российской истории. А наш отдел перевели в Институт славяноведения, который тогда стал Институтом славяноведения и балканистики. Директором тогда был Д. Ф. Марков²⁸, и он не захотел сохра-

²⁶ Фазекаш Янош (1926–2004) — румынский партийно-государственный функционер из трансильванских венгров. В 1950-е годы возглавлял парторганизацию Венгерской автономной области в Восточной Трансильвании. Позже занимал в Бухаресте министерские посты, был зампредом Совета министров. К началу 1980-х годов впал в немилость Чаушеску и был отодвинут на вторые роли. После 1989 г. переселился в Венгрию.

²⁷ Балан Думитру (1933 г.р.) — румынский литературовед-русист, профессор Бухарестского университета.

²⁸ Марков Дмитрий Фёдорович (1913–1990) — литературовед-славист. Академик АН СССР (1984). Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР в 1969–1987 гг.

нять нашу группу: всех распределил по разным секторам, разным отделам. Кого хронологически, кого тематически. И группа перестала существовать. Я попала в очень хороший сектор — к Любомиру Борисовичу Валеву²⁹. Там работали В. В. Марьина³⁰, Г. П. Мурашко³¹, А. Я. Манусевич³² и другие крупные специалисты. Я продолжила заниматься аграрной проблематикой, которой начала заниматься еще в Институте истории. Тогда она была одной из приоритетных: во-первых, закончилась коллективизация в социалистических странах, во-вторых, и у нас, и за рубежом предпринимались попытки осмысления опыта коллективизации в СССР. С Марьиной и Мурашко я познакомилась еще до перехода в институт, на симпозиуме в Таллине по экономической истории, посвященном, в том числе, аграрной проблематике, коллективизации. Мы выступали в одной секции. Наши выступления очень заинтересовали специалистов по истории СССР — то, как в социалистических странах происходил переход от низших форм коллективизации к высшим: они сначала попробовали сделать рыбок с помощью создания колхозов, а потом немного отступили и осуществляли коллективизацию через товарищества. В это время Марьина и Мурашко работали над своей книгой «Путь чехословацкого крестьянства к социализму».

А. С.: Она вышла в 1972 году.

Т. П.: Они посоветовали мне поработать в архивах Министерства сельского хозяйства СССР, там были отчеты наших советников, курировавших вопросы развития сельского хозяйства в Румынии. Я нашла очень интересные материалы. Позже мне довелось работать в архивах румынского министерства сельского хозяйства. В итоге в 1974 году я издала монографию, она называлась «Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии, 1949–1962», редактором выступил Владилен Николаевич Виноградов. И кроме того, был еще коллективный труд «Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», он вышел

²⁹ Валеv Любомир Борисович (1915–1981) — советский историк болгарского происхождения, основные его работы посвящены проблемам новейшей истории Болгарии. Долгие годы возглавлял в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектор, занимавшийся послевоенной историей европейских социалистических стран.

³⁰ Марьина Валентина Владимировна (1927 г.р.) — историк, автор многих работ по чехословацкой истории новейшего времени (в том числе по периоду Второй мировой войны).

³¹ Мурашко Галина Павловна (1932–2018) — историк, специалист по новейшей истории Чехословакии. С конца 1980-х годов руководила в Институте славяноведения проектами по научной публикации архивных документов по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода к коммунистическим режимам. Отв. редактор ряда обобщающих коллективных монографических трудов по истории становления режимов нового типа во второй половине 1940-х и в 1950-е годы.

³² Манусевич Александр Яковлевич (1913–1997) — историк, специалист по новейшей истории Польши.

уже в конце 1980-х годов, я туда тоже написала раздел. Параллельно я занималась крестьянским движением, царанистским движением — выходила и на довоенную тематику. Было несколько статей, например, «Царанизм и пути развития Румынии», совместно с В. Н. Виноградовым, «Политические крестьянские партии», совместно с Т. Ф. Маковецкой. Всех моих тогдашних статей не перечислишь. И потихоньку я выходила на другую проблематику, во-первых, это становление народно-демократических режимов, политическая борьба, а во-вторых — сюжеты, связанные со Второй мировой войной. Я была одним из авторов «Краткой истории Румынии: с древнейших времен до наших дней». Книга вышла в 1987 году.

В 1971-м начинала свою работу комиссия историков СССР и Румынии, я сразу же вошла в ее состав. Ее возглавлял И. И. Минц³³, удивительный человек большого масштаба с большими связями. Комиссия работала несмотря на то, что история двусторонних отношений в новейший период была довольно сильно политизирована. Но всегда были темы и по более ранним историческим эпохам. Проблематика по новейшей истории была связана с Октябрьской революцией, рабочим движением. А я выступала с докладом, посвященным царанистским (крестьянским) партиям в Румынии.

А. С.: *Происходили ли в то время у вас споры с румынами? После 1968 года, когда Румыния отказалась присоединиться к чехословацкой акции, произошло ведь еще большее осложнение отношений...*

Т. П.: Нет. Отношения на наших встречах были очень хорошие, доброжелательные. Старались обходить острые темы. Минц в этом смысле играл позитивную роль, был очень дипломатичным. Когда румыны приезжали в Москву, он пользовался своим влиянием, возили их по всей стране, нас тоже возили по всей Румынии...

А. С.: *... ну и показали Трансильванию. Увидели, что это — совсем другая Румыния.*

Т. П.: Да, побывали в Клуже. Не помню, какая тема была, но у меня не связанная с Трансильванией. А позже была и в Сибиу, выступала на конференции по национальным меньшинствам.

А. С.: *Да, Херманштадт, это был преимущественно немецкий город. Главный город трансильванских немцев. И вот вы познакомились в то время с румынскими историками вашего поколения: Иоан Кипер, Флорин Константиу, будущий академик.*

Т. П.: Да, комиссию с румынской стороны вначале возглавлял другой академик, Штефан Штефанеску, а потом уже другие румынские историки, в том числе и Флорин Константиу. Все — известные румынские историки, академики.

³³ Минц Исаак Израилевич (1896–1991) — историк, занимавший видное положение в официальной советской исторической науке. Академик АН СССР (1946). Автор работ по истории революции 1917 г. и гражданской войны, в которой участвовал в качестве фронтового политкомиссара.

А. С.: Да, это были историки авторитетные, с широким кругозором. Но Константиину возглавил комиссию уже в 90-е годы, это была уже не советско-румынская, а российско-румынская комиссия.

Т. П.: У меня до сих пор сохранились дружеские отношения с целым рядом людей. Кипер, Адриана Улиу, Замфира Михаил.

А. С.: Да, она очень известный филолог.

Т. П.: Была еще Иоана Константинеску. У меня образовался свой круг друзей. Они и в СССР часто приезжали. Добрые отношения, научные и дружеские, сохранились до сих пор.

Б. Н.: Но между странами складывались весьма непростые отношения. Они как-то влияли на советских граждан, оказавшихся в Румынии?

Т. П.: На себе я это не почувствовала. И на работу комиссии это никак не влияло. Дискуссий особых между нами не было, темы острые старались обходить стороной. Все это началось в более позднее время. На протяжении всей моей жизни я никогда не встречала к себе какого-то отторжения или невнимания ни на научном уровне, ни на бытовом. К тому же я говорю по-румынски. В последнее время меня стали принимать за молдаванку.

А. С.: Вы хорошо говорите по-румынски, но у вас совсем другой акцент. Не бессарабский.

Т. П.: Конечно! Иногда за польку принимали... А я всегда говорила — я из Москвы — и все радовались! Даже в последний раз, в поездку 2019 года. Я разговорилась с одной женщиной, сказала, что я из Москвы, она очень обрадовалась!

А. С.: Замфира Михаил. Она вашего возраста. Она вам рассказывала, что трехлетней девочкой в 1940-м году она вместе с родителями бежала из Бессарабии? Вы знали ее семейную историю, тесно связанную с историей тех событий?

Т. П.: Да-да. Я познакомилась с Замфирой и ее папой одновременно.

А. С.: Он был известный священник, богослов.

Т. П.: Он был и крупным историком Церкви. Возглавлял какое-то время в Яссах Духовную академию. Они приехали в Москву, даже не по научной линии, а как туристы, и я их сопровождала. Конечно, очень старалась, ездила с ними в Загорск, в Архангельское. В Москве посещали много всяких мест. А потом я стала почти членом их семьи. Каждый раз, когда я приезжала в Румынию, мы с ними встречались. Меня очень любила мама Замфиры. У нас день рождения в один день с Замфирой — 15 июня. Только я в 1936 году родилась, а она в 1937-м. Мы всегда поздравляем друг друга. В разговорах тема Бессарабии все же иногда всплывала. Они не скрывали, что бежали оттуда в 1940 году.

А. С.: А какие-нибудь политические оценки давали? Чья Бессарабия? У кого, грубо говоря, большие на нее исторических прав?

Т. П.: Нет-нет. Никогда. Только в 1989-м, осенью, еще при Чаушеску проходил XIV партийный съезд и там вопрос о Бессарабии был поставлен открыто самим Чаушеску. А до этого иногда только в научной литературе проскальзывали проблемы Бессарабии, но политически они же ведь не поднимались.

А. С.: *В ходе каждой встречи Л. И. Брежнева и Н. Чаушеску с советской стороны высказывались претензии: почему ваша пресса себе позволяет двусмысленные высказывания по поводу Бессарабии и т.д. То есть подспудно этот вопрос присутствовал в двусторонних отношениях.*

Т. П.: Подспудно да, но никогда это не входило в планы работы комиссии и не поднималось на наших дискуссиях. Старались всё это обходить.

А. С.: *Это так, это прослеживается во многих наших документах, отчетах: цель комиссии — сблизить позиции и не касаться острых тем. С их стороны тоже не было установки с вами конфликтовать.*

Т. П.: Совершенно верно, поэтому отношения у нас с румынами на комиссии складывались хорошие.

Б. Н.: *А посещая в 1970-е годы Румынию практически каждый год, вы видели какие-то изменения, которые там происходили? Экономические, в уровне жизни.*

Т. П.: Те кредиты, которые набрала Румыния — все это аукнулось в 1970–1980-е годы. Все разногласия в рамках СЭВ и т.д. отразились на взаимоотношениях стран, взаимоотношениях политических и экономических.

Б. Н.: *А в чем это проявилось? Что вы увидели и почувствовали на своем опыте?*

Т. П.: Хотя мне всегда предоставлялись хорошие гостиницы, но со стороны я видела, что был голод настоящий, пустые прилавки, отсутствовали продукты и на рынках. В зимнее время холод. Один раз я была зимой и видела, что не отапливались библиотеки, не отапливались институты. Я сидела в зале в шапке, в шубе, руки мерзли, писать невозможно. Это было уже в 80-е годы, а раньше — не до такой степени. Была еще безумная идея, обернувшаяся трагедией для многих семей — власти стремились осуществить демографический рост в стране и были запрещены аборты. И у моих знакомых был случай, когда женщина умерла во время подпольного аборта. И другой случай, когда девушка-студентка повесилась. И настроение в обществе было мрачным, подавленным. Помню, как нападали на Дамиана Хурезяну, а это был прекрасный румынский историк...

А. С.: *Затронем теперь вопрос о смене оценок историками тех или иных событий. Вот в 1961 году вышла книга В. Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств». И там само объединение Молдовы и Валахии в 1859-м оценивалось позитивно, ставилось в один ряд с происходившими в те же годы процессами объединения германских и итальянских земель. А потом в условиях ухудшения советско-румынских отношений*

оценки с нашей стороны стали меняться. Вы общались с историками Советской Молдавии, а там такие изменения ощущались особенно остро. Вы замечали подобную смену оценок, трактовок?

Т. П.: Это все-таки XIX век. Не берусь судить. Был большой скандал в 1964 году со статьей Эмиля Валева, занимавшегося экономической географией балканских стран, в том числе и Румынии, — он предложил совместное с СССР и Болгарией освоение ресурсов Нижнего Дуная с учетом природно-климатических условий этого района, создание Нижне-Дунайского производственно-территориального хозяйственного комплекса для решения общих проблем эффективного и рационального использования придунайских территорий, а также комплексного использования самого Дуная. И реакция в Румынии была очень острой. В чем только его не обвиняли, в нарушении территориальной целостности страны и т.д. А он только поставил вопрос о преимуществах экономической интеграции применительно к устью Дуная. Ни о каком нарушении суверенитета речи не было, а его в этом начали обвинять. Потом тот же Костин Муржеску, видный румынский экономист, извративший позицию Валева, признал, что это был политический заказ.

А. С.: *Но вы разве знали тогда об этом? Потом узнали и подробно описали этот случай в одной из лучших ваших статей, опубликованной уже в наше время, в 2013-м.³⁴ А тогда, в 1964-м, могли разве что обратить внимание на статью будущего академика О. Т. Богомолова в начале июля в «Известиях» с критикой подобных взглядов, но там Валев даже не упоминался.*

Т. П.: Я обо всей этой истории узнала, конечно, не в 1964 году, а намного позже. Хочу отметить еще такой немаловажный момент: румыны думали, что статья Валева заказная, что это выражение официальной позиции СССР.

А. С.: *А у нас отмежевались, наоборот, от этой позиции.*

Т. П.: А у нас раздули персональное дело против него, почему он спровоцировал этот скандал, обсудили на географическом факультете МГУ, затем выше, но в аппарате ЦК, наверно, пригасили. Ведь в статье ничего такого не было. А в том, что произошло, проявились уже закономерности советско-румынских отношений того периода.

А. С.: *Он хорошо по тем временам отделился, между прочим.*

Т. П.: Я узнала потом о подробностях этого скандала от самого Эмиля Борисовича, он предоставил мне материалы, которые я использовала

³⁴ Покивайлова Т. А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 177–206.

в статье, которую, кстати, перевели и румыны. Жаль, если такие ценные материалы не сохранятся в архивах, а будут утрачены.

А. С.: *И вот в этой же связи. 1968 год. Особая позиция Румынии, отказ поддержать силовую акцию в отношении Чехословакии. Понятно, что отношения СССР и Румынии тогда особенно обострились. И все-таки с начала 1970-х годов вас не только пускают, но и посылают в Румынию, причем регулярно. А какие-то инструкции были, чтобы вас вызывали куда-то в райком или выше и обрабатывали там в том плане, что Румыния особая страна и что не все благополучно в советско-румынских отношениях и т.д.?*

Б. Н.: *Отчеты, наверно, приходилось писать.*

Т. П.: Только при первой поездке вызывали в ЦК в соответствующий отдел. После этого уже никаких вызовов перед поездками в Румынию не было.

А. С.: *Воспринимались как надежный в идеологическом отношении сотрудник. Никаких отклонений от официальной линии вы ведь никогда не допускали, бывая в Румынии.*

Т. П.: Отчеты о научных командировках мы писали, как это всегда было принято. О том, с кем встречались, в каких архивах работали. Никто от нас не требовал давать какую-то информацию не научного, а политического характера. Все шло через Институт и через управление внешних связей Академии наук.

А. С.: *Справки о Румынии, советско-румынских отношениях, по разным спорным вопросам, острым проблемам стали уже в 70-е годы для ЦК писать?*

Т. П.: Я думаю, что у нас, возможно, В. Н. Виноградов их писал. Т. М. Исламов писал. Я не писала. Но я иногда писала рецензии на разные работы румынских историков.

А. С.: *В РГАНИ хранятся документы 1970-х годов о том, что в аппарате ЦК затребовали рецензии на книги румынских авторов, в которых, как считалось, извращалась роль СССР во Второй мировой войне, или по другим острым сюжетам. В. Н. Виноградов, А. А. Язькова писали такие отзывы.*

Т. П.: Может быть, но ко мне за этим не обращались. А что касается рецензий, то мне не давали никаких установок, что и как писать. Но я и в отчетах о поездках упоминала о новых книгах, давала им какие-то оценки. Мои рецензии на книги румынских историков обычно публиковались в информационном бюллетене ИНИОН и считались научными публикациями. К тому же за них платили гонорар. Поэтому я была заинтересована в таких рецензиях.

А. С.: *Международный конгресс историков прошел в Бухаресте в августе 1980-го. Румыны с санкции Чаушеску использовали его для донесения*

до мирового исторического сообщества своей позиции по многим спорным вопросам. Вы были в советской делегации на съезде?

Т. П.: Нет, не была. Но я работала с румынской делегацией на всемирном конгрессе историков, который проходил в 1970 году в Москве. И вот в этой делегации был Мирон Константинеску.

А. С.: *Ого, бывший член политбюро. Опальный. Вы хорошо знаете и не раз писали о том, как на волне XX съезда он выступил против Георгиу-Дежа и поплатился за это. Правда, в последние годы жизни его вернули из опалы, он получил некоторые посты, стал депутатом и даже был избран академиком. Но вскоре он умер, совсем не старым, в 1974 году.*

Т. П.: Бывший член политбюро, ветеран партии, подпольщик. Когда он был в опале, его перевели на работу в институт истории имени Йорги. Он занялся, кажется, социологией. И я его сопровождала на этом съезде.

А. С.: *Он хорошо знал русский? Я знаю, что он родился в Бессарабии, но детские годы провел ведь в межвоенной Трансильвании.*

Т. П.: Прекрасно знал русский. Так вот, его всегда интересовали настроения в обществе. А у него интересная очень биография, он и со Сталиным встречался в составе румынских делегаций, и на XX съезде присутствовал.

А. С.: *И он действительно в 1970-м позволял себе такое вам рассказывать? 1956 год и так далее. О том, как они пытались скинуть Георгиу-Дежа, наверно, он вам не рассказывал, старался не касаться таких вещей?*

Т. П.: Мы с ним встречались и отдельно от других членов делегации. По моей просьбе. Меня интересовали вопросы сельского хозяйства. Он рассказывал о том, как обсуждались в руководстве решения по этим вопросам. Шла внутривластная борьба. Анна Паукер, у которой было большое влияние в Политбюро, и ее сторонники выступали за более радикальный путь. Он же относился к тем, кто придерживался более умеренных позиций.

А. С.: *Да, были и те, кто призывал больше учитывать национальную специфику. И они победили в конце концов. Вы много писали об этом в разных своих работах. Паукер была отодвинута в последний год жизни Сталина и даже арестована, потом, правда, ее освободили из заключения, но из опалы она так и не вышла вплоть до своей кончины в 1960-м. С кем еще из румынской элиты довелось встречаться? Имею в виду не только научную элиту, но и политическую.*

Т. П.: Когда мы были по линии комиссии, Ион Попеску-Пуцури нас принимал. Он возглавлял в это время Институт истории партии. Влиятельный ветеран партии. А потом у меня сложились очень хорошие отношения с Георге Бузату, который уже после свержения Чаушеску был на высоких постах. Принимал меня, показывал свою библиотеку.

А. С.: *Но это уже человек вашего поколения. Он был в это время депутатом и даже влиятельным сенатором от крайне правой партии «Румыния маре». Спорили о чем-то с ним?*

Т. П.: Острых тем он не касался. Но его всегда интересовали новые документы. В 1990-е годы мы вместе с ним делали статьи на основе архивных документов. И была еще очень запоминающаяся встреча. Я по просьбе Иоана Кипера сопровождала Палтина Стурдзу, внука генерала Аврамеску, которому дали разрешение ознакомиться с документами, находившимся в архиве ФСБ. Генерал Аврамеску был военный деятель времен Второй мировой войны, после августа 1944-го командовал румынской армией, воевавшей в союзе с нами, она дошла до Чехословакии. Он погиб в марте 1945-го при не до конца проясненных обстоятельствах. По официальной версии, погиб в результате налета немецкой авиации, но там не все ясно. Палтин Стурдза много писал об этом. Я также написала несколько статей³⁵. Есть версия о том, что король Михай видел в нем одного из кандидатов на пост премьер-министра. Но я таких документов не видела. Известно, что он был в родстве с крайне правыми деятелями, связанными с режимом Антонеску, в частности, с одним из них, Михаем Стурдзой; есть версия, что он помог своему зятю, имевшему связь с легионерами, бежать на Запад. Может быть, это тоже повлияло на его судьбу. Были и доносы из его окружения.

С его внуком я встречалась уже 2000-е годы. Ему показали все архивные дела, связанные с судьбой его бабушки, также арестованной, и деда. Трагическая судьба постигла и его мать, дочь генерала Аврамеску, которая также была арестована и после ареста покончила с собой, отравившись цианистым калием, а сам восьмимесячный Палтин стал «пленником» советских солдат, на попечении которых он некоторое время и находился, а затем его передали на воспитание тете, сестре его матери. Такова трагическая судьба этой семьи в годы войны. А сколько трагедий принесла война советским людям? И забывать об этом нельзя. Поэтому в настоящее время такое большое значение придается изучению истории Второй мировой и Отечественной войны советского народа, в том числе и в нашем институте.

Очень важно, что мы с коллегами по нашему институту среди первых начали работать в архиве, где хранились особые коллекции документов по истории Второй мировой войны. И на этом ценном, ранее неизвестном материале я подготовила начиная с 1990-х годов и позже ряд статей.

А. С.: *Это были документы трофейного архива. В то время он назывался Центр хранения историко-документальных коллекций. Теперь эти фонды входят в состав РГВА.*

Т. П.: В Германию во время войны были вывезены документы из разных стран, а потом они попали к нам в качестве трофея.

³⁵ См., в частности: Покивайлова Т. А. Загадка гибели командующего 4-й румынской армии генерала Г. Аврамеску // Славяноведение. 2015. № 1. С. 77-81.

А. С.: *Доступ к этим документам вы с коллегами могли получить только в начале 1990-х годов. В это время, я так думаю, что наверно, в 1992-м в вашей деятельности начался новый этап, вы стали работать с архивными документами, к которым раньше допуска не имели. А что касается тематики, то вы активно включились в это время в изучение Второй мировой войны.*

Т. П.: Да, я много занимаюсь тематикой Второй мировой войны по сегодняшний день. Выступала с докладами на многих конференциях, и эти доклады публиковались. И я была в числе первых, кто стал публиковать статьи на основе документов этого трофейного архива. Участвовала в крупных исследовательских проектах по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. В том числе под руководством В. В. Марьиной. Одной из тем моих исследований было движение Сопротивления в Румынии. Я опубликовала в разные годы немало статей, главы в коллективных трудах по истории Второй мировой войны³⁶.

А. С.: *Но кроме войны у вас вырисовались и другие направления. И в том числе послевоенное строительство. Вы участвовали с коллегами в ряде масштабных коллективных трудов.*

Т. П.: Во-первых, мы с Т. М. Исламовым стали заниматься Трансильванией, я отдала этому более 15 лет. Вначале на основе архивных работ мы опубликовали сборник документов³⁷, который был переведен и на румынский язык. Были многочисленные статьи, главы в коллективных трудах, доклады на конференциях. В конце концов, уже после кончины Т. М. Исламова я опубликовала нашу общую монографию³⁸. Он изучал материал со стороны Венгрии, я со стороны Румынии, приоритет оставался за ним, он выходил на обобщения. Это был очень умный и талантливый историк, работавший в нашем институте. Другое направление — первые послевоенные годы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Как специалист по Румынии я включалась в команду, которую вначале возглавляла Г. П. Мурашко. Мы начали с издания документов, вышло два больших двухтомника³⁹. На один из этих проектов получили грант Сороса. За документальными изданиями последовала коллективная моногра-

³⁶ См., например, коллективные труды: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 / под ред. В. В. Марьиной. М.: Радикс, 1995. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999.

³⁷ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР, 1940–1946: Документы / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: РОССПЭН, 2000.

³⁸ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М.: Индрик, 2008.

³⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. Т. 1–2; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 1999–2002. Т. 1–2.

фия⁴⁰. И еще очень важная книга была, в ней я выступала ответственным редактором — «Три визита Вышинского»⁴¹. Она также была переведена на румынский. Документы там очень интересные и важные: о советской политике в Румынии в этот переломный период.

А. С.: *Румыны сразу поняли, что вы представляете для них огромный интерес как лучший знаток российских документов по их новейшей истории.*

Т. П.: И активно стали приглашать на конференции в Румынию. Я много публиковалась и в румынских журналах, особенно в журнале *Magazin istoric*. Это были публикации на основе российских архивных документов. Мне особенно хотелось бы отметить конференции середины 1990-х годов в Сигете, проводимые Институтом Йорги совместно с фондом, который возглавляла поэтесса А. Бландиана. В этом городе Сигете, в крае Марамуреш была самая жесткая тюрьма, куда после прихода к власти коммунистов заключали наиболее влиятельных политических деятелей, в которых видели оппозиционеров (Ю. Маниу, Г. Брэтиану, Г. Татареску). Маниу и Брэтиану умерли там.

А. С.: *Вы помните, наверно, что камера, где умер Маниу, стала частью музейной экспозиции. А вообще их держали именно там потому, что в случае антикоммунистического восстания в Румынии они в течение полудня могли быть переправлены на советскую территорию, ведь город Сигет пограничный.*

Т. П.: Да, это так. Я бывала в Сигете с середины 1990-х годов почти на каждой конференции. Меня пригласили туда после одного моего доклада в Институте Йорги. Эти конференции строились по хронологическому принципу. В центре внимания каждой из них был определенный этап в новейшей истории Румынии. Это были международные конференции, очень хорошо спонсировались. Там собирались не только историки, но и непосредственные свидетели событий, в том числе члены политических партий 40-х годов (кто еще был жив), участники разных оппозиционных и диссидентских движений времен Чаушеску. И все статьи публиковались в их «Анналах». Помню еще конференцию, проведенную, когда был создан институт по изучению тоталитаризма, его возглавлял Р. Чучану, тоже диссидент. Они пригласили меня и Т. Волокитину. Предметом обсуждения стали итоги Второй мировой войны. А проводилась конференция в Снагове.

А. С.: *Там когда-то были коминформовские дачи. Хорошее место. Живописные пруды.*

⁴⁰ Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: РОССПЭН, 2002 (2-е издание — 2008).

⁴¹ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: РОССПЭН, 1998. (Из истории советско-румынских отношений).

Т. П.: Насколько знаю, когда-то, в Средние века это место было связано с Владом Цепешем. Прообраз Дракулы. А позже там построили дворец для Чаушеску. Он проводил там разные мероприятия. Конференция там и проходила. И жили мы там.

Б. Н.: *Насчет дворца для Чаушеску, в котором вы работали и жили, — существует представление об их — имею в виду чету Чаушеску — очень специфическом вкусе. Не только склонность к роскоши, но и безвкусица.*

Т. П.: Но когда я была там — это не было так заметно.

А. С.: *А вот присущая режиму Чаушеску гигантомания. Стали строить в Бухаресте огромные дворцы, разрушив перед этим половину старого города. Еще и землетрясение помогло 4 марта 1977-го, расчистило место.*

Т. П.: У меня один приятель, тоже историк, жил в доме, который был полностью разрушен во время землетрясения. Но он получил потом квартиру в новом доме, как и другие, чьи дома также оказались в руинах в то время. Дали и талоны на получение одежды, разных вещей. Многие старые особняки действительно были разрушены позднее, во времена гигантомании Чаушеску. Те, в которых жила до революции старая элита, а потом они достались новой элите. А некоторые пострадали уже позже, после Чаушеску, когда прежние владельцы могли отсудить у новых хозяев собственность, которой лишились с приходом коммунистов к власти.

А. С.: *Вот с конца 1970-х в Румынии строится здание парламента, крупнейшее в Европе и второе в мире после Пентагона. Небоскребы, новые проспекты. Ведь вы были свидетелем всего этого.*

Т. П.: Да, я все это видела.

А. С.: *Помню свои аспирантские годы. Середина 80-х. Некоторые наши сотрудники, специалисты по Румынии, ездили в страну и потом делились впечатлениями на институтских заседаниях. Особенно М. В. Фридман, у которого в Румынии были широкие связи. Он ведь и гимназию кончил еще перед войной, причем в Бухаресте. Рассказывали и о сильном культе личности, и о пустых прилавках в магазинах⁴².*

Т. П.: Я тоже бывала в стране и помню это время. Настроение действительно было удручающее. Правда, в разговорах со мной, человеком из СССР, свое недовольство старались не выражать. Хотя, конечно, это чувствовалось, это видно было.

Хочу сказать также, что очень тесное сотрудничество у нас сложилось с институтом по изучению Юго-Восточной Европы. Я занималась долгие годы проблемами миграций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, и нашим главным партнером с румынской стороны был этот институт. У меня были гранты, проекты под моим руководством, по их итогам

⁴² Фридман Михаил Владимирович (1922–2006) — литературовед, переводчик румынской литературы.

вышло несколько книг⁴³. Конференции по этой теме проводились с нашим участием и в Румынии, выходили книги; с их стороны проектом руководила Елена Сюпюр. Она прекрасный организатор. Помню, как участвовала и в конференции по национальным проблемам в Сибиу, где до сих пор осталось немецкое население.

А. С.: *Родина нынешнего президента Румынии Клауса Йоханниса.*

Т. П.: Я знаю, что его выбрали президентом Румынии потому, что за ним утвердилась репутация человека, не погрязшего в коррупции.

А. С.: *Наверно, у немцев свои стандарты поведения в этом плане.*

Т. П.: Конечно, большой удар по нашему сотрудничеству нанесла реорганизация нашей Академии — после 2013 года мы потеряли возможность ездить в страны, которыми занимаемся, на основе эквивалентного обмена. После этого ездили больше на конференции, а на работу в архивах времени почти не оставалось.

А. С.: *Я думаю, что румынским коллегам мы интересны прежде всего как знатоки российских архивов по румынской тематике. В свои архивы они сами пойти могут. А вот все ваши сообщения на основе российских архивных работ и находок проходили на ура.*

Т. П.: Надо упомянуть еще и о том, что в 2004-м по итогам встречи на высшем уровне была создана еще одна комиссия — по спорным и сложным вопросам в двусторонних отношениях, включая проблему румынского золота, переданного Румынией России в 1916–1917 годах. Румыны ведь продолжали настаивать на его полном возвращении. И я вошла в эту комиссию. Возглавил ее академик А. О. Чубарьян. Она до сих пор продолжает действовать. Почему она возникла? К началу 1990-х годов истек срок действия советско-румынского договора, его надо было продлить. В апреле 1991-го был подписан новый договор, но вскоре Советский Союз распался. В повестку дня встает задача заключения теперь уже российско-румынского договора. И румыны настоятельно требовали включить туда упоминание пакта Молотова-Риббентропа, в соответствии с которым Бессарабия отошла к Советскому Союзу в 1940 году, и отразить в тексте договора также проблему румынского золота. И вот до 2003-го стороны не могли договориться. И только уже после возвращения И. Илиеску на президентский пост⁴⁴, в 2003-м, на встрече И. Илиеску и В. Путина был вновь поставлен этот вопрос румынской стороной. В конце концов после долгих дискус-

⁴³ В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX — первая половина XX в.) / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: Индрик, 2009; Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.: Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России / отв. ред. Т. А. Покивайлова. СПб.: Алетейя, 2011.

⁴⁴ Ион Илиеску был президентом Румынии в 1990–1996 и 2000–2004 гг.

сий было решено эти спорные вопросы вынести за рамки договора, отдать на обсуждение историкам: пусть историки решают эти проблемы. Надо сказать, что проблема судьбы румынского золота до 1989 года официально не поднималась, хотя и затрагивалась в ходе переговоров, а в 1990-е годы стала подниматься румынской стороной очень активно, публикуются документы по этой теме и т.д. Таким образом, было принято решение создать эту комиссию, комиссию по истории российско-румынских отношений, включая румынское золото, она начала работу в 2004-м, причем встречи происходили поочередно — у нас и в Румынии. И вот тут шли настоящие битвы, разворачивались обоюдоострые дискуссии о судьбе румынского золота, оказавшегося в России. С российской стороны в первом заседании принимал участие В. Н. Виноградов, выступавший очень компетентно и при этом резко, были другие видные историки, глубоко знавшие румынские проблемы, — А. А. Язькова, И. И. Орлик, Л. Е. Семенова, была включена и я. С приходом к власти в Румынии в конце 2004-го Т. Бэеску отношения двух стран испортились, комиссия уже не заседала регулярно. Но я в это время углубилась в тему, работая с архивными материалами. В итоге вышла моя книга о судьбе румынского золота⁴⁵. Книга по этой теме вышла и в Румынии. Ее сделал И. Скипор, несколько лет проработавший в румынском посольстве в Москве⁴⁶. Туда вошли и некоторые документы, которые я, к сожалению, не получила. У него были хорошие связи с российскими архивистами, ранее он подготовил сборник документов о судьбе румынских военнопленных в СССР.

А. С.: *Вот подготовлена рецензия коллеги Н. Морозова на обе эти книги. Она доступна уже в Интернете и будет в этом году опубликована в журнале «Историческая экспертиза».*

Т. П.: Сейчас проявлена инициатива перевести и издать мою книгу на румынском языке. Я хочу внести в этот румынский вариант некоторые дополнения с учетом двух важных документов, опубликованных в книге Скипора. А вообще ведь у нас со Скипором совершенно разные концепции. Я беру проблему золота как составную часть советско-румынских и российско-румынских отношений в контексте международных отношений и всех перипетий. Так же, как это делали другие наши российские исследователи, обращавшиеся до меня к теме, — В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко. Мы показываем, и это прозвучало в официальных документах нашего правительства, что румынские долги, образовавшиеся в годы Первой мировой войны, — они намного превосходили стоимость всего румынского имущества, которое было к нам привезено, и мы его имели на своей терри-

⁴⁵ Покивайлова Т. А. Судьба «румынского золота» в России 1916–2020. Очерки истории. СПб.: Алетейя, 2021.

⁴⁶ Schipor I. Destinul tezaurului României. Argumente din arhivele ruse. București: Oscar Print, 2021.

тории — это не только золото, но и разные ценности, в том числе драгоценности королевы Марии. Поэтому мы ставим с российской стороны вопрос о взаиморасчетах. Давайте посчитаем, кто кому и сколько должен, приняв во внимание весь комплекс задолженностей друг другу. Но вот они издали серьезный том с документами. К сожалению, в книге нет ни одного документа, в котором бы говорилось о проблеме взаиморасчетов, не представлены документы из Архива внешней политики РФ, и это не случайно, так как румынские историки хотят уйти от обсуждения этой проблемы. С российскими архивами составителю тома документов И. Скипору повезло, он опубликовал много новых документов из российских архивов, но это не снимает главных концептуальных разногласий между российской и румынской сторонами в исследовании проблемы. В то время как румынская сторона намеренно вычленяет вопрос о румынском золоте из общего плана международных отношений, российские историки рассматривают этот вопрос в широком международном контексте. Проблема взаиморасчетов остается и по сей день актуальной, она лежит в основе контрпретензий российской стороны, не признаваемых румынами.

А. С.: *А когда вы узнали о том, что существует сама эта проблема румынского золота, переданного на хранение в Россию? Вы только в 1990-е годы об этом узнали?*

Т. П.: Только в 1990-е.

А. С.: *Мы знаем, что Л. И. Брежнев и все советское руководство услышали об этом еще в сентябре 1965-го, когда румыны в ходе переговоров на высшем уровне в Москве поставили вдруг вопрос о возвращении золота. Для наших руководителей это было как разорвавшаяся бомба — предъявление таких претензий румынами было очень неожиданным. Тогда у нас были иллюзии, что с румынами отношения улучшатся: ушел Хрущев, умер Деж, удастся как-то с чистого листа начать все, разгрести образовавшиеся в двусторонних отношениях завалы, преодолеть основные разногласия. И тут вдруг такое. Берет слово бессарабец А. Бырлэдяну, говоривший на русском языке как на родном, и заявляет нашим лидерам: когда вы наконец нам отдадите наше золото?!*

Т. П.: Я изучала все это детально и скажу больше. На встрече М. Горбачева и И. Илиеску в апреле 1991 года румыны тоже поставили этот вопрос. Знал Горбачев или нет об этой проблеме, но он ответил: мы с этой проблемой незнакомы, должны поручить предоставить нам необходимую информацию, то есть мы должны разобраться в этой проблеме детально. Рассмотрение вопроса по сути отложили. Позже Путин, встречаясь в 2003-м с Илиеску в связи с подписанием российско-румынского договора, был уже более подкованным в этом деле.

А. С.: *Давайте вернемся еще к теме международных форумов историков, проходивших в разные годы в Румынии, мы вспомнили не все. Да,*

вы не были на Международном конгрессе историков в августе 1980-го, но, кажется, были на конгрессе исследователей Юго-Восточной Европы в 1974 году.

Т. П.: Мне запомнилась более всего поездка на такой конгресс в Белград. Советскую делегацию возглавлял В. Н. Виноградов. Это была прекрасная поездка. Это тоже были 1970-е годы.

Б. Н.: *Насколько сильно Белград отличался от Бухареста?*

Т. П.: Да, отличался. Но я хочу сказать о том, что и Бухарест изменился, и не всегда в лучшую сторону. Да, при Чаушеску было много показухи, но город реально был чище, следили и за состоянием дорог на городских улицах. А что касается Югославии, то нам тогда организовали неплохую поездку по стране. Загреб, Сараево, Риека (то есть мы побывали и на хорватской Адриатике, на море). Поездка мне запомнилась. А о Белграде запомнилось еще и вот что. Во многих домах было печное отопление, город топили углем и многие дома, красивые белые дома были просто в саже, в копоти. Обратно ехали домой через Венгрию.

А. С.: *Мы были с вами в Венгрии и в 2008 году, на конференции. Была и Г. П. Мурашко.*

Т. П.: Запомнился мне и конгресс в Болгарии 1989 года. Это был тоже конгресс по изучению Юго-Восточной Европы. Ранняя осень, много зелени, красота. И сам конгресс был хорошо организован. У власти тогда еще находился Т. Живков, а через считанные недели его власть пала.

Б. Н.: *Если подвести итоги, Татьяна Андреевна, то самым плодотворным у вас был период 1990-х — начала 2000-х, с начала «архивной революции»? Открылись архивы, были и гранты.*

Т. П.: Это так, но не должно создаться впечатление, что все другие периоды были малопродуктивными. Я упустила еще проект второй половины 1980-х годов под руководством В. А. Дьякова: «Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Марксистскую историографию мы показывали в контексте других идейных течений. Давали общую, причем подробную характеристику основных тенденций исторической науки. Труд был подготовлен основательный. Но вышел малой печатью на плохой бумаге в тяжелое для нашего института и вообще для науки время — рубеж 1980–1990-х — и не получил огласки, а мог стать хорошим подспорьем и для начинающих историков, поскольку давал характеристику исторической науки в странах нашего региона на протяжении целого столетия⁴⁷.

А. С.: *Помню этот труд. Я писал в нем раздел по Венгрии. А ваша глава в той книжке едва ли не самая основательная.*

⁴⁷ Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870–1965) / отв. ред. В. А. Дьяков. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991.

Т. П.: Вообще на тот период пришлось немало интересных публикаций, уже почти, к сожалению, забытых. Вот сборник 1993 года «Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы». Я опубликовала там статью по документам о поездке великого композитора Джордже Энеску в Москву в 1946 году. Он был с женой. Она была настроена антикоммунистически и этого не скрывала. Потом эта статья публиковалась и в Румынии. К ней был большой интерес. Я всегда работала с полной отдачей сил — и даже тогда, когда по новейшей истории можно было публиковать только работы сугубо политизированные.

А. С.: *А бессарабский вопрос до 1990-х годов вообще никак не всплывал? Вы ведь всегда поддерживали довольно тесные связи и с кишиневскими историками. Они старались не афишировать свои взгляды, когда были с вами?*

Т. П.: Нет. Я хорошо была знакома с А. Мошану.

А. С.: *Первый председатель парламента независимой Молдовы. Это был 1989 год.*

Т. П.: Он был хороший историк.

А. С.: *Это так, но работать приходилось в непростых условиях. Взять, например, его книгу 1970-х годов об истоках социалистического движения в Румынии. Х. Г. Раковский не мог быть в ней упомянут в позитивном плане, потому что не был еще в то время реабилитирован, его реабилитировали только в 1988-м вместе с Н. И. Бухариным. А ведь его роль в формировании румынского социалистического движения была очень велика. Такого рода факты хорошо показывают ту эпоху. Мошану и сам потом довольно иронически смотрел на свою книгу.*

Т. П.: Я не совсем с этим согласна. Он сделал основательную книгу. Другое дело, что потом ему надо было откреститься от нее, когда он стал политиком в Кишиневе в период, когда наступил поворот к антикоммунизму и отрицанию советских ценностей. Как он попал в политику — это другая история. Он из крестьянской семьи, получил хорошее образование при советской власти, вступил в партию, никогда не был диссидентом, но опубликовал как-то ко дню освобождения Румынии 23 августа статью, которая вызвала недовольство.

А. С.: *К 25-летию разрыва Румынии с нацистской Германией 23 августа 1969 года в республиканской газете «Молдова социалистэ» публикуется его статья, и вот первый секретарь республиканской компартии тов. И. И. Бодюл прочитал эту статью и сказал: «А у нас румынская агентура здесь окопалась в Кишиневе». Мне Мошану сам рассказывал о реакции Бодюла и о том, как его вызывали на бюро республиканской компартии. А ведь это 1969-й. Всего год прошел после ввода войск ОВД в Чехословакию, а вы прекрасно знаете, какой была позиция Румынии и насколько тогда были у нас испорчены с ней отношения. То есть была большая разборка*

и его чуть не исключили из партии, а не исключили его только потому, что он хорошо подготовился и все положения своей статьи мог обосновать, ссылаясь на высказывания Л. И. Брежнева, других советских лидеров.

Т. П.: Из партии его не исключили, но обидели очень сильно. Я считаю, что эта обида и привела его в политику и в ряды диссидентов. Он стал после этого человеком, настроенным прорумынски, а потом вырвался в первые ряды этого Национального фронта.

А. С.: *Он вспоминал об этом в 2012 году, у меня была возможность послушать его воспоминания по дороге на автобусе из Кишинева в Яссы, тогда прошла в двух этих городах конференция к 200-летию присоединения Бессарабии к России. При этом он хорошо вспоминал наш институт и встречи с российскими коллегами. Он был румынофилом, но в беседе со мной ни малейшей русофобии не проявлял.*

Т. П.: Хотелось бы немного сказать и о личном.

У меня хорошая семья. Дочь — пианистка, преподаватель музыки, закончила Московскую консерваторию, зять — программист, внучка учится в докторантуре в университете города Утрехта в Нидерландах по специальности компьютерная лингвистика. Живем дружно.

В заключение я хотела бы сказать, что у меня сохранился еще большой личный архив новых документов, которые я могла бы использовать в своей дальнейшей работе, много задумок и незавершенных работ, которые хотелось бы реализовать. Однако в нашей академической науке, причем это касается и моего родного Института славяноведения РАН (а говорить обо всех институтах я тут не берусь, ситуация везде разная), существует правило предлагать сотрудникам, несмотря на их творческий потенциал, уходить по возрасту «по собственному желанию» на пенсию, несмотря на высокие ежегодные рейтинги, многочисленное цитирование работ и в стране, и за рубежом. Мне кажется, что настала пора менять эту практику, ведь за последние годы возрастная структура института и так уже значительно поменялась в пользу молодых сотрудников, а ведь в исторической науке процесс накопления, осмысления и реализации знаний — это непрерывный, постепенный и длительный процесс, и все зависит от творческих возможностей ученого. Да и специалистов по истории Румынии осталось совсем мало, а высшие учебные заведения РФ, помимо ведомственных, их, по причине отсутствия преподавателей по специальности, не готовят.

А. С., Б. Н.: *Спасибо вам, Татьяна Андреевна, за содержательную беседу. Ждем теперь и реализации вашего нового замысла, хотелось бы поддержать в руках, почитать биографию короля Михая, над которой вы трудитесь по договоренности с Институтом славяноведения. Здоровья вам и творческих сил.*

Список важнейших трудов Т. А. Покивайловой

Публикации документов

- Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Индрик, 1996 (*один из авторов вступительных статей и составителей*).
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: В 2 т. / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998 (*член коллектива составителей*).
- Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: РОССПЭН, 1998. (Из истории советско-румынских отношений). (*отв. редактор; есть перевод на румынский язык*).
- Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР, 1940–1946: Документы / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: РОССПЭН, 2000 (*член редколлекции и один из составителей; неоднократно публиковалось и на румынском языке*).

Сочинения

- Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии, 1949–1962. М.: Наука, 1974.
- Краткая история Румынии: С древнейших времен до наших дней / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 1987 (*член авторского коллектива*).
- Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Очерки истории / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: Наука, 1989 (*член авторского коллектива*).
- Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870–1965) / отв. ред. В. А. Дьяков. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991 (*член авторского коллектива*).
- Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / ред. кол. В. Н. Виноградов, Т. М. Исламов, Ю. С. Новопашин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 54–136 (*в соавторстве с Т. М. Исламовым*).
- Коминтерн и Коммунистическая партия Румынии, 1939–1940 годы (по документам из архива Коминтерна) // Славяноведение. 1994. № 6. С. 3–9.
- Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 / под ред. В. В. Марьиной. М.: Радикс, 1995 (*член авторского коллектива*).
- Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 — июнь 1941 года // Война и политика, 1939–1941 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. С. 456–471 (*в соавторстве с Т. М. Исламовым*).

- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999 (*член авторского коллектива*).
- Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: РОССПЭН, 2002 (2-е издание — 2008) (*член авторского коллектива*).
- Конфессиональная ситуация в Трансильвании и ликвидация униатской церкви в Румынии (40-е годы XX в.) // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы, 1939–1958: Дискуссионные аспекты / под ред. Г. П. Мурашко и М. И. Одинцова. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 181–199.
- Despre relațiile dintre Komintern și comuniștii din România (vara 1941 — toamna 1943). Pe marginea unei misiune eșuate // Studii și materiale de istorie contemporană. Serie nouă. Vol. 2, 2003 P. 59–78 (*в соавторстве с И. Кипером*).
- СССР и трансильванский вопрос (1945–1946) // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 26–40 (*в соавторстве с Т. М. Исламовым*).
- Национально-территориальный вопрос в Румынии в контексте советско-германских отношений: август 1939 — июнь 1941 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР / Сост. М. А. Липкин. М.: Права человека, 2006. С. 545–556.
- Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 года // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 58–70 (*в соавторстве с Т. М. Исламовым*).
- Трансильванский вопрос в советско-румынских отношениях на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы двусторонней комиссии историков России и Румынии / отв. ред. Л. Е. Семенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 85–105.
- Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М.: Индрик, 2008 (румынское издание — Europa de Est și politica de forță a Marilor Puteri. Chestiunea Transilvaniei în anii 1940–1946. Cluj-Napoca: Școala Ardeleană, 2022) (*в соавторстве с Т. М. Исламовым*).
- Трансильванское общество в 40-х годах XX века // Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке. Сборник статей / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 263–282.
- Трансильванский вопрос в планах Великих держав по послевоенному мирному урегулированию (до соглашения о перемирии с Румынией — сентябрь 1944 г.) // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова / отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб.: Алетейя, 2009. С. 495–528 (*в соавторстве с Т. М. Исламовым*).
- Положение национальных меньшинств в Трансильвании в контексте венгеро-румынских отношений и внешней политики СССР // State and Nation in Russia and Central-East-Europe / ed. G. Szvák. Budapest: Russica Pannonicana, 2009. С. 262–273.
- Проблемы адаптации русской белой эмиграции в Румынии. Виктор Богомолец — агент румынских секретных служб // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая полови-

- на XIX — первая половина XX в.) / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: Индрик, 2009. С. 146–156.
- Советская военная администрация в Трансильвании (ноябрь 1944 — март 1945 года): Проблемы национальных меньшинств и межэтнических конфликтов // Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы / отв. ред. О. В. Хаванова. СПб.: Алетейя, 2010. С. 46–62.
- 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010 (*член авторского коллектива*).
- Механизмы формирования общественных настроений в Румынии и их эволюция в 1946–1950 гг. // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 153–167.
- Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.: Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России / отв. ред. Т. А. Покивайлова. СПб.: Алетейя, 2011. (*Отв. редактор, член авторского коллектива*).
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М.: Кучково поле, 2012. Т. 2: Происхождение и начало войны / ред. комиссия: О. А. Ржешевский и др. (*Член авторского коллектива*).
- От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 177–206.
- Межнациональные конфликты в Трансильвании и румынском Банате в период проведения аграрных реформ 1921 и 1945 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 173–187.
- Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. / отв. ред. Р. П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014 (*член авторского коллектива*).
- Румыния во Второй мировой войне в румынской историографии // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 126–142.
- Российско-румынские отношения в годы Первой мировой войны и проблемы взаиморасчетов // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Очерки истории / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 602–619.
- Решение о выходе Румынии из фашистского блока (1943 — сентябрь 1944 гг.) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн / отв. ред. В. В. Теплухин. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 202–218.
- Загадка гибели командующего 4-й румынской армии генерала Г. Аврамеску // Славяноведение. 2015. № 1. С. 77–81.
- Дискриминационная политика румынского правительства в отношении еврейского населения и цыган в годы Второй мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 5 (49). URL: <https://history.jes.su/s207987840001561-6-1/> (дата обращения: 07.04.2022).

- Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Россию в годы Первой мировой войны // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию Ю. А. Писарева / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 358–370.
- Из истории советско-румынских отношений 1943–1944 гг.: румынский король Михай и советское руководство // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т. В. Волокитиной / Редкол.: Е. Л. Валева, Н. С. Гусев, Н. М. Куренная, А. С. Стыкалин, М. М. Фролова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 192–201.
- Переселения и депортации национальных меньшинств в Румынии (1940-е — начало 1950-х годов) // Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 198–210.
- Из истории советско-румынских отношений. Прелиминарная конференция 1921 г. в Варшаве // *Перспективы*. Электронный журнал. 2019. № 1 (17). С. 113–129.
- Судьба «румынского золота» в России 1916–2020. Очерки истории. СПб.: Алетейя, 2021.
- 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021 (член авторского коллектива).

Литература

- В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX — первая половина XX в.) / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: Индрик, 2009.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. Т. 1–2.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999.
- Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 / под ред. В. В. Марьиной. М.: Радикс, 1995.
- Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М.: Индрик, 2008.
- Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870–1965) / отв. ред. В. А. Дьяков. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991.
- Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.: Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России / отв. ред. Т. А. Покивайлова. СПб.: Алетейя, 2011.
- Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: РОССПЭН, 2002.
- Покивайлова Т. А.* Загадка гибели командующего 4-й румынской армии генерала Г. Аврамеску // *Славяноведение*. 2015. № 1. С. 77–81.

- Покивайлова Т. А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сборник статей / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 177–206.
- Покивайлова Т. А. Судьба «румынского золота» в России 1916–2020. Очерки истории. СПб.: Алетей, 2021.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 1999–2002. Т. 1–2.
- Стыкалин А. С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 367–398.
- Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР, 1940–1946: Документы / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: РОССПЭН, 2000.
- Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов / отв. ред. Т. А. Покивайлова. М.: РОССПЭН, 1998. (Из истории советско-румынских отношений).
- Schipor I. Destinul tezaurului României. Argumente din arhivele ruse. București: Oscar Print, 2021.

References

- D'iakov, V. A., ed., 1991. *Marksizm i istoricheskaja nauka v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy (1870–1965)* [Marxism and historical science in the countries of Central and South-Eastern Europe (1870–1965)]. Moscow: Institut slavjanovedenija i balkanistiki AN SSSR.
- Islamov, T. M., ed., 2000. *Transil'vanskii vopros. Vengero-rumynskii territorial'nyi spor i SSSR, 1940–1946: Dokumenty* [The Transylvanian question. Hungaro-Romanian controversy and the USSR, 1940–1946: Documents]. Moscow: ROSSPEN.
- Islamov, T. M., Pokivailova, T. A., 2008. *Vostochnaja Evropa v silovom pole velikikh derzhav. Transil'vanskii vopros. 1940–1946 gody* [Eastern Europe in the force field of the Great powers. The Transylvanian question, 1940–1946]. Moscow: Indrik.
- Mar'ina, V. V., ed., 1995. *Dvizhenie Soprotivlenija v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. 1939–1945* [The resistance movement in the countries of Central and South-Eastern Europe, 1939–1945]. Moscow: Radiks.
- Murashko, G. P., ed., 1997–1998. *Vostochnaja Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. 1944–1953* [Eastern Europe in the documents of Russian archives, 1944–1953]. Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf. Vol. 1–2.
- Noskova, A. F., ed., 2002. *Moskva i Vostochnaja Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953): Oчерki istorii* [Moscow and Eastern Europe. The formation of political regimes of the Soviet model (1949–1953). Essays on history]. Moscow: ROSSPEN.
- Pokivailova, T. A., ed., 2011. *Migratsija i emigratsija v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v XVIII–XX vv.: Sokhranenie natsional'noi identichnosti i*

- istoriko-kul'turnogo naslediiia Rossii [Migration and emigration in the countries of Central and South-Eastern Europe in XVIII–XX centuries]. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Pokivailova, T. A., 2013. Ot G. Georgiu-Dezha k N. Chaushesku. Rumyno-sovetskie otnosheniia: smena vekh [From G. Gheorgiu-Dej to N. Ceaușescu. Romanian-Soviet relations: the volt-face]. In: Volokitina, T. V., ed., 2013. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Neprostye 60-e... Ekonomika, politika, kul'tura. Sbornik statei* [Moscow and Eastern Europe. Complicated 60s... Economics, politics, culture. Collection of articles]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 177–206.
- Pokivailova, T. A., 2021. *Sud'ba “rumynskogo zolota” v Rossii 1916–2020. Ocherki istorii* [The fate of the “Romanian gold” in Russia: 1916–1920. Essays on history]. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Pokivailova, T. A., ed., 1998. *Tri vizita A. Ia. Vyshinskogo v Bukharest; (1944–1946). Dokumenty rossiiskikh arkhivov (Iz istorii sovetsko-rumynskikh otnoshenii)* [Three visits of A. Ja. Vishinsky to Bucharest (1944–1946)]. Moscow: ROSSPEN.
- Pokivailova, T. A., ed., 2009. *V poiskakh luchshei doli. Rossiiskaia emigratsiia v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy (vtoraia polovina XIX — pervaiia polovina XX v.)* [In search of the better fate. Russian emigration in the countries of Central and South-Eastern Europe (The second half of XIXth — first half of XXth century)]. Moscow: Indrik.
- Pokivailova, T. A., 2015. Zagadka gibeli komanduiushchego 4-i rumynskoi armii generala G. Avramesku [The riddle of the death of the commander of the 4th Romanian Army General Gheorghe Avramescu]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 77–81.
- Schipor, I., 2021. *Destinul tezaurului României. Argumente din arhivele ruse*. Bucharest: Oscar Print.
- Stykalin, A. S., 2011. Chto dumali rumyny ob SSSR v 1964 g. (Svidetel'stvetsovetskii diplomat) [What did Romanians think about the USSR in 1964. (The evidence of the soviet diplomat)] In: Kurennaiia, N. M., ed., 2011. *V poiskakh novykh putei. Vlast' i obshchestvo v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy v 50-e — 60-e gg. XX v.* [Searching new ways. Power and society in the USSR and countries of Eastern Europe, 1950–60s]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 367–398.
- Volkov, V. K., Gibianskii, L. Ia., eds, 1999. *Vostochnaia Evropa mezhdur Gitlerom i Stalinym. 1939–1941 gg.* [Eastern Europe between Hitler and Stalin. 1939–1941]. Moscow: Indrik.
- Volokitina, T. V., ed., 1999–2002. *Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope, 1944–1953. Dokumenty* [The Soviet factor in Eastern Europe, 1944–1953. Documents]. Moscow: ROSSPEN. Vol. 1–2.

**«ГОВОРЯ О ДРУГОМ, ОПИСЫВАЯ ДРУГОГО,
НАБЛЮДАТЕЛЬ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ СООБЩАЕТ О СЕБЕ,
ЧЕМ О НЕМ».
ИНТЕРВЬЮ ЕКАТЕРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ БОЛТУНОВОЙ
С МАРИЕЙ ВОЙТТОВОЙ ЛЕСКИНЕН**

Аннотация

С разрешения редакции журнала «Историческая экспертиза» публикуем интервью с Марией Войттовной Лескинен, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института славяноведения РАН. Интервью провела Екатерина Михайловна Болтунова, доктор исторических наук, профессор, заведующая Международной лабораторией региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Текст интервью впервые был представлен публике на сайте журнала «Историческая экспертиза» в сети Интернет в апреле 2021 г., ранее в печатном виде не выходил. Научные интересы М. В. Лескинен связаны с изучением образов и представлений об этнокультурной отличительности народов в общественном и научном дискурсах. Она анализировала вопросы формирования польской сарматской идеологии XVI–XVII вв., а также историю и эволюцию гетеро- и автостереотипов поляков и финнов в этнологических и образовательных концепциях Российской империи во второй половине XIX века. Работы последних лет посвящены реконструкции представлений о великорусах и малорусах как «отраслях» триединого русского народа в российских научных кругах, а также дискуссиям о способах репрезентации идеального типа великоруса в период имперского нациестроительства. В беседе затронут актуальный вопрос о состоянии рецензирования в отечественной исторической науке, его качестве и характере профессиональной критики и полемики.

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, история российской этнографии, славистика
Статья поступила в редакцию 17 мая 2022 г.

Цитирование: Болтунова Е. М., Лескинен М. В. «Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем». Интервью с Марией Войттовной Лескинен // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 195–212. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.10>

“SPEAKING OF THE OTHER, DESCRIBING THE OTHER, THE OBSERVER REPORTS MUCH MORE ABOUT HIMSELF”. EKATERINA BOLTUNOVA’S INTERVIEW WITH MARIA LESKINEN

Abstract

With the permission of the editorial board of the journal *Historical expertise* we publish the interview with Maria Voittovna Leskinen, Doctor of Historical Sciences, lead researcher of the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Science. She was interviewed by Ekaterina Mikhailovna Boltunova, Doctor of Historical Sciences, professor, head of the International Laboratory for the Regional History of Russia in the National Research University Higher School of Economics. The text of the interview was first published on the website of the journal *Historical expertise* in the April 2021 and hasn't been printed before. Area of Maria Leskinen's expertise is study of the images and perceptions of ethnocultural distinctiveness of the peoples in the public and scientific discourses. She analyzed the issues of formation of the Polish Sarmatian ideology of the 16th–17th centuries, also history and evolution of the hetero- and autostereotypes of the Poles and Finns in the ethnological and educational conceptions of the Russian Empire in the second half of the 19th century. Her last papers are dedicated to reconstruction of the perceptions of Great Russians and Little Russians as the „branches“ of the triune Russian people by Russian academic community, and also to the debates about the ways of representation of the ideal type of a Great Russian during the period of imperial nationmaking. The interview touches on an issue of situation with reviewing in the national historical science, its quality and the state of the professional criticizing and polemic.

Keywords

Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences history of Russian ethnology, Slavic studies

Received 17 May 2022

How to cite: Boltunova, E. M., Leskinen M. V., 2022. «Govoria o drugom, opisyyvaia drugogo, nabliudatel' gorazdo bol'she soobshchaet o sebe, chem o nem». Interv'iu s Mariei Voittovnoi Leskinen [Interview with Maria V. Leskinen. From the Journal *Historical Expertise*]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 195–212. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.10>

Е. М. Болтунова: *Мария Войттовна, нашу беседу хотелось бы начать с вопроса биографического порядка. Расскажите, пожалуйста, о том, как вы ступили на стезю историка-исследователя и как складывалась ваша профессиональная биография.*

М. В. Лескинен: Историком хотела быть с детства. Думаю, это от родителей. Моя мама, А. Н. Дементьева-Лескинен, — этнограф-вьетнамист, работала в Институте этнографии (ныне Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая), отец, В. Т. Лескинен, — филолог-финноугровед по образованию, журналист по профессии. На исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в год окончания школы я не поступила, пошла работать в Историческую библиотеку. Через год поступила на вечернее отделение, где и проучилась шесть лет. Параллельно работала в «Историчке», а затем лаборантом в Институте философии РАН. На историческом

факультете специализировалась по средневековой истории Польши на кафедре истории южных и западных славян (ею заведовал и по сей день заведует д.и.н. Г. Ф. Матвеев). Выбор был обусловлен стечением обстоятельств. Семинарские занятия по истории средних веков вел молодой кандидат наук (а теперь — д.и.н.) М. В. Дмитриев, специалист по средневековой польской истории. Его эрудиция и харизма, знание зарубежной научной литературы, интерес к новым направлениям исторической науки, отличный от других преподавателей взгляд на предметное поле исследований и на перспективы научного анализа таких непривычных в середине 1990-х гг. «материй», как этническая и конфессиональная идентичность, менталитет, — все это не могло не заинтересовать. Стремясь остаться под его руководством, четверо студентов из нашей группы продолжили учебу на кафедре истории южных и западных славян. М. В. Дмитриев был и моим научным руководителем. Пересматривая недавно конспекты, сделанные на старших курсах, я с удивлением поняла, что многие вопросы и темы, интересующие меня сегодня, «родом» из его спецсеминара.

Сперва я не планировала заниматься наукой; но через два года решила и поступила в аспирантуру Института славяноведения РАН. Здесь у меня было два научных руководителя — д.ф.н. Л. А. Софронова (1941–2013), возглавлявшая Отдел истории культуры славянских народов, и к.и.н. Г. П. Мельников. Людмила Александровна была специалистом по истории польской и украинской культур (она строго разграничивала историю культуры и культурологию). Аспирантские годы я провела в изучении новой для себя области. Л. А. Софронова предложила в качестве темы диссертации реконструкцию польской сарматской идеологии XVII в. как мифа. Эта идеология определила этос, социальные идеалы, образцы и специфические формы их воплощения в польской национальной идентичности XVIII–XX вв. Для исследования требовалось выявить «следы» такого влияния в барочных текстах культуры — в поэзии, в эго-документах, в проповедях и в сарматской публицистике. Поначалу это казалось невыполнимым — ведь я была по образованию историком, а тут пришлось осваивать и новые методы анализа текста, и другой научный лексикон. После защиты кандидатской диссертации в 1998 г. мне предложили продолжить работу в отделе, которым руководила Л. А. Софронова, там я проработала до 2014 г.

Большую роль в расширении хронологических рамок и проблематики моих полонистических штудий сыграл заведующий Отделом истории славянских литератур (в то время и заместитель директора Института славяноведения) д.ф.н. Виктор Александрович Хорев (1931–2012). По его инициативе был реализован многолетний российско-польский проект изучения взаимных образов и стереотипов поляков и русских. Он объединял сотрудников нашего института (не только полонистов) разных специальностей — историков, филологов, историков культуры и лингвистов, а также коллег из других научных и образовательных центров России и Польши.

В. А. Хорев одним из первых в российской гуманитаристике обратился к новой тогда в России научной сфере — имагологии. Важное значение в наших коллективных исследованиях имело обращение к истории и практике реконструкции (лингвистической и исторической) этнокультурных стереотипов «своих» и «чужих».

Для меня участие в этих проектах стало новым опытом освоения теории и методики изучения национальных образов и представлений в разных видах источников. К тому же открыла для себя российские описания Польши и поляков, в которых ключевую роль играла концепция так называемого «нрава народа»; значением и историей формирования данного концепта и синонимичного ему понятия «национальный характер» я позже и занималась. Сначала анализировала тексты XVII в., затем перешла к описаниям поляков в российском научном дискурсе XIX в. Ведь в исторической науке, общественной мысли и начинавшей формироваться этнографии (считавшейся тогда еще отраслью географической науки) Российской империи понятие «национальный нрав / характер» играло важнейшую роль. Национальный характер считался объективно существующим этническим признаком, причем настолько существенным, что его приметы могли служить критерием отнесения индивида и группы к тому или иному этносу или нации. Эта архаичная (восходящая к античным традициям народоописаний, физиогномике, геоклиматическим теориям формирования темперамента и поведения) убежденность в существовании врожденных свойств темперамента и нрава объясняла в тот период историю народов, наличие / отсутствие у них государственности, форму политического устройства, уровень цивилизованности и пр. Считалось, что проявления этих особенностей легко обнаружить во внешнем облике, уме, этосе поведения и «склонностях» конкретных людей.

Так возникла тема моей второй монографии, где на примере российских этнографических описаний поляков и финнов были реконструированы важные основы теории и методологии гуманитарных дисциплин, определявшие понятийный аппарат (научный лексикон), теорию и методологию исследования этносов и этнонациональной идентичности в Российской империи. Книга о финнах и поляках легла в основу докторской диссертации (по специальности «этнография, этнология и антропология»), защита которой состоялась на историческом факультете МГУ в 2011 г. В процессе анализа этнокультурных стереотипов финнов и поляков в русской культуре мне удалось понять и объяснить важный не только для науки, но и для межнациональной коммуникации механизм взаимовлияния авто- и гетеронациональных стереотипов.

Стереотипы поведения и мышления, взгляды на мир, образ жизни, стандарты и ценности сформированы во многом под влиянием того, что принято именовать национальной культурой. Мифологема «национальный характер» сегодня не признается в качестве объективно-научного признака

этничности. Но с пониманием сущности национальной культуры и путей ее складывания связаны, на мой взгляд, многие важные вопросы современности, например то, с какой целью и в какой мере мы воспроизводим или преодолеваем эти «предубеждения», эти «заданные» вековыми традициями устои и бессознательные реакции, социальные установки, «впитанные с молоком матери» и длительное время кажущиеся нам единственно возможными и «правильными». Не менее важно, какие новые стереотипы продолжают появляться и влиять на наше мировоззрение и поведение. Правда, это уже скорее сфера ученых, изучающих современность.

Е. Б.: *Вы начали исследовательскую работу как полонист, ваша кандидатская диссертация¹ и целый ряд публикаций связаны с польской историей и культурой, а также со стереотипами (включая гендерные и пространственные), появившимися в рамках русско-польского взаимодействия. Но ваша книга 2016 г. посвящена иной теме — великорусским губерниям Российской империи и в целом концепту «великорус» в этнографическом дискурсе XIX в.² Что побудило вас обратиться к новой теме?*

М. Л.: Сегодня не вызывает сомнений один из самых известных постулатов в изучении образов и стереотипов: говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем. Анализируя этнографические очерки, путевые заметки и записки российских авторов XIX в. о финнах и поляках, я сначала с удивлением, а затем уже с вопросником в руках внимательно «следила» за тем, какими способами создается описание признаков и свойств. Независимо от того, осознанно или нет, эмоционально или рационально происходит создание образа другого народа и его отдельных представителей, оно всегда осуществляется в сравнении. Оно может быть «открытым»: поляков сравнивают с русскими и французами, финнов — с карелами и т.д. Но даже когда видимых признаков сравнения нет (и даже объект сопоставления не представлен), оно все же непременно присутствует — автор незаметно для себя «проговаривается» о нем. Главным объектом сравнения всегда является «свой», знакомый — хотя для автора описания он может и не быть близким этнически, национально. Ведь в европейской науке XIX в. «образцовым» носителем, сохранившим и воплощающим этничность в традиционном состоянии, объявлялся крестьянин. Соответственно, в этнографическом (либо претендовавшем на научный этнографизм) описании автор и его «объект» принадлежали к разным сословиям или социальным группам, их разделяли уровень грамотности и образования, образ жизни, понимание общности и инаковости, идеалы и этос поведения. В одном случае (как было, например, с финнами) наблюда-

¹ Лескинен М. В. Образ сармата в истории: на пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

² Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.

тель высказывал суждение не столько русского о финне, сколько образованного человека дворянского или духовного сословия о крестьянине-чухонце. А описывая поляков «вообще», тот же русский автор выражал мнение прежде всего о польских шляхтичах, родовитых и не очень, об аристократах и мещанах, ну и, конечно, о красавицах-польках, а вовсе не о крестьянах — ибо именно в шляхтичах искал типичные приметы польского национального характера.

Как видим, в этих случаях «свой» как объект сравнения — разный. Однако можно констатировать, что в описании как «своих» (например, великорусских крестьян или всего русского народа, в который тогда включали также малорусов и белорусов), так и совсем «иных» — допустим, немцев или самоедов (ненцев) — выявляются одинаковые подходы, общие стереотипы восприятия и, что важно, сходные схемы репрезентации этничности. Иначе говоря, значительные сословные различия в одном народе, сформировавшиеся в послепетровское время (и вполне осознававшиеся в 1830–1840-х гг. как признание двух «типов» русских — дворян и крестьян), которые по культурному контрасту не уступали различиям этнического свойства, задавали своеобразную схему трактовки русского (великоруса) как экзотического «чужого». Таким он и представлялся как для образованного наблюдателя или путешественника, так и для человека, «близкого» повседневно, но «далекого» сословно. Даже в 1880-е гг. А. Н. Энгельгардт поражался, что помещики, которые в силу своего образа жизни и экономических условий постоянно соприкасаются с крестьянами, не только совершенно не понимают их интересов, выгоды, способов выживания, но в подавляющем большинстве буквально не понимают, что говорят крестьяне, да и сами говорят так, что крестьяне их не понимают. В основе оценки и восприятия этнических особенностей своего народа в период, когда этнология как дисциплина еще не сформировалась, лежало принципиальное и всеобщее межкультурное непонимание, обуславливавшее мифологизацию и ошибки атрибуции. И игнорировать эти особенности источниковой базы XIX в. современные исследователи не должны.

Поняв, как можно достаточно доказательно установить описанные обстоятельства, я задалась вопросом: каков же в таком случае был автопортрет русского человека, который существовал латентно, скрыто — в первую очередь в этнографических и претендовавших на этнографичность текстах? И если возможно реконструировать априорный образ себя и «своих» в описаниях «других» — в какой мере этот образ будет этническим?

Иначе говоря, меня заинтересовали представления самих описателей, которые они не всегда рефлексировали. Второе, что показалось важным, — влияние этнокультурных автостереотипов и клише на заключения и методы народоведения во второй половине XIX в. К изучению последнего вопроса — не в контексте источниковедения этнографии, а именно с точки зрения истории и особенностей антропологического знания — российская наука,

в отличие от американской и европейской, пришла относительно недавно, в конце 1990-х гг.

Мне представлялось, что в поисках ответов на подобные вопросы логичнее обратиться к исследованиям русских в Российской империи. Но здесь я столкнулась с серьезным затруднением — проблемой соотношения понятий «русские» и «великорусы» как этнографических объектов. Приступая к ее уточнению, я предполагала, что это будет недолгое исследование «для себя», — а в итоге сложилась монография. Связующим звеном между ней и «Поляками и финнами» стала, таким образом, история идей, эволюция научных представлений, в том числе этнокультурных стереотипов, которые обусловили трансформацию подходов в изучении «русскости» и «великорусскости» в отечественной науке.

Е. Б.: *Мне представляется, что регион, о котором вы пишете в книге «Великороссы / великорусы», как ни парадоксально, находится на периферии исследовательского интереса. За последние десятилетия академическая наука сформировала устойчивое внимание к изучению истории «окраин» Российской империи (в том числе западных областей). В определенном смысле история «окраин» вышла в центр. Напротив, территории великорусских губерний / Центральной России как-то особенно не повезло в отношении изучения даже по сравнению с комплексными изысканиями, посвященными, например, Поволжью или Сибири. Ваша монография в этом отношении — яркое исключение. Как бы вы могли прокомментировать сложившуюся историографическую ситуацию? Почему история великорусских губерний / Центральной России (по крайней мере, до последнего времени) представлялась исследователям столь малоактуальной?*

М. Л.: Екатерина Михайловна, спасибо за важный вопрос. Думаю, истоки такого в некотором роде парадоксального положения кроются еще в советском времени — тогдашние политические и идеологические установки отразились и в историографии. В монографиях специалистов по истории советской национальной политики Т. Мартина, А. И. Вдовина, Е. Ю. Борисёнок показано, что стремление достичь равенства между народами в СССР трактовалось в первую очередь как преодоление последствий русификаторской политики царизма, создавшего «тюрьму народов». Суть национального вопроса виделась в том, чтобы «дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»³. При таком иерархическом понимании «более развитая» русская нация считалась менее всего пострадавшей от имперского национализма в оценочном значении слова. Отчасти поэтому этноним «великорус» был изгнан сначала из литературного языка, затем из научной терминологии и использовался лишь как «устаревшее назва-

³ Сталин И. В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 5. С. 39.

ние» русских — понятие ассоциировалось в первую очередь с комплексом великорусского культурного превосходства⁴.

Во время Великой Отечественной войны стала очевидной необходимость уйти от пропаганды интернационализма, вспомнить о патриотических русских традициях. Интерес к национально-русскому стал поощряться, хотя по-прежнему непросто было пройти меж Сциллой и Харибдой «великорусского шовинизма» и «квасного патриотизма» — такими ярлыками при желании можно было заклеить любой, в том числе научный, интерес к русскости.

Для советской довоенной и послевоенной историографии по понятным причинам гораздо более актуальными представлялись проблемы формирования российской государственности (централизованного русского государства, империи), политические и социально-экономические вопросы. Обращение к истории народа пришлось на годы Великой Отечественной войны и было инициировано «сверху». Смена парадигмы с интернационализма на патриотизм требовала поддержки не только художников, но и историков — показательны монографии, вышедшие именно в 1940–1950-е гг.⁵ Понятие «Великая Русь» появилось в тексте государственного гимна СССР (1944), знаменуя реабилитацию — хотя бы на понятийном уровне — русской нации как «одной из наций» Советского Союза. Столь же знаковым можно считать известный тост И. В. Сталина «За русский народ» на приеме в честь командующих войсками 24 мая 1945 г.

В идеологии формирования общности советского народа важное место занимали идеи братства и дружбы между народами, а история создания многонациональной Российской империи виделась в первую очередь как история присоединения новых территорий и включения новых народов в ее состав. Поэтому история «ядра» — не в государственном, а в историко-культурном отношении — в дореволюционное время интересовала исследователей меньше.

Начиная с 1990-х гг. важное место стало уделяться изучению Российской империи среди других имперских европейских образований. В трудах Дж. Хоскинга, А. Каппелера, Э. Тадена, Р. Суни, П. Верта, А. Эткинды, А. И. Миллера и многих других были показаны процессы взаимодействия

⁴ Характерно в этом отношении определение слова «великорусы» в Словаре Д. Н. Ушакова: «...Название возникло в Московском государстве на почве великодержавной идеологии, объявлявшей русскую народность “великой” в сравнении с украинской и белорусской» (Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. Т. 1. Стб. 244).

⁵ Напр.: *Державин Н. С. Происхождение русского народа (великорусского, украинского, белорусского)*. М.: Советская наука, 1944; *Насонов А. Я. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование*. М.: Изд-во АН СССР, 1951; *Мавродин В. Образование единого русского государства*. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та имени А. А. Жданова, 1951; *Вопросы формирования русской народности и нации*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

центра и окраин, тенденции национальной имперской политики, проанализированы проекты и практика русификации, пути решения острых «национальных вопросов» и др. Но преимущественное внимание по-прежнему было сфокусировано на вопросах политических (позиции власти, правовые нормы), а не на представлениях и образах «ядра» — Великороссии и великорусов. И в новых национальных историографиях независимых постсоветских государств как тогда, так и сейчас акцент делается именно на борьбе властного центра с национальными движениями и его действиях против нерусских (то есть всех, кроме великорусов) народов Империи. При этом актуализируются конфликты между русскими и инородцами (иногда ко вторым в обличительном порыве причисляются все народы и этносы Империи в XIX в., включая поляков, белорусов и украинцев — что является грубой ошибкой).

Еще одним фактором, которым можно объяснить слабый исследовательский интерес к «великорусскости» как этничности, является кажущаяся ясность этого понятия, обусловленная произошедшим в лексике XX в. отождествлением великорусскости с русскостью.

Е. Б.: *В 2019 г. в журнале «Традиции и современность» была опубликована остро критическая рецензия Олега Кириченко на вашу книгу «Великоросс / великорус»⁶. Я хотела бы предложить вам отреагировать на высказанные рецензентом замечания. Если вы не против, давайте разделим их на две части — собственно содержательные претензии и форма, в которой они представлены. Итак, Олег Кириченко не согласен с используемым вами методом. По его мнению, «конструктивистская методология по отношению к имперской России XIX в. является ошибочной; волюнтаристской, не отвечающей характеру исследуемого материала» (с. 140). А кроме того — и это главное критическое замечание — рецензент считает вашу работу тенденциозной в выборе исторического материала и, в конечном итоге, русофобской. Как бы вы могли это прокомментировать?*

М. Л.: Прежде всего хочу сказать, что рассуждения О. В. Кириченко свидетельствуют о его незнании истории этнографической науки в России и о непонимании современных подходов к ее изучению. Оставлю трактовку конструктивизма на профессиональной совести автора, который убежден, что это не научное направление, обусловленное накоплением знаний и постоянной ревизией научных достижений и методов, а идеология, направленная на уничтожение традиций и народов. Не буду также вдаваться в полемику о понимании традиции, вернуться к которой Кириченко предлагает современной российской этнографии. В отличие от традиционалистов, к которым он себя относит, сторонники конструктивистского подхода в этнологии подвергают сомнению эссенциалистскую природу этничности.

⁶ Кириченко О. В. Рецензия на монографию М. В. Лескинен «Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности». Век XIX. М.: Индрик, 2016. // Традиции и современность. № 23. 2019. С. 140–142.

Не отвергая этническое самосознание и значение дескриптивного этнографического метода в его анализе, они исходят из необходимости учитывать роль научных, субъективных и социокультурных *представлений*, сложившихся в конкретный исторический период, и уточнять понимание и видение признаков этничности не столько носителями этничности, сколько ее описателями.

Мои работы и, в частности, монография о великорусах посвящены *истории формирования идей и стереотипов в науке* — я ставлю задачей не разоблачить «ошибки» ученых прошлого, а выявить их последствия и области возможных искажений в научных заключениях. Почему это важно? Потому что речь не только о научном знании, а об историко-культурном контексте его освоения в период формирования национальной идеологии, имперской / национальной идентичности в Российской империи. Без признания взаимосвязи науки и нациестроительства нельзя понять ни того, ни другого.

Впрочем, не будем зря тратить время; подчеркнем главное. Рассуждения о методологии нужны лишь затем, чтобы обосновать весьма простую мысль: автор монографии (то есть я) злонамеренно сузила источниковую базу, стремясь получить нужные выводы и добиться своих русофобских целей. В представлении Кириченко я сознательно и последовательно «развенчиваю миф о народе-богоносце» — провожу мысль о том, что великорус в России XIX в. был безнравствен, что его образ жизни и поведение были далеки от соблюдения моральных норм. А свои происки прикрываю «надерганными» цитатами из текстов авторов, очернявших русский народ.

Не похоже, что Кириченко прочитал книгу целиком. Иначе уяснил бы, что ее целью являлся анализ совокупности представлений о великорусе как объекте этнографического изучения, для чего необходимо было рассмотреть способы и результаты создания основных научных положений. Недопустимо для добросовестного рецензента игнорировать сверхзадачу монографии. Проблема нравственности не была доминантой моей работы — и даже отдельной главы. Невнимание к постановке вопроса свидетельствует о незнании либо непонимании рецензируемого текста; то и другое ведет попросту к дезинформации. Рецензент считает, что главными в книге являются главы 4 и 5, — это-де обусловлено моим тайным (но пронизательно и своевременно разоблаченным Кириченко) планом псевдонаучного опуса. При этом о пяти остальных главах не говорит *ни слова*.

Между тем, познакомившись с ними, рецензент, может быть, уяснил бы, что вопрос о состоянии народной нравственности стал предметом рассмотрения исключительно потому, что в науке XIX в. национальный нрав / характер расценивался как важный и объективный отличительный признак народа. В этот пункт, как я уже говорила, включались определения темперамента, реакций, коммуникативных качеств и того, что именовалось «нравственными свойствами», среди которых упоминались «честность» / «нечестность» и отношение к чужой собственности.

Что касается тенденциозного ограничения выборки источников... Принципы отбора и анализа материала (всего более 1000 источников) представлены во введении книги. Подобрать такое количество «однотипных» суждений вряд ли кому-то под силу. Выявив максимально возможное количество текстов, в которых великорусы выступали этнографическим объектом описаний / исследований, исследовав трактовки русского национального характера в трудах ученых, я собрала переложения и отрывки травелогов и путевых заметок, включавшихся в хрестоматии и учебники. Затем искала объяснения особенностей нрава и нравов русских крестьян, дававшиеся современниками. Следующим шагом была классификация декларируемых в этих текстах в качестве характерных («обыкновенных» или «часто встречающихся») и потому расценивающихся как объективные свойств «ума и нрава». В итоге определились наиболее частотные суждения. Такова методика выявления типичных и стереотипных элементов. Кстати, в книге приведены и характерные высказывания о смекалке, трудолюбии, выносливости, мужестве и других положительных свойствах великорусов (особенно жителей Русского Севера). Но рецензент их «не замечает».

Весьма частотными в XIX в. (к тому же подвергавшимися более развернутому, чем другие, комментарию) оказались констатации и примеры нечестности и пьянства великорусских крестьян, особенно заметные в сравнении с малорусами и финнами. С финнами — потому, что финская «честность» стала к тому времени этническим стереотипом для русских авторов (вопрос проанализирован в моей монографии 2010 г.), а также потому, что концепция финно-славянского происхождения великорусов являлась самой обсуждаемой и ключевой в исторических и антропологических сочинениях об этногенезе русских. Сравнение с малорусами было продиктовано задачей наблюдателей выявить «отраслевые» особенности русских как триединого народа. Кириченко утверждает, что я специально не использовала описания религиозных добродетелей русского крестьянства. Использовала, но добродетельность не оказалась *типичным* великорусским этническим свойством — она воспринималась как *нормальное*, ожидаемое состояние великорусской нравственности, сформированное сложившимся ранее идеалом русского крестьянства как хранителя и ревнителя национального православного благочестия.

Я не даю оценок, а лишь фиксирую оптику этого взгляда, степень искажения, часто неосознанного, но характерного для 1870–1890-х гг. Однако мне удалось — и я считаю это успехом — найти суждения проницательных авторов, которые первыми подошли к объяснению негативных для великорусов констатаций. Но об этом мой критик не говорит *ни слова*. А речь идет о разнице в понимании собственности между крестьянской картиной мира и привычными для этнографов (представителей иных сословий) категориями права и христианских заповедей. Крестьянин не воспринимал «природные» объекты (лес, воду и т.п.) в юридических понятиях модер-

низированного общества. Для него это собственность не частная или государственная, а Божья. Потому потравы и самовольные покосы, сбор плодов не считались присвоением чужого – хотя с точки зрения описателей это было воровство.

Кириченко упрекает меня в том, что я не использовала материалы Тенишевского архива: «Ничего подобного тому, что автор насобирает у нескольких авторов, там нет». Материалы этого фонда выходят за хронологические рамки моего исследования (до 1900 г.). Однако я с ними знакома и разочарую рецензента: в архиве Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева «все подобное» не только «есть», но его не может не быть — по той простой причине, что в вопроснике князя имелись, в частности, разделы В («Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам; имущественные отношения») и К («Выходящие из ряда обстоятельства (воровство, лесные порубки, конокрадство»)). В первом томе опубликованных материалов, например, читаем: «Порубку в казенных господских дачах народ не считает ни за преступление, ни за грех. ... В отношении богатого мужика или купца нравственные убеждения те же... таких же свободных взглядов он придерживается по отношению к рыбной ловле и охоте в чужих владениях»; «“Разве казна растила лес, — спросит он вас, — это Божье, Бог родил”. ... Но совершенно иных взглядов на землю и луг. Тут народ признает право собственности, потому что землю приходится обрабатывать, трудиться на ней...»⁷; «Вообще воруют все, что попадает под руку, что можно употребить в дело в домашнем обиходе. ... Семейные кражи не считаются грехом»⁸. В действительности, подчеркну, можно обнаружить свидетельства и описания как добродетелей, так и отступлений от моральных норм. Однако ни их количество, ни их трактовки не являются доказательством безнравственности либо нравственности народа — русского или любого другого.

Не очень верится, что профессиональный этнограф, основываясь лишь на собственной проницательности, всерьез может полагать, будто я «солидаризируюсь с мнениями» тех наблюдателей, которые говорили об отступлениях от моральных норм как обыденности великорусской крестьянской жизни. Как ученый, занимающийся историей репрезентаций и имагологией, я не могу (о чем много писала и раньше) разделять теоретическую установку давних исследователей, согласно которой национальный нрав / характер есть объективное свойство, передающееся генетически и проявляющееся в поведении и внешности. В моей работе речь идет именно о *причинах* появления негативных характеристик в этнографическом дискурсе, притом стереотипных в отношении этнического «своего». Эти при-

⁷ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 363.

⁸ Там же. С. 362. То же — в материалах о других губерниях; напр.: Там же. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. С. 219–221; и др.

чины отнюдь не в том, что «плохие» авторы (дело которых, по Кириченко, продолжаю и я), стремясь замолчать добродетели русского крестьянства, оболгали его в своих заметках. Ситуация сложнее: речь идет об отсутствии понимания одной социальной группы со стороны представителей другой — при том, что те и другие существуют в одной этнонациональной культуре, с общей верой, языком и традициями. В то время как стереотипные представления образованного писателя не только отражаются в его текстах и оценках, но и задают восприятие читателем сведений, которым приписывается научная объективность.

Е. Б.: *Как вы относитесь к форме, которую рецензент выбрал для представления своей критики? Со своей стороны замечу, что наше научное сообщество время от времени оказывается погружено в дискуссию относительно норм и принципов академического взаимодействия. Достаточно вспомнить обсуждение книги Наталии Потаповой⁹, которое началось с жесткой и ироничной рецензии Ольги Эдельман¹⁰, а затем продолжилось в рецензиях Якова Гордина¹¹ и Михаила Белоусова¹². В конце концов, полемика вокруг конкретной работы переросла в достаточно широкое обсуждение того, насколько приемлемы конкретные формы критики. Какова ваша позиция в этом отношении?*

М. Л.: Екатерина Михайловна, благодарю, что затронули данный вопрос. Прежде всего хочу сказать, что в последние годы наблюдается очевидное нежелание тратить время на серьезное рецензирование и обсуждение вышедших трудов. Между тем я считаю критику и дискуссии обязательным и эффективным инструментом развития науки: они помогают понять ее лакуны, болевые точки, специфику разных школ и направлений, позволяют совершенствовать мастерство разговора по существу. Дело не только в прояснении индивидуальных позиций, но прежде всего в нашей саморефлексии как профессионального сообщества. Важны и неформальные обсуждения методологического толка, ведь кажущиеся неадекватными или ошибочными заключения зачастую являются следствием неверно избранных подходов и инструментария. Одним словом, критика хороша, когда ее цель — выявление истины, приближение к ней. А когда критику подменяют оскорблениями, это означает, что дело не в концепции или способе доказательства, а в чем-то ином.

Возьмем текст Кириченко. Он обвиняет меня в сознательном искажении фактов, нарушении профессиональной этики, доказывая, что я недостойна

⁹ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2017.

¹⁰ Эдельман О. Ооооо, декабристы!! Оо, казематы!!!! // Regnum. 2018. 8 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2428420.html> (дата обращения: 04.07.2022).

¹¹ Гордин Я. А. Новое декабристоведение — технологии разрушения мифов // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 178–194.

¹² Белоусов М. С. Споры о трибунах сырых казематов // Вестник С.-Петербург. ун-та. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1158–1171.

звания ученого. Объявляя, что моя книга исполнена скрытой, но прорывающейся ненависти к объекту исследования, он утверждает, будто с моей стороны «идет банальное сведение каких-то личных счетов с “другим народом”». Нечего сказать, достойный уровень полемики... Текст риторически и структурно выстроен как обвинение в преступлении (каковым считается сознательная фальсификация истории) с фиксацией умысла, доказательством преступных целей и сокрытия «действительных» личных мотивов. «Профессиональный этнограф» Кириченко приписывает мне «удовольствие от констатации» негатива и реализацию некоего заданного проекта — весьма модный тренд. Вот и вся суть — не рецензия, а банальный политический донос. Высказаны также претензии в адрес рецензентов монографии, грантодателя проекта и издательства...

Рецензия свидетельствует о слабой логике, а сам текст рецензии — о безграмотности пишущего. На трех журнальных страницах встречаем десятки речевых, пунктуационных и даже орфографических ошибок; а такие слова, как «культреггер» или «возгреть», вызывают недоумение.

Рецензент «сожалеет», что моя книга была опубликована. Что ж, читать и анализировать труды коллег-«конструктивистов» из собственного Института (тоже, вероятно, «сводящих счеты» с русским народом), наверное, небезопасно и страшновато. А стоило бы — ибо враги подобрались к Кириченко куда ближе, чем ему кажется. И хотя его рецензия имеет примечание «Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН», хочется думать, что немногие в этом институте мыслят подобным образом¹³.

Со своей стороны, могу выразить встречное сожаление, что у Кириченко не хватило смелости вызвать «автора труда, недостойного звания ученого» на открытую публичную дискуссию — например, во время обсуждения собственной монографии, во введении к которой он вновь меня «разоблачил». Но я полагаю, что борьба с идейными, коварными, злокозненными и двуличными фальсификаторами стоит того, чтобы объявить им войну открыто, на страницах не собственного, а академического журнала и к тому же привлечь к обсуждению других коллег.

Е. Б.: *Расскажите о проекте, над которым вы работаете сейчас.*

М. Л.: Сейчас занимаюсь изучением источников, с которыми раньше почти не имела дела, — визуальных. Собираю и анализирую визуальные образы великорусов, складывавшиеся в процессе репрезентации русскости во второй половине XIX в. Хотя без обращения к произведениям так называемого «русского стиля» мне не обойтись, в центре внимания окажут-

¹³ Когда готовилось интервью, я обнаружила, что сходная по содержанию и пафосу рецензия Кириченко на ту же монографию была принята к публикации в академический журнал «Вестник антропологии» (2021. № 1), номер был доступен в электронном виде. У меня вызвало удивление, что коллеги посчитали подобную рецензию соответствующей этическим нормам научной критики.

ся все же не произведения «высокого» искусства, а изображения, которые были ориентированы на широкие круги российской публики, тиражировались для массового потребления, — такие как игральные карты, открытки, реклама, афиши, журнальные иллюстрации, учебники. Конечно, важными для меня остаются и визуальные источники, создававшие образ великоруса в антропологических и этнографических научных изданиях популяризаторской направленности (например, таких как многотомные описания Российской империи «Живописная Россия» или «Полное географическое описание нашего Отечества»): фотографии и рисунки этнических «типов», манекены научных выставок и др.

Подобная проблематика давно привлекает внимание зарубежных исследователей — историков и культурологов. В России наиболее известным российским автором, писавшим о формировании визуальных стереотипов русскости, является Е. Н. Вишленкова¹⁴; однако материал ее исследования ограничен серединой XIX в. В этой работе важное место занимает также анализ научных взглядов и методов, обусловивших формы и способы визуализации русской этничности.

Список важнейших трудов М. В. Лескинен

- Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002.
- Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях второй половины XIX века // Славянский альманах. 2006. М.: Индрик, 2007. С. 281–311.
- «Финская честность» в российской научно-популярной литературе XIX в. К вопросу о формировании этнокультурного стереотипа // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 27–41.
- Великороссы / великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // Славяноведение. 2010. № 6. С. 3–17.
- Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010.
- Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // Одиссей. Человек в истории. 2009. М.: Наука, 2010. С. 295–323.
- Антропологическая и лингвистическая классификации этносов в период формирования этнографической науки в России (XVIII–XIX вв.). Теоретический аспект // Славяноведение. 2011. № 4. С. 43–53.
- «Человек бесконечно веселый...». Польский национальный характер в русских этнографических очерках XIX века // Родина. 2011. № 1. С. 86–89.

¹⁴ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛО, 2011.

- «Взгляни на всё, как я взгляну на милую страну». Как в Российской империи на шведском языке создавался национальный образ Финляндии // Родина. 2011. № 3. С. 62–65.
- Из истории концепта «Волга — русская река»: образы и описания главной реки Империи во второй половине XIX в. // Родина. 2013. № 12. С. 2–7.
- Национальное: наука и политика в Российской империи второй половины XIX в. // Вопросы национализма. 2013. № 3 (15). С. 190–217.
- Польский характер в российской этнографии XIX в. // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 112–130.
- Записки поляков сарматской эпохи в контексте современных исследований путешествия/ травелога в нарративном аспекте // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 235–247.
- Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.
- Славянские свойства русского народа в российских научных описаниях XIX века: от романтической идеализации к психологической типологии // Славяноведение. 2016. № 3. С. 3–19.
- Туранская теория Фр. Г. Духиньского и ее критика в контексте складывания концепции «великорусскости» в российской науке // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 164–180.
- «Человеческие зоопарки» в России: к постановке проблемы // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 148–163.
- «Слава Богу, мы русские» // Практики и интерпретации. Журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. Том 4 (2). С. 54–66 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pi-journal.com/index.php/pii/article/view/215/240> (дата обращения: 07.07.2022).
- «Станем же финнами». Рецепт создания финской нации для европейской Весны народов // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 80–89.
- Играть по-русски. Дизайн игральных карт Российской империи второй половины XIX — начала XX в. и поиски национальной образности // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 334–353.
- «Что мы, Гагенбеки какие, что ли». Люди в зоосадах Российской империи // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 61–88.
- Люди, львы, орлы, куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе. Сб. науч. статей / под ред. М. В. Лескинен, Е. А. Яблокова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020.

Литература

- Белюсов М. С.* Споры о трибунах сырых казематов // Вестник С.-Петербургского ун-та. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1158–1171.
- Вопросы формирования русской народности и нации / под ред. Н. М. Дружинина, Л. В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Вишленкова Е. А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛЮ, 2011.

- Гордин Я. А. Новое декабристоведение — технологии разрушения мифов // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 178–194.
- Державин Н. С. Происхождение русского народа (великорусского, украинского, белорусского). М.: Советская наука, 1944.
- Кириченко О. В. Рецензия на монографию М. В. Лескинен «Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX». М.: Индрик, 2016 // Традиции и современность. № 23. 2019. С. 140–142.
- Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.
- Лескинен М. В. Образ сармата в истории: на пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Мавродин В. Образование единого русского государства. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та имени А. А. Жданова, 1951.
- Насонов А. Я. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2017.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 363.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 219–221.
- Сталин И. В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 5. С. 39.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. Т. 1. Стб. 244.
- Эдельман О. Ооооо, декабристы!! Оо, казематы!!! // Regnum. 2018. 8 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2428420.html> (дата обращения: 04.07.2022).

References

- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2004. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny. Materialy "Etnograficheskogo buiro" kniazia V. N. Tenisheva* [The Russian Peasants. Life. Household. Moral. The materials of "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint-Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 1: Kostromskaia i Tverskaia gubernii [Kostromskaia and Tverskaia governorates].
- Baranov, D. A., Konovalov, A. V., eds, 2006. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nravny. Materialy "Etnograficheskogo buiro" kniazia V. N. Tenisheva* [The Russian Peasants. Life. Household. Moral. The materials of "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Saint-Petersburg: Delovaia poligrafia. Vol. 2: Iaroslavskaia guberniia [Iaroslavskaia governorates].

- Belousov, M. S., 2019. Spory o tribunakh syrykh kazematov [The disputes about the pulpits of the damp casemates]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii*, 64 (3), pp. 1158–1171.
- Derzhavin, N. S., 1944. *Proiskhozhdenie russkogo naroda (velikorusskogo, ukrain-skogo, belorusskogo)* [The origin of the Russian people (Great Russian, Ukrainian, Belorussian)]. Moscow: Sovetskaia nauka.
- Edel'man, O., 2018. Ooooo, dekabristy!! Oo, kazematy!!! [Oh, Decembrists! Oh, casemates!]. In: *Regnum*. 8 iunია. URL: <https://regnum.ru/news/2428420.html> (accessed: 04.07.2022).
- Gordin, Ia. A., 2019. Novoe dekabristovedenie — tekhnologii razrusheniia mifov [The new Decembrists' studies — the technologies of mythbusting]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2, pp. 178–194.
- Kirichenko, O. V., 2019. Retsenziia na monografiu M. V. Leskinen “Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX”. Moskva: Indrik, 2016. [The review of the monograph by M. V. Leskinen “A Great Russian. From the history of ethnicity-making. The XIX century”. Moscow: Indrik, 2016]. *Traditsii i sovremennost'*, 23, pp. 140–142.
- Leskinen, M. V., 1998. *Obraz sarmata v istorii: na puti formirovaniia natsional'nogo samosoznaniia narodov Rechi Pospolitoi vo vtoroi polovine XVI — pervoi polovine XVII v.* [The image of a Sarmatian in history: shaping the national identity of the peoples of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of XVI — the first half of XVII century]. Dis. ... kand. ist. nauk. Institute of Slavic Studies of RAS.
- Leskinen, M. V., 2016. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. [A Great Russian. From the history of ethnicity-making. The XIX century]. Moscow: Indrik.
- Mavrodin, V., 1951. *Obrazovanie edinogo russkogo gosudarstva*. [Formation of the consolidated Russian state]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A. A. Zhdanova.
- Nasonov, A. Ia., 1951. «Russkaia zemlia» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva: Istoriko-geograficheskoe issledovanie. [“The Russian land” and formation of the territory of the Old Russian state: the historical and geographical study]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Potapova, N. D., 2017. *Tribuny syrykh kazematov. Politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov*. [The pulpits of damp casemates. The policy and discursive strategies in the Decembrists' case]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Vishlenkova, E. A., 2011. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [The visual ethnology of the empire or “It is not given to everyone to see a Russian”]. Moscow: NLO.
- Druzhinin, N. M., Cherepnin, L. V., eds, 1958. *Voprosy formirovaniia russkoi narodnosti i natsii* [The issues of formation of the Russian ethnic group and nation]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.11

**SOURCES OF SLAVIC PRE-CHRISTIAN RELIGION /
ED. J. A. ALVAREZ-PEDROZA.**

**LEIDEN; BOSTON: BRILL, 2021. 548 P.
ISBN 978-90-04-44061-6**

Владимир Яковлевич Петрухин

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Аннотация

Рецензия посвящена впервые предпринятому опыту публикации полного свода источников по славянской дохристианской религии. Предложенная издателями форма антологии с параллельным текстом на языке оригинала и английским переводом дает возможность сравнительного анализа источников, снабженных общей нумерацией. Существенными для этого анализа представляются разработки отечественной славистики — как представителей семиотического и этнолингвистического направлений, так и издателей древних материалов по верованиям славян.

Ключевые слова

Славянское язычество, византийские источники, латинские источники, древнерусские источники, славянский пантеон, идолы

Статья поступила в редакцию 6 июня 2022 г.

Цитирование: *Петрухин В. Я.* [Рец.] Sources of Slavic Pre-Christian Religion / ed. J. A. Alvarez-Pedroza. Leiden; Boston: Brill, 2021. 548 p. ISBN 978-90-04-44061-6 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 213–230. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.11>

SOURCES OF SLAVIC PRE-CHRISTIAN RELIGION / ED. J. A. ALVAREZ-PEDROZA.

LEIDEN; BOSTON: BRILL, 2021. 548 P.

ISBN 978-90-04-44061-6

Vladimir Ia. Petrukhin

D. Sc., Chief Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Abstract

The review is dedicated to the first publication of a complete set of sources on the Slavic pre-Christian religion. The form of anthology with parallel texts in the original language and an English translation, chosen by publishers, provides an opportunity for comparative analysis of texts provided with general numbering. Essential for this analysis are the works of the Russian experts in Slavic studies — representatives of semiotic and ethnolinguistic trends of research, publishers of ancient sources on the Slavs' beliefs.

Keywords

Slavic paganism, Byzantine sources, Latin sources, ancient Russian sources, Slavic pantheon, idols

Received 6 June 2022

How to cite: Petrukhin, V. Ia., 2022. Sources of Slavic Pre-Christian Religion / ed. J. A. Alvarez-Pedroza. Leiden; Boston: Brill, 2021. 548 p. ISBN 978-90-04-44061-6. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 213–230. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.11>

Впервые предпринята публикация полного свода источников по славянской дохристианской религии (Sources of Slavic Pre-Christian Religion — SSPCR)¹ в форме издательской антологии с параллельными текстами на языке оригинала и английским переводом. Актуальность такого издания очевидна: почти все компендиумы, посвященные дохристианским верованиям славян, включают анализ текстов, опубликованных в рецензируемой книге (ср. в первую очередь книги филологов Н. М. Гальковского, Е. В. Аничкова и В. Мансикки, чешского исследователя славянских древне-

¹ Sources of Slavic Pre-Christian Religion / ed. J. A. Alvarez-Pedroza. Leiden; Boston: Brill, 2021. Далее — SSPCR.

стей Л. Нидерле², польских историков Г. Ловмянского³ и А. Гейштора⁴ и др.), но предложенная полная антология дает возможность сравнительного анализа текстов (которые имеют вводные характеристики и непрерывную нумерацию); издание сопровождается тематическим указателем и указателем источников.

Переводы снабжены системой постраничных сносок. Подробное введение редактора — Хуана Антонио Альвареса-Педрозы⁵ — дает общую характеристику принципов публикации источников со ссылкой на специфику «антропологического» — «внешнего» — подхода античных авторов к диכו́винным обычаям славян, миссионерского взгляда на язычников и т.д.; взгляд «изнутри» представлен древнерусскими текстами, прежде всего Начальной русской летописью («Повесть временных лет» — ПВЛ); «объективные», на первый взгляд, описания языческих обычаев требуют учета воззрений самих средневековых книжников, основанных на античной (грекоязычной) и латинской традициях — *interpretatio graeca, romana*. Хронологически опубликованные тексты относятся к средневековью в широком смысле от эпохи миграции славян в середине первого тысячелетия н.э. до средневековой канонической характеристики язычества в древнерусском «Стоглаве» (XVI в.). Содержание текстов зависит от степени христианизации славянских общин: южнославянские источники не сохранили никаких «языческих» мотивов, так как южные славяне были рано христианизированы; среди балтийских славян (особенно у ранов/ругиев на Рюгене) наблюдалась тенденция к формированию «теократии», основанной на авторитете языческих жрецов, о чем повествуют латинские источники (и исландские саги). Христианизация западных славян завершилась рано — сведения о язычестве, сохраненные летописями и памятниками агиографии, сомнительны с точки зрения «исторических реалий». Сосуществование архаичных религиозных практик с христианскими в средние века ставит проблему «двоеверия» в древнерусской гомилетике (ср. *полуязычники* — *semipagani* в латинских текстах). Конец этой эпохи в книге отмечен русским «Стоглавом»; в последней главе приводятся так называемые сомнительные тексты⁶, содержание которых может отражать взгляды средневековых книжников, далекие от «реалий».

Первая глава, составленная Эухенио Р. Луханом Мартинесом, содержит самые ранние византийские греческие тексты, начиная с Приска Панийского и Прокопия Кесарийского. Эти тексты анализируются всеми исследователями, занимающимися первоначальной историей славян. Они

² Нидерле Л. Славянские древности. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.

³ Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб.: Академический проект, 2003.

⁴ Гейштор А. Мифология славян. М.: Весь мир, 2014.

⁵ SSPCR. P. 1–19.

⁶ SSPCR 8. P. 470 ff.

также включены в «Свод древнейших письменных сведений о славянах», подготовленный Институтом славяноведения РАН в 1994 г. и аналогичный по структуре SSPCR. У издателей Свода имеется существенное расхождение с общепринятым переводом Прокопия: согласно наиболее достоверному списку, «создателем молнии» является «один из богов, один правитель всех» (пер. С. А. Иванова)⁷. Иное понимание текста Прокопия, согласно которому речь идет о «едином боге, создателе молнии» и т.д., привело польского слависта Г. Ловмянского к гипотезе о существовании «прототеизма» среди южных и других славян, которые наделяют громовержца божественным *статусом Бога par excellence*. Очевидно, что речь идет о Перуне⁸, чье праславянское имя и означает «гром»: в древнерусском пантеоне он изображен как верховный бог⁹, глава пантеона, то есть он был «одним из богов». Изощренные зверства, приписываемые славянам-завоевателям в текстах Прокопия, Псевдокесария и др. (убийство всех пленников, включая младенцев, жестокие казни, отрезание женской груди кормящим матерям и т.д.) являются характерным *топосом* описания варваров среди наследников цивилизации¹⁰. К таким наследникам относятся и авторы X в., в том числе Константин Багрянородный, описавший обычаи начальной Руси, включая жертвоприношения — гадание, напоминающее *римские auspicii*¹¹, и Лев Диакон¹².

Другую версию античной традиции демонстрируют византийские церковные авторы, обличающие «языческие» обычаи славян — праздники славян, соответствующие античным, в том числе *и русалии* (Феодор Вальсамон)¹³. Этот вариант унаследован древнерусскими авторами и каноническими текстами, приведенными в четвертой главе¹⁴.

Вторая глава (составленная Хуаном Антонио Альваресом-Педросой, Хулией Мендосой Туньон, Сандрой Романо Мартин) содержит латинские тексты, во многом соответствующие взглядам на язычников других авторов, — см., в частности, сюжеты о самоубийстве вдовы на погребальном костре ее мужа, характерные не только для грекоязычных авторов¹⁵, но и для арабоязычных¹⁶. Менее конкретными являются другие характеристики, соотносящиеся с библейской традицией обличения язычников — убийство

⁷ Свод древнейших письменных известий о славянах. М.: Восточная литература, 1994. Т. 1: I–VI вв. / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. С. 183, 221.

⁸ Ср. SSPCR 1.2.1. P. 23, примеч. 10.

⁹ Ср. SSPCR 4.1.8. P. 278; Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). С. 67 и сл.

¹⁰ Ср. SSPCR 1.3.1. P. 29, примеч. 30.

¹¹ Ср. SSPCR 1.8.1. P. 40.

¹² SSPCR 1.9.

¹³ SSPCR 1.10–11.

¹⁴ SSPCR 4.

¹⁵ См. SSPCR 2.1.1. P. 51, примеч. 1.

¹⁶ SSPCR 7.1.1.

детей, кровные браки, многоженство, варварские погребальные обычаи, идолопоклонство, гадание и т.д.: они характерны почти для всех многочисленных латиноязычных текстов, приведенных в главе — см. параллели из ПВЛ¹⁷). Определенную специфику отмечают тексты, характеризующие обычаи присяги на оружии (мече) у балканских болгар: папа Николай I (858–867) в своих канонических ответах на вопросы хана Бориса, обратившегося к христианству, упоминает обычаи, знакомые правителю «варварского» государства, осуждая клятву на мече как поклонение фетишу¹⁸. Примечательно, что греки, восточные христиане Византии, столкнулись со схожим обычаем Руси: однако, подобная клятва была признана ими при заключении мирного договора 944 г., когда дружина князя Игоря клялась оружием, а греки — христианским Богом¹⁹.

Особого отношения требуют тексты, характеризующие славянских богов и идолов: неясно, насколько описание языческих «реалий» соответствует действительности. Так, Видукинд Корвейский²⁰ в «Деяниях саксов» описывает захват города балтийскими славянами (ваграми); среди добычи упоминается бронзовый идол Сатурна — ср. описание золотого идола Триглава в «Жизни» Оттона Бамбергского²¹ и др. Арабист А. П. Ковалевский²² указал на астрологический стих, данный ал-Мас`уди во фрагменте его труда «Золотые рудники», где арабский автор описывает славянский храм, посвященный Сатурну, связанному с черной металлургией (железом и свинцом), — стих не был включен во фрагмент, опубликованный SSPCR 7.3.3; естественно, что соотнесение славянского бога с античным богом относится к *топосу*, распространенному в средние века, археологических доказательств наличия бронзовых скульптур — идолов у славян нет.

Обширный набор текстов, связанных с деяниями знаменитого миссионера Отто Бамбергского²³, был опубликован и прокомментирован в русских переводах одновременно с публикацией рецензируемой антологии А. Досаевым и О. Кутаревым²⁴. Показательно, что в комментариях к русскому изданию приводятся археологические данные, характеризующие культовое зодчество и скульптуру языческих славян: эти данные мало соотносятся со славянскими археологическими реалиями — монументальная скульпту-

¹⁷ SSPCR 4.1.1.

¹⁸ SSPCR 2.3.5.

¹⁹ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод. С. 26; SSPCR 4.1.5.

²⁰ SSPCR 2.5.1.

²¹ SSPCR 2.19.3.

²² Ковалевский А. П. Аль-Масуди о славянских языческих храмах // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / Отв. ред. В. Д. Королук. М.: Наука, 1973. С. 83.

²³ SSPCR 2.19-2.21.

²⁴ Досаев А. С., Кутарев О. В. Жизнеописание Оттона Бамбергского в церковных сочинениях и преданиях. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021.

ра (идолы) практически неизвестна (за исключением случайно обнаруженного Збручского идола в Западной Украине²⁵), в городах балтийских славян нет достоверных следов культовых сооружений — «контин», богато украшенных скульптурой²⁶.

Специфическая конфессиональная проблема возникла в процессе формирования конфликтов и союзов христианских государей с различными объединениями славян-язычников: Бруно Кверфуртский отправил в 1008 г. возмущенное письмо императору Генриху II, требуя разорвать союз с язычниками лютичами и заключить мир с Болеславом Польским. Как примирить Сварожича, почитаемого балтийскими славянами как бога/демона, и «нашего» святого Маврикия, риторически спросил проповедник²⁷; ср. осуждение Генрихом союза с язычниками у Титмара Мерзебургского²⁸. Титмар возмущается, напоминая, что союзные лютичи «следуют за своими богами (знаменами. — *В.П.*) впереди», и с отвращением описывает культ язычников редариев в их городе, треугольном Ридегосте, окруженном священным лесом; в городе есть деревянное святилище, украшенное резными изображениями богов и богинь; внутри находятся рукотворные идолы в доспехах, с выгравированными именами, главным из которых является *Сварожич*; там хранятся знамена, которые носят во время войны. Язычники предсказывают будущее, проводя священного коня через скрещенные копыя.

Исследователи традиционно обращали внимание на то, что эти описания приукрашивают храмовую архитектуру и скульптуру язычников, возможно, акцентируя внимание на древних изображениях: описание храма у Титмара ближе к вышеупомянутому описанию храма Сатурна у ал-Мас'уди, чем что-либо известное о религиозных сооружениях среди славян по данным археологии; древние латинские (римские) образцы явно повлияли на описания гадания у славян с использованием копий, знамен, наблюдений за поведением лошади и т.д.²⁹. Свидетельство Титмара о новообращенных полабских славянах, почитающих «домашних богов», уникально: он описывает посох, который венчает образ руки, держащей обруч; во время характерных для славянской традиции обрядов «обхода» носитель посоха у входа в дом провозглашал приветствие: «Бодрствуй, Бендил, бодрствуй!»³⁰. Издатели

²⁵ См. к дискуссии об этой находке: *Петрухин В. Я.* К дискуссии о Збручском идоле: антропоцентризм славянского язычества или парковая скульптура XIX века? // *Антропоцентризм в языке и культуре* / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2017. С. 185–196.

²⁶ SSPCR 2.20.3–2.21.3.

²⁷ SSPCR 2.7.1.

²⁸ SSPCR 2.8.5.

²⁹ SSPCR 2.28.4; ср. *Петрухин В. Я.* Кони в магии и демонологии средневековых славян // *In umbra*. М.: РГГУ, 2022. Вып. 10 / Отв. ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. С. 143–158.

³⁰ SSPCR 2.8.9.

отдают предпочтение варианту имени Бендил (другой вариант уникального имени «отеческого» бога — Хеннил), имеющему индоевропейскую и праславянскую этимологию («связка», что указывает на связь с семейным покровителем³¹); находки деревянных жезлов с резным изображением руки, похожих на культовые стержни Балтийского региона, известны из раскопок в Новгороде³².

Латинские источники рассказывают о процессах христианизации славян, особенно балтийских: главной проблемой этого процесса оставалась «языческая реакция» и сохранение языческих пережитков — стойкие «крещеные язычники» в латинских текстах назывались полуязычниками (*semi-pagani*, Житие Вячеслава³³, Козьма Пражский³⁴), христиане «только по имени» (Гельмольд³⁵), по-древнерусски — «двоеверное житие»³⁶. Чешские проповеди (Гомилий из Опатовице) настаивают на том, что христиане, которые продолжают поклоняться светилам, источникам, холмам и деревьям, называются только христианами, но на самом деле «хуже язычников»³⁷; Проповедь 104 добавляет к этим объектам почитания другие канонические прегрешения, в том числе веру в ведьм (стриг) и оборотней, непослушание властям и использование амулетов.

Оригинальные сведения о славянском язычестве содержатся в Хронике Гельмольда³⁸. Впрочем, и у него очевидны традиционные для средневековья этимологические толкования: имя Свентовита, главного бога ранов/ругиев (на острове Рюген) и других балтийских славян, — соответствует имени святого Вита, о котором язычники узнали от франкских миссионеров³⁹; эта этимология повторяется у Саксона Грамматика⁴⁰. Примечательно, что четырехглавый монументальный идол Свентовита с питьевым рогом в руке⁴¹, описанный латинскими авторами как бог ранов (ругиев) в культовом центре Аркона (на острове Рюген), в историографии традиционно соотносится с упомянутым четырехликим каменным идолом из Збруча.

Параллели из славянского фольклора и археологии чрезвычайно важны для понимания латинских текстов, составленных «внешними» наблюдате-

³¹ SSPCR 2.8.9, примеч. 48.

³² Петрухин В. Я. Посох Криве-Кривайтиса в балто-славянской перспективе // Балто-славянские исследования XX: Сб. научных трудов / Отв. ред. В. А. Дыбо. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 395–408. <https://doi.org/10.31168/2658-5766.2019.20.15>

³³ SSPCR 2.10.3.

³⁴ SSPCR 2.13.5.

³⁵ SSPCR 2.22.6.; см. 2.30.2.; 2.31.; 2.43.; 2.45.1.; 3.3.3.

³⁶ SSPCR 4.26.1.

³⁷ SSPCR 2.14.1, Проповедь 5.

³⁸ SSPCR 2.22.

³⁹ SSPCR 2.22.2; 2.22.12.

⁴⁰ SSPCR 2.28.1.

⁴¹ SSPCR 2.28.4.

лями, зависимыми от книжной традиции (стереотипов). В частности, описание Саксоном Грамматиком идола Свентовита мало похоже на четырехстороннего Збручского идола, который имеет плоские рельефы — четыре лица, а не четыре головы, в руке Свентовит держит настоящий питьевой рог (на Збручском идоле — рельефное изображение). Примечателен, однако, ритуал гадания, подробно описанный Саксоном: каждый год во время сбора урожая рог наполнялся вином, и каждый год жрец (имевший доступ к идолу в «святая святых» — *sancta sanctorum*) гадал по напитку, будет ли наступающий год урожайным. Жрец обновлял вино в сосуде и предлагал идолу пирог размером с человека; за этим следовал характерный диалог — жрец спрашивал паству, виден ли он за пирогом. Если ругии отвечали, что видят жреца, он отвечал благопожеланием, чтобы в течение следующего года его не было видно. На описание Саксона (латинского священнослужителя) повлияла идея Евхаристии (употребление вина и хлеба), но широкое использование «ритуала-диалога» в славянском фольклоре указывает на историчность его описания датским летописцем (в антологии упоминаются русские и болгарские аналогии со ссылкой на Петаццони⁴²; специально этот обряд-диалог исследовал Н. И. Толстой⁴³).

Не менее значимыми для изучения славянского языческого пантеона являются последующие сведения Саксона об идолах в Карентии⁴⁴ с тремя храмами, в самом большом стоял семиликий идол Ругивита, вооруженный восемью мечами и соотнесенный датским летописцем с латинским Марсом. В соседнем храме стоял пятиглавый Поревит, в третьем — пятиликий Поренут.

Гельмольд также дает уникальные сведения о славянских «племенных» богах — Проне в Ольденбурге (Альденбург/Старгард), *Siwa* (варианты *Siwe*, *Supta*, с интерпретацией *Жива* в русском издании Гельмольда) для полабских славян, Радигаст (вариант в русском переводе — Редигаст/Редегаст) для ободритов. Язычники осуждаются как ненавистники христиан; кровь принесенных в жертву христиан доставляет удовольствие их богам. Адам Бременский в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» подтверждает кровожадность языческих богов: захваченный епископ Иоанн был принесен в жертву Редигасту — голову епископа надели на кол в знак победы⁴⁵. Следует отметить сведения об элементах дуализма в славянских верованиях: несчастье приносит «дьявол», славяне называют его Чернобогом⁴⁶. Название *Белобога* реконструируется на основе этих данных у Гельмольда⁴⁷.

⁴² Ср. SSPCR. P. 186, примеч. 264.

⁴³ Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 314–325.

⁴⁴ SSPCR 2.28.8.

⁴⁵ SSPCR 2.14.1.

⁴⁶ SSPCR 2.22.7.

⁴⁷ Толстой Н. И. Белый бог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 151.

Особый интерес представляют сведения из Магдебургской хроники⁴⁸: основание Магдебурга приписывается Юлию Цезарю. Эти данные связаны с этимологической трактовкой «девичьего» имени Магдебурга: латинская традиция известна почитанием «богородицы» — *Дианы* в древности; соответственно, Цезарь установил свой культ в основанном им городе, а Карл Великий, уже крестивший этот край, разрушил алтарь идола Дианы и приказал основать храм в честь святого Стефана. Здесь мы имеем дело с широко распространенным *interpretatio romana*, сопоставлением племенных языческих божеств с античными персонажами (начиная с германских богов в творчестве Тацита): ярким примером такой трактовки является город Юлин в Померании, основание которого приписывалось «божественному» Юлию Цезарю. Христианизация Юлина подробно описана Саксоном Грамматиком в продолжении рассказа о христианизации Рюгена⁴⁹ без упоминания дохристианских «реалий». Позднее отражение такого *interpretatio romana* — древнерусское «Сказание о князьях Владимирских» (XVI в.): топоним «Пруссия» возведен к имени вымышленного «племянника» Августа — Пруса, «предка» русских князей.

Не менее распространенным *interpretatio romana* остается соотношение языческих богов с римскими: в продолжении Хроники Ришара из Пуату⁵⁰ говорится о следующем этапе христианизации лютичей датчанами; лютичи «называли Христа своим новым богом», но продолжали поклоняться Меркурию и Венере, правда, не в храмах, а в рощах и у источников. Общим местом латинской и древнерусской традиций является также обличение игр с ряжением, в которых также могли принимать участие священнослужители⁵¹.

К редким обычаям, имеющим архаичное происхождение, относится самое раннее (середина XV в.) упоминание о южнославянском *бадняке* — рождественском полене в Рагузе (Дубровник)⁵². Ранние упоминания о славянском календарном обычае ходить по поселениям с чучелом смерти (слав. *Марена*⁵³) включают данные *Concilia Pragensia* за 1366 и 1384 г.⁵⁴; обычай наложения амулетов на шею упоминается в Синодальных правилах Влоцлавека (Польша)⁵⁵.

⁴⁸ SSPCR 2.30.

⁴⁹ SSPCR. 14.42.1-3.

⁵⁰ SSPCR 2.31.

⁵¹ Ср. письмо папы Иннокентия III — SSPCR 2.32.1, «Славянская хроника» Арнольда Любекского — 2.33.2; ср. 2.39.1 и древнерусские тексты, начинающиеся с ПВЛ — SSPCR 4.1.14; 4.13.1; 4.28.2; 4.41.1; 4.42.3 и т.д.

⁵² SSPCR 2.35.

⁵³ Ср. данные XV в.: SSPCR 2.47.1; ср. 2.51.1 об аналогичном обряде в «белое воскресенье».

⁵⁴ SSPCR 2.42.1-3.

⁵⁵ Ср. использование амулетов — *наузов* в древнерусских уставах и проповедях — ср. SSPCR 4.5.1; 4.23.3-4.

Более поздние вторичные источники включают чешские данные Яна Неплаха из Опатовице (XIV в.) о пророчице *Lubusz/Любуи* (заимствованной у Козьмы Пражского) и о некоем идоле *Zelu*⁵⁶; последующая⁵⁷ информация о вампирах, восстающих из могилы и уничтожаемых кремацией, может относиться к современным автору верованиям.

Среди относительно поздних латинских авторов наиболее информативным был польский летописец Ян Длугош (XV в.)⁵⁸. Обычаи древнепольских язычников описывались стереотипно — поклонение идолам с их священными рощами и т.д. Неясна древность фольклорных персонажей, приписываемых язычеству — календарных персонажей *Dziewana* и *Marzyna* (ср. вышеупомянутую Марену — воплощение смерти). Издатели⁵⁹ отмечают, что Длугош, описывая древнерусский пантеон, основанный князем Владимиром (в латинском тексте — *Wlodimirus*) в Киеве (ПВЛ)⁶⁰, указывает на функцию главного бога — «Громовержца», не называя *Перуна*. Другие боги (в отличие от русской летописи) не называются по имени, их идолы почитаются в священных рощах, а не в летописном пантеоне, установленном Владимиром на его дворе. Неясно, пользовался ли Длугош неизвестной редакцией хроники или трансформировал текст ПВЛ в соответствии со своим собственным представлением о язычестве.

Близкими к древнерусским проповедям против «языческих» обрядов являются многословные польские проповеди XV в.⁶¹: христианские обряды связаны с именами «языческих» демонов (как *Dziewana* у Длугоша). Ритуальное молчание, бдение, хождение босиком, празднование «волчьих дней», гадание о днях «добра и зла», вера во встречу и т.д. характеризуются на общеславянском фоне в пятитомном этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (под общей редакцией Н. И. Толстого, 1995–2012 гг.). С именами языческих богов «идолы» ассоциировались в латинских и древнерусских проповедях (у Длугоша⁶²), в припевах польских календарных песен, соотносимых с церковными песнопениями — *lodoyleli*, восходящее к возгласу аллилуйя⁶³ и др.⁶⁴

В третьей главе (составлена Энрике Сантосом Маринасом) представлены тексты на «южном старославянском языке», касающиеся агиографических традиций почитания Кирилла и Мефодия, жития чешского князя Вячеслава

⁵⁶ SSPCR.2.40.1.

⁵⁷ SSPCR 2.40.3–4.

⁵⁸ SSPCR 2.46.

⁵⁹ SSPCR 2.46. P. 227, примеч. 340.

⁶⁰ SSPCR 4.1.8.

⁶¹ SSPCR 2.47.1–3.

⁶² SSPCR 8.5.

⁶³ Толстой Н. И. Аллилуйя // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 100–102.

⁶⁴ SSPCR 2.48.1; 2.49; 2.50.1.

X в. (в латинском переводе — Вацлав⁶⁵), позднего жизнеописания Феодосия Тырновского (ум. 1363), поучения против ереси Богомилов Пресвитера Козьмы. «Языческие» мотивы сводятся к общим обличениям идолопоклонников, почитателей деревьев и т.д. Текст Пресвитера Козьмы о христианах, предпочитающих игры посещению церкви, близок к тексту ПВЛ⁶⁶.

Четвертая глава (составлена Хуаном Антонио Альваресом-Педрасой, Матильдой Касас Олеа, Инес Гарсия де ла Пуэнте, Энрике Сантосом Маринасом) состоит из текстов на «восточном старославянском языке», который обычно называют древнерусским. Наиболее информативным набором текстов представлена Начальная русская летопись — ПВЛ⁶⁷: этому комплексу предшествует обширное текстовое введение, ориентированное главным образом на классический текстологический анализ А. А. Шахматова и историографию до 2007 г.⁶⁸

Публикуемые тексты относятся к «хрестоматийным» для занимающихся анализомдохристианских верований Руси, начиная с общих характеристик отеческих обычаев восточнославянских языческих «племен»⁶⁹, обычаев собственно *руси* при заключении договоров с греками, смерти Олега от коня и др. Напомню, что основные издания ПВЛ отличаются: составители использовали в основном Лаврентьевскую версию, но в тексте договора Олега⁷⁰ цитируется Ипатьевский текст: «И повесили щиты свои в воротах», однако перевод дан по Лаврентьевскому варианту, в котором говорится о щите некоего Олега. Есть и «глазные» опечатки в воспроизведении древнерусских текстов: например, в описании договора Игоря с греками говорится о холме, на котором стоял идол Перуна, в издании приводится «(многие) холмы»⁷¹. Кроме того, глазные опечатки включают замену **w** (омега) на **ш**⁷².

Особой проблемой является выбор отрывков: в вышеупомянутом комментарии к договору Игоря говорится, что христианская Русь была приведена к присяге в храме Святого Илии; летопись подробно описывает киевский район, где располагалась церковь, что традиционно воспринималось как свидетельство о древнейшей церкви в языческом Киеве. Составители не включили это описание в выборку из раздела 4.1.5 SSPCR. Недоверие к этой информации можно признать справедливым: Я. Малингуди⁷³ показал, что греки должны были привести христианскую Русь к церкви Илии

⁶⁵ Ср. SSPCR 2.4, 2.10, 2.34.

⁶⁶ Ср. SSPCR 3.3.3 и 4.1.14.

⁶⁷ SSPCR 4.1.

⁶⁸ SSPCR. P. 258–267.

⁶⁹ SSPCR 4.1.1.

⁷⁰ SSPCR 4.1.2.

⁷¹ SSPCR 4.1.5.

⁷² SSPCR 4.12.1; 4.28.1; 4.29.1; 4.30.1; 4.33.1.

⁷³ Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров // Славяне и их соседи. М.: Индрик, 1996. Вып. 6 / Отв. ред. Б. Н. Флоря. С. 61–67.

в Константинополе, редактор летописи дал комментарий, соответствующий расположению церкви Илии в Киеве в XII в. В антологии опущено упоминание о пустых церквях (в конце отрывка): важный мотив обличения язычников по всему славянскому миру⁷⁴.

ПВЛ, как и византийские хроники, характеризуется мотивами, связанными со знаменами: падение огромного змея с небес⁷⁵ вписывается в эту традицию. Другое дело — последующая история смерти от inferнальных всадников, олицетворяющая эпидемию в Полоцке⁷⁶: наиболее близкие параллели с этими идеями известны фольклору балканских славян, связанному с днем Святого Стефана. В агиографических текстах, посвященных, в частности, крестителю Руси Владимиру, упоминаются имена почитаемых им до крещения языческих богов, среди которых Перун и Хорс (*Хърос*⁷⁷, в редакторском переводе повторяется летописное *Хорс*), возглавлявшие список богов; вероятно, древнерусский писец уже не знал имени этого бога.

Особое место в древнерусской литературе занимает «Слово о полку Игореве»: издатели знают о «проблемном» характере языческих фрагментов «Слова», хотя и не помещают его в раздел «Сомнительные тексты»⁷⁸. Проблема, поставленная известным филологом Е. В. Аничковым, сводится к принципиальному отличию «Слова» от других текстов древнерусской литературы: древнерусская традиция не характеризуется эвгемеризмом⁷⁹. Между тем, в «Слове» русский князь Олег Гориславич — или даже русские как христианский народ⁸⁰ — упоминается как «даждбожий внук» (но не сын, как в переводе⁸¹), потомок языческого бога (*бисовые дѣти* в «Слове» — язычники половцы); этот отрывок не включает упоминание певца Бояна как *внука Велеса* несмотря на то, что перевод включает это упоминание (редакторы справедливо отмечают, что имя *Велес* отличается от имени древнерусского бога *Волоса*⁸²). Особой проблемой является перевод сохранившегося текста «Слова»: содержание «мутного сна» киевского князя Святослава остается загадочным⁸³, можно догадаться, что мотивы осыпания князя жемчугом и отсутствие крыши в башне связаны с погребальным обрядом⁸⁴. К неточностям перевода в рецензируемой антологии можно от-

⁷⁴ Ср. SSPCR 2.32.1; 4.15.1.

⁷⁵ SSPCR 4.10.2.

⁷⁶ SSPCR 4.1.21.

⁷⁷ Ср. SSPCR 4.2.1.

⁷⁸ SSPCR 8.

⁷⁹ Ср. из-за влияния византийской традиции о возвышении культа богов правителями древности — SSPCR 4.34.1.

⁸⁰ Ср. SSPCR 4.3.6.

⁸¹ SSPCR 4.3.5.

⁸² Ср. SSPCR. P. 302, примеч. 107.

⁸³ SSPCR 4.3.7.

⁸⁴ Ср. о погребении князя Владимира — SSPCR 4.1.11.

нести обозначение сабли как меча⁸⁵: в древнерусской традиции мечи принадлежат русским воинам, сабли считались атрибутом кочевников.

Сборник текстов, посвященных борьбе церкви с язычеством и «двоеверием», начинается с древнерусских княжеских уставов⁸⁶; они аналогичны упомянутым правилам латинских уставов. Рядом с уставами находятся канонические проповеди (в том числе древнейшие — «Слово о законе и благодати» Илариона⁸⁷) и др. Со времен Ф. И. Буслаева (XIX в.) исследователи обратили внимание на византийское (греческое) происхождение календарных символов и праздников (Коляда, Русалия и др.), которые были заимствованы славянами в эпоху расселения на Балканах (и воспринимались церковниками как «“обычай” проклятых эллинов»)⁸⁸, но сохранились в византийской фольклорной традиции (Н. И. Толстой даже называл сложившуюся синкретическую систему «троеверием»).

Упоминания собственно славянских языческих богов обнаруживают слабое знание их имен христианами писцами: в «Хождении Богородицы по мукам»⁸⁹ текст искажен — речь идет о каменных идолах Трояна, Хорса, Велеса и Перуна; Велес в древнерусских памятниках является не вариантом имени летописного «скотьего бога» Волоса, а переводом известного из хронографов имени Баала/Бела (ср. сокрушение идола Велеса в позднейшем Житии Авраамия Ростовского⁹⁰). Имя Перун воспроизводится как *Перут* в цитируемой неопубликованной рукописи апокрифа «Беседа трех святителей»⁹¹, где искажено и имя Хорс: в этом апокрифе они истолкованы как «ангелы громные», видимо, под влиянием известной функции Перуна — удара молнии (функции и происхождение Хорса, упоминаемого после Перуна в списке богов древнерусского пантеона, остаются предположительными). Эпитеты этих богов «эллинский старец» и «иудей»⁹² соответствуют традиционно осуждаемой паре носителей дохристианских верований.

В приведенной ниже «Проповеди святого Григория» осуждаемое неверие включает в себя не только эллинский культ Зевса, но и «идолопоклоннический» культ пророка Мухаммеда, поклонение некоему Вилу, соотносящемуся либо с южнославянским культом демонов, упомянутым среди других языческих персонажей в начале их списка в «Проповеди», либо с *Белом/Ваалом*, чей идол был уничтожен пророком Даниилом в Вавилоне. Также разоблачается «Почитание рождения» — генеалогическое и астроло-

⁸⁵ SSPCR 4.3.7.

⁸⁶ SSPCR 4.4–4.5.

⁸⁷ SSPCR 4.6.

⁸⁸ SSPCR 4.13.1; 4.13.5; 4.14.1.

⁸⁹ SSPCR 4.17.

⁹⁰ SSPCR 4.38.1.

⁹¹ SSPCR 4.21.1.

⁹² SSPCR 4.21.2.

гическое предсказание о судьбе⁹³: это никоим образом не связано с историографической конструкцией Б. А. Рыбакова — культом некоего «бога Рода» (*gens*); см. далее о поклонении «египетским богам» роду и рожаницам как низшим духам, явно связанным с гаданием о судьбе новорожденного⁹⁴; см. о генеалогии в связи с культом рода и женщинами при родах⁹⁵, о служении их кумирам⁹⁶. «Слово Кирилла Кипрского о злых духах» осуждает гадание на поведении птиц и почитание тварных существ, а не творца⁹⁷.

Компиляция — проповедь, приписываемая Иоанну Златоусту⁹⁸, включает в себя обличение культов не только летописных персонажей высшего уровня — богов Перуна (в тексте Перена), Хорса (Хурса) и Макоши (отдельно упомянутые Стрибог, Дажьбог и некий Переплут), но и низших духов — тут представлены вилы, вампиры, берегини, гадатели по поведению «убогих курят». Некоторые верят и в Сварожича (уникальный случай совпадения местного восточнославянского культа с западнославянским⁹⁹). Иоанну также приписывают «Слово об исцеляемых от болезней волхвами и наузами»¹⁰⁰: отмечу неточность перевода (с. 379), где Илия назван «рабом Ахазовым», в Библии пророк встречает злых слуг Ахаза.

В древнерусских проповедях с обличением игр и пьянства, волшебства, также есть особое осуждение почитания мертвых как идолослужения, неканонического почитания дней недели (воскресенья), использование гадательных книг и т.д.¹⁰¹. Обличения сосредоточены в тексте «Стоглава» 1551 г., который, как и другие тексты, связывает неканоническое поведение («эллиническое бесование») с поведением еретическим¹⁰².

Глава пятая, составленная Энрике Гуттьересом Рубио, посвящена западнославянским средневековым чешским текстам, содержащимся в Хронике Далимила (XV в.). В летописи упоминаются культурные герои раннесредневековых источников — Чех, Крок, Любоша (ср. упомянутую Либуше у Козьмы Пражского) и др. Хроника обличает, подобно древнерусскому летописцу¹⁰³, «звериный» образ жизни чехов до принятия христианства.

Глава шестая (составители Пилар Ма Фернандес Альварес, Теодоро Манрике Антон) содержит редкие тексты древнеисландских саг о славянском язычестве: это «Сага о Кнютлингах» и «Большая сага об Олаве

⁹³ SSPCR 4.22.3.

⁹⁴ SSPCR 4.22.4.

⁹⁵ SSPCR 4.42.3.

⁹⁶ SSPCR 4.33.1.

⁹⁷ SSPCR 4.23.1-2.

⁹⁸ SSPCR 4.24.

⁹⁹ Ср. SSPCR 2.7.1; ср. также пантеон в «Слове некоего христороубца» — SSPCR 4.26.1-2.

¹⁰⁰ SSPCR 4.25.

¹⁰¹ SSPCR 4.28-4.39.1; 4.41.

¹⁰² SSPCR 4.42.1-3.

¹⁰³ См. SSPCR 4.1.1.

Трюггвасоне» — тексты опубликованы и прокомментированы на русском языке Т. Н. Джаксон¹⁰⁴. Уникальными являются данные «Саги о Кнютлингах», в которой по именам перечислены боги славян на Рюгене, среди них Свантавиц/Свентовит и Тьярнаглови/Чернобог, имена которых известны из других источников; имена трех других богов не имеют аналогов¹⁰⁵.

Глава седьмая (составитель Арвансасу Мингет Бургос) содержит тексты ученых арабоязычных авторов — Ибн Русты, ал-Мас'уди (включая вышеупомянутое описание славянских храмов) и Ибн Фадлана. Издатель подчеркивает сложность разграничения славян и *ар-рус* (общин скандинавского происхождения) в тексте Ибн Фадлана¹⁰⁶, хотя наиболее обширный текст — описание сожжения умершего вождя «руси» в лодке, безусловно, характерен для скандинавов.

Глава восьмая подготовлена коллективом авторов антологии. Это так называемые сомнительные (в отношении принадлежности к славянству) тексты. Глава открывается греческим текстом «Истории» Геродота о неврах, отношение которых к славянам действительно не поддается проверке. То же самое можно сказать и о тексте Продолжателя Феофана о присяге протобулгар (сохранивших тюркские традиции)¹⁰⁷: в большей степени славянская традиция может быть охарактеризована заговором, приведенным в ПВЛ в связи с договором руси с волжскими болгарами под 985 г. Наиболее примечательным в главе является текст Длугоша, описывающий польский «языческий» пантеон¹⁰⁸: в историографии этот текст рассматривается в ряду подобных описаний пантеона, поисков этимологий «изначальных» имен богов (Погода, Жива). Собственно, теми же поисками занимался и сам Длугош — ему нужны были польские «соответствия» общезначимым божествам римского пантеона. Юпитеру соответствовал некий Йеша, Марсу — Ляда, Венере — Дзидзилеля, Церере — Маржана и т.д. Некоторые из них восходят к упомянутым выше восклицаниям польских календарных песен, некоторые (Маржана и др.) — к календарным персонажам¹⁰⁹. Эту традицию унаследовали более поздние древнерусские тексты, среди которых упомянутая древнерусская (староукраинская) Густынская летопись XVII в. (хронологически не вошедшая в хрестоматию)¹¹⁰.

Антология целиком ориентирована на публикацию корпуса средневековых текстов, характеризующих дохристианскую традицию славян. Обраще-

¹⁰⁴ Джаксон Т. Н. Сага о Кнютлингах: Перевод и комментарий. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2021.

¹⁰⁵ Ср. SSPCR 6.1.24; Джаксон Т. Н. Сага о Кнютлингах: Перевод и комментарий. С. 146.

¹⁰⁶ SSPCR 7.2.

¹⁰⁷ SSPCR 8.2.1.

¹⁰⁸ SSPCR 8.5.

¹⁰⁹ Ср. SSPCR 2.46; Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). С. 171–174.

¹¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 40: Густынская летопись / Отв. ред. В. А. Кучкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

ние даже к современной литературе, посвященной этой проблеме, сделало бы задачу невыполнимой в рамках одного издания. Достаточно сказать, что упомянутый этнолингвистический словарь «Славянские древности» составляет пять томов, каждый из которых превосходит по объему рецензируемую антологию. К московской этнолингвистической школе, созданной Н. И. и С. М. Толстыми, относится и коллектив авторов, публикующих монографии в серии «Традиционная духовная культура славян», сборники «Славянский и балканский фольклор». На реконструкцию древнейших славянских верований направлена школа Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, представленная монографиями «Славянские языковые моделирующие системы»¹¹¹ и «Исследования в области славянских древностей»¹¹², многочисленными статьями в справочных, например, «Мифы народов мира»¹¹³, и серийных изданиях («Балто-славянские исследования» и др.).

В целом рецензируемая антология, безусловно, представляет собой наиболее полный свод текстов — фундаментальный труд, который станет необходимой основой для изучения славянских дохристианских верований.

Литература

Гейштор А. Мифология славян. М.: Весь мир, 2014.

Джаксон Т.Н. Сага о Кнютлингах: Перевод и комментарий. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2021.

Досаев А. С., Кутарев О. В. Жизнеописание Оттона Бамбергского в церковных сочинениях и преданиях. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.

Ковалевский А. П. Аль-Масуди о славянских языческих храмах // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / Отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1973. С. 80–86.

Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб.: Академический проект, 2003.

Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров // Славяне и их соседи. М.: Индрик, 1996. Вып. 6 / Отв. ред. Б. Н. Флоря. С. 61–67.

Мифы народов мира: энциклопедия. В двух томах / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980–1982. 2 т.

¹¹¹ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.

¹¹² *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.

¹¹³ Мифы народов мира: энциклопедия. В двух томах / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980–1982. 2 т.

- Нидерле Л. Славянские древности. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
- Петрухин В. Я. К дискуссии о Збручском идоле: антропоцентризм славянского язычества или парковая скульптура XIX века? // Антропоцентризм в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2017. С. 185–196.
- Петрухин В. Я. Кони в магии и демонологии средневековых славян // In umbra. М.: РГГУ, 2022. Вып. 10 / Отв. ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. С. 143–158.
- Петрухин В. Я. Посох Криве-Кривайтиса в балто-славянской перспективе // Балто-славянские исследования XX: Сб. научных трудов / Отв. ред. В. А. Дыбо. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 395–408. <https://doi.org/10.31168/2658-5766.2019.20.15>
- Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Ч. 1: Текст и перевод.
- Полное собрание русских летописей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40: Густынская летопись / отв. ред. В. А. Кучкин.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. М.: Восточная литература, 1994. Изд. 2-е, испр. Т. 1.: I–VI вв. / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин.
- Толстой Н. И. Аллилуйя // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 100–102.
- Толстой Н. И. Белый бог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 151.
- Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003.

References

- Adrianova-Peretts, V. P., ed., 1950. *Povest' vremennykh let* [The Primary Chronicle]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1: *Tekst i perevod* [Text and Translation].
- Gieysztor, A., 2014. *Mifologija slavian* [The Mythology of Slavs]. Moscow: Ves' mir.
- Gindin, L. A., Litavrin, G. G., eds, 1994. *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh* [Corpus of the Antique Written Mentions about Slavs]. Moscow: Vostochnaia literatura. 2nd. ed. Vol. 1.: *I–VI vv.* [I–VI centuries].
- Dosaev, A. S., Kutarev, O. V., 2021. *Zhizneopisanie Ottona Bambergskogo v tserkovnykh sochineniiakh i predaniiakh* [The Biography of Otto of Bamberg in the Ecclesiastical Works and Legends]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Dzhakson, T. N., 2021. *Saga o Kniutlingakh: Perevod i kommentarii* [The Saga of Cnut's Descendants: Translation and Comments]. Saint Petersburg: "Izdatel'stvo Olega Abyshko".
- Ivanov, Viach. Vs., Toporov, V. N., 1974. *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Works on Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Problems of the Reconstruction of Texts]. Moscow: Nauka.
- Ivanov, Viach. Vs., Toporov, V. N., 1965. *Slavianskie iazykovye modeliruiushchie semioticheskie sistemy* [Slavic Linguistic Modeling Semiotic Systems]. Moscow: Nauka.
- Kovalevskii, A. P., 1973. Al'-Masudi o slavianskikh iazycheskikh khramakh [Al-Mas'udi about the Slavic Pagan Temples]. In: V. D. Koroliuk, ed., 1973. *Voprosy istoriografii*

- i istochnikovedeniia slaviano-germanskikh otnoshenii* [Problems of Historiography and Source Study of Slavic-German Relations]. Moscow: Nauka, pp. 80–86.
- Kuchkin, V. A., ed., 2003. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 40: *Gustynskaia letopis'* [Hustyn Chronicle].
- Łowmiański, H., 2003. *Religiia slavian i ee upadok (VI–XII vv.)* [Religion of Slavs and Its Decline]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
- Malingudi, Ia., 1996. Terminologicheskaiia leksika rusko-vizantiiskikh dogovorov [Terminological Vocabulary of the Russian-Byzantine Treaties]. In: B. N. Floria, ed., 1996. *Slaviane i ikh sosedi* [Slavs and Their Neighbours]. Moscow: Indrik. Issue 6, pp. 61–67.
- Niederle, L., 1956. *Slavianskie drevnosti* [Slavic Antiquities]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury.
- Petrukhin, V. Ia., 2017. K diskussii o Zbruchskom idole: antropotsentrizm slavianskogo iazychestva ili parkovaia skul'ptura XIX veka? [To the Discussion on the Zbruch Idol: Anthropocentrism of the Slavic Paganism or the Park Sculpture of the XIX Century?]. In: S. M. Tolstaia, ed., 2017. *Antropotsentrizm v iazyke i kul'ture* [Anthropocentrism in Language and Culture]. Moscow: Indrik, pp. 185–196.
- Petrukhin, V. Ia., 2022. Koni v magii i demonologii srednevekovykh slavian [Horses in Magic and Demonology of Medieval Slavs]. In: D. I. Antonov, O. B. Khristoforova, eds, 2022. *In umbra*. Moscow: RGGU. Issue 10, pp. 143–158.
- Petrukhin, V. Ia., 2019. Posokh Krive-Krivaitisa v balto-slavianskoi perspective [Krivè-Krivaitis' staff in the Balto-Slavic perspective]. In: V. A. Dybo, ed., 2019. *Balto-slavianskie issledovaniia XX: Sb. nauchnykh trudov* [Balto-Slavic Researches XX: Collection of Scientific Works]. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN, pp. 395–408. <https://doi.org/10.31168/2658-5766.2019.20.15>
- Tokarev, S. A., ed., 1980–1982. *Mify narodov mira: entsiklopediia. V dvukh tomakh* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 2 vol.
- Tolstoi, N. I., 1995. *Alliluiia* [Hallelujah]. In: N. I. Tolstoi, ed., 1995. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 1, pp. 100–102.
- Tolstoi, N. I., 1995. *Belyi bog* [White God]. In: N. I. Tolstoi, ed. 1995. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 1, p. 151.
- Tolstoi, N. I., 2003. *Ocherki slavianskogo iazychestva* [Essays on Slavic Paganism]. Moscow: Indrik.

**PETTIFER J., VICKERS M. LAKES AND EMPIRES
IN MACEDONIAN HISTORY: CONTESTING THE WATERS.**

LONDON: BLOOMSBURY ACADEMIC, 2021. 240 P.

ISBN 978-1-3502-2614-2

Евгений Андреевич Колосков

Кандидат исторических наук, доцент,
факультет международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Почтовый адрес: ул. Смольного, 1/3, подъезд № 8,
Санкт-Петербург, 191060, Россия

Электронный адрес: e.koloskov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-8123-2924

Аннотация

Данная рецензия посвящена книге Джеймса Петтифера и Миранды Викерс «Озера и империи в истории Македонии: спорные воды». Два британских автора, специалист по балканской истории, профессор Оксфордского университета Д. Петтифер и ныне «свободный художник» М. Викерс в своей монографии постарались предложить читателю историю района Преспанского озера, получившего определенную известность после подписания одноименного соглашения, прекратившего тянувшийся с 1991 г. греко-македонский спор о государственном наименовании. Имея внушительный научный бэкграунд, они представляют на суд общественности итоги более чем 30-летнего изучения региона. В рецензии дан обзор книги, перевод которой на русский язык является не только желанием авторов, но и нашей рекомендацией. В книге предпринята успешная попытка проследить непростую историю мультиэтничного и мультиконфессионального микрокосма вокруг озера, находящегося во владении трех стран, а именно Албании, Греции и Северной Македонии. Основное внимание уделено истории жителей села Псарадес/Нивици в греческой Македонии. Это небольшое поселение на берегу Преспы с непростой судьбой, полной политических перипетий, ныне, как и весь регион, столкнулось еще и с экологическими трудностями — проблема обмеления озера несет с собой новые вызовы для жителей этого балканского сообщества, традиционно ориентированного на рыболовный промысел. Для описания, анализа и изучения истории района Преспы авторы применяют широкий арсенал научных методов, из которых, в рамках статьи, особое внимание уделяется вопросам экологической истории.

Ключевые слова

Преспа, Балканы, Албания, Греция, Северная Македония

Статья поступила в редакцию 17 июня 2022 г.

Цитирование: *Колосков Е. А.* [Рец.] Pettifer J., Vickers M. Lakes and Empires in Macedonian History: Contesting the Waters. London: Bloomsbury Academic, 2021. 240 p. ISBN 978-1-3502-2614-2 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 231–235. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.12>

PETTIFER J., VICKERS M. LAKES AND EMPIRES IN MACEDONIAN HISTORY: CONTESTING THE WATERS.

LONDON: BLOOMSBURY ACADEMIC, 2021. 240 P.

ISBN 978-1-3502-2614-2

Evgenii A. Koloskov

Ph.D., Associate Professor,
School of International Relations,
Saint Petersburg State University
Postal address: Smolny Street, Entrance VIII,
Saint Petersburg, 191060, Russia.
E-mail: e.koloskov@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Abstract

This review is devoted to the book “Lakes and Empires in Macedonian History: Contesting the Waters” by James Pettifer and Miranda Vickers. Two British authors who are world famous specialists in Balkan history (Oxford University Professor J. Pettifer and M. Vickers, now a “free agent”) present to the public the history of the Prespa Lake region, which gained some fame after the signing of the Prespa agreement. This agreement ended the Macedonian name dispute, which dated back to 1991. The authors, who have an impressive scholarly background, show the results of more than 30 years of study of the region. The review provides an overview of the book, the translation of which into Russian is not only the desire of the monograph’s authors, but also our recommendation. The book makes a successful attempt to trace the complex history of a multi-ethnic and multi-religious microcosm around the lake owned by three countries: Albania, Greece, and North Macedonia. Primary attention is paid to the history of the inhabitants of the village of Psarades / Nivitsi in Greek Macedonia. This small settlement on the shores of the Prespa, with a long history of political upheavals, now, like the entire region, also faces environmental difficulties – the problem of the lake’s shallowing clearly demonstrates new challenges for the inhabitants of this Balkan microcosm, which traditionally has been oriented towards fishing. The authors use a wide variety of scientific methods for the description, analysis, and study of the Prespa region. Specific attention in this review is paid to the methods of studying ecological history.

Keywords

Prespa, Balkans, Albania, Greece, North Macedonia

Received 17 June 2022

How to cite: Koloskov E. A., 2022. Pettifer J., Vickers M. Lakes and Empires in Macedonian History: Contesting the Waters. London: Bloomsbury Academic, 2021. 240 p. ISBN 978-1-3502-2614-2. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 231–235. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.12>

Книга британских историков-балканистов Джеймса Петтифера и Миранды Викарс «Озера и империи в истории Македонии: спорные воды», посвящена обретшему внезапную известность благодаря подписанию договора, покончившего с долгим и абсурдным для стороннего наблюдателя греко-македонским спором о государственном наименовании, одному из красивейших мест Балкан — Преспанскому озеру. Если сказать точнее, монография описывает непростую судьбу обитателей берегов Преспы на протяжении всей человеческой истории: с момента появления людей на Балканском полуострове в эпоху неолита и до начала 20-х гг. XXI в. Наибольшее внимание уделено истории жителей села Псарадес/Нивици, в греческой Македонии. Амбициозная задача написать историю людей, населяющих регион со сложной и противоречивой судьбой, была заявлена авторами, уже имеющими впечатляющий опыт написания научных и научно-популярных работ по истории Албании, Греции, Косово и Македонии.

Помимо политической истории, авторами уделяется большое внимание экологической истории Преспы. Источниками данного исследования выступают как традиционные архивные материалы и записи путешественников, так и результаты полевых исследований, в которых приняли участие непосредственно сами авторы (последнее посещение района изучения датируется 2017 г.). Также отметим обращения к международным соглашениям и статистике, например в вопросах, связанных с правами человека в греческой Македонии, или отчетам ЮНЕСКО по изменению экологической ситуации в районе. Авторы уделяют большое внимание устной истории, пытаясь найти ответы на вопросы самоидентификации жителей Преспы. Большое внимание авторы уделяют и вторичным источникам, отмечая разнообразие концепций и оценок происходящих в регионе политических событий на страницах национальных историографий.

Сочетание традиционных для историографии методов микроистории с привлечением инструментария социальной антропологии и экологической истории делают книгу достаточно интересной с точки зрения не только информативности, но и методологии. Мы можем с уверенностью прогнозировать увеличение числа работ по экологической истории, имеющих объектом исследования различные локации Балканского полуострова, в среднесрочной перспективе.

Книга состоит из предисловия и благодарностей, выполняющих функцию введения, 11 глав, четырех приложений и списка избранной библиографии. Также книга сопровождается иллюстративным материалом и тремя картами района Преспанского озера. Во введении подробно описывается особенность исторической судьбы района и объясняется выбор села Псарадес/Нивици в качестве основного фокуса исследования. Наиболее запоминающимся кажется пассаж о лингвистическом повороте применительно к реалиям всего балканского региона и в особенности к окрестностям

Преспы (р. XIV). Первая глава «Преспанское озеро: экология и география человека» знакомит читателя с географией, флорой и фауной исследуемого района, а также проблемой демографической турбулентности, столь характерной для этой части Балкан. Во второй главе «Общины Преспанского озера: от доисторического периода до османского завоевания» достаточно бегло описывается заявленный огромный исторический период, подчеркивается большое значение мультикультурных контактов в силу стратегического значения региона для античных и средневековых политий. В третьей главе «Общины Преспанского озера в Османской империи, 1380–1863 гг.» речь идет о периоде существования Преспы в составе Оттоманской империи, объединившей весь регион на практически полтысячелетия. Особое внимание уделяется началу процесса модернизации Порты во второй половине XIX в.

В четвертой главе «Преспа и борьба за Османскую Македонию, 1863–1914 гг.» показан процесс трансформации региона в условиях роста сепаратистских тенденций внутри него и ирредентистских устремлений набирающих силу молодых балканских национализмов. В пятой главе «Новые нации и новые границы делят озеро, 1914–1923 гг.» описывается драматичный период в истории региона, связанный с Первой мировой войной — хотя и затронувшей Преспу по касательной, но впервые за более чем полтысячелетия навсегда разделившей жителей международными границами. Большое внимание также уделяется процессу т.н. «обменов населением», в значительной степени изменивших демографию берегов Охрида и Преспы. В шестой главе «Нивица становится Псарадом: конструирование греческой Македонии, 1924–1939 гг.» говорится о сложном процессе проведения нациостроительной политики официальными Афинами и Белградом в отношении населения Преспы и противодействии им со стороны как старых инсургентов в лице осколков ВМРО, так и набирающих силу коммунистов, на фоне авторитарного поворота и укрепляющегося фашизма.

В седьмой главе «Преспа во время войны и оккупации Оси» описывается период Второй мировой войны. Преспа опять оказывается разделена, но теперь между Германией, Италией и Болгарией, каждая из которых также начинает проводить собственную демографическую чистку региона. Окончанию мировой войны и началу холодной посвящена восьмая глава книги «Свобода и гражданский конфликт, 1945–1949 годы: В центре событий — Преспа». Район оказывается на пересечении главного конфликта поствоенного периода в регионе — Гражданской войны в Греции. Озеро становится связующим звеном между силами повстанцев и странами народной демократии, а после расколов в Восточном блоке Преспа превращается в зону повышенной напряженности. В девятой главе «Изгнание и возвращение: годы холодной войны, 1950–1990 гг.» проанализирован сложный процесс адаптации региона к стратегической стабильности в условиях авторитаризации всех трех стран. В десятой главе «Озерный мир: конфликт в Ал-

бании и Югославии, 1991–2001 гг.» описывается последняя декада XX в., одинаково турбулентная и для Албании, и для распадающейся Югославии. Бегство населения из Албании, греко-македонский спор о государственном наименовании, влашский вопрос становятся все более острыми и все более значительными для жителей Преспанского микрокосма.

Заключительная глава «Преспанские озера: мир и экологический кризис, 2001–2018 гг.» открывает перед читателем безрадостную картину обмеления озера и падения уровня жизни обитателей берегов Преспы с одной стороны, и оптимистичную перспективу сплочения стран региона на фоне экологических вызовов, особенно после заключения соглашения между Афинами и Скопье, с другой.

Резюмируя, можно с уверенностью сказать, что данная монография является концентрированным итогом длительной работы двух первоклассных историков-балканистов. Определенно можно констатировать, что обилие введенных в научный оборот данных и множество уникальных сюжетов микро-региональной истории в ряде случаев насыщают работу сверх нормы, комфортной для чтения. Работа, безусловно, предназначена для специалистов, хорошо знакомых с историей региона, что одновременно и плюс для исследования, и минус для популяризации. Разумеется, определенные сюжеты вызывают желание подискутировать и задать авторам уточняющие вопросы, но это не снижает значимости и интереса специалистов к монографии Джеймса Петтифера и Миранды Викерс. Остается надеяться, что в ближайшем будущем она будет переведена на русский язык и станет более доступной для отечественных специалистов.

БОЛГАРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭТНОЛОГИИ СОЦИАЛИЗМА: СЕНСОРИКА БУДНЕЙ И ПРАЗДНИКОВ

Ирина Александровна Седакова

Доктор филологических наук,
завотделом типологии
и сравнительного языкознания,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: ised@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9252-5407

Аннотация

В хронике дан обзор докладов, представленных на междисциплинарной конференции, которая прошла в Болгарии с международным участием (Северная Македония, Россия, Германия, Индия) и была посвящена особенностям восприятия социалистического периода национальной истории сквозь призму пяти чувств. Актуальным для всех докладов был анализ бинарных оппозиций «свой–чужой», «социалистический–капиталистический», «праздники–будни», «дом–общественное пространство», «болгарский–турецкий» и др. Большая часть докладчиков обратилась к вкусовому коду, кулинарным практикам, типичному и не типичному меню дома и вне дома. Визуальный код рассматривался в контексте восприятия моды, предметов интерьера, сувенирной продукции с идеологической составляющей и без нее. Дискуссии подтвердили основную мысль организаторов о том, что роль рефлексии и личного опыта в этнологии возрастает, а вместе с этим все более существенное значение приобретают аналитические мемуары ученых, имеющих личный жизненный опыт. Эти материалы способствуют тому, чтобы новые поколения молодых исследователей включились в контекст социалистической эпохи.

Ключевые слова

История, семиотика, Болгария, чувства, коды, колористика, кулинария, память, поколения

Статья поступила в редакцию 15 марта 2022 г.

Цитирование: *Седакова И. А.* Болгарская конференция по этнологии социализма: сенсорика будней и праздников // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 236–242. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.13>

BULGARIAN CONFERENCE ON THE ETHNOLOGY OF SOCIALISM: THE SENSES IN EVERYDAY AND FESTIVE LIFE

Irina A. Sedakova

D. Sc., Head of the Department
for Typology and Comparative Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: ised@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9252-5407

Abstract

This review offers analytic information on the interdisciplinary conference held in Bulgaria (with participants from Northern Macedonia, Russia, Germany, India) on the socialist period as perceived through the five senses. All the papers took into account relevant binary oppositions such as “self — others”, “socialist — capitalist”, “holiday — everyday life”, “home — office space”, and “Bulgarian — Turkish”. There were many papers dedicated the sense of taste, and these discussed socialist-period tastes, culinary practices, and typical and non-typical menus at home and outside the home. The visual medium was approached using the contexts of fashion, interiors, and souvenir production, with or without an ideological aura. Discussions confirmed the main thesis of the organisers that in ethnology the role of reflection and personal experience is growing, and that obtaining analytic memoirs of those scholars who lived in the socialist period is also gaining importance, so that generations of younger scholars are provided with the context of the socialist epoch.

Keywords

History, semiotics, Bulgaria, senses, codes, colours, culinary, memory, generations

Received 15 March 2022

How to cite: Sedakova, I. A., 2022. Bolgarskaia konferentsiia po etnologii sotsializma: sensorika budnei i prazdnikov [Bulgarian conference on the ethnology of socialism: the senses in everyday and festive life]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (1–2), pp. 236–242. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.13>

В Болгарии активно ведется междисциплинарное исследование периода социализма, в котором принимают участие историки, лингвисты, этнологи, антропологи и фольклористы. Частью этой работы стала болгарская национальная двухдневная онлайн-конференция с международным участием на тему «Социализм через призму пяти чувств», организованная 3–4 марта 2022 г. Центром этнологии и культурной антропологии Великотырновского университета им. Свв. Кирилла и Мефодия (далее ВТУ) и Институтом этнологии и фольклористики с Этнографическим музеем при БАН (далее ИЭФЭМ). В этом симпозиуме приняли участие 25 ученых преимущественно из Болгарии, к ним присоединились исследователи из Северной Македонии, России, Германии и Индии.

Во вступительном слове директор ИЭФЭМ *В. Пенчев* (София) приветствовал участников конференции и обозначил тему сенсорики в эпоху социализма как новаторскую и перспективную для междисциплинарного и сопоставительного изучения. Он отметил возрастающую роль рефлексии и личного опыта в этнологии, а также роль аналитических мемуаров ученых, живших при социализме, для включения новых поколений молодых исследователей в контекст эпохи. Прозвучавшие на конференции доклады различались по методологии, объекту и материалам исследования, но объединялись именно хронологией, общим периодом — эпохой социализма в Болгарии и других странах. Хотя научная встреча была посвящена обсуждению пяти основных чувств, докладчики лишь частично следовали обозначенной теме; зрение, слух, вкус, обоняние и осязание нередко затрагивались опосредованно, в контексте более общей проблематики.

Ряд выступлений был посвящен вкусовому коду, меню, кулинарным традициям и производству продуктов в Болгарии. Так, *Я. Янчева* (ИЭФЭМ, София) в докладе «Вкус овощей при социализме» проанализировала этнологические аспекты домашнего и заводского способов производства и заготовки помидоров и зеленой фасоли. Она подробно остановилась на роли заготовок в экономике семьи и государства, рассказала о способах выстраивания взаимопомощи в селах — об обмене семенами и рецептами. При том что консервы в основном шли на экспорт (большой частью в СССР), домашние заготовки были особенно востребованными, они укрепляли семейный уклад и помогали поддерживать социальные связи. *Р. Маринов* (ВТУ, Велико-Тырново) посвятил свой доклад «Вкус социалистических праздников» сходной проблематике, только здесь внимание было сфокусировано на праздничных застольях. В дискуссии состоялся обмен мнениями о том, насколько консервирование распространено в наши дни и насколько заготовки остаются стратегией выживания. Совсем другой ракурс исследования вкусовых и гастрономических реалий предложила *В. Коцева* (Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София) в докладе «Вкус социализма в болгарском кино 70-х и 80-х годов XX в.». На примере фильмов, ставших классикой, исследовательница рассмотрела изображенные в них застолья как наглядную иллюстрацию оппозиции «свое»/«чужое» и «социалистическое»/«западное». При дефиците тех лет «чужое», западное обладает особой привлекательностью, однако и «свое», болгарское тоже представляет важную ценность. Интересное преломление получила тема конференции в докладе *П. Груевой* (Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София) «Вкус социализма, или фарфор, который рассказывает истории». Исследовательница рассматривала посуду для определенных праздничных блюд на семейных застольях как символы, как знаки памяти, как образы соединения разных чувств — зрения, вкуса и осязания.

С. Антова (ИЭФЭМ, София) в названии доклада «“Я же не болею!”». Кофе и чай при социализме» апеллировала к известному в Болгарии вос-

приятию черного чая как целительного снадобья во время болезни. Действительно, Болгария — страна кофе, если же речь идет о чае, то только о травяном, который, однако, также считается эффективным средством при простуде. Опираясь на детские воспоминания, докладчица показала, как первый детский опыт конструирует восприятие вкусов и их символические ассоциации на всю жизнь.

Р. Илиева (ИЭФЭМ, София) в докладе «Питание в пионерском лагере. Сенсорная память и оценки», опираясь на собственные воспоминания, проанализировала специфику вкусового восприятия продуктов общественного питания в годы социализма. Самой существенной оппозицией, с ее точки зрения, следует считать «свое»/«чужое», где «свое» — домашняя, привычная еда, приготовленная с любовью. Это же противопоставление обсуждал в своем докладе «Запах ваксы, вкус солдатской чорбы и мелодии “Back in Black”» *П. Петков* (ВТУ, Велико-Тырново), попутно анализируя и другие чувства, которые участвуют в восприятии оппозиции «гражданский»/«военный» (звуки, например — западный рок, различные запахи и др.).

Доклад *Л. Петковой* (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Пловдив) «Голод и идентичность» восстановил историю украинского Голодомора и испытаний времен Второй мировой войны в Украине через семейные мемуары. Семейные нарративы о «вкусном» и «съедобном» являются важной частью памяти и определяют связь поколений.

Воспоминания и ассоциации стали основой для исследования *П. Кировой* (ВТУ, Велико-Тырново), которая в своем выступлении «Цвета социализма через призму памяти» поделилась результатами анкетирования на тему колористики изучаемого периода. Среди опрошенных ею были болгары, оставшиеся в стране, а также эмигрировавшие в разное время. Ожидание доминирования красного цвета как основного визуального символа эпохи социализма подтвердилось. Интересным фактом для данного проекта стало преобладание серого цвета как главной ассоциации с этим периодом в отечестве у эмигрантов; по их воспоминаниям, серым было все — этот цвет оказывается самым релевантным в их визуальном восприятии.

М. Мирческа (Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия, Скопье) в докладе «Культурное влияние Запада: мода в социалистической Югославии — взгляд изнутри» поделилась своим детским опытом периода социализма в восприятии модной одежды как визуальных маркеров «своего» и «чужого», «элитного» и «традиционного», обозначив и высокий статус «качественного». В дискуссии встал вопрос о типичных чертах социалистической экономики — роли связей и «блата», элитности властной верхушки, ориентированности на «заграницу» — как на «братские» социалистические, так и на капиталистические страны.

Тему символики одежды продолжила *В. Янкова* (Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Шумен). В ее докладе «Визуальные образы мусульман эпохи социализма. (По материалам газеты “Коларовград-

ска борьба», 1959–1960 гг.)» был представлен исторический анализ деятельности по искоренению традиций, прежде всего в женской одежде. Девиз «С открытым лицом в будущее» призывал турецких женщин в Болгарии отказаться от паранджи. К этому докладу примыкало выступление *С. Куртчу* (независимый исследователь, Кубрат, Болгария) «Запрещенные традиционные обычаи времен социализма», в котором обсуждались вопросы выбора имени для новорожденного и ритуальное обрезание мальчиков (сюнет) у турок в Болгарии в 1970–1980-х гг. Обе исследовательницы показали, как готовилась политика так называемого «возрождения», массового подавления со стороны властей всего «чужого» и «чуждого», мусульманского. Смена имен у турецкого населения Болгарии активно обсуждалась в последовавшей дискуссии; стратегия сходного звучания турецкого и болгарского имени, а также тайное сохранение сакрального имени, данного ходжей или старшим родственником, по мнению участников конференции, оказались самыми действенными.

Н. Иванова (Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София) обратилась к материалам печатных изданий социалистической Болгарии и в докладе «Представление о будущем в изданиях для молодежи второй половины XX века» подробно проанализировала визуальные образы, которые в те годы рисовались научными фантастами. *П. Сыбев* (ВТУ, Велико-Тырново) в докладе «Сувениры времен социализма» обратился к яркой, но не исследованной еще теме изготовления продукции, символизирующей социалистическую Болгарию. Товары, изготовленные в традициях кожевенных, керамических и других традиционных промыслов, обычно имели как прикладное, так и идеологическое значение. Особое место занимали почти забытые ныне значки, коллекционирование которых было распространенным хобби в годы социализма. *Б. Петрова* (Дом-музей Ивана Вазова, Сопот) выступила с докладом «Выпускной вечер в период социализма сквозь призму основных чувств» и показала доминирующую роль визуального кода (одежды выпускника и выпускницы) в подготовке и проведении этих столь значимых мероприятий. Вкусовой код, застолья имели значение только для родственников, но не для учеников, прощающихся со школой.

Сразу несколько тем, соотносящихся с сенсорикой, обсудила в своем докладе «И запахло социализмом» *М. Карамихова* (ВТУ, Велико-Тырново). Опираясь на меморат одного из часовых, охранявших мавзолей Г. Димитрова, о том, что после (или во время) праздничных демонстраций члены ЦК БКП и прочие высокопоставленные государственники НРБ спускались в помещение, где покоилось тело вождя, и угощались, сидя за богато накрытыми столами. Исследовательница обозначила несколько гипотез, объясняющих факт застолья в темном помещении со специфическим запахом, возле тела покойного вождя. Она использовала разные методы (интервью, опросы по электронной почте и др.) и собрала репрезентативные данные для анализа чувственного восприятия столь символического мемориала социалистической эпохи.

И. Илиев (Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София) в докладе «Собирать воспоминания. Роль старшего поколения в выращивании роз», основываясь на включенном наблюдении, описал специфику этого традиционного для Болгарии промысла. Для занятых в производстве людей, как показал исследователь, важны не столько визуальные (эстетические) и ольфакторные (благоухание) характеристики цветов, сколько экономические параметры бизнеса. Аромат для заготовщиков роз обретает в итоге лишь негативные ассоциации, в нарративах этот запах описывается как слишком концентрированный и раздражающий. *П. Банкова* (ИЭФЭМ, София) в докладе «Вкус предательства в Народной Республике Болгария» ознакомила участников конференции с начальным этапом своего проекта по изучению доносов и предательства на разном уровне (в дружбе, в любви, на работе и др.), прибегая к метафорике чувств («сладость» и «горечь» как эмоции при совершении низких поступков).

Д. Радойнова (Университет им. проф. Асена Златарова, Бургас) в докладе «Красный галстук мне повяжет брат мой пограничник» расширила спектр сенсорики, добавив к пяти основным чувствам психоэмоциональную гамму, которая оказалась весьма существенной в отношениях между поколениями.

И. Седакова (ИСл РАН, Москва) в своем докладе «Семантика основных чувств в стихотворении Б. Пастернака “Август” (1954 г.): поэтический мир vs социалистическое повседневие» также апеллировала к дополнительным чувствам — например, к интуиции и знаниям, цитируя, в частности, болгарское выражение *Имам чувството*, то есть «Мне кажется», «Мне подсказывает интуиция». Анализируя колористику известного стихотворения Б. Пастернака, исследовательница показала очевидную и интуитивную «антисоветскость», во многом обусловленную религиозностью этого произведения, сохраненную в том числе и в переводе на болгарский язык.

На конференции затрагивались темы, связанные с ролью чувств в проживании катастроф и бедствий. Так, *С. Кынев* (ИЭФЭМ, София) посвятил свой доклад «Урбанизация — предпосылка опустошительных природных бедствий и человеческих потерь (на примере г. Варны второй половины XX в.)» антропологическому анализу выстраивания одного из кварталов Варны, а *Л. Узлова* (Гера, Германия) и *Е. Толаш* (Университет Фридриха Шиллера, Йена, Германия) в докладе «Изменения в восточной идентичности в условиях пандемии и длинные тени прошлого» сравнили чувства немцев и эмигрантов по отношению к различным событиям, которые принесла с собой пандемия COVID-19.

Несколько особняком стояло выступление ученых из Индии *А. Чатонадайя* и *М. Кумара Даса* (Центральный университет Сиккима, Индия) «Медиализация религии через народные медиа: Изучение ритуала Пурулиа Чхау». Однако и здесь обнаружились связующие нити с другими докладами конференции, поскольку визуальный код является одним из основных в том

архаичном ритуале, который описали исследователи, и он значительно модифицируется с развитием медиатехнологий. Кроме того, в исследовании применялись те же основные семиотические методы, которые послужили основой для анализа знакового характера этнологических реалий, обсуждавшихся в большинстве докладов конференции.

По материалам конференции будет опубликован сборник.

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2022.17.1-2

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2022.17.1-2

Главный редактор:
Е. С. Узенева

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Редакторы-корректоры:
Е.В. Дейкина, Т.К. Дейкина

Proofreaders:
Elizaveta V. Deykina, Tamara K. Deykina

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Computer layout:
Pavel N. Morozov

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:

On the cover:

Фрагменты фотографий из базы FORTEPAN
Лицензия Creative Commons CC-BY-SA 3.0

Photo fragments from FORTEPAN archive
Under Creative Commons CC-BY-SA 3.0 licence

Fortepan/Kölcsey Ferenc Dunakeszi Városi
Könyvtár/Petanovits fényképek, No 29695
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=29695>

Fortepan/Kölcsey Ferenc Dunakeszi Városi
Könyvtár/Petanovits fényképek, No 29695
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=29695>

Fortepan/Hangosfilm, No 39225
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=39225>

Fortepan/Hangosfilm, No 39225
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=39225>

Fortepan/PRL, No 76203
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=76203>

Fortepan/PRL, No 76203
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=76203>

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334, Россия

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 16.08.2022. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,83.
Объем 15,25 печ. л.

Заказ № 46.

Тираж 500 экз.